

Джек
Макдевит

Джек Макдевит

Если это и развлечение, то умное и заставляющее задуматься...
Писатель привносит стиль, энергию и неожиданный взгляд на вещи
во все, о чем бы он ни писал.

The Washington Post Book World

полярис

Законный наследник Азимова
и Кларка.
Стивен Кинг

полярис

ЦИКЛ РОМАНОВ ОБ АЛЕКСЕ БЕНЕДИКТЕ

Джек Макдевит

полярис

звезды новой
фантастики

РОМАНЫ

об Алексее Бенедикте

Военный талант

•

Полярис

•

Искатель

Око Дьявола

Эхо

Жар-птица

Мирская
1415

Джек Макдевит

полярис

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 15

Jack McDevitt
POLARIS
Copyright © 2004 by Cryptic, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Кирилла Плешкова

Оформление Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-07092-9

© К. Плешков, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2014
Издательство АЗБУКА®

*Бобу Карсону, лучшему в мире
преподавателю истории*

Благодарности

Я крайне признателен Дэвиду Де Граффу из Университета Альфреда и Уолтеру Керли за техническую помощь, Кристоферу Шеллингу за терпение и Ральфу Вичинанце за многолетнюю поддержку; Атене Андреадис, чья захватывающая книга «В поисках новой жизни» («Три риверс пресс», 1998) немало мне помогла, и Майклу Шара, чья великолепная статья «Когда сталкиваются звезды» («Сайентифик Американ», ноябрь 2002) вдохновила меня на замысел этого романа; Джинджер Бьюканан за редакторскую работу; Джулии Э. Чернеде и Морин Макдевит, помогавшим мне при создании ранних версий рукописи; а также Саре и Бобу Швагер за понимание.

ПРОЛОГ

I

Дельта Карпис больше ничем не напоминала солнце. Всего несколько дней назад, когда они прибыли сюда, это была обычная звезда класса G, мирно и безмятежно парившая в глубинах космоса вместе со своим планетным семейством, как делала это уже шесть миллиардов лет. Теперь же она походила на бесформенный мешок, который тащит в ночи чья-то невидимая рука. Из горловины мешка, будто под чудовищным давлением, извергался поток светящегося газа длиной в миллионы километров, соединяя раненую звезду со светящейся точкой.

Чек Боланд долго смотрел на эту точку, восхищаясь тем, что она — крошечная, почти невидимая — обладает разрушительной силой, способной буквально искорежить целое солнце.

«Вы еще ничего не видели, — говорили астрономы с других кораблей. — *Это* даже не началось».

— Девять часов до начала шоу, Марти, — объявил Боланд, повернувшись к Класснеру.

Класснер сидел в своем любимом серо-зеленом кресле с откидным столиком; его невидящий взгляд был устремлен в переборку. Наконец он моргнул и посмотрел на Боланда.

— Да, — сказал он и тут же добавил: — Что за шоу?

— Столкновение.

На лице Класснера, как часто бывало в последнее время, появилось озадаченное выражение.

— Мы собираемся во что-то врезаться?

— Нет. В Дельту К собирается врезаться карлик.

— Да, — кивнул Класснер. — Потрясающе! Рад, что мы сюда прилетели.

В телескопы было видно, что на самом деле точка — это тускло-красный диск, окруженный кольцом светящегося газа. Белый

карлик, обнаженное ядро сколлапсировавшей звезды. Оторванные от ядер электроны сжались в плотную массу, до превращения которой в черную дыру оставался лишь шаг. Год назад она вошла в эту систему, разрушая планеты и спутники, а теперь превратилась в клинок, нацеленный прямо в сердце Дельты Карпис.

Прошлым вечером разум Класснера был ясен, и они говорили о том, что человеку свойственно относиться к неодушевленным предметам как к личностям: люди испытывают преданность кораблю или считают, будто родной дом встречает их с распростертыми объятиями. Теперь же они с грустью наблюдают за агонией звезды, как за кончиной живого существа, более или менее осознающего, что с ним происходит.

Участвовавшая в беседе Нэнси Уайт — популяризатор науки, создатель нескольких шоу с миллионной аудиторией — заметила, что все это чужь: она не намерена предаваться подобным фантазиям, когда на третьей планете, с ее живыми океанами, обширными лесами и крупными животными, происходит настоящая катастрофа. Планете дали мрачное название: «Обреченная». До сих пор суматоха, вызванная появлением незваного гостя, ее почти не касалась. Правда, ее орбита стала эксцентричной, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что должно было случиться с планетой и ее биосферой. Все знали, что в ближайшие несколько часов океаны Обреченной испарятся, а от атмосферы не останется и следа.

Так же больно было наблюдать, несмотря на различный масштаб этих событий, и за приближающимся концом Мартина Класснера. Он доказал, что параллельные вселенные действительно существуют, подтвердив тем самым многотысячелетние измышления на этот счет. То был прорыв, который все считали неосуществимым. Выяснилось, что параллельные вселенные есть; Класснер предсказал, что когда-нибудь в них можно будет попасть. Теперь они назывались Вселенными Класснера.

В прошлом году он стал жертвой синдрома Бентвуда, вызывавшего периодические галлюцинации и потерю памяти. Длинные худые руки Класснера постоянно дрожали. Болезнь была смертельной, и многие сомневались, что он доживет до конца года. Медики работали над лекарством, и его появления ожидали в скором будущем. Но Уоррен Мендоса, один из двух врачей на борту, утверждал, что уже слишком поздно, если только не помогут исследования Даннингера.

— Кейдж, — обратился Класснер к искину, — какова сейчас его скорость?

Имелся в виду белый карлик.

— Слегка возросла, Мартин: до шестисот двадцати километров. Напоследок увеличится еще на четыре процента.

Они только что пообедали. Столкновение должно было произойти в 4.14 по корабельному времени.

— Никогда не ожидал, — сказал Класснер, устремив серые водянистые глаза на Боланда, — что увижу нечто подобное.

Он вновь вернулся к реальности. Удивительно было наблюдать, как он уходит в себя и возвращается.

— Никто из нас не ожидал, Марти. — Вероятность подобного события в пределах разведанной части космоса оценивалась как один раз в полмиллиарда лет. И вот оно случилось. Просто не верилось. — Господь весьма милостив к нам.

Отчетливо слышалось дыхание Класснера — тяжелое, шумное, хриплое.

— И все-таки жаль, — заметил он, — что это не столкновение двух настоящих звезд.

— Белый карлик — настоящая звезда.

— Нет, не так. Всего лишь выжженная оболочка.

Синдром Бентвуда, помимо прочего, влиял на умственные способности. Когда-то о выдающемся интеллекте Класснера можно было судить по его глазам: с одного взгляда было понятно, насколько блестящ этот человек. Теперь же порой казалось, будто внутри его работает автопилот, а человек отошел от штурвала. Нет, взгляд его не стал совсем пустым, но в нем лишь изредка вспыхивали искорки прежнего гения. Класснер и сам знал, кем он был в свое время. А теперь — всего лишь выжженная оболочка...

— Жаль, что нельзя подлететь ближе, — сказал Боланд. Связь с мостиком была включена, и слова его предназначались для Мадлен Инглиш, пилота.

— Что до меня, — послышался ее четкий холодный голос, — я считаю, что мы и так подошли слишком близко.

Список пассажиров «Поляриса», состоящий из шести знаменитостей, не произвел на нее никакого впечатления.

«Страж» находился где-то над северным полюсом Дельты К, «Ренсилер» — на дальней стороне карлика. Множество исследователей на обоих кораблях собирали, измеряли, суммировали

и фиксировали данные, которые предстояло анализировать специалистам в течение нескольких лет. Главная цель экспедиции заключалась в том, чтобы наконец измерить естественную пространственно-временную кривую.

По мере того как нарастало напряжение, переговоры между кораблями становились все оживленнее: «Когда-нибудь видел такое? Мне кажется, я шел к этому всю жизнь! Взгляни на этого сукина сына. Кэл, что у тебя с ускорением?» Но в последние часы разговоры смолкли. В каналах связи воцарилась тишина, и даже тем, кто летел вместе с Боландом, было почти нечего сказать.

После обеда все разошлись по каютам — поработать, почистить или как-нибудь еще скоротать оставшееся время. Но стадный инстинкт возобладал, и пассажиры один за другим вернулись обратно. Вечно задумчивый Мендоса, в белых брюках и пуловере, был всецело поглощен небесной драмой. Нэнси Уайт что-то записывала в блокнот, переговариваясь с Томом Даннингером, коллегой Мендосы. Оба были микробиологами, и в своей области Даннингер пользовался исключительно высокой репутацией. Остаток карьеры он посвятил поискам способа предотвратить процесс старения. А Гарт Уркварт был одним из семи членов Совета объединенных государств в течение двух сроков.

Дельта Карпис на экранах подвергалась все более тяжким мучениям. Звездный мешок вытягивался все сильнее.

— Кто бы мог поверить, — заметил Мендоса, — что они могут вот так менять форму, не взрываясь?

— Еще немного, и все, — сказала Уайт.

Шли часы, но разговоры не прекращались.

«Какова же ее масса? Мне только кажется или звезда меняет цвет? Кольцо вокруг карлика становится ярче...»

Незадолго до полуночи они устроили фуршет — бродили вокруг стола, пробовали фрукты и сыр. Даннингер откупорил бутылку вина, и Мендоса предложил тост за умирающего гиганта.

— Никто не замечал эту звезду шесть миллиардов лет, — сказал он. — И все это время она ждала нас.

В отличие от ученых на «Страже» и «Ренсилере» они были лишь сторонними наблюдателями. Никто не вел работы, не делал измерений или записей. Они просто наслаждались зрелищем — демонстрацией фрагментов передач со всех трех кораблей и де-

сятков зондов и спутников. От них ничего не требовалось — только сидеть и смотреть. Космическая разведка и научное сообщество выражали благодарность каждому за его участие.

«Полярис» не строился как исследовательский корабль. Это было вспомогательное пассажирское судно, роскошное по спартанским понятиям разведки. Оно предназначалось для перевозки важных персон, на которых директор хотел произвести впечатление. Обычно речь шла о политиках, но сейчас обстоятельства были иными.

Дельту Карпис и белого карлика на настенном экране можно было разглядеть куда лучше, чем невооруженным глазом. Но Боланд, психиатр по специальности, заметил, что все предпочли расположиться у иллюминаторов, словно лишь это обеспечивало эффект присутствия.

На поверхности звезды периодически происходили гигантские взрывы, и в космический мрак выбрасывались облака пылающего газа. От карлика оторвалась белая полоса.

— Выглядит так, будто от него отвалился кусок, — сказал Уркварт.

— Не может быть, — возразил Класснер. — От нейтронной звезды ничто не отваливается и не улетает в пространство. Это просто газ.

Боланд был самым младшим из пассажиров — черноволосый мужчина лет сорока, уверенный в себе, с приятной внешностью, неизменно привлекавшей внимание женщин. В начале своей карьеры он занимался стиранием памяти и переделкой личности опасных преступников: те превращались в довольных жизнью или, по крайней мере, законопослушных граждан. Но больше всего он был известен как автор трудов по нейрологии и создатель модели Боланда: считалось, что она наилучшим образом объясняет работу человеческого мозга.

Оставшиеся планеты Дельты К безмятежно двигались по своим орбитам, словно все шло как обычно. Исключением была одна, самая близкая к газовому гиганту, — тот буквально парил в верхних слоях ее атмосферы. Планета называлась попросту Дельта Карпис I. Теперь она перестала существовать, поглощенная яркой вспышкой. Все случилось у них на глазах — планета нырнула под звезду, а по другую сторону Дельты К появились лишь несколько ее спутников.

Год назад, когда пришел карлик, система Дельты К состояла из пяти газовых гигантов, шести землеподобных планет и нескольких сотен спутников. Самая внешняя из планет все еще оставалась на месте — голубой кристалл, сверкающие серебристые кольца и всего три спутника. Боланд подумал, что он никогда не видел столь прекрасного небесного тела.

Обреченную катастрофа тоже пока почти не затронула: океаны были все такими же безмятежными, а небо — спокойным, если не считать урагана в одном из южных морей. Жизнь на планете только зародилась, но ей не суждено было развиваться. Большинство других планет, совлеченных с орбит, уже летели в никуда. Четвертая планета Дельты Карпис была двойной — два землеподобных мира с замерзшей атмосферой. Их оторвало друг от друга, и они разлетелись почти в диаметрально противоположных направлениях.

Карлик был меньше Окраины и даже Земли, но по массе превосходил Дельту К. Боланд знал, что если он вдруг окажется на поверхности карлика, то будет весить миллиарды тонн.

В два часа пятьдесят четыре минуты карлик вместе со своим сверкающим кольцом соскользнул в хаос и исчез. Как заявил Уркварт, остальные могут говорить что угодно, но, по его мнению, пламя непременно поглотит такой небольшой объект. Том Даннингер заметил, что на месте звезды вполне могло быть солнце, согревающее один из миров Конфедерации.

— Хорошо отрезвляет, — сказал он. — Сознаешь, что никто не может чувствовать себя в безопасности.

Интересно, подумал Боланд, на что он намекает?

Звезда содрогнулась от мощных взрывов. Искин доложил, что температура на ее поверхности быстро растет. Желто-оранжевый цвет сменялся белым. Обреченную охватили лесные пожары, над океанами поднялись чудовищные облака пара. Внезапно картинка исчезла.

— Источник потерян, — сказал искин.

Пятую планету Дельты Карпис неумолимо влекло к звезде. Обычно ее покрывали льды, а атмосфера пребывала в зачаточном состоянии. Но лед растаял, и небо затянули густые серые тучи. Столкнулись два спутника, вращавшиеся вокруг газового гиганта — Дельты К VII. Их коричнево-золотистые, цвета заката, кольца замерцали и начали распадаться на части.

По связи донесся голос Мэдди:

— На «Ренсилере» говорят, что в ближайший час звезда выделяет столько же энергии, сколько за последние сто миллионов лет.

«Страж» сообщил, что получает больше излучения, чем рассчитывал, и поэтому отходит. Разговор его капитана с Мадлен вследствие ошибки слышали пассажиры. Капитан советовал ей быть осторожнее: «Слишком уж плохая там погода».

Мадлен Инглиш осталась на мостике. Обычно она сразу же присоединялась к пассажирам в кают-компании, если позволяли обстоятельства, но сейчас ей следовало оставаться в пилотском кресле. Мэдди, голубоглазую пышиноволосую блондинку, вполне можно было назвать красивой, но в ней отсутствовала женская мягкость и весь вид ее говорил, что она лишена каких-либо слабостей.

Мендоса спросил, не слишком ли близко они подошли.

— Мы на безопасном расстоянии, — ответила Мэдди. — Волноваться не из-за чего. При первых же признаках опасности мы смоемся.

Карлик, исчезнувший в огненном аду, появился снова через час и восемь минут. По словам специалистов с других кораблей, он прошел звезду насквозь — проплыл сквозь нее, словно камень сквозь туман, увлекая силой своего чудовищного притяжения поток света от умирающей звезды. А затем титанический взрыв заслонил все.

— Закрываю иллюминаторы, — сказала Мэдди. — Придется вам удовлетвориться передачей. Не хочется, чтобы кто-нибудь ослеп, если звезда взорвется раньше времени.

Дремали и Даннингер, и даже Мендоса. Нэнси Уайт страшно устала, несмотря на все попытки отдохнуть в течение дня, — давал о себе знать суточный биоритм, и к тому же корабельное время по случайности совпадало с андикварским, так что сейчас действительно было около четырех утра. Чтобы не заснуть, она приняла некий препарат — Боланд не знал, какой именно, но симптомы были налицо.

Резкий рывок двигателей корабля застиг Боланда врасплох. В дверь заглянула Мадлен, сообщив, что снаружи становится жарковато и она собирается отойти на более безопасное расстояние.

— Всем пристегнуться! — велела она.

Вместе они пристегнули Мендосу и Даннингера — те не проснулись, — а затем Боланд пристегнулся сам. Удивительно, карлик, казалось, даже не думал замедляться и продолжал волочить за собой потроха звезды. Боланд представил себе гигантскую космическую тянучку.

Главный специалист по звездным столкновениям, летевший на «Страже», предсказывал, что звезда в конце концов коллапсирует и окончательно разрушится, когда разнообразные силы, порожденные карликом, окажут воздействие на ее внешние слои. Масса Дельты Карпис превышала массу их родного солнца примерно на четверть, а солнца Земли — на треть.

Мэдди передала сообщение одного из специалистов с «Ренсилера»: «Это может случиться в любую минуту».

Они разбудили Мендосу и Даннингера.

— Начинается, — сказал Класснер. — Первым делом вы увидите общий коллапс.

Мгновение спустя с ним произошла обычная перемена: на лице появилось озадаченное выражение, веки опустились. Через несколько минут Класснер заснул.

Сперва они увидели яркую белую вспышку, затмившую все изображения на мониторах. Кто-то судорожно вздохнул, но никто не произнес ни слова. Сидевший рядом с Класснером Мендоса посмотрел на Боланда, и взгляды их встретились. Боланд хорошо знал Мендосу. Они давно дружили, но сейчас почувствовали, что их связывает нечто большее — словно товарищей по оружию, стоящих на темном берегу.

Прыжок завершился за орбитой пятой планеты, в заранее намеченной точке, где к ним присоединились другие корабли. Во время прыжка Класснер проснулся, и известие о том, что все закончилось, повергло его в отчаяние.

— Ты все проспал, Марти, — сказал Мендоса. — Мы пытались тебя разбудить, но ты был в полной отключке.

— Ничего страшного, — утешила его Уайт. — У тебя еще будет шанс.

Для наблюдателя в этом секторе пространства взрыв еще не произошел — до него оставалось сорок минут. У исследователей появилась возможность подготовиться и дожидаться, когда уникальное событие повторится вновь. Смирившись с разочарованием, Класснер заметил, что его дочь вряд ли сильно удивится,

когда он расскажет ей о случившемся. Боланд понял, что детей у Класснера нет.

С этого расстояния Дельта Карпис раньше выглядела бы относительно небольшим диском. Но теперь диск исчез, превратившись в грушевидное желтое пятно.

Нэнси Уайт записывала свои впечатления в электронный блокнот, словно хотела когда-нибудь их опубликовать. Она добилась известности благодаря телешоу, которые сама создала и вела, — «Беседы у камина с Нэнси Уайт», где участники и ведущая дискутировали о науке и философии, и «Вне времени», где за круглым столом еженедельно обсуждались актуальные проблемы в компании смоделированных исторических персонажей, от Хаммурапи до Адриана Каттера и Майры Килдэйр. Шоу не пользовались особой популярностью, но, как любили говорить продюсеры, нравились тем, кто имел вес в обществе.

Уркварт о чем-то тихо разговаривал с Мендосой. Даннингер сидел над раскрытой книгой, но мысли его витали где-то далеко.

В положенное время все повторилось — разве что на таком расстоянии глаза болели меньше. Груша выгнулась, свет в иллюминаторах несколько раз ярко моргнул и сменился зловещим красным сиянием.

Казалось странным, что одно и то же событие можно пережить дважды, но сверхсветовые скорости позволяли путешествовать во времени. Через два часа Дельта Карпис исчезла, свет в ее системе угас. Осталось лишь облако светящегося газа и ярко-золотистое кольцо вокруг карлика. Все смотрели вслед нейтронной звезде, безмолвно продолжавшей свой путь.

II

Рондель (Рондо) Карпик был начальником поста связи на станции Индиго, у внешних границ Конфедерации, — должность более или менее номинальная, поскольку на посту он обычно был один. Другие люди появлялись лишь во время крупных операций, но экспедиция к Дельте К больше не относилась к ним. Датчики в стратегических пунктах были уже установлены, данные с трех кораблей переданы и сохранены. Специалисты на станции выразили свое восхищение тем, как ученые справились с поставленной перед ними задачей, но предупреждали: лишь через несколько месяцев станет ясно, что же все-таки удалось узнать. Летевший на «Страже» журналист передавал информа-

цию коллегам на станции, а те сочиняли истории, одна красочнее другой, и в конце концов Рондо почувствовал, что его тошнит. Но вот объявили о возвращении флотилии домой, ученые и журналисты пошли пить гумпо к Каппи, и больше он их не видел.

Данные еще поступали, но всеобщее возбуждение явно прошло. Что ж, нужно признать: он никогда еще не наблюдал взрыва звезды — по крайней мере, вблизи.

— Индиго, мы готовы к прыжку. — С экрана в центре зала на него таращился Билл Траск, капитан «Ренсилера». С точки зрения Рондо, то был самый большой козел из всех капитанов, посещавших Индиго. У Траска не было времени на всякую деревенщину, и он прямо говорил каждому, чего тот стоит. Рослый, мускулистый, седоволосый, с низким скрипучим голосом, он внушал страх всем — как минимум, всем связистам. — Прибываем вовремя. Готовьтесь к встрече.

Сообщение было отправлено пятнадцать часов назад. Траск отключился, и изображение исчезло. Рондо вышел на связь, включив только звук.

— Принято, «Ренсилер», — сказал он. — Будем вас высматривать.

Все три корабля, летевшие к Окраине, должны были сделать остановку здесь. Индиго, цилиндрическая планета, вращалась по орбите вокруг Радости Фермера, которая была заселена меньше тридцати лет назад, но уже насчитывала семнадцать миллионов жителей. На Индиго их было почти на полмиллиона больше.

Последние несколько дней оказались поистине историческими, но Рондо не испытывал особого волнения. Его предложили сделать начальником департамента, и сейчас он думал только о повышении. Такие события, как это, таили в себе риск: Рондо мог оказаться в безвыходном положении. Сделаешь все как надо, и никто ничего не заметит, но стоит где-то напортачить, сболтнуть что-нибудь журналисту — и прощай, детка. Поэтому он старался вести себя как подобает профессионалу, чтобы у специалистов не возникло никаких претензий. Следовало вовремя принимать гиперсветовые передачи, обнародовать их содержание и передавать дальше на Окраину. Впрочем, это было не так уж и сложно: поручить искину разобраться с деталями, быть любезным со всеми и всегда оказываться рядом при возникновении проблем.

Как только сигнальные огни «Ренсилера» стали синими, Рондо сообщил диспетчерам, что корабль совершил прыжок, и назвал расчетное время прибытия.

Через десять минут появился капитан «Стража» Эдди Корби, тихий молодой парень, который на первый взгляд казался чересчур робким для пилота космического корабля. Однако его почти всегда видели в обществе симпатичной женщины, а иногда — сразу двух или трех.

— Индиго, — сказал он, — мы стартуем через четыре минуты. Надеюсь, вам удалось посмотреть шоу. Дельта К в буквальном смысле слова взорвалась. Пассажиры, похоже, в полном восторге. Увидимся через пару недель. «Страж» — конец связи.

Следующей была Мэдди.

— Летим домой, Рондо, — сказала она. — Стартуем в ближайшее время.

На его рабочем экране Мэдди, озаренная светом умирающей звезды, выглядела сверхъестественным существом на фоне гигантского пожара. Малышка просто класс, подумал он. Но что-то в ней подсказывало: трогать ее не стоит.

— «Полярис» — конец связи, — закончила Мэдди.

Рондо отхлебнул еще гумпо — экстракта из растений, росших на планете, над которой он сейчас находился. Он давно пристрастился к этому напитку с почти лимонным, только более острым, вкусом: гумпо вызывал ощущение тепла и благоденствия.

Сигнальные огни «Стража» стали синими. Полетели.

Он передал информацию диспетчерам — это мало их заботило, но таковы были правила. Проверив вахтенный журнал, он внес в него запись насчет «Стража» и стал ждать, когда сменится цвет огней «Поляриса».

Когда корабль находился в линейном пространстве, огни были белыми, а во время прыжка — синими. Но через двадцать минут после того, как Мэдди сообщила о готовности к старту, они все еще оставались белыми.

Непорядок.

— Джек, — обратился Рондо к искину, — запусти бортовую систему диагностики. Убедимся, что проблема не у нас.

Системы начали перешептываться друг с другом. Заморгали огни, становясь желтыми, зелеными и снова белыми.

— Проблем в системе не обнаружено, Рондо, — сообщил Джек.

Черт! Рондо не любил всяких сложностей. Он подождал еще десять минут, но огни никак не желали менять цвет.

Рондо терпеть не мог проблем: хлопот много, а потом оказывается, что кто-то попросту заснул или забыл переключить тумблер.

— Запланированный прыжок «Поляриса» откладывается на двадцать пять минут, — с неохотой сообщил он в диспетчерскую. — Причины неизвестны.

Несколько минут спустя появился начальник Рондо, Чарли Уэзерел, а за ним — один из техников, узнавший о происшествии. Техник проверил систему и сообщил, что проблема на другой стороне. Через сорок пять минут прибыли первые журналисты: «Как мы слышали, что-то случилось, а что именно?»

Рондо молчал, и объясняться пришлось Чарли.

— Такое бывает, — сказал он. — Отказ связи.

«Ну да, конечно», — подумал Рондо, пытаюсь понять, почему Мэдди ничего не сообщила, если ей не удалось совершить прыжок.

— Канал поврежден, — услужливо продолжал Чарли, всем своим видом показывая Рондо, что журналистам не надо говорить ничего пугающего. И вообще никому не надо.

— Значит, вы считаете, что им ничего не угрожает? — спросила темнокожая женщина по имени Шалия Как-ее-там. Она уже несколько недель пребывала в дурном настроении из-за того, что ее не включили в состав экспедиции.

— Черт побери, Шалия, — ответил Чарли, — пока что нам остается лишь ждать новой информации. Но беспокоиться действительно не из-за чего.

Проводив журналистов в конференц-зал, он попросил кого-то побыть и поговорить с ними, чем-то их занять, пообещав, что сообщит о поступлении известий с «Поляриса».

Чарли, низенький толстячок, был вспыльчив и легко выходил из себя, когда чья-нибудь ошибка угрожала его благополучию. Он явно считал, что виной всему Мэдди, и уже злился на нее. «Лучше уж на нее, — подумал Рондо, — чем на меня». Вернувшись в центр связи, они воспроизвели передачу с «Поляриса»: звук без изображения.

«Летим домой, Рондо. Стартуем в ближайшее время. „Полярис“ — конец связи».

— Это мало о чем говорит, — заметил Чарли. — Что значит «в ближайшее время»?

— Уж точно не через час.

— Ладно, посоветуюсь с руководством. Жди.

Десять минут спустя он вернулся с главным диспетчером станции. К тому времени уже собралась толпа, включая журналистов. Диспетчер пообещал сделать заявление для прессы, как только появятся новости, и заверил всех, что речь идет лишь о технической неполадке.

Они еще несколько раз прослушали слова Мэдди. Главный диспетчер, по его собственному признанию, не имел никакого понятия о том, что могло произойти. Он спросил Чарли, не случилось ли подобного раньше. Оказалось, что нет.

— Подождем еще час, — сказал диспетчер. — Если ничего не изменится, — он взглянул на часы, — до пяти, пошлем туда кого-нибудь. Можно развернуть один из двух других кораблей?

Чарли взглянул на дисплей и покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Ни у того ни у другого не хватит топлива для разворота.

— Кто еще там есть?

— Рядом — никого.

— Понятно. А не очень рядом?

Рондо постучал по экрану, показывая боссу светящуюся точку.

— Кажется, это Мигель, — сказал Чарли.

Мигель Альварес, капитан «Рикарда Пероновского», доставлял товары на Макумбу и проводил испытания искинов.

— За сколько времени он доберется туда?

Рондо быстро сделал прикидку под неусыпным взглядом Чарли:

— Четыре дня на то, чтобы, он переориентировался и смог совершить прыжок. Прибавим время на прохождение запроса и на маневры возле Дельты К. Неделя, не меньше.

— Ладно. Если до пяти ничего не выяснится, скажи ему, чтобы он летел на поиски «Поляриса». И пусть поторопится. — Главный диспетчер покачал головой. — Хреново. Что бы мы ни сделали, кому-то это точно не понравится. Как зовут того капитана, Чарли?

— Мигель.

— Нет, на «Полярисе».

— Мэдди. Мадлен Инглиш.

- С ней случались проблемы?
- Насколько я знаю, нет. — Чарли посмотрел на Рондо, и тот покачал головой. — Нет. Ни разу.
- Что ж, когда все закончится, пусть придумает себе достойное оправдание, или нам придется лишить ее лицензии.

Облегченно вздохнув, Рондо сдал смену, покинул центр связи и направился к себе в каюту. Приняв душ и переодевшись, он спустился в «Золотой нетопырь», где, как обычно, поужинал с друзьями. Он начал было рассказывать о случившемся, но выяснилось, что слухи уже разошлись.

Он доедал жареного цыпленка, когда появилась Талия Корбетт, специалист по искинам, и сообщила, что о «Полярисе» по-прежнему ничего не слышно. С «Пероновским» уже связались, и Мигель спешит на помощь.

Многие говорили, что причиной всему наверняка стал серьезный отказ связи — только этим можно было объяснить случившееся. И еще катастрофой. А тот, кто в подобной ситуации заводил речь о катастрофе, привлекал к себе всеобщее внимание.

Рондо уже полгода с лишним пытался затащить Талию к себе в постель и этим вечером наконец добился успеха. Позже он пришел к выводу, что в каком-то смысле история с «Полярисом» помогла ему — не было бы счастья, да несчастье помогло. Тем временем сигнальные огни «Поляриса» оставались белыми.

III

Уцелевшие планеты и спутники Дельты К разлетались в разные стороны. Большое светящееся кольцо отмечало путь звезды-карлика. Возле точки, где «Полярис» в последний раз вышел на связь, мигнула вспышка, и появилась, словно ниоткуда, серая железная масса — «Рикард Пероновский».

Мигель Альварес, обычно летавший на большом транспортнике в одиночку, был рад, что на этот раз рядом с ним пассажир. Если у «Поляриса» действительно проблемы, лишняя пара рук пригодится.

С Мадлен он был знаком — не слишком близко, но достаточно, чтобы понять: она далеко не дура. Последний раз Мэдди выходила в эфир почти шесть суток назад, и с тех пор корабль

молчал. Наверняка что-то со связью. Мигель не рассчитывал ничего здесь найти — Мэдди, конечно же, находилась в пространстве Армстронга, и, хотя связь не работала, корабль направлялся домой. Если так, ее следовало ожидать на Индиго примерно через десять дней.

«Пероновский» перевозил провиант, запасные части, оборудование для экологических электростанций и прочую всячину в недавно основанную колонию на Макумбе. Космическая разведка воспользовалась возможностью испытать «Маринер» — интеллектуальную систему для стыковки в глубоком космосе, как называл ее пассажир, специалист по искусственному интеллекту по имени Шон Уокер.

Мигель ожидал, что услышит в пути второе сообщение: «Все в порядке, мы с ними связались, продолжайте полет, как запланировано». Но с Индиго каждый час поступало одно и то же сообщение: «Пока ничего, связи нет». Это подтверждало предположение Мигеля о том, что корабль летит в сторону дома, невидимый среди складок пространства Армстронга. Он представил себе, как переживает Мэдди, зная, что ее ищут, и не имея возможности ни с кем связаться.

Наконец они достигли нужного места. Оба были на мостике — Уокер и Мигель, не знавший, что именно ему предстоит увидеть. Приборы сообщали об обширных газовых облаках, но видно было только светящееся кольцо вокруг нейтронной звезды.

Шон Уокер — лет сорока, среднего роста, чуть полноватый — на вид не отличался особым умом, а может, так оно и было на самом деле. Он хорошо разбирался в искинах, но все остальное его, похоже, нисколько не интересовало. Все их разговоры — за завтраком или обедом — вертелись вокруг работы. Уокер был женат, и Мигель порой задумывался: неужели и дома он ведет себя так же?

Мигель направил корабль к последнему известному местоположению «Поляриса», затем прибавил скорость и начал сканировать космос в поисках звездолета, который не надеялся найти. Послав очередное сообщение на Индиго, он спросил Себастьяна, экспериментального искина Шона, когда ожидается обнаружение пропавшего судна.

— Если оно находится в данном секторе, — ответил Себастьян, — а его курс и скорость, как предполагается, не изменились, мы должны увидеть его через несколько часов.

— А если их там не окажется, — спросил Шон у Мигеля, — что тогда?

— Будем искать в другом месте.

— Нет, я не о том. Что, если они летят назад, к Индиго?

— Ну тогда, — ответил Мигель, — будем торчать здесь, пока с Индиго не сообщат об их появлении. Что с тобой, Шон? — спросил он, увидев страдальческое лицо Уокера.

— Я знал Уоррена... Мендосу. Он был на борту. Мой старый друг.

— Уверен, с ними все будет в порядке.

— И Тома Даннингера тоже. Правда, не очень хорошо, но все же.

Поев, поиграв в карты и посмотрев видео, они вернулись на мостик, глядя на безжалостное небо.

Мигель спал плохо, а почему, он и сам не знал. Ему уже приходилось участвовать в спасательной экспедиции, выручая из беды «Бореалис», у которого взорвались двигатели, — десять лет назад. Им повезло: из одиннадцати человек на борту (считая капитана) выжило десять. Мигелю объявили благодарность, а спасенные пассажиры устроили вечеринку в его честь. То был один из лучших моментов в его жизни.

Но сейчас все оборачивалось иначе. Он не знал в точности, что его беспокоит, но инстинкты не позволяли ему закрыть глаза и даже просто расслабиться.

К утру известий не поступило. Он рано позавтракал, а час спустя выпил кофе в компании Шона. Себастьян по-прежнему сообщал о том, что в пространстве ничего не обнаружено.

Мигель побродил по кораблю — от кают-компаний до мостика, спустился по антигравитационной трубе в трюм, заглянул в две дополнительные каюты, расположенные возле главных складов, и проверил груз, который через несколько дней следовало доставить на Макумбу. Наконец он забрался в челнок и уселся в кресло. К нему спустился Шон и спросил, все ли с ним в порядке.

— Конечно, — ответил Мигель. — Мне просто не хотелось бы провести здесь еще две недели.

— Мигель, — сообщил Себастьян, — мы обыскали весь сектор, где они могли бы находиться. «Поляриса» здесь нет.

— Значит, они все-таки совершили прыжок?

— Или сменили курс. Или ускорились.

Мигель не сомневался, что «Полярис» летит домой.

— Ладно, раз нам придется торчать здесь, давайте займемся делом. Себастьян, расширь зону поиска. Допустим, они по какой-то причине сбились с курса. Будем искать подальше от центрального светила. Само собой, это всего лишь пустая трата времени и денег, — проворчал он, — но надо поступать как положено.

Мигель начинал злиться на Мэдди. Могла бы подумать о других и оставить спутник на том месте, где должен был находиться корабль. Явись сюда спасатель, он понял бы, что с ней все в порядке: корабль летит к Индиго. Хлопот было бы куда меньше.

Они еще поиграли в карты. Мигель поставил последний триллер с Чагом Рэндаллом: герою предстояло перехитрить банду межзвездных пиратов, которые охотились за кораблем с бесценными произведениями искусства. Потом он посмотрел несколько ток-шоу. Мигелю нравилось наблюдать за спорщиками, причем суть спора мало интересовала его, главное — чтобы тот был громким и увлеченным. Самыми громкими оказывались споры о политике и религии.

Он начал питаться обильнее, чем обычно в полете, и пропускать ежедневные тренировки, каждый раз обещая себе назавтра вернуться к прежнему распорядку.

Наступил очередной вечер. Мигель пожелал спокойной ночи Шону, который, похоже, ушел с головой в спецификации Себастьяна. В первую ночь Мигель спал плохо, тревожась о судьбе «Поляриса», но теперь не мог заснуть, так как ему все надоело. Он собирался высказать Мэдди при ближайшей встрече все, что думает о ней.

Около двух часов ночи ему наконец удалось заснуть, а десять минут спустя его разбудил Себастьян:

— Мигель, вижу «Полярис».

Корабль сильно отклонился от курса — градусов на сорок в сторону — и вышел из плоскости бывшей планетной системы. Скорость его была ниже ожидаемой. Мигель передал сообщение на Индиго и разбудил Шона.

Специалист облегченно вздохнул.

— По крайней мере, теперь мы знаем, где они, — сказал он.

Но почему они там оказались? Любое простое объяснение подразумевало катастрофу или одновременный — и маловероятный — отказ связи и двигателей. Был еще один вариант, о котором Мигель предпочитал не думать: корабль мог быть поврежден космическим мусором, каменными осколками умирающей звезды. А может, радиационная вспышка пробила защитный экран.

— Расстояние, Себастьян?

— Шесть целых шесть десятых миллиона километров.

— Открой канал связи.

— Канал открыт.

— «Полярис», говорит «Пероновский». Мадлен, у вас все в порядке?

Мигель глубоко вздохнул и приготовился ждать. Сигнал проделывал путь туда и обратно почти за минуту. Еще какое-то время требовалось Мэдди для ответа.

— Энергетические показатели в норме, — сообщил Себастьян. На экране появилось изображение «Поляриса», летевшего без огней.

Мигель отсчитал минуту, потом вторую:

— Мэдди, пожалуйста, ответь.

Шон утер рот тыльной стороной ладони.

— Что думаешь? — спросил он.

— Не знаю. Мадлен, ты там?

Тишина.

— Себастьян, — сказал Мигель, — можешь связаться с их искином?

— Нет, Мигель. Он не отвечает.

— Ладно, — вздохнул Мигель. — Шон, давай слетаем и посмотрим, в чем дело.

Небольшой «Полярис» смотрелся эффектно — серебристо-черный корабль с раструбом сзади, каплевидными гондолами вдоль бортов, стреловидным фюзеляжем и круговым мостиком в носовой части. Во всех этих украшениях, конечно, не было необходимости. Космическому кораблю нужны лишь симметрия и двигатели, внешность же не играет особой роли. Но «Полярис» должен был производить впечатление на важных персон, и разведка раскошелилась.

Они приблизились к кораблю на челноке, и Мигель осмотрел корпус. Внешних повреждений не наблюдалось, движения на мостике — тоже.

— Разгерметизируй кабину, Себастьян. И подведи нас прямо к главному шлюзу.

Искин подчинился. Мигель и Уокер проверили скафандры друг друга, а когда вспыхнули зеленые лампочки, покинули челнок и перепрыгнули на «Полярис».

Внешний люк послушно распахнулся, следуя команде с панели управления. Они вошли в шлюз, люк за ними закрылся, и давление воздуха стало расти. Когда оно пришло в норму, открылась внутренняя дверь.

Искусственная гравитация работала, но внутри царила темнота. Температура была в пределах нормы. Они включили наручные фонарики и сняли шлемы.

— Кейдж, — обратился Мигель к искину, — привет. Ответь, пожалуйста, что происходит?

Шон посветил на стол и стулья. Они с Мигелем стояли в кают-компании. Все выглядело привычным, только не горел свет и вокруг не было ни души.

— Кейдж?

Мигель не мог давать искину указаний, но тот должен был ответить. Он заглянул на мостик — никого. И никаких видимых повреждений.

— Они что, все умерли? — спросил Шон.

— Не знаю.

— Такое вообще может случиться?

— Если в корпусе нет дыры — вряд ли.

— Может, кто-то из них свихнулся?

— И бегают по кораблю с топором?

Это выглядело нелепо, особенно если учесть, кто собрался на «Полярисе». Все они вели достойный подражания образ жизни — по пути Мигель ознакомился с их биографиями. Подлинные столпы общества. И все же по его спине пробежал холодок: ведь если на корабле объявился маньяк, он никуда не денся.

— Нам нужен свет, — сказал Мигель, проходя на мостик и садясь в пилотское кресло. Панель управления, похоже, была стандартной. Он пощелкал выключателями. Вспыхнул свет. — Кейдж, ты меня слышишь?

И вновь — тишина. Присев на корточки, Шон открыл черный ящичек у подножия пилотского кресла:

— Все цепи, кажется, в порядке. — Он коснулся тумблера и двинул его вперед. — Попробуй еще раз.

— Кейдж, ты здесь?

— Привет, — раздался женский голос. — С кем я говорю?

— Капитан Мигель Альварес с «Пероновского». Кейдж, что здесь произошло?

— Прошу прощения, капитан, но я не понимаю вопроса.

— Вы должны были стартовать к Индиго шесть дней назад. Вместо этого вы дрейфуете в окрестностях Дельты К, вернее, там, где раньше была Дельта К. Что произошло?

— Не знаю, капитан.

— Тебя кто-то выключил, Кейдж?

— Мне об этом неизвестно.

Мигель заглянул в черный ящик. Возможно, кто-то отсоединил один из главных контуров без ведома Кейдж, отключив ее. Но если так, зачем подсоединять его обратно, не включая искина? Кому это вообще могло понадобиться?

— Кейдж, каковы твои последние воспоминания?

— Мы готовились к прыжку в пространство Армстронга. Миссия подходила к концу.

— А что потом?

— Это все, что я помню. Следующее — разговор с вами. Мне неизвестно, сколько времени прошло между данными событиями.

— Кейдж, где Мадлен?

— Не знаю. Я ее не вижу.

— А остальные?

— Я не вижу никого.

— Мигель, — сказал Шон, — она видит лишь часть внутренних помещений, как и все искины. Придется нам самим взяться за поиски.

Включив фонарики, они направились на корму. Путь шел через кают-компанию, а затем по главному коридору, с каждой стороны которого располагались по четыре двери. Мигель никогда не бывал на «Полярисе», но знал, что это каюты капитана и пассажиров.

— Мадлен! — позвал он. — Эй! Есть тут кто-нибудь?

Голос его прокатился эхом по коридору.

— Жутковато, — заметил Шон.

— Что верно, то верно. Держись рядом, пока мы не выясним, что происходит.

Он коснулся сенсорной панели на первой двери, которая вела в каюту капитана. Та открылась. Внутри никого не было, но одежда Мэдди висела на вешалке. Пустыми оказались и остальные каюты, и ваннные комнаты.

— Что внизу? — еле слышно прошептал Шон.

— Грузовой отсек, машинное отделение и челнок.

Они спустились. В грузовом отсеке никого не было.

— Бред какой-то, — пробормотал Шон.

Мигель пошел в машинное отделение. Никого не обнаружилось ни между двигателями, ни в складских помещениях, ни возле челнока. Челнок остался единственным местом, которое они еще не осматривали. Альварес открыл люк и заглянул внутрь.

На переднем сиденье — никого. И сзади тоже.

— Что за чертовщина? — пробормотал он.

Пустой оказалась и ванная комната на нижней палубе. Вдоль одной из переборок тянулись шкафы: в самых больших можно было спрятаться. Мигель открыл их один за другим, но и шкафы оказались пустыми.

Они нашли два скафандра.

— Кейдж, — спросил Мигель, — сколько скафандров на борту?

— Четыре, капитан.

— Два здесь.

— Еще два на мостике.

— Они сейчас там?

— Да, сэр.

— Значит, все четыре скафандра на месте.

— Да, сэр.

Челнок уютно покоился в своем отсеке.

— Где-то ведь они должны быть?

В семи из восьми кают нашлась одежда; все сходилось — на корабле летели капитан и шестеро пассажиров. В двух каютах обнаружили обувь. Во всех ящиках лежали личные вещи — ридеры, зубные щетки, расчески, браслеты. В одной из кают на столе валялся экземпляр «Потерянных душ».

— Что могло случиться? — спросил Шон.

— Кейдж, в этой системе есть пригодные для жизни планеты?

— Нет, капитан. Теперь нет.

Он совсем забыл, что звезда погасла, — настолько незначительным сейчас казалось это событие.

— Но раньше такая планета была?

— Да. Дельта Карпис три.

— На ней могли бы выжить люди?

— Да, если бы соблюдали осторожность.

— Абсурд, — сказал Шон. — Они не могли покинуть корабль.

Выключив свет, они перевели «Полярис» в режим энергосбережения, прошли через шлюз, оставив внешний люк открытым, и вернулись на челнок.

Мигель был рад вновь оказаться на «Пероновском». Он осознал, что замерз, лишь соприкоснувшись вновь с теплым воздухом. Затем он включил гиперкоммуникатор.

— Что ты собираешься им сказать? — спросил Шон.

— Пока думаю, — ответил Мигель. Сев в кресло, он открыл канал связи, но, прежде чем начать говорить, велел искину отвести корабль подальше от «Поляриса». — Пусть останется пространство для маневра.

ГЛАВА 1

Что ни говори, но, по крайней мере, убийство — откровенное преступление, честное и прямое. Есть куда худшие поступки, куда более трусливые и жестокие.

Эдвард Траут,
перед вынесением приговора по делу Томаса Уиткавера

Шестьдесят лет спустя

1425 год со дня основания Всепланетной ассоциации
объединенных государств (Окраины)

Вероятно, я не ввязалась бы в историю с «Полярисом», если бы мой босс Алекс Бенедикт не вычислил местонахождение базовой станции шэньци.

Алекс торговал антиквариатом, но страсть к старинным предметам у него всегда оказывалась на втором месте после желания заработать. Им двигало одно только влечение к деньгам. Работа Алекса по большей части заключалась в болтовне с клиентами и поставщиками, и это ему тоже нравилось. Кроме того, он составил себе куда более солидную репутацию, чем если бы стал инвестиционным банкиром или кем-нибудь в этом роде.

На самом же деле большую часть работы в «Рэйнбоу», его корпорации, выполняла я. Он был генеральным директором, а я — рабочей лошадкой. Но я не жаловалась — работа была увлекательной, и мне хорошо платили.

Меня зовут Чейз Колпат. Двенадцать лет назад мы с Алексом оказались втянуты в события вокруг «Корсариуса», — возможно, вам известно, что из-за него пришлось слегка переписать историю. Алекс же заработал небольшое состояние. Но это тема для другого рассказа.

В своей области он был настоящим гением, зная, что нравятся коллекционерам и где это можно найти. «Рэйнбоу» не гнушалась любыми методами, — к примеру, мы нашли перо, которым Аморозо Великолепный подписал хартию, уговорили владельца продать его нашему клиенту и получили щедрый комиссионный. Иногда, если цена казалась особенно привлекательной, мы покупали предмет и продавали его за сумму, более соответствующую реальной стоимости. За годы нашей совместной работы Алекс, кажется, ни разу не ошибся в оценке, и мы почти никогда не теряли денег.

Я никогда не могла понять, как ему это удавалось, тем более что сам антиквариат его не интересовал. В своем загородном доме, служившем и штаб-квартирой корпорации, он держал несколько старинных предметов, в том числе кубок из императорского дворца на Миллениуме и застёжка Миранди Кавельо, изготовленная две тысячи лет назад. Но он не испытывал к ним привязанности, если вы понимаете, о чем я говорю. Он лишьставлял их напоказ.

Так или иначе, Алекс отыскал ранее неизвестную базовую станцию шэньцзи. Если вы плохо знакомы с этими вещами и не знаете, что такое базовые станции, объясню: они служили базами для корпораций, когда путешествия по Конфедерации занимали недели и даже месяцы. Знаю, что выдаю свой возраст, но все же признаюсь: я была пилотом до изобретения квантового двигателя и помню, каково нам приходилось. После вылета с Окраины требовались целые сутки, чтобы преодолеть двадцать световых лет. Если дорога была дальней, у вас оставалось вдоволь времени, чтобы совершенствоваться в шахматной игре.

Базовые станции размещались на орбите, в стратегических точках. Путешественники могли остановиться там, отдохнуть, пополнить запасы запчастей и топлива и просто выбраться из корабля. Некоторые станции принадлежали правительству, но большинство — корпорациям. Если вам не доводилось летать на старых кораблях, вряд ли вы представите, каково это — неделями торчать в такой керосинке. Сейчас все происходит буквально за мгновение: включаешь двигатель и успеваешь промчаться через пол-Рукава, прежде чем допьешь кофе. Единственное ограничение — запас топлива. В этом есть и заслуга Алекса, ведь именно он обнаружил квантовый двигатель, который лег в основу всех остальных. Я не выдам тайны, сказав, что особой радости он не

испытал, поскольку заработать ему так и не удалось. Похоже, запатентовать то, что изобретено в прошлом, нельзя, даже если об изобретении не знает больше никто из ныне живущих людей. От правительства Алекс получил медаль, немного денег и горячую благодарность.

Если вы читали мемуары Алекса «Военный талант», то знаете эту историю.

Базовая станция находилась на орбите голубого гиганта. Не помню его номера по каталогу, но это и не важно: звезда находится примерно в шести тысячах световых лет от Окраины, на границе пространства Конфедерации. Если верить источникам, станцию создали тысячу восемьсот лет назад.

Почти все базовые станции были переделанными астероидами. Станции шэньци, как правило, отличались большими размерами — диаметр этой составлял две тысячи шестьсот метров, причем речь идет именно о станции, а не об астероиде. Оборот вокруг звезды она совершала за семнадцать лет. Как и большинство давно заброшенных космических объектов, станция сильно кувыркалась, и все внутри ее, естественно, смешалось в кучу.

Подобный объект корпорация «Рэйнбоу» обнаружила впервые за свою историю.

— Будем регистрировать? — спросила я. Без этого мы не могли заявить о своих правах на находку.

— Нет, — ответил Алекс.

— Почему?

Требовалось лишь известить Реестр археологических объектов, дав краткое описание находки и сообщив ее местонахождение: после этого она становилась твоей законной собственностью.

Алекс смотрел на станцию, темную и потрепанную. Трудно было сразу понять, что это такое, — хотя в лучшие ее дни путник получил бы здесь теплый прием, стол, кров и короткий отдых.

— В дальнем космосе законы не действуют, — сказал он. — Мы всего лишь выдали бы местоположение станции.

— Может, именно это и нужно сделать, Алекс?

— Что именно?

— Выдать ее местоположение. Пожертвовать ее разведке — пусть они занимаются станцией.

Он задумчиво пожевал губами:

— Неплохая мысль, Чейз. — Мы оба знали, что сможем забрать едва ли не все ценное, кроме самой станции. А отдав ее

разведке, мы улучшили бы отношения с организацией, исправно поставлявшей состоятельных клиентов. К тому же «Рэйнбоу» получала бесплатную рекламу. — Я думаю точно так же, моя проказница.

Большую часть станции занимали служебные помещения и причал, но обнаружили также столовые, жилые каюты и места для отдыха. Мы нашли остатки открытых пространств — бывших парков, — озеро и даже пляж.

Теперь все это было серым и замерзшим. Восемнадцать веков — немалый срок, даже в условиях почти полного вакуума.

Энергии, естественно, не поступало, и поэтому не было ни гравитации, ни света. Но не важно: нам выпала неожиданная удача, и Алекс, обычно степенный и уравновешенный, можно сказать, даже занудный, превратился в мальчишку в игрушечном магазине. Мы стали обходить станцию, таща за собой кислородные баллоны.

Но почти все игрушки оказались сломаны. Личные вещи обитателей станции плавали повсюду, описывая бесконечные круги, — стулья и столы, замерзшая ткань, ножи и вилки, блокноты и туфли, лампы и подушки. Многое за прошедшие годы превратилось в бесформенные обломки. Каждые семь с половиной минут станция совершала оборот вокруг своей оси, и тучи свободных летающих предметов ударялись о переборки.

— Вроде гигантского блендера, — проворчал Алекс, еле скрывая досаду.

Культуру шэньцзи сегодня больше всего помнят по огненным башням, напоминающим готовые к старту ракеты, асимметричным постройкам, впечатляющим гробницам, драмам Андру Барката, которые до сих пор ставятся для снобов. Помнят и то, что она пришла к упадку, а затем и к гибели вследствие религиозных войн. Впрочем, виной всему были поиски цивилизаций, населенных нечеловекоподобными существами, — они шли почти непрерывно, не принося заметных результатов, в течение двух тысячелетий. Шэньцзи не привыкли легко сдаваться. На протяжении золотого века — до прихода пророка Джайла-Суна — они были убеждены, что есть и другие разумные существа и предназначение человечества состоит в том, чтобы обсудить с ними различные философские вопросы. В каком-

то смысле идея была религиозной и привела к немалым затратам ресурсов, но, по крайней мере, вреда никому не причинила. Сейчас всем известно, что в пределах Млечного Пути нет никого, кроме нас и ашиуров, «немых». (Разумеется, все сказанное про шэньцзи случилось с ними до того, как Гонсалес открыл существование «немых», или, строго говоря, до того, как «немые» обнаружили его.) Не стоит говорить, что было бы очень неплохо, если бы они собрали вещи и улетели — например, в туманность Андромеды.

Среди ныне живущих есть несколько человек, утверждающих, будто они — чистокровные шэньцзи. Не знаю, правда ли это. История шэньцзи — невероятная мешанина из исследований космоса, погромов и инквизиционных процессов. Но их цивилизация давно погибла, и этот факт, похоже, интригует кое-кого до сих пор. Алекс как-то заметил: тем, кто умер достаточно давно, гарантирована хорошая репутация. Пусть при жизни ты ничем не отличился, но если твое имя вдруг обнаружится, скажем, на развалинах стены в пустыне или на каменной табличке, где говорится о доставке партии верблюдов, — тебе мгновенно будет обеспечена слава. Ученые станут говорить о тебе шепотом, ты войдешь в поговорку, и, возможно, в твою честь назовут целую эпоху. В те времена, когда исторических событий случалось не так уж много, история выглядела куда проще.

Как постоянно заявляют историки, им хотелось бы поговорить с кем-нибудь из тех, кто прогуливался возле Парфенона во времена гегемонии Афин или бывал на параде шэньцзи. Если бы такой уникум нашелся, его стали бы возить по городу на самых роскошных скиммерах, угощать лучшей едой и приглашать на заседания Совета. И он наверняка стал бы гостем «Шоу при дневном свете».

Сегодня Морнингсайд, родную планету шэньцзи, населяет современное общество, скептическое и демократическое, состоящее из иммигрантов со всей Конфедерации. От племен истинно верующих не осталось и следа, все подозрительны и интересуются лишь толщиной твоего кошелька. И никто уже давно не верит в то, что где-то есть другие инопланетяне.

Алекс был из тех, кому легко затеряться в толпе. Он выглядел как типичный бюрократ: с первого взгляда было ясно, что он любит сидеть в офисе, предпочитает размеренную работу по гра-

фику, без всяких неожиданностей, и пьет кофе с подсластителем. Так оно и было, хотя, по правде говоря, много лет назад у нас случился короткий роман. Но жениться на мне он вовсе не собирался, да и мне хотелось видеть в нем друга, а не любовника. Такие дела.

Среднего роста, с каштановыми волосами и темно-кариими глазами, он выглядел совершенно нелепо в скафандре, как, впрочем, и на древней базовой станции, — плывущий по темным коридорам, с фонарем в одной руке и лазерным резаком в другой.

Рассудительный и спокойный, он был о себе высокого мнения. Космические корабли он никогда не любил — в прежние времена, когда еще использовались старые прыжковые двигатели, ему становилось плохо при каждом переходе в пространство Армстронга и обратно. Его интересовало только самое лучшее. Он любил делать деньги и пользоваться своим влиянием, радовался, когда его приглашали на вечеринки с нужными людьми. Но в душе он был человеком добрым — мог позаботиться о бродячей кошке, всегда держал слово и был внимателен к друзьям. Добавлю, что и начальником он был вполне сносным, хотя порой непредсказуемым.

Резаки нам понадобились по той причине, что многочисленные люки — как внутренние, так и внешние — не работали, и пришлось прорезать их, двигаясь вперед. Я резала металл и упаковывала все предметы, которые могли иметь спрос, а Алекс указывал, что именно надо забирать. Но после трех дней блуждания по станции мы ничего толком не нашли.

Алекс определил местоположение станции, пользуясь зацепками, которые содержались в архивах шэньцзи. Сам факт того, что мы наткнулись на форпост культуры шэньцзи, мог послужить хорошей рекламой для корпорации. Но на поток сокровищ рассчитывать не приходилось, а между тем именно этого ожидал Алекс.

У него начало портиться настроение. По мере того как мы вылавливали разные мелочи — кнопки и фильтры, осколки посуды и битого стекла, обувь и часы, — он все чаще вздыхал и, держу пари, качал головой внутри шлема.

Я видела его таким и раньше. Обычно он начинает говорить об исторической ценности предметов и о том, что их плачевное состояние — великая утрата для человечества. Когда что-то идет не так, он становится великим гуманистом.

Согласно изначальному плану мы должны были обосноваться внутри станции, но Алекс усомнился, что дело того стоит. Поэтому каждый вечер, когда нас одолевала усталость или скука от блуждания по станции, мы возвращались ужинать на «Белль-Мари», а потом изучали наши трофеи. Такое времяпровождение вгоняло меня в тоску. Но когда я спросила Алекса, не пора ли сворачивать лавочку и возвращаться домой, он ответил, что я слишком легко сдаюсь.

На шестой день, когда мы уже собирались заканчивать поиски, нам попалось помещение со странными повреждениями — видимо, конференц-зал. Посреди него стоял стол, рассчитанный на десяток человек, а одна из серых, покрытых пятнами переборок когда-то, возможно, являлась большим экраном. Экран был разбит, но вина лежала не на предметах, которые перекатывались и летали по залу, — здесь не наблюдалось ничего тяжелого. Казалось, будто по экрану со всей силы лупили молотком.

Вдоль переборки медленно ползли стол, кресла и какая-то грязная субстанция вроде истлевшей ткани. Мы удерживались на ногах лишь благодаря магнитным башмакам — и, честно говоря, при виде движущихся предметов у меня закружилась голова.

— Вандалы, — постановил Алекс, стоя перед настенным экраном. Вандалов он ненавидел. — Будь они прокляты.

— Это случилось очень давно, — заметила я.

— Не важно.

Следующее помещение походило на зал виртуальной реальности. Здесь все было надежно закреплено, а дверь закрыта: поэтому оборудование — разумеется, не работавшее — выглядело вполне прилично. Глаза Алекса радостно блеснули: он уже прикидывал, что мы заберем с собой.

Затем обнаружили новые следы вандалов, новые повреждения.

— Похоже, они прилетели сюда пограбить, — сказал Алекс. — А потом отчего-то разозлились и начали крушить все вокруг.

Да. Мародеры — настоящий кошмар.

Но, пожалуй, они разочаровались слишком рано. Мы добрались до чего-то похожего на центр управления и нашли там черный нефритовый браслет. И еще — труп.

Черный браслет на левом запястье мертвеца украшала гравировка — ветвь плюща.

Труп был расчленен на несколько свободно паривших кусков. Когда мы вошли, они ползли вдоль палубы, и я сперва не поняла, что это такое. Мумифицированное тело, видимо, принадлежало женщине или ребенку. Пока мы пытались что-нибудь прояснить, я нашла браслет на единственной оставшейся руке.

Браслет я увидела, лишь приподняв останки. Зачем я это сделала? Мне показалось неуместным присутствие здесь трупа и хотелось понять, что же случилось.

— Похоже, ее тут бросили, — сказала я Алексу. Скафандра нигде не было видно, значит, она не принадлежала к числу вандалов.

Завернуть ее было не во что, закрепить тело — нечем. Алекс долго смотрел на нее, затем огляделся вокруг. Пультов управления было три: они служили для открывания внешних люков, поддержания стабильного положения станции, управления связью, системой жизнеобеспечения и, возможно, роботами, обслуживавшими жилые помещения.

— Пожалуй, ты права, — наконец ответил он.

— Вероятно, покидая станцию, они не проверили, все ли на борту.

Он посмотрел на меня:

— Возможно.

Тело ссохлось и сморщилось, черты лица были неразличимы. Я представила, каково это — понять, что тебя бросили.

— Если ее действительно бросили, — сказал Алекс, — то наверняка преднамеренно.

— Ты хочешь сказать, что иначе она могла бы с ними связаться? Дать о себе знать?

— Это одна из причин.

— Если они полностью законсервировали станцию, — сказала я, — то в любом случае отключили подачу энергии перед отлетом. Она могла не знать, как включить ее снова. — (Алекс закатил глаза.) — Какая еще может быть причина?

— Консервацией наверняка занималась целая команда. Вряд ли они могли не заметить. Нет, это сделали преднамеренно.

Три стены были превращены в экраны. Вокруг было полно всяческой электроники. На задней стене — той, по которой пыталась взобраться женщина, — красовалось изображение горно-

го орла: в течение многих столетий это был всемирный символ империи шэньцзи. Под орлом имелась надпись из двух фраз.

— Что здесь написано? — спросила я.

Алекс ввел символы в переводчик, прочел ответ и поморщился:

— «Компакт». Так шэньцзи называли свою Конфедерацию независимых государств, существовавшую в те времена. «Компакт». — Он поколебался. — Второй термин сложнее перевести. «Ночной ангел», что-то вроде этого.

— «Ночной ангел»?

— Может быть, «Ночной хранитель» или «Ангел тьмы». Думаю, это название станции.

На каждой базовой станции имелось около десятка жилых помещений для путешественников — самое подходящее место, чтобы переночевать. Можно даже впустить кого-нибудь на ночь, и об этом никто не узнает. Если корабли оснащались откидными койками, то в таких каютах вас обычно ждали настоящая кровать, один или два стула, компьютерный терминал, порой также маленький столик и ридер.

Каюты на «Ночном ангеле» располагались двумя палубами ниже центра управления — примерно в километре от него. Мы пытались найти ту, которая выглядела более или менее обжитой. Но времени прошло так много, а вещи в каютах так перемешались, что установить, жила ли погибшая в одной из них, оказалось невозможно.

В конце концов мы открыли шлюз и, забрав браслет, отправили тело в открытый космос. Не знаю, правильно ли мы поступили. Так или иначе, женщина была давно мертва и сама стала археологическим объектом. Разведка наверняка была бы рада заполучить труп, но Алекс и слышать не хотел об этом.

— Не люблю мумий, — сказал он. — Нельзя никого выставлять напоказ после смерти. И не важно, сколько лет назад человек умер.

Порой он становился сентиментальным.

Посмотрев вслед трупу, уплывавшему в космическую бездну, мы вернулись внутрь. Лучшие находки поджидали нас в одной из столовых, — к счастью, там все было надежно закреплено и поэтому неплохо сохранилось. Мы потратили два часа, собирая стаканы, тарелки и стулья, особенно те, где имелась надпись

«Ночной ангел», — их можно было продать подороже. Кроме того, мы сняли пульта, выключатели и клавиатуры, на которых после тщательной очистки проступили надписи на языке шэньци. Мы демонтировали воздухоочистители и вентиляторы, забрали местного искина (пару серых цилиндров), водяной кран, термометр и еще сотню разных предметов. Из всех дней, проведенных на станции, этот оказался самым удачным.

Мы нашли аккуратно упакованный набор из семнадцати наборов: на каждом был выгравирован горный орел. Один этот набор мог принести коллекционеру небольшое состояние. Еще два дня потребовалось, чтобы перетащить все на «Белль-Мари».

В честь нашего успеха Алекс прибавил мне жалованье и предложил взять себе парочку сувениров. Я выбрала несколько столовых приборов, тарелок, блюдечек, чашек и немного столового серебра. Все, кроме серебра, было из дешевого пластика, но это, конечно, не имело значения.

Когда мы заполнили грузовой отсек «Белль», на станции еще кое-что оставалось — ничего особенного, но все же. Можно было слетать еще раз, но Алекс возразил:

— Оставим в дар разведке.

Порой он бывал весьма щедр, черт возьми.

— Мы и так набрали много товара, — продолжал он. — Разведка отправит остальное во все главные музеи Конфедерации. Эти экспонаты станут нашими посланцами, ведь их будут представлять с упоминанием о «Рэйнбоу».

Когда мы отчаливали от стыковочной платформы, Алекс спросил, что я думаю по поводу умершей.

— Может, ее бросил любовник, — предположила я. — Или муж.

Алекс на меня посмотрел так странно, будто я сболтнула глупость.

ГЛАВА 2

История — собрание небольшого количества фактов и множества слухов, лжи, преувеличений и самозащиты. С течением времени становится все сложнее отделить одно от другого.

Анна Гринстайн. Потребность в империи

Базовую станцию шэньцзи мы покинули на десятый день, сразу после завтрака. На зарядку квантового двигателя ушло девять часов, и в родную систему мы вернулись к ужину. Еще два дня, понятное дело, мы добирались из точки входа в систему на Скайдек — станцию на орбите Окраины.

Я предложила созвать пресс-конференцию и объявить о нашей находке, но Алекс холодно спросил, кто, по моему мнению, туда придет.

— Все, — ответила я, искренне удивляясь тому, что он не видит смысла в максимально широкой рекламе нашего открытия.

— Чейз, никого не волнует космическая станция, которой две тысячи лет, — кроме тебя, что вполне понятно, горстки коллекционеров и, может быть, нескольких ученых. Но для обычной публики это всего лишь куча мусора.

Ладно. Я сдалась, немного поворчав об утраченной возможности пообщаться с прессой. Признаюсь, мне нравится всеобщее внимание и я люблю давать интервью. Пока мы летели по нашей системе, я довольствовалась тем, что разбирала находки и составляла их подробное описание. Алекс выделил несколько предметов, числом около дюжины; мы переслали сведения о них нашим разнообразным клиентам и всем, кого это могло заинтересовать, а также большинству крупнейших музеев Окраины. Потенциальным покупателям также рекомендовалось обращаться к нам за полным перечнем. Когда мы причалили к Скайдеку,

не было ни радостных толп, ни оркестра, но несколько предложений мы уже успели получить.

Тем же вечером мы устроили праздничный ужин в андикварском ресторане «Каллис» на Башне. К утру пришло более сотни ответов. Всем хотелось подробностей. Многие спрашивали, когда можно будет обсудить условия сделки, некоторые желали как можно скорее увидеть предметы. Предоставив Алексу заниматься финансами, я договорилась о доставке товара с орбиты.

«Рэйнбоу» неизменно приносила Алексу прибыль и неплохо обеспечивала меня. Работа моя оплачивалась куда лучше, чем бесконечные мотания туда-обратно в межзвездном автобусе, куда меньше мешала личной жизни, да и вообще нравилась мне.

Коллекционеры — странные люди. Ценность артефакта для них, как правило, прямо пропорциональна тому, насколько предмет был близок первоначальному владельцу, или, по крайней мере, тому, как часто обладатель видел его или пользовался им. Поэтому так популярны тарелки и стаканы, поэтому коллекционер готов платить немалые деньги за пульт управления, но не берет систему жизнеобеспечения или генератор, к которым тот был подключен.

Если бы у Алекса висела на стене поучительная надпись в рамке, она звучала бы так: «Выгода — в посуде». Людям нравятся тарелки, чашки и вилки, а если у тех богатое прошлое, собиратели готовы платить любые деньги, особенно за посуду с эмблемами кораблей. Правда о наших клиентах заключается в том, что никого из них не увидишь в магазине дешевых товаров. Мне давно уже стало ясно: в отличие от стандартных изделий антикварная вещь тем привлекательней, чем выше ее цена.

Рутинная работа заняла несколько дней. К концу недели стали поступать деньги, и мы начали отправлять заказчикам первые предметы с «Ночного ангела». Мы не стали контактировать с разведкой напрямую, но они узнали о находке — что, впрочем, неудивительно, — и их директор связался с Алексом. Где находится базовая станция? Есть ли возможность посмотреть на нее? Алекс сказал, что постарается все устроить. Конечно, это был сигнал для нас: продемонстрируйте свою щедрость.

— Как ты собираешься это организовать? — спросила я.

— Этим займешься ты, Чейз. Встреться с Винди.

— Я? А может, тебе взяться за это самому и передать находку Понцио? Неплохое будет пожертвование.

- Нет. Мне тяжело хоть в чем-то себя ограничивать. А если мы хотим добиться максимальной выгоды, нужно быть скромнее.
- С этим у тебя не слишком получается.
- В том-то и дело.

За контакты разведки с археологами отвечала Винетта Яшевик — моя старая школьная подруга. Занятие, выбранное для себя Алексом, она не одобряла, считая крайне недостойным превращать антикварные вещи в предметы потребления и продавать их частным лицам. Двенадцать лет назад, узнав о моем приходе в «Рэйнбоу», она назвала меня предательницей.

При этом она внимательно выслушала рассказ об увиденном нами, а когда я сообщила, что мы забрали «кое-какие» предметы, возвела глаза к потолку, словно просила Бога даровать ей выдержку. Услышав, что мы собираемся сделать подарок, она торжественно кивнула:

- Речь идет о том, что вы не смогли унести сами? Так ведь?

Мы сидели на маленькой кушетке в офисе Винди: две старые подруги. Стены этого большого помещения на втором этаже бизнес-центра Колмана украшали многочисленные фотографии из экспедиций и несколько наград. Винетта Яшевик, служащая года; премия Харбисона за отличную службу; похвальная грамота от компании «Юнайтед дефендерс» за вклад в реализацию программы «Игрушки — детям». И фотографии мест раскопок. Я узнала обрушившиеся башни Илибриума, но на остальных снимках были только люди, стоящие вокруг раскопов.

- Мы могли вернуться, — ответила я, — и полностью обчистить станцию.

Несколько мгновений она пристально смотрела на меня, затем лицо ее смягчилось. Высокая и смуглая, всегда готовая прийти на помощь, Винди получила археологическое образование и имела опыт полевой работы. У нее было множество положительных качеств, но я бы не взяла ее на должность, требующую такта и дипломатических способностей.

- Как вы ее нашли? — спросила она.

- Изучая архивы.

Водяные часы в углу булькнули.

- Невероятно.

- И еще кое-что, — добавила я. — Мы нашли умершую женщину.

- В самом деле? То есть давно умершую?

— Да. Похоже, ее бросили те, кто покинул станцию.
— Неизвестно, почему это случилось и кто она такая?
— Абсолютно неизвестно.
— Когда доберемся туда, попробуем разведать. Вы же не привезли ее с собой?

Я поколебалась:

— Мы выбросили ее из шлюза.

Глаза Винди сузились, она вся напряглась:

— Выбросили из шлюза... что?

— Тело.

Я хотела сказать: «Идея была не моя, это все Алекс, ты же его знаешь», но тут же передумала, ведь она могла передать боссу мои слова.

— Чейз, — сказала Винди, — как вы могли?

— Извини.

— Не вовремя же в вас проснулась совесть.

За окнами темнело: близилась гроза. Похоже, пришло время сменить тему.

— Алекс считает, что там их еще с десяток.

— Трупов?

— Базовых станций.

— Насколько нам известно, шэньцзи построили их немало. — (Люди начали строить базовые станции почти сразу же после того, как покинули родную планету.) — Послушай, Чейз: если он найдет еще одну, может, сначала пустите туда нас? Не станете вламываться первыми?

— На поиски этой станции у него ушло почти два года.

Винди вздохнула, сокрушаясь о несправедливости мира:

— Некоторые посвящали этому всю жизнь и оставались с пустыми руками.

— Алекс хорошо знает свое дело, Винди.

Она встала, подошла к окну и присела на подоконник.

— Вы не требуете ничего взамен? — спросила она.

— Нет. Все бесплатно, — Я протянула ей чип. — Вот координаты и соглашение о передаче всех прав.

— Спасибо. Позабочусь, чтобы ваши заслуги были должным образом отмечены.

— Пожалуйста. Надеюсь, вам пригодится.

Открыв ящик стола, она убрала туда чип:

— Попрошу директора связаться с Алексом. Пусть выразит ему благодарность.

— Было бы неплохо, — заметила я. — Кстати, у меня есть кое-что для тебя.

Я взяла с собой несколько вещей — фрагменты системы жизнеобеспечения, кусок трубы, фильтр, крошечный моторчик. Достав их из портфеля, я подала их Винди. Большинству читателей они покажутся малоинтересными, но я хорошо знала Винди: глаза ее вспыхнули, от напряженности не осталось и следа. Она неуверенно протянула руки, и я вложила предметы ей в ладони.

Винди взяла их, пропуская сквозь себя целые столетия, потом положила на стол и обняла меня:

- Спасибо, Чейз. Ты лучше всех.
- Пожалуйста, — ответила я.
- И все равно я считаю, что вы — грабители могил.

Десять минут спустя она провела меня в офис директора — Луиса Понцио, крайне важной особы. Прямой как стрела, он привык отдавать приказы и относился к себе очень серьезно.

Это был невысокий, узкоглазый и узконосый человек, обладавший невероятной энергией, всегда готовый пожать вам руку и полностью вам довериться. Всем своим видом он будто говорил: «Вы же все понимаете, мы можем доверять друг другу». О его присутствии сразу становилось известно, и все знали, что он склонен поступать по-своему. Все звали его «доктор Понцио», ни в коем случае не «Луи».

Винди рассказала про станцию шэньцзи. Понцио замороженно слушал ее, то и дело улыбаясь. Я мало о нем знала, только то, что он — математик и политический деятель. И в том и в другом не было ничего хорошего: все политики оказывались продажными, а опыт общения с математиками привел меня к выводу, что их интересуют только секс и числа. Нередко числа стояли на первом месте.

Мы обменялись рукопожатиями и подняли бокалы. Понцио заявил, что его всегда восхищали достижения «Рэйнбоу» и, если он в состоянии чем-то помочь, можно смело к нему обращаться.

Я не раз говорила: сделаешь все как надо — будешь вознагражден. Проведя исследования, Винди смогла точнее установить возраст станции: конец имперской эпохи. Несколько дней спустя она позвонила мне домой, едва сдерживая волнение:

- Похоже, я знаю, кто эта женщина.

Я проснулась поздно и только что вышла из-под душа. Полуодетая, я не стала включать видеосвязь.

— Кто же?

— Лира Кимонити.

— Я должна ее знать?

— Вряд ли. Это первая жена Халифы Торна.

Ага. Торна я знала. Аттила, Богандиль, Торн — одного поля ягода. Именно Торн покончил с Империей, стал единоличным правителем и за четыре года убил миллионы людей, после чего с ним расправилась его же охрана. Он не видел нужды в базовых станциях, расходы на которые истощали казну, и закрыл их все.

— Торн любил затаскивать в постель жен своих подчиненных и офицеров. Лира устроила скандал.

— А-а-а.

— И исчезла.

— Почему ты решила, что женщина на станции — это она?

— Большинство историков считают, что Торн ее изгнал. Возможно, его подручные неверно поняли намерения хозяина, так как позднее он передумал и пытался ее вернуть. А может, просто забыл о своих первоначальных распоряжениях. Так или иначе, человек, которому он ее отдал, не смог отдать ее назад. Узнав о случившемся — в архивных бумагах не уточняется, о чем именно, — он казнил всех причастных к этому делу. Одним из них был... — она сделала паузу, заглядывая в свои заметки, — Абгади Дируш. Был еще один, которого Торн утопил лично, — Беренди Лакато, отвечавший за закрытие базовых станций. А Дируш возглавлял команду, которая проделывала всю работу. В любом случае Лиру никто больше не видел.

— Что ж, — сказала я, — неплохие новости.

— В каком смысле? — удивленно спросила она.

— Предметы от этого повышаются в цене. Все обожают чудовищ. Но ты ведь не думаешь, что он сам бывал на станции?

Похоже, мой вопрос шокировал Винди.

— Нет, — ответила она, — не думаю. Он не любил путешествовать: боялся, что в его отсутствие кто-нибудь захватит власть.

— Жаль.

— Я послала тебе ее фотографию.

Я вывела на экран фото Лир — рыжеволосой красавицы с большими миндалевидными глазами и притягательной улыбкой. «Как она вообще связалась с Халифой?» — подумала я и

тут же сообразила, что хорошая внешность далеко не всегда бывает преимуществом.

— Взгляни на запястье, — сказала Винди.

Я уже знала, что увижу: нефритовый браслет. Так и вышло. Я даже различила ветвь плюща.

— Тот самый, что вы нашли?

— Да.

— Значит, все подтверждается.

— Угу. — Лире на фото было года двадцать два, не больше. — В каком возрасте она погибла?

— В точности неизвестно, но лет ей было немного. Двадцать семь, может быть.

Я представила себе ее, одинокую, на станции. Оставили ли ей хотя бы свет?

— И еще кое-что, — сказала Винди. — Вы ведь привезли назад кучу артефактов с «Ночного ангела»?

— Да, кое-что забрали.

— Я подумала, что мы могли бы сделать вам рекламу. Помочь продать товар.

— О чем ты, Винди?

— Почему бы временно не передать артефакты нам? Мы могли бы организовать в музее выставку, скажем, на месяц. Полагаю, от этого они существенно прибавят в цене.

— Можно подумать насчет выставления некоторых вещей, — ответила я. — Что мы получим взамен?

— Как ты сказала?

— Вы получаете выставку предметов шэньци. А мы?

— Чейз, ваши находки увидит множество людей.

— Думаю, разведка заработает на этом куда больше.

— Ладно, вот что я тебе скажу: дайте нам попользоваться артефактами, а я открою твоему боссу один секрет.

— Да нет у вас ничего такого, — сказала я.

— Послушай меня...

— И что же это?

— Скоро будет шестьдесят лет со дня пропажи «Поляриса».

Я бросила полотенце в корзину и накинула халат.

— Ты одна, Винди?

— Да.

Я прошла в гостиную и включила видео. Винди сидела за столом.

- Везет тебе. Не надо торчать на работе, — сказала она.
- Мне платят за то, что я знаю.
- Конечно. Я всегда так и думала.
- Так что ты готова предложить?
- На следующей неделе в честь годовщины выходят несколько книг. Будет много телепрограмм, а по одному из каналов даже выступит медиум с объяснением того, что случилось.
- На «Полярисе»?
- Да.
- И что он говорит, этот медиум?
- Что их похитили призраки.
- Почему меня это не удивляет?
- Я не шучу. Призраки. Что-то вроде сверхъестественного тумана, который проникает сквозь обшивку.
- Ладно.
- Парень известный, с большим послужным списком.
- Не сомневаюсь.
- Суть в том, что в ближайшие недели о «Полярисе» будут много говорить. Мы устраиваем банкет, приглашаем важных гостей. Торжества состоятся чуть позже, чтобы сделать все сразу.
- Торжества?
- По случаю присвоения имени новому крылу. В честь «Поляриса».
- Только теперь это пришло вам в голову?
- Винди рассмеялась:
- Спроси кого-нибудь другого, Чейз. Я работаю здесь всего несколько лет. Но между нами: подозреваю, что разведку это всегда слегка пугало. Семь человек пропадают с космического корабля. История эта долгое время выглядела мрачной, и вряд ли им хотелось о ней напоминать. Теперь же она стала почти легендой. Понимаешь, о чем я? Так или иначе, мы собираемся устроить по этому поводу двухнедельную феерию. И еще мы планируем продать на аукционе некоторые артефакты с «Поляриса». Думаю, тебя это заинтересует.
- Артефакты? — удивленно переспросила я. — Не знала, что у вас они есть.
- Они хранились у нас с того времени. В основном это личные вещи — планшеты, скафандры, ручки, чашки и прочее. Есть и оборудование, но его немного.
- Почему? В смысле — почему они хранились у вас?

— После того как комиссия Тренделя завершила расследование, корабль продали, а о вещах, вероятно, просто забыли. А может, кто-то решил оставить их.

Артефакты с «Поляриса». Целое состояние.

— В любом случае вы с Алексом приглашены на банкет.

Не удержавшись, я широко улыбнулась:

— Вы получаете доступ к артефактам с «Ночного ангела», а мы — приглашение на ужин?

Винди всерьез обиделась:

— Это не просто ужин. Придут наши самые влиятельные жертвователи. Это эксклюзивное мероприятие, и оно будет освещаться в прессе.

— Винди, — предложила я, — давай так. Мы одалживаем вам на месяц кое-какие артефакты, а в ответ получаем приглашения на ужин...

— И?..

— ...и пятнадцать артефактов с «Поляриса» бесплатно — до аукциона. Мы посмотрим и сами выберем, что нам нужно.

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу этого сделать, Чейз. У меня нет таких полномочий.

— Поговори с Понцио.

— Он не согласится. Решит, что я сошла с ума. На его месте, впрочем, я тоже решила бы так.

— Напомнить тебе, что разведка получает от нас целую базовую станцию?

— Это подарок, без всяких обязательств с нашей стороны. Забыла?

— Ладно. Вполне честно. Не слишком благородно, но честно.

— Послушай, Чейз, я дам вам взглянуть на артефакты во время доаукционных торгов. Если договоримся о цене, они ваши.

— О разумной цене, — уточнила я.

— Да, конечно. Мы не стали бы использовать «Рэйнбоу» в своих целях.

— Винди, ты не хуже меня знаешь, что цены сперва взлетят, а потом упадут.

— С этим проблемы вряд ли будут. Но пятнадцать мы показать не можем.

— Так сколько же?

— Два.

Похоже, и впрямь начались торги. Я изобразила на лице надлежащее возмущение.

— Два. Два предмета. Больше ничего не могу сделать.

Торги продолжались. В конце концов мы стоворились на шести.

После разговора с Винди я вывела на экран Мемориальную стену в Саду камней, расположенном позади административного центра разведки. Это спокойное место: шумящий ручей, несколько валунов, оставшихся от последнего ледникового периода, цветущие растения и собственно стена, отделенная от остальной территории линией высокого кустарника, так что кажется, будто ты в лесу. Мемориал посвящен тем, кто работал под эгидой разведки и отдал жизнь «ради науки и человечества». В действительности же стена состоит из обтесанных камней: на них высечено свыше ста имен людей, живших в течение двух столетий.

Разумеется, пассажир и капитан «Поляриса» не забыты. Если катастрофа унесла больше одной жизни, имена погибших располагают в алфавитном порядке, вместе с датой: Чек Боланд идет первым, Мэдди — третьей. Прошло двенадцать лет, прежде чем их официально включили в Реестр погибших героев и состоялась церемония, на которой их официально признали умершими. Своего рода уступка.

Винди звонила, когда у меня был выходной. После этого я связалась с Алексом, и мы договорились встретиться за ланчем. Мне хотелось рассказать ему, что нас навели на след артефактов с «Поляриса». Но я сразу же заметила, что у него рассеянный вид.

— С тобой все в порядке? — спросила я.

— Все отлично, — ответил он. — Просто отлично.

Выслушав мой рассказ, он удовлетворенно кивнул:

— Когда мы их увидим?

— Она даст нам список и доступ к изображениям. Насмотримся вдоволь.

— Хорошо, — сказал Алекс. — У меня есть кое-что еще.

— Даже не сомневалась.

Мы сидели в «Бабко» на Молде — в заднем дворе, выходящем на Хрустальный фонтан. Место это считалось мистическим: тот, кто потерял единственную настоящую любовь, должен был бросить в фонтан несколько монет и сосредоточиться, чтобы любимый человек вернулся. Если, конечно, вы этого хотели.

— Я подумал, — продолжил он, — что «Рэйнбоу» могла бы расширить сферу деятельности и заняться тем, чем никто прежде не занимался.

— Чем же?

— Радиоархеологией.

— Что такое радиоархеология?

— Мы работаем с антиквариатом. Мы собираем, покупаем и продаем всевозможную посуду, керамику, электронику — что угодно.

— Верно, — кивнула я.

Он посмотрел на меня, и глаза его вспыхнули.

— Чейз, что такое «антиквариат»?

— Ладно, сыграю в твою игру. Это предмет, историю которого можно проследить. Предмет из далекого прошлого.

— Не слишком ли много ограничений?

— Ну... может быть. Что еще ты хочешь узнать?

— Ты сказала «предмет». Подразумевается, что антиквариат — нечто вещественное, что его можно подержать в руках?

— Только тот, который можно продать.

Традиции, истории, обычаи тоже являлись своего рода антиквариатом.

— Должен ли антиквариат быть вещественным, чтобы его можно было продать?

— Конечно.

— Не уверен. Думаю, мы что-то упускаем.

— В смысле?

Принесли сэндвичи и напитки.

— Как насчет передач? — Увидев мое удивленное лицо, он улыбнулся. — Мы уже используем радиопередачи для поиска. Именно так мы нашли «Хэлворсен».

Капитан и пассажиры «Хэлворсена», корпоративной яхты, погибли в начале столетия: корабль поджарился во вспышке гамма-излучения. Мы нашли и отследили поданный им сигнал бедствия, которому к тому времени исполнилось четверть века. Передача была последней, но она задала направление поиска: не так уж и много, но нам хватило. Проследив источник сигнала и рассчитав дрейф, мы нашли «Хэлворсен». Ну да, все было не так просто, но не важно: у нас получилось.

— Но я имею в виду вовсе не использование передач для поиска, — продолжал Алекс. — Я предлагаю собирать их, потому что они ценны сами по себе.

Я откусила от сэндвича с сыром и томатом.

— Объясни.

Он с удовольствием повиновался. Ничто так не радовало Алекса, как возможность просветить недалекого собеседника.

— Шестьсот лет назад, когда террористы Брока пытались осаждать Корминдель и все население, казалось, охватила паника, Чарльз Делакорт передал свой знаменитый призыв к мужеству: «Под угрозой не только наши жизни, друзья мои, но и наше будущее, которое эти безумцы хотят уничтожить навсегда. Мы должны держаться до последнего ради нас самих, наших детей и всех, кто придет после нас. Будущие поколения запомнят, что мы стояли насмерть». Помнишь?

— Ну... наизусть не помню, но, естественно, знаю об этом. — В критический момент Делакорт сплотил нацию, и сегодня его призыв известен каждому школьнику. — Но я все равно не понимаю...

— Он утрачен, Чейз. Я про призыв. Его больше нет. Мы знаем, что именно было сказано, однако передачи как таковой у нас нет. Но она существует где-то там, далеко. Мы приблизительно знаем, когда это произошло, и поэтому знаем, где ее искать. Что мешает нам отправиться в космос, отследить передачу, записать ее и доставить назад — целой и невредимой? Надо лишь опередить ее, и мы сможем восстановить один из величайших моментов нашей истории. Сколько, по-твоему, может стоять подобная запись?

Несколько квегов пролетели мимо нас и уселись на дерево, не сводя взгляда с фонтана: кто-то бросил туда хлеб. Квеги не боятся людей. Посидев минуту или две, они снова взлетели, пронесли над нашими головами, с плеском опустились на воду и начали кормиться.

— Неплохая идея, Алекс, но радиопередача не может существовать так долго. Никак не может. От нее не осталось ничего, кроме блуждающих электронов.

— Я произвел кое-какие изыскания.

— И что?

— Обращение Делакурта передавалось на несколько станций за пределами планеты, а значит, были и направленные передачи — не только широковещательная. А если учесть, энергия какого вида использовалась в ту эпоху, вполне можно предположить, что передачи удастся восстановить.

— Есть способ определить векторы передач?

Все-таки планеты и станции имеют свойство перемещаться.

— У нас есть протоколы тех времен, — сказал он, — и мы точно знаем, когда производились передачи. Да, определить направление вполне возможно.

Его слова меня впечатлили. Все это было похоже на правду.

— Там, в космосе, сплошная история, — продолжал Алекс. — Атака Брахмана на Деллаконду. Моримба, удерживающий на Веллборне форт от натиска религиозных фанатиков. Обращение Ариты Милл при подписании Договора. Черт побери, у нас его нет даже в письменном виде. Но все эти передачи были направленными, и в каждом случае известно время.

— Может, и получится, — сказала я. — Вряд ли кто-то задумывался об этом раньше.

Алекс удовлетворенно кивнул:

— И еще кое-что.

— Ладно.

— Там полно развлечений.

— Ты имеешь в виду голодрану?

— Я имею в виду немалую часть развлекательных передач, произведенных за последние несколько тысяч лет. Большинство из них — скажем так, многие — транслировались в сжатом виде на орбитальные станции, корабли и так далее. Все это там, в космосе. Хотите послушать Пакву Тори — пожалуйста.

— Кто такая Паква Тори?

— Самая знаменитая комедиантка Токсикона в Болерианскую эпоху. Я ее слышал. И впрямь забавно.

— Она говорит на стандартном?

— Вряд ли. Но можно сделать перевод, сохранив ее голос и манеры.

— Вкусы меняются, — заметила я. — Сомневаюсь, что древняя комедия соберет широкую аудиторию. Или драма, или что-нибудь еще.

— Софокла играют до сих пор, — улыбнулся Алекс. — Как только закончим с «Полярисом», подумаем об установке антенных усилителей на «Белль».

ГЛАВА 3

Древности — остатки истории, случайно спасшиеся при кораблекрушении времени.

Фрэнсис Бэкон. О пользе и успехе знания

На следующий день после моего разговора с Винди мы получили приглашения на банкет и аукцион. На той неделе она позвонила еще раз:

— Чейз, я хотела тебе сообщить, что завтра вечером мы устраиваем прием. Будут важные персоны.

— Хорошо.

— Назначено на восемь. Мы бы хотели видеть вас с Алексом. Заодно сможете взглянуть на товар.

— Весьма любезно с твоей стороны.

Алексу нравились подобные мероприятия, особенно с бесплатной едой и напитками. Каждый раз он заполучал одного-двух новых клиентов.

— Спасибо, Винди, — сказала я. — Поговорю с боссом. Скорее всего, мы придем.

И тут она меня удивила:

— Отлично. Без «Рэйнбоу» было бы совсем не то. Приходите минут за пятнадцать-двадцать, ладно? Я встречу вас в своем офисе. Кстати, мне понадобится дата твоего рождения. И дата рождения Алекса.

— Зачем?

— Для службы безопасности.

— Службы безопасности?

— Да.

— Думаешь, мы можем украсть артефакты?

— Нет, конечно. — Винди приподняла брови. — Да вы бы и не стали пытаться, — улыбнулась она. — Дело в другом. Но я не могу об этом говорить.

— Почему?

Брови ее вновь взлетели.

— Этого я тоже не могу сказать.

История с «Полярисом», естественно, давно перестала быть новостью: она случилась задолго до моего рождения. С тех пор вокруг нее создалась фантастическая аура. Казалось, будто некая сверхъестественная сила проникла на корабль до того, как тот успел подать сигнал тревоги, смогла отключить искина и похитила людей для целей, известных только ей, — трудно было предположить что-то иное. Все это слишком напоминало сказку, вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью. О том, что могло случиться на борту «Поляриса», я имела не больше понятия, чем любой другой человек. Но события в том виде, как они были представлены в отчете, плохо поддавались объяснению. Я была убеждена, что в отчете чего-то не хватает или, наоборот, в него что-то добавили, — не спрашивайте меня, что именно.

После того как Винди рассказала мне об аукционе, я изучила происшествие подробнее. Кроме исчезновения людей с корабля, была еще одна странность: когда на «Полярисе» оказался Мигель Альварес, искин не работал. Корабль нисколько не пострадал, гиперсветовая связь действовала, все системы функционировали — кроме искина. Как заявил Альварес на слушаниях, казалось, будто его просто выключили. Проверка показала, что искин перестал функционировать через несколько минут после отправки последнего сообщения: «Стартуем в ближайшее время».

Алекс тоже заинтересовался всем этим. Обычно его воодушевляла лишь возможность заработать, но с «Полярисом» было иначе. Он заметил, что после отключения искина потенциальные дознаватели лишились единственного свидетеля, и ему тут же захотелось выяснить, как это было сделано. Как вообще отключают искинов?

— Самый простой способ — сообщила я, — приказать ему отключиться.

— Такое возможно?

— Конечно. Так делают постоянно. Искин записывает все, что происходит на мостике, в трюме, машинном отделении и,

возможно, еще в одном-двух помещениях. Если кому-то хочется поговорить на мостике, не оставляя записи, он приказывает искину отключиться.

— А как его включают обратно?

— Иногда с помощью кодового слова, иногда посредством обычного выключателя. — Мы стояли на крыльце возле офиса «Рэйнбоу», расположенного на первом этаже загородного дома Алекса. По листьям деревьев стучал холодный неприятный дождь. — Но на «Полярисе» случилось нечто иное.

— Откуда ты знаешь?

— Если искину велят деактивироваться, он сохраняет запись о получении такого приказа. Искин «Поляриса», включенный через несколько минут после появления Альвареса, не помнил о подобном приказе. Значит, кто-то отключил его вручную.

— Есть другие варианты? Что еще могло случиться?

— Отказ питания. На кораблях должны иметься резервные источники энергии, но это правило соблюдается не всегда. В тысяча триста шестьдесят пятом, наверное, было то же самое. Но отказа не случилось — когда «Пероновский» добрался до «Поляриса», энергопитание работало.

— И как же ты это объяснишь?

— Кто-то отключил искина, отсоединив одну из цепей, а потом подключил обратно. И когда «Пероновский» нашел «Полярис», все было на месте.

— Хочешь сказать, что, если подключить цепь обратно, искин не запустится автоматически?

— Нет. Нужно воспользоваться выключателем.

— Зачем посторонней силе такие проблемы?

— Приверженцы этой теории говорят, что посторонняя сила отключила искина при помощи какого-то поля.

— Это возможно?

— Полагаю, возможно все, при наличии соответствующих технологий.

Найдя «Полярис», «Пероновский» трое суток оставался рядом с ним, но так ничего и не обнаружил. Несколько недель спустя прибыл спасательный корабль, доставивший «Полярис» домой. Тщательное обследование ничего не прояснило, после чего разведка законсервировала «Полярис». В 1368 году его продали фонду «Эвергрин», который сменил название корабля на «Шейла Клермо».

Я поговорила с Саболом Кассемом из университета Трегера на островах Восходящего Солнца. Кассем исследовал это происшествие и защитил по нему докторскую диссертацию.

— Судя по архивным данным, — рассказал он, — люди на борту «Клермо» чувствовали себя «неуютно» — плохо спали, слышали голоса. Ходили слухи, что электроника взбунтовалась, что Мадлен Инглиш и пассажиры каким-то образом были заключены в управляющие модули. На корабле путешествовал Марион Хорн — еще до того, как стал знаменитым архитектором. Он клялся, что ему всегда казалось, будто за ним наблюдает «некто страждущий», и добавлял: «Я знаю, каково это».

Кассем сидел на скамейке перед мраморным фасадом с высеченной на нем надписью: «ИСТИНА, МУДРОСТЬ, СОЧУВСТВИЕ».

— Самое знаменитое — или шокирующее — заявление сделал Эверт Клауд, король рекламы и один из главных спонсоров «Эвергрина», — улыбнувшись, продолжил он. — Клауд утверждал, что видел призрак Чека Боланда: тот стоял возле челнока. Призрак якобы умолял Клауда, чтобы тот помог им бежать с «Поляриса».

Я пересказала наш разговор Алексу. Радости его не было предела.

— Отличные истории, — сказал он. — Благодаря им стоимость вещей только вырастет.

Кстати, Шейла Клермо была дочерью Маккинли Клермо, с давних пор руководившего экологической деятельностью «Эвергрина». В четырнадцать лет она стала жертвой несчастного случая, катаясь на лыжах.

Джейкоб, искин Алекса, собрал историю Мэдди Инглиш в фотографиях. Мадлен в шесть лет, с мороженым, на трехколесном велосипеде. В тринадцать: на ступенях школы стоит весь ее восьмой класс. Первый бойфренд. Первые лыжи. Восемнадцатилетняя Мэдди участвует в шахматном турнире. Джейкоб даже нашел неполную запись пьесы «Десперадо», где старшеклассница Мэдди играла Табиту, — увы, та слишком рьяно предавалась любви.

Он показал мне фотографии Мэдди в летном училище, а затем в Ко-Ли, где она получила специальность пилота сверхсветовых кораблей. На десятках фото, сделанных во время выпус-

ка, она гордо стояла рядом с родителями, очень похожая на свою мать, праздновала окончание учебы вместе с другими выпускниками, в последний раз смотрела на учебную станцию перед отлетом домой.

Все это было мне хорошо знакомо. Я сама училась в Ко-Ли: за семьдесят с лишним лет после Мэдди он сильно изменился, но многое оставалось прежним. Подвергаясь испытаниям, ты понимал, на что ты способен и кто ты такой.

С тех пор прошло пятнадцать лет, но я и сейчас помню, как непрерывно бурчала во время учебы. Две трети моего класса отсыпались — средний показатель по школе. Инструкторы порой доводили нас до белого каления. Но я поняла, кто я такая и чего можно от меня ожидать.

Может, это прозвучит глупо, но, если бы я не закончила Ко-Ли, я была бы другим человеком. Подозреваю, что Мэдди придерживалась того же мнения о себе.

На одной фотографии из Ко-Ли она стояла рядом с мужчиной средних лет перед залом Паскаля, где устраивали большую часть симуляций. Мужчина был очень похож на Уркварта!

— В подростковом возрасте, — сообщил Джейкоб, — она доставляла родителям немало проблем. Она ненавидела школу, никого не слушалась, пару раз сбегала из дома и связалась с неподходящей компанией. Ее несколько раз арестовывали. Родители ничего не могли с ней поделать. Уркварт познакомился с ней, посетив колонию для несовершеннолетних. Уже шли разговоры о частичной реконструкции личности. Видимо, девушка произвела на Уркварта впечатление, и он убедил власти передать ему ответственность за нее. Он взвалил на себя нелегкую ношу, но в итоге Мэдди закончила школу, а затем Уркварт устроил ее в Ко-Ли.

Джейкоб показал мне видеоклип: Мэдди на корабельном мостике дает интервью для шоу, которое демонстрировалось в Аэрокосмическом музее имени Беррингера. «Я всем обязана ему, — сказала она. — Не появись он в моей жизни, одному Богу ведомо, что бы со мной стало».

Департамент планетарной разведки и астрономических исследований представлял собой полусамостоятельное агентство, которое на четверть финансировалось правительством и на три четверти — за счет частных пожертвований. В эпоху, когда бо-

лезни редки, подавляющее большинство детей имеют обоих родителей и все хорошо питаются, возможностей помогать другим остается немного. Между тем людей, желающих делать это, по-прежнему хватает. Что ж, по крайней мере, можно с надеждой смотреть в будущее. Дело в том, однако, что в подобных обстоятельствах много средств выделяется на нужды детских спортивных секций и исследовательских организаций. Но ни одна из них не пользуется такой известностью, не овеяна такой романтикой, как разведка с ее экспедициями в неизведанные края. В одной лишь туманности Дамы-под-Вуалью десятки тысяч звезд, так что хватит надолго — судя по истории последних тысячелетий, до конца времен. Попытки проникнуть в неведомое лишь подогревают воображение: никогда не знаешь, что удастся найти. Вдруг это будет Аурелия, легендарная затерянная цивилизация?

Разведкой управлял совет директоров, представляющий интересы десятка политических комитетов, академического сообщества и нескольких богатых спонсоров. Председатель, как и директор, был политическим назначенцем, сменявшимся каждые два года. Он (или она) теоретически имел научную подготовку, но занимался в основном политическими вопросами.

Здания, где размещалось высшее руководство разведки, занимали шесть лучших акров земли на севере столицы, вытянувшись вдоль берега Наракобо. Оперативный центр находился на середине континента, но именно высшее руководство принимало политические решения, давало добро на экспедиции и определяло, куда они должны отправиться. Именно в этих зданиях набирали технический персонал для космических кораблей, именно туда приходили ученые, чтобы отстаивать свои предложения относительно очередной миссии. Здесь же располагался отдел по связям с общественностью, где работала Винди. Он и устраивал аукцион.

В свои нынешние роскошные помещения штаб-квартира разведки переехала около трех лет назад из обшарпанного каменного здания в центре города. Алексу хотелось думать, что это как-то было связано с возросшим интересом к старинному наследию, после того как он разобрался с открытиями Кристофера Сима. На самом же деле к власти пришла другая политическая партия, которая уже дала разные обещания, — а чем еще можно похвастаться, как не новым строительством?

Но я никогда не скажу ему об этом.

Вняв просьбе, мы явились на пятнадцать минут раньше. В офис Винди нас проводил настоящий человек: обычно такое поручение давали аватару, если речь не шла о важной персоне. Винди была в вечернем платье, белом с золотым шитьем.

Надо заметить, что Алекс всегда умел выбирать одежду для таких случаев. Да и я, без ложной скромности, выглядела не хуже — черное шелковое платье с открытыми плечами, высокие каблуки и ровно столько обнаженной кожи, чтобы вызвать восхищенные комментарии.

Понимающе улыбнувшись, Винди отпустила шутку насчет возможности поохотиться этим вечером, а затем превратилась в самую невинность, пока Алекс ласкал ее взглядом и отпускал комплименты по поводу ее красоты.

Офис освещала единственная настольная лампа. Винди могла бы включить свет, но не стала: в полумраке все выглядит намного экзотичнее.

— Кому достанется прибыль? — спросил Алекс, когда мы расположились в креслах. — От аукциона?

— Не нам, — ответила Винди.

— Почему? Куда она пойдет?

— Разведку финансирует Совет.

— Это понятно. Но «Полярис» — дитя разведки. Это ваше оборудование, ваша экспедиция. И в любом случае бо́льшая часть находок поступает от частных лиц.

Винди послала за напитками.

— Ты же знаешь, как выходит с правительством, — сказала она. — В конечном счете они присваивают все.

Алекс вздохнул:

— Итак, почему мы собрались? Кто к нам приехал?

Винди зловеще улыбнулась:

— Маджа.

Алекс ошеломленно уставился на нее. Я тоже.

— Это же настоящий головорез, — сказала я и сразу получила в ответ предупреждающий взгляд: мол, не поднимай волну.

Маджа был правителем Коррим-Маса, независимой горной теократии на другой стороне планеты, где из поколения в поколение ничего не менялось, что бы ни происходило вокруг. Коррим-Мас упорно отказывался вступить в Конфедерацию, главным образом потому, что никак не мог считаться демократическим государством.

Жители его верили, что конец света неминуем и что утверждение, будто человечество возникло на другой планете, — ложь. Они отрицали существование «немых», настаивая, что инопланетян нет, а если есть, то они не могут читать мысли. Жили они сравнительно неплохо, правда время от времени граждане исчезали, и никто никогда не критиковал правительство. То было самое старое непрерывно существующее государство на Украине. Правила им самодержцы, сменявшие друг друга: народ, судя по всему, был не способен взять власть в свои руки. После свержения очередной династии ее место всякий раз занимала новая банда гангстеров.

— Маджа — глава государства, — сказала Винди, сделала паузу, но ответа не дождалась и продолжила: — Он скоро прибудет, и его проводят в директорские апартаменты «Проктор юнион». Там соберутся все гости, включая нас. Если он будет не против, мы подойдем к нему и поприветствуем.

— Весьма любезно с его стороны, — заметила я. — А если он будет против?

Алекс снова дал понять, что пора сменить тему.

— При чем здесь мы? — спросил он. — Он собирается взглянуть на артефакты?

— Да. И еще показаться на приеме, устроенном разведкой.

Я заметила, что маджа, по моему мнению, не верит в существование космических кораблей.

— Придется тебе самой спросить его об этом, — улыбнулась Винди, несколько не обидевшись. Я достаточно хорошо ее знала: сама она не стала бы касаться этой темы, будь у нее такая возможность. Но Винди всегда отличалась лояльностью к начальству и любила свою работу. — Он слышал о тебе, Алекс. Когда директор сказал, что ты придешь, он попросил представить тебя ему.

Принесли напитки — «Морскую пену» для Алекса, красное вино для Винди и «Темный карго» для меня. Винди подняла бокал.

— За корпорацию «Рэйнбоу», — сказала она. — За ее постоянные усилия в поисках истины.

Слова эти звучали несколько высокопарно, но мы ей подыграли. Все равно нам требовалось сменить тему. Выпив коктейль, я захотела добавки, но сомневалась, стоит ли напиваться перед встречей с самым кровожадным человеком на планете. Впрочем,

бюрократические ритуалы решили все за меня — прибыла вторая порция. На этот раз тост произнесла я:

— За пассажиров и капитана «Поляриса», где бы они ни были.

Алекс выпил и встал, разглядывая свой бокал:

— Надо полагать, мы сдались? Делаются ли сейчас попытки выяснить, что там случилось?

— Нет, — сквозь зубы проговорила Винди. — Практически нет. Есть специальная комиссия, но толку от нее мало. Они зашевелиятся, только если появится что-то новое. Время от времени кто-нибудь пишет книгу или устраивает шоу. Но скоординированной деятельности нет. В конце концов, Алекс, это было слишком давно. — Она поставила бокал. — Когда это случилось, туда, к Дельте Карпис, послали весь флот. Они искали повсюду. Проверили все, что можно, в радиусе нескольких световых лет.

— И никаких результатов?

— Ни малейших.

— Никаких следов? — в свою очередь спросила я. — Вообще?

— Нет. Ничего так и не нашли. — Винди взглянула на браслет. — Пора идти. Он уже здесь.

Она встала и открыла перед нами дверь. Я поколебалась.

— Не уверена, что мне хочется общаться с этим типом, — сказала я.

Алекс уже стоял, поправляя пиджак:

— Тебе вовсе незачем с ним любезничать, дорогая. Вряд ли мы его заинтересуем.

Винди задержалась на пороге:

— Понимаю твои чувства, Чейз. Прости. Мне следовало вас предупредить, но с нас взяли подписку о неразглашении. Слишком многие хотели бы убить его. Маджу. — (Посмотрев в окно, я увидела, как садятся два скиммера.) — Но я буду вам благодарна, если вы придете. С вами будет веселее. — Она улыбнулась. — И потом, часто ли ты встречаешься с настоящими диктаторами?

— Тоже верно. — Я посмотрела на Алекса.

— Все это в интересах дипломатии и науки, — сказал он, мягко подталкивая меня.

ГЛАВА 4

Каждый должен иметь возможность развлечься в компании тирана. Любой тиран хорошо танцует.

Таскер Лаври

Артефакты находились в аудитории на первом этаже «Проктор юнион», этажом ниже директорского кабинета. «Проктор юнион» — большое и хаотичное сооружение, часть которого отведена под офисы, часть — под музей, а часть — под конференц-центр. Оно располагается за западной петлей Длинного пруда, который представляет собой вытянутую восьмерку — символ бесконечности.

В обычных обстоятельствах мы могли бы спуститься из офиса Винди и пройти по коридору под прудом, но сейчас все было закрыто по соображениям безопасности. Пришлось одеться и выйти через главный вход. Винди шла впереди. Вечер был влажным и ветреным, в небе виднелись размытые очертания полной луны. Встречные куда-то спешили, наклонив голову. Случайных любителей прогулок сегодня не было.

Мы перешли через Длинный пруд по одному из мостов. Квоков, собиравшихся здесь в стаи в это время года, тоже не было видно.

Винди поплотнее запахнула пальто.

— Сегодня будет много важных персон. — Она начала перечислять имена и титулы — сенаторы и судьи, руководители корпораций и адвокаты. — Весьма влиятельные в городе лица. — Андиквар был столицей планеты, и подразумевалось, что их влияние распространяется не только на город. — Услышав о приезде маджи, они захотели к нам присоединиться.

Я знала, что завтра те же самые люди будут нападать на него и разглагольствовать о морали в ток-шоу, но промолчала.

— Впрочем, особого столпотворения не ожидается, — продолжала Винди. — Приглашения направлялись в последнюю минуту.

— Тоже из соображений безопасности? — спросил Алекс.

— Да. Его охрана не любит планов, составленных задолго до события.

— Догадываюсь.

«Проктор юнион», административный центр комплекса, напоминал стреловидный летательный аппарат, готовый взмыть в небо. Крыши расходились в нескольких направлениях, но наклон их создавал впечатление, будто сооружение должно перелететь на дальний берег Наракобо. Сквозь ряд деревьев виднелась сама река, темная и задумчивая. В вечернем воздухе витала неясная тревога — ощущение близкой катастрофы.

У главного входа молча стояли двое охранников маджи, которых ни с кем нельзя было спутать. Они всячески прикидывались обычными людьми, но бандиты есть бандиты. Охранники оглядели нас, и один из них что-то прошептал в браслет. Когда мы подошли ближе, нам выдали две механические улыбки. Воцарилась напряженная тишина. Мы представились, и нам разрешили пройти.

— Вряд ли они считают нас очень опасными, — понизив голос, сказал Алекс.

— Вас уже проверили заранее, — ответила Винди.

Мы поднялись по двенадцати мраморным ступеням к портику. Открылась дверь, и мы прошли в вестибюль. Раздевшись, мы свернули в главный коридор. Оказалось, вечеринка уже выплеснулась туда. Некоторые гости увидели нас с Винди и подошли поздороваться. Винди представила меня тем, кого я не знала, и после обмена любезностями мы двинулись дальше.

— Честно говоря, я удивлен, что он решил появиться именно здесь, — заметил Алекс. — Разве деятельность научного учреждения не подрывает его религиозные воззрения?

— Думаю, это просто роль, которую он играет перед соотечественниками, — сказала Винди. — Будь он настолько глуп, он не смог бы удержаться у власти.

Несколько человек — видимо, из отдела Винди — снимали все происходящее.

— Но ведь его подданные увидят это, — сказала я.

— В Коррим-Масе все будет выглядеть иначе. Правоверные услышат, что он стойко держался в окружении неверных, — рассмеялась она. — Не относись ко всему так серьезно, Чейз.

Стены украшали голубые с золотом флаги.

— Цвета его государства? — спросил Алекс.

— Да.

Миновав двустворчатые двери, мы вошли в зал для приемов. Там стояли человек тридцать, все с бокалами в руках. Я узнала двоих сенаторов, советника по науке, нескольких академиков — и, конечно, доктора Луиса Понцио.

Отделившись от остальных, он подошел к нам, всем своим видом изображая радость в связи с нашим появлением.

— Алекс, — сказал он, протягивая руку, — очень приятно, что вы пришли. Винди уже рассказала вам о нашем госте?

— С нетерпением жду встречи с ним, — ответил Алекс.

Понцио явно не помнил, кто я такая, хотя и пытался это скрыть. Винди напомнила ему об этом с предельной деликатностью.

— Его превосходительство выразил особое желание встретиться с вами обоими, — сказал он.

Не знаю, что думал Алекс, но я бы предпочла, чтобы его превосходительство не знал, кто я такая и где меня можно найти.

— Почему? — поинтересовался Алекс.

— Он высоко ценит вашу работу. Несколько лет назад вы потрясли основы истории, снабдив его оружием.

Алекс нахмурился:

— Прошу прощения, доктор Понцио, но я не понял вас. Каким оружием?

— Возможностью продемонстрировать его соотечественникам, что приобретенное знание — вещь весьма скользкая и никогда нельзя быть уверенным, каковы факты на самом деле. Тем самым подтверждается его тезис, что лучше всего полагаться на священные писания и на него лично. — Увидев выражение лица Алекса, Понцио рассмеялся и хлопнул его по плечу. — Все в порядке, Алекс. Если бы не вы, нашелся бы кто-нибудь другой. Ранно или поздно правда все равно бы всплыла. Ничто нельзя скрывать вечно.

Брюнетка в зеленом и белом слегка приподняла руку, привлекая внимание Понцио, и кивнула.

— Он здесь, — сказал директор.

Шум в зале тут же утих, и люди переместились к стенам, глядя в сторону входа.

Мы услышали, как открылась и закрылась дверь, затем коридор заполнился голосами и смехом.

Маджа ворвался в зал, словно приливная волна. Его сопровождали три-четыре помощника и несколько охранников. Остальные гости попятись, собрались в кучки и наконец неуверенно двинулись вперед. Насколько я могла понять, на месте остался лишь доктор Понцио. Вежливо улыбнувшись, он поклонился диктатору.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — для меня большая честь встретиться с вами. Мы рады, что сегодня вы здесь.

Естественно, я видела фотографии маджи, но фотография не всегда может подготовить к встрече с реальностью. Я ожидала увидеть кого-то похожего на Дракулу, но все оказалось иначе.

Он был ниже, чем я думала, даже ниже среднего роста, черноволосый, чисто выбритый человек, чуть более тучный, чем на фото, в белом кителе и темно-серых брюках. Китель был увешан медалями и орденскими планками, через правое плечо протянулась красная лента.

Поклонившись в ответ директору, он что-то неразборчиво сказал и протянул руку. Понцио с величайшим уважением пожал ее и тут же отпустил.

Знаменитости можно простить все. У этого человека руки были по локоть в крови, а его встречали так, будто он только что сделал крупное пожертвование на нужды медицины.

Пропагандисты маджи всегда утверждали, что его жертвы — убийцы и мятежники, жаждущие дестабилизировать обстановку в Коррим-Масе или потрясти основы веры, что они — худшие из злодеев, что они крайне опасны и при возможности без раздумья пролили бы кровь невинных. У маджи не оставалось иного выбора, кроме как отправить их, пусть и с неохотой, к Всевышнему. Возможно, стирать память было бы не так жестоко, но эта технология подпадала под религиозный запрет.

Вскоре он подошел к нам, повернулся ко мне, мысленно истекая слюной, и взял меня за руку. Я поняла, что он прекрасно знает, о чем я думаю, и что это нисколько его не волнует.

— Госпожа Колпат, — слегка поклонившись, сказал он, — всегда приятно встретить такую красивую женщину. И такую талантливую. Как я понимаю, вы пилот?

Слова его звучали совершенно искренне. Будь я проклята, но этот сукин сын умел понравиться каждому. Он уже знал обо мне больше, чем доктор Понцио.

— Да, — ответила я, изо всех сил стараясь сохранить присутствие духа и не ляпнуть ненароком, что в этом нет ничего особенного: каждый может стать пилотом сверхсветовика. Каким-то образом он заставлял вас чувствовать себя полным ничтожеством. — Я отвечаю за «Белль-Мари», корабль корпорации «Рэйнбоу».

Он кивнул. Следующее его замечание было обращено к Алексу, но он все так же не сводил с меня взгляда.

— Остаться в небе наедине с такой красавицей... — восхищенно проговорил он. — Просто дух захватывает. Для меня большая честь встретиться с человеком, который вытянул у звезд правду.

Именно так он и сказал — «вытянул у звезд правду». И если вы считаете, что он не был похож на Дракулу, я с вами соглашусь. Не высокий, не самоуверенный и не мрачный. В нем не было ничего угрожающего. Тот, кого хочется пригласить на ужин.

— Как я понимаю, — продолжал он с едва заметным акцентом, — недавно вам вновь улыбнулась удача?

Кто-то вложил ему в руку бокал вина.

— Базовая станция шэньци, — сказал Алекс. — Вы неплохо осведомлены.

— О да, — кивнул маджа. — Можно не сомневаться. — Он поднял бокал. — За базовую станцию. И за человека, благодаря которому она была найдена. — Слегка пригубив вино, он вытянул руку с бокалом, не сводя взгляда с Алекса, и разжал пальцы. Оказавшийся рядом помощник тут же подхватил бокал и передал его кому-то еще. — Мы в долгу перед вами, господин Бенедикт.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Сердце мое забилося сильнее при мысли, что я могла бы оказаться в космосе наедине с этим типом. Нет, мне вовсе не хотелось именно так провести выходные. И все же...

— Я бы не отказался побыть в вашем обществе, — сказал маджа, все так же глядя на Алекса, но обращаясь ко мне. — Увы, в данный момент у меня есть обязательства.

— Конечно, — кивнул Алекс, прекрасно понимая, что происходит, и всевозможными способами намекая мне: «Не соглашайся ни на что».

И все же я солгала бы, сказав, что мне нисколько не польстило внимание маджи. Я вдруг представила себя в его объятиях, на освещенном лунной балконе над морем. На лице Винди отразилась тревога, — казалось, она заглядывает прямо мне в голову.

— Возможно, Алекс, вы найдете время и посетите меня в Кабаллахе? — Имелась в виду горная цепь в Коррим-Масе. — Надеюсь, вы возьмете с собой вашу очаровательную помощницу. — Взгляд маджи снова упал на меня.

— Да, — ответил Алекс. Мне показалось, что он с трудом скрывает улыбку, но ни один мускул на его лице не дрогнул. — Буду очень рад... когда позволят обстоятельства. Правда, Чейз? — Он повернулся ко мне.

Я стояла как болван, удивляясь, как меня в свое время угрозило связаться с Гарри Латтимором. Но это совсем другая история.

— Да, — сказала я, вложив в свой голос чуть больше воодушевления, чем хотела.

— Вот и хорошо. — Маджа повернулся к помощнику. — Значит, решено. Мока, возьми контактные данные.

Он направился к группе политиков, которые расступились перед ним. Мока, настоящий великан, взял у Алекса код, вежливо улыбнулся и вернулся к диктатору.

Стоит заметить, что я вполне могу составить конкуренцию другим женщинам, но вряд ли меня можно принять за бывшую королеву красоты. И все же еще несколько минут маджа кидал на меня взгляды, а я инстинктивно улыбалась в ответ, не в силах удержаться. Алекс наблюдал за мной, не скрывая усмешки.

— Он что, завладел твоим сердцем? — спросил он.

Маджа, похоже, чувствовал себя как дома. Он мог быть сколь угодно чудовищен, но, как опытный политик, широко улыбался каждому. При случайной встрече на улице он сразу показался бы мне мужчиной, способным очаровать кого угодно, — в лучшем смысле этого слова. Но с тех пор я никогда не доверяла полностью своим чувствам.

Тем временем мы бродили по залу, обмениваясь рукопожатиями и представлениями. «Позвольте представить комиссара по вопросам водоснабжения. Секретарь Хоффман. Профессор Эс-

каларио, автор прошлогодней работы о темной материи. Джин Уолбертон, помощница главы Совета по особым поручениям. Доктор Хоффман, официально признанный человеком, который совершил самый дальний полет за пределы Конфедерации...»

Прежде чем мы перешли в выставочный зал, Винди отвела нас в сторону.

— Алекс, — сказала она, — маджа, скорее всего, тоже пожелает кое-что купить.

— И больше никто?

— Нет.

— Шутишь? Тут целая толпа политиков, а ты их туда не пустишь?

— На завтрашнем аукционе будут представители прессы. — Винди понизила голос. — Вряд ли сами артефакты интересуют здесь кого-то, кроме вас и, вероятно, маджи. Они хотят только одного — сфотографироваться во время аукциона, пожертвовать деньги на популярное дело, а потом, вернувшись домой, передать образец в музей. Мы сказали им, что завтра сюда понабегут журналисты, — это все, чего они хотят.

— Удивительно.

— Они все политики, Алекс. В том или ином смысле.

Маджа любил выпить и как следует посмеяться. Весь тот час с небольшим, что мы бродили по залу для приемов и вестибюлю, где-нибудь слышался негромкий смехок маджи; глаза его горели. Я начала подозревать, что получу приглашение еще до окончания вечеринки. Его охранники расхаживали с бокалами в руках, но вряд ли там было что-то крепкое.

Затем, с немалой помпой, всеобщим вниманием завладели подчиненные Винди, открывшие двери в выставочный зал. Мы увидели ряды длинных столов, на которых лежали сотни предметов с «Поляриса» — одежда, скафандры, чашки, стаканы, ложки, ботинки и электронные устройства. Были также шахматы, игральные фишки, игральные карты с выдавленной на рубашке эмблемой корабля и даже кристалл с записями музыки Тома Даннингера. Информационная табличка сообщала, что Даннингер был превосходным музыкантом. Большинство предметов находились внутри запертых витрин, и каждый был снабжен инвентарным номером.

На стенах висели фотографии Мэдди Инглиш и ее пассажиров: Нэнси Уайт путешествует где-то в джунглях, Уоррен Мен-

доса склоняется над больным ребенком. Мартин Класснер сидит перед наброском, изображающим галактику; Гарт Уркварт беседует с журналистами на ступенях Капитолия. Силуэт Чека Боланда, погруженного в глубокие размышления. Мэдди в полной форме, безмятежно смотрящая в зал. И наконец, Том Данингер посреди ночного кладбища — на репродукции знаменитой картины Ормонда.

Шедший впереди маджа остановился, осматривая экспозицию, затем взглянул на Алекса. Видимо, ему сообщили, кто еще станет счастливым участником особого предварительного аукциона.

Войдя в зал, он полностью переключился на экспонаты. Остальные, следовавшие за ним, по большей части смеялись и беседовали, почти не обращая внимания на столы. Маджа шел медленно, пожирая взглядом все, что его окружало. Время от времени он что-то говорил пожилому помощнику: тот кивал и, кажется, записывал его замечания, а может, каталожные номера.

На некоторых экспонатах стояли имена. Светло-серая рубашка была помечена инициалами «М. К.», а на металлической табличке, прикрепленной к вещмешку, читалась фамилия «Уайт». На рукавах синих комбинезонов виднелись нашивки с регистрационным номером корабля, КСС-117, и его эмблемой: звезда над острием стрелы. Всего комбинезонов было три, с вышитыми над правым нагрудным карманом фамилиями «Уоррен», «Гарт» и «Инглиш» — последний принадлежал капитану.

— Что скажешь? — спросил меня Алекс.

— Это всего лишь вещь, — ответила я, мысленно прикидывая, кому из клиентов это может понадобиться. — Но Ида была бы в восторге.

Он дал знак Винди. Похвалив его вкус, та открыла своей карточкой витрину, достала комбинезон и протянула его стоящему рядом молодому человеку. Тот положил комбинезон в контейнер, и мы двинулись дальше.

Маджа жестом дал понять, что взял бы комбинезон Уркварта.

— Эмблема корабля выбрана разумно, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. Когда один из шедших позади политиков попросил его дать объяснение, маджа удивленно поднял брови. — Полярис — так называли Полярную звезду на Земле в начале космической эры, Мэнни, — сказал он. — Отсюда

и одиночная звезда. И игла компаса, которая сперва представляла собой металлический стержень, а затем постепенно превратилась в стрелку.

Вот тебе и весь религиозный фанатизм.

Среди экспонатов были еще пиджак с нашивкой на кармане, гласившей «Даннингер», коммуникатор с инициалами Боланда и бумажный блокнот с именем Гарта Уркварта на коричневой кожаной обложке.

У стены висели несколько скафандров, один — с надписью «Капитан» поперек левой стороны груди. Снова снаряжение Мадлен — Мэдди, как знали ее многие. Дипломированный капитан межзвездных кораблей, незамужняя, красивая: ей бы жить и жить. Куда она делась?

Алекс разглядывал золотой браслет с надписью «Нэнси», выгравированной на соединительной пластинке.

— Сколько? — спросил он у Винди.

Она сверилась с реестром. На эти деньги можно было купить яхту приличных размеров. Алекс повернулся ко мне.

— Для Гарольда, — сказал он. — Как думаешь?

Гарольд был одним из привилегированных клиентов «Рэйн-боу», с которым мы подружились за годы знакомства, — неплохой человек, но с примитивными вкусами. Ему нравились блестящие вещи, которыми можно хвастаться, однако он не имел должного представления об исторической ценности предметов.

— Смотрится симпатично, — сказала я. — Но, думаю, ты мог бы его порадовать и за куда меньшую сумму.

— Ты недооцениваешь его, Чейз. — Алекс знаком сообщил Винди, что мы берем браслет. — У него есть судейский молоток, который использовался на первом судебном заседании в его родном городе, а также печатная плата с «Таламай-флаера».

«Таламай-флаер», первый надводный антигравитационный поезд в Паркленде, отправился в свой первый рейс — от Излучины Меланхолии до Дикого Неба — триста с лишним лет назад. Путешествие на нем до сих пор связывалось с легендами о погоне за бандитами Суджи, о некоем циклоне и, наконец, о сластолюбивом морском змее.

Винди передала браслет служащему, и Алекс решил, что пришло время обсудить дальнейшие приобретения.

— Винетта, — сказал он, — я знаю нескольких человек, которым очень хотелось бы иметь предметы из этой коллекции...

Винди страдальчески посмотрела на него:

— Если бы я только могла помочь, Алекс... Но мы договорились о шести, на остальное у меня нет полномочий.

— Мы готовы заплатить честную цену, Винди, и даже более того. Я пожал руку твоему диктатору, а Чейз постаралась его очаровать. Это кое-чего стоит.

Винди сжала губы, намекая на то, что надо говорить тише.

— Я очень благодарна, Алекс. Правда. И тебе тоже, Чейз. — Похоже, это был удар ниже пояса. — Но здесь не комната для переговоров.

— Получается, тебе пришлось кое-что пообещать, чтобы меня сюда затащить.

— Послушай, — вздохнула она, — даю еще один. Всего будет семь. Но не более того.

— Винди, взгляни на эти вещи. Никто не станет по ним тосковать. Мне нужно двенадцать предметов. Ты имеешь здесь огромное влияние, а для меня это немало значит. — Он даже потупил взгляд. Все это мне было известно — я очень часто видела Алекса на аукционах, и ему всегда удавалось вызвать жалость. — Сколько раз я выступал с лекциями о Кристофере Симе?

— Много, — согласилась она.

— Я хоть раз отказывался от приглашения?

— Нет. Никогда.

— Я когда-нибудь брал хотя бы корпель?

— Нет.

— Значит, я работал на общественных началах?

— Да, Алекс, на общественных.

— Другим ты платишь по сотне. Бенедикт работает бесплатно.

Причина, естественно, заключалась в том, что выступления в помещениях разведки позволяли Бенедикту знакомиться с потенциальными клиентами и производить на них надлежащее впечатление. Винди закрыла глаза. Она была далеко не глупа. Все это было хорошо ей известно, так же как мне. Но ей не хотелось обижать Алекса.

— Ты тут главная, Винди. Все это знают. Что бы ты ни решила, Понцио возражать не станет.

— Девять, — наконец сказала она. — И ей-богу, это все. *Fini. Completo.*

— Ты жесткая женщина, Винетта.

— Да, мы знаем.

— Попробуем как-нибудь справиться, — улыбнулся Алекс. — Спасибо. Я благодарен тебе.

Она искоса взглянула на него:

— Алекс, когда меня уволят, ты найдешь мне, надеюсь, местечко в «Рэйнбоу».

— Винди, для человека с твоими талантами место в «Рэйнбоу» всегда найдется.

Предметов было множество — столовая посуда, защитные очки, записи виртуальной реальности, полотенца, мочалки, даже насадка для душа.

— Винди, — спросила я, — где бортовые журналы?

Оглядевшись вокруг, она сверилась с планшетом:

— Там, в углу. — Она показала в заднюю часть помещения. — Но они не продаются.

— Почему?

— Ну, мы не все выставляем на продажу. Кое-что хотим оставить для выставки о «Полярисе».

Оказалось, что они придержали немало первоклассных вещей, кроме бортжурналов. Среди них оказались: принадлежавший Мартину Класснеру экземпляр «Космологии» Сантмейстера в кожаном переплете, с рукописными пометками на полях — многие из них, как считалось, были сделаны во время полета (судя по надписи на табличке); заметки Гарта Уркварта, позволившие его сыну завершить мемуары отца-политика, — эти воспоминания опубликовали через десять лет после исчезновения Уркварта под заголовком «На баррикадах»; диплом капитана межзвездных кораблей, выданный Мадлен Инглиш, а также фотография пилота и пассажиров, сделанная на космической станции перед их отправлением в свой последний полет. Табличка гласила, что копии этой фотографии на следующий день будут продаваться в сувенирной лавке. Алекс взял бокал для шампанского на высокой ножке, с эмблемой корабля. Такой бокал следовало поднимать в торжественных случаях.

— Как, по-твоему, он будет смотреться в офисе? — спросил он.

Превосходный бокал. Стрелка. Звезда. КСС-117.

— Ты не смог бы из него пить, — сказала я.

Алекс рассмеялся. Бокал отправился в контейнер, и мы двинулись дальше. Алексу приглянулся командирский китель — естественно, принадлежавший Мэдди: белый с голубым, с отде-

ланными нагрудными карманами и нашивкой «Поляриса» на рукаве. Он снова спросил моего мнения.

— Без вопросов, — ответила я.

Он повернулся к Винди:

— Почему личные вещи не вернули родственникам?

Мы остановились перед плакатом с Нэнси Уайт. Хотя картинка была неподвижной, в облике женщины читалась стремительность: она всматривалась в джунгли и, вероятно, вслушивалась в грохот далекого водопада.

— Выдающаяся женщина, — сказала Винди.

— Да. Была.

— Личные вещи оставались у нас на период расследования, но оно длилось много лет и закончилось лишь недавно. Полагая, разведка не стремилась возвращать их, а родственники, видимо, вскоре о них забыли или утратили к ним интерес. И вещи попросту остались на складе.

— Что будет, если родственники объявятся сейчас?

— У них больше нет прав. По прошествии семнадцати лет предметы становятся собственностью разведки. — Она взглянула на попавшийся ей на глаза кулон. — Есть еще одна причина, по которой разведка не очень-то хотела возвращать их: предполагалось, что те могут быть заражены каким-нибудь загадочным вирусом.

— Вирусом, из-за которого исчезают люди?

Винди слегка смягчилась:

— Откуда мне знать? Меня там не было. Но наверняка разведка отчаянно искала хоть какой-то ответ, и поэтому они сохранили у себя все находки — на случай, если те понадобятся. Впрочем, вряд ли такой случай представился. Они даже стерилизовали корабль, словно причиной происшествия могла стать какая-то зараза.

— И в конце концов продали его.

— В тысяча триста шестьдесят восьмом «Эвергрину», — печально проговорила Винди. — По сниженной цене. «Полярис» стал «Шейлой Клермо». Она до сих пор возит инженеров, инспекторов и разных важных персон. Это последнее, что я о ней слышала. — Улыбнувшись, она взглянула на часы. Пора было идти дальше. — На что еще вы хотите взглянуть?

Мы выбрали Библию в кожаном переплете с именем Гарта Уркварта на обороте титульного листа и мемориальную табличку с перечислением восьми предыдущих экспедиций «Поляри-

са». Коппаванда-1352, Брейкман-1354, Мойяба-1355. Планеты, заселенные «немыми» или входившие в их сферу влияния.

— Они думали, что нашли белую дыру, — сказал Алекс, прочитав мои мысли.

— Это уж точно стало бы величайшим открытием, — улыбнулась Винди.

Но белых дыр не существует, это всего лишь теоретические домыслы. «Белые дыры» — красивое название. Кажется, будто они непременно должны существовать, внося приятную симметрию в космические процессы. Но вселенной плевать на наши представления об эстетике.

Перечислялись и другие пункты назначения: они назывались по прибытии корабля туда, обычно в честь кого-нибудь из пассажиров. Сакарио, звезде которой суждено было превратиться в сверхновую в ближайшие десять тысяч лет; Чао-Ти, когда-то считавшаяся источником искусственного радиосигнала; Брوليو, где процветало небольшое поселение. Продолжительность экспедиций составляла до полутора лет.

Меня подвели к электронному блокноту: судя по прикрепленному к нему сертификату, он принадлежал Нэнси Уайт. Содержимое, из уважения к частной жизни, было удалено, что, разумеется, существенно снижало его ценность, но приятно было узнать, что на свете еще есть честные люди. Алекс прищурился и направился к жилету, который мы видели на некоторых фотографиях Мэдди.

— Ему цены нет, — прошептал он так, чтобы не слышала Винди.

— Это будет седьмой, — сказала я.

Еще до нашего прихода Алекс заметил, что предметы, имеющие отношение к Мэдди, — самые ценные. У меня возникли сомнения.

— Она везла знаменитостей, — сказала я. — Исторических личностей.

— Не важно. Капитан — трагическая фигура. К тому же она была красива.

— Уайт выглядела не хуже.

— Уайт не теряла пассажиров. Поверь мне, Чейз.

До сих пор он всегда оказывался прав. Поэтому мы взяли одну из двух форменных рубашек Мэдди, остановились перед темно-зеленой сумочкой, украшенной цветами и певчими птицами. Сертификат гласил, что это личная собственность Мадлен

Инглиш. Алекс открыл сумочку. Там лежали ручка, расческа, бумажник, нитка искусственного жемчуга, несколько форменных нашивок и две пары сережек.

— Это все входит в комплект? — спросил он у Винди.

— Была еще косметика, — кивнула она, — но давно испортилась.

Они сошлись на цене, которая показалась мне завышенной. Однако набор получился неплохой, и Алекс лишь милостиво улыбнулся: так всегда бывало, когда он хотел сделать вид, будто переплатил и уже жалеет о сделке. Он отдал вещи Винди. Та передала их помощнику, который сообщил, что мы выбрали наш лимит.

Миновав витрины с мебелью и оборудованием, мы прошли в дальнюю часть зала. Капитанское кресло, стол для совещаний, дисплей, даже вакуумный насос. Но эти предметы, за исключением кресла, выглядели обезличенными и вызвали куда меньший интерес.

— Вам досталась лучшая часть, — сказала Винди, многозначительно взглянув на нас.

Когда мы уходили, маджа разглядывал настенную табличку со схемой корабля.

— Сколько получит он? — спросила я.

Винди откашлялась:

— Для него ограничений нет.

— Не слишком честно.

— Он глава государства. — Винди натянуто улыбнулась. — Когда возглавите правительство, позволим то же самое и вам.

Мы направились в соседнее помещение. За нами следовал молодой человек с чемоданом — почти мальчишка, лет девяти-надцати, не больше. Пока Винди подсчитывала общую сумму, я спросила парня, откуда он.

— Кобел-Ти, — ответил он. — Западное побережье.

— Учишься там в школе?

— В университете.

Пока мы разговаривали, Алекс перевел деньги. Помощник сообщил, что рад был со мной познакомиться, и с застенчивым видом передал покупки. Я решила, что вечер удался.

Взглянув на чемодан, Винди предложила доставить его в наш офис.

— Нет, — сказал Алекс, — спасибо. Заберем его с собой.

Я заметила, что маджа выходит из выставочного зала в окружении своей свиты и быстро проходит в коридор. Вид у него был обеспокоенный.

Мы уже направились к выходу, когда перед нами, словно ниоткуда, вырос охранник, вернее, его проекция.

— Леди и джентльмены, — произнес он, — мы получили предупреждение о том, что в здании может быть бомба. Прошу покинуть здание. Оснований для тревоги нет.

Конечно нет. Кто бы мог подумать, будто есть основания для тревоги? Внезапно Алекс увлек меня за собой, держа в другой руке чемодан. Винди поспешила следом, крикнув, что наверняка произошла ошибка. Кто станет закладывать бомбу в «Проктор юнион»?

Началась дикая суматоха. В двери могли протиснуться не более трех человек одновременно, и самые медлительные упали. Алекс галантным тоном велел мне ничего не бояться, а когда мы остановились, чтобы помочь упавшей женщине, толпа позади попросту начала толкать нас вперед. Я до сих пор не знаю, что стало с той несчастной.

— Сохраняйте спокойствие, — повторял охранник-проекция. Легко ему было говорить — сам он, скорее всего, находился в другом здании.

В коридоре царил кошмарная давка. Люди вопили и кричали. Меня буквально вынесли через дверь — я даже не касалась ногами земли. Мы вывалились на крыльцо. Алекс на мгновение выронил чемодан, но тут же подобрал его, рискуя оказаться затоптанным.

Охранники потирапливали нас.

— Держитесь подальше от здания, — говорили они. — Сохраняйте спокойствие. Непосредственной опасности нет.

В убеждении никто не нуждался. Толпа уже разбегалась в разные стороны.

Охранники направили людской поток к мостам через Длинный пруд, но, когда мы спустились с каменных ступеней, те были уже забиты. Тогда охранники сменили тактику: всем, кто не успел на мосты, было велено двигаться вдоль фасада, мимо крыльев здания. Я заметила впереди Понцио. Винди, к ее чести, вышла из дверей одной из последних — и едва успела отбежать на безопасное расстояние, как здание «Проктор юнион» содрогнулось и превратилось в огненный шар.

ГЛАВА 5

Эти часы, книги, одежда — все, что осталось от их владельцев. Поэтому они столь ценны, поэтому они имеют такое значение. В большинстве случаев мы не знаем ничего о человеке, которому они служили: как он выглядел, какого цвета были его глаза. Но мы точно знаем, что он жил так же, как вы и я, что у него шла кровь при ранении, что он любил солнце. Может, когда-нибудь, в другом месте, точно так же соберутся люди, благоговейно разглядывая мои туфли или кресло, в которое я сяду этим вечером. Вот почему эти вещи так важны. Они являются связующим звеном между поколениями, а при необходимости — несомненным доказательством того, что раньше жил кто-то очень похожий на нас.

Гарт Уркварт. Из посвящения Музею Стейнмана

Предупреждение поступило вовремя. В здании все было сделано из огнеупорных материалов, так что пожар после взрыва не начался. И все же событие было весьма неприятным — взрыв свалил всех с ног, на нас посыпались горячие обломки, что-то большое с шипением упало в Длинный пруд, а статуя Рубена Хаммакера, одного из отцов-основателей разведки, лишилась головы.

Несколько минут спустя прибыли машины «скорой помощи» и начали подбирать раненых. Затем явились пожарные, окатившие водой или химикалиями то, что осталось от «Проктор юнион». Над зданием повисло большое облако пара. Позднее я услышала, что маджу запихнули в его скиммер и тот мгновенно взмыл в небо. Мы не знали, в каком состоянии правитель, в тот момент мы о нем не думали.

Здание превратилось в дымящиеся руины. Первой моей мыслью было: «Там наверняка десяток или два погибших». Люди

ошеломленно бродили по территории комплекса, с трудом держась на ногах. Во время всеобщей паники я подвернула колено и получила пару ожогов, — к счастью, ничего серьезного, но все равно было больно. Алекс пожаловался на порванный пиджак — что называется, нашел время, — а в остальном, похоже, не пострадал. Придя в себя, я отправилась на поиски Винди, но вокруг царил суматоха, люди кричали и плакали, пытаюсь найти друзей и спрашивая друг друга, что случилось.

Винди я так и не нашла, но позже узнала, что она жива — отделалась потерей сознания, царапинами, синяками и переломом лодыжки. Одна из спасательниц остановила меня, спросив, все ли со мной в порядке. Я сказала, что да, но она пристально посмотрела мне в глаза. После этого меня загрузили в скиммер вместе с другими пострадавшими и отвезли в больницу. После осмотра мне сказали, что повреждения невелики и можно не беспокоиться, дали обезболивающего и спросили, кто заберет меня.

На помощь пришел Алекс, следовавший за «скорой». Пока он заполнял бланки, я поговорила по видеосвязи с приятным блондином в безупречном костюме, представшимся агентом Национальной службы безопасности. Его интересовали подробности взрыва. Что я помню?

— Только грохот, — ответила я.

— Вы не видели ничего подозрительного? — Весь его вид изображал сочувствие.

— Нет.

— Вы не пострадали, госпожа Колпат?

— Только ссадины и синяки.

— Хорошо. Вы, случайно, не заметили, не ушел ли кто-нибудь раньше?

Что за черт?

— Мы все ушли чуть раньше.

— Я имею в виду, до предупреждения.

— Нет, — сказала я. — Впрочем, я не обращала особого внимания.

Алексу разрешили забрать меня из отделения для пострадавших. Меня посадили в инвалидную каталку и отвезли на посадочную площадку, где загрузили в скиммер нашей компании.

— Покушение на убийство? — спросила я.

— Так, во всяком случае, говорят, — ответил Алекс.

— Довольно жестоко, — заметила я. — Они были готовы убить всех, лишь бы расправиться с ним.

— Не суди их слишком строго. Этот тип заслуживает, чтобы его прикончили.

— Но я-то не заслуживаю.

— Взгляни с другой стороны, Чейз. Нам невероятно повезло.

Я уставилась на него:

— Ты с ума сошел, Алекс?

— Подумай. «Рэйнбоу» теперь владеет единственными уцелевшими артефактами с «Поляриса» — кроме самого корабля.

— Что ж, неплохо.

Взлетев с крыши, мы повернули на запад и направились к моему дому.

— Я отвезу тебя домой. А потом, если хочешь, приготовлю чего-нибудь поесть.

Было уже поздно, далеко за полночь. Я вдруг поняла, что так толком и не поужинала и, несмотря ни на что, голодна.

— Звучит заманчиво.

— Отдохни пару дней. И не нагружай колено, пока не выздоровеешь.

— Спасибо. Постараюсь.

— Делами можешь заниматься из дому.

— Ты лучший в мире босс.

— Издеваешься, — улыбнулся он.

Мы пролетели над озером Согласия. Внизу плыл ярко освещенный кораблик, на котором устроили вечеринку.

— Удивительно, как при всех мерах безопасности им удалось пронести мимо охраны бомбу, — сказала я.

— Они ничего не проносили. Бомбу заложили в складские помещения под главным залом. Пресса утверждает, что они вошли через служебный вход.

— Его не заперли?

— Видимо, нет — только перекрыли лестницы. На нижний этаж можно было попасть, а наверх, в зал, — уже нет. Как оказалось...

— ...никому не пришло в голову, что туда могут заложить бомбу?

Алекс подавил зевок.

— Когда ты в последний раз слышала о бомбе в здании, полном народу?

— Есть идеи, кто это мог быть?

— У тех, кому нужно, наверняка есть. Сколько в Андикваре желающих убить маджу?

Мы приближались к дальнему берегу озера. Алекс замолчал. В больнице я приняла обезболивающее, и меня постепенно охватывала эйфория.

— Бомб было несколько, — сказал Алекс, когда мы начали снижаться.

— Несколько?

— Предположительно четыре. Кто бы это ни сделал, он предпочел не рисковать и бить наверняка.

— Вот только полиция узнала о бомбе до взрыва.

— Им позвонили.

— Нам чертовски повезло. Случись все на три минуты раньше...

— Бомбы заложили непосредственно под территорией выставки.

— Это ведь уже второе покушение на маджу?

— Третье. За последние полгода.

Понцио прислал цветы, выразил сожаление и пожелал скорого выздоровления. Письмо, как полагается в подобных случаях, было написано от руки. Он сообщал, что, к счастью, никто не погиб, хотя некоторые серьезно пострадали.

Примерно в то же время разведка объявила, что вся коллекция с «Поляриса» была уничтожена, превратившись в груды обломков. Разумеется, это не вполне соответствовало истине, ведь у Алекса остались девять приобретенных нами артефактов.

Я побывала у врача, и через несколько дней мне сняли повязку. Ожоги к тому времени прошли, я чувствовала себя вполне сносно. Алекс пришел ко мне с угощениями. Мы долго разговаривали — о сумасшедших с бомбами и о том, что утром я наверняка смогу вернуться в офис.

Вечером, когда Алекс уже ушел, мне позвонила Винди. Я узнала, что она все еще прихрамывает, но с ней все в порядке. Она слышала, что меня тоже унесли на носилках. Как мои дела?

— Вывихнула колено, и только, — сказала я. — Все нормально.

— Хорошо. Надеюсь, вам удалось уберечь свои приобретения.

— Да. К счастью, мы все вынесли.
— Рада слышать. Слава богу, хоть что-то уцелело, — с неподдельным облегчением вздохнула она.

— Это очень серьезная потеря, — сказала я. — Надеюсь, их подвезят за яйца после того, как поймают.

Я знала, что после поимки им сотрут память и реконструируют личность. Я всегда считала, что авторы столь чудовищных преступлений должны получать по заслугам. Террористы, кем бы они ни были, пытались убить маджу и готовились без сожаления взорвать множество людей лишь потому, что те оказались поблизости от их цели. Лучше бы их сбрасывали в океан с высоты в несколько километров. Конечно, это был нецивилизованный подход, но мне казалось крайне несправедливым, что им после содеянного позволяют начать жизнь сначала. К этому, собственно, и сводилась очистка памяти.

— Прекрасно тебя понимаю, Чейз. — Последовала долгая пауза, и мне стало ясно, что речь пойдет не только о моем здорье. — Что, если мы поговорим про артефакты?

— Конечно, — ответила я. — Пресса утверждает, что все погибло.

— Увы, так оно и есть.

— Жаль.

— Да. Случившееся перечеркнуло все наши планы. — Она сидела у себя в офисе за столом, заваленным папками, чипами, книгами и бумагами. Сверху был брошен свитер — она собиралась уходить домой. Я была для нее последним пунктом сегодняшних дел. — Чейз, как ты понимаешь, ситуация радикально изменилась.

— Прошу прощения?

— Разведка хотела бы выкупить артефакты, которые мы продали «Рэйнбоу». Вам вернут деньги и щедро доплатят.

— Винди, у меня нет полномочий их возвращать. Они мне не принадлежат.

— В таком случае я поговорю с Алексом.

— Я не об этом. Мы уже пообещали их клиентам.

Винди поколебалась.

— Ты же знаешь — мы планировали выставку о «Полярисе». Полномасштабная модель корабельного мостика, аватары. Люди могли бы посидеть и поговорить с Томом Даннингером, Мэдди Инглиш или с кем-нибудь еще. У нас была голограмма Уркварта

«Последний защитник», одна из программ Нэнси Уайт. В подготовку выставки мы вложили немало средств и сил.

— И ты считаешь, что без нескольких артефактов ничего не получится.

— Именно.

— Винди, сомневаюсь, что артефакты что-либо изменят. Но я передам твою просьбу Алексу, хотя более чем уверена, что он будет вынужден отказать. Думаю, ты недооцениваешь публику. Организуй выставку как следует, призови на помощь ваших пиарщиков, и все будет отлично.

Я поняла, что Винди ничего большего не ожидала. Она лишь кивнула в ответ.

— Рада, что ты выздоравливаешь, Чейз, — сказала она и отключилась.

Теперь нам не следовало ждать никаких милостей от разведки.

Сразу же после взрыва полиция задержала и допросила нескольких соотечественников маджи, которые жили в городе, но арестов не последовало. То было самое страшное из всех преступлений в Андикваре, о которых помнил народ. Впервые в жизни я услышала, как люди призывают вернуть смертную казнь. Страсти накалялись, и от нас требовалось четко обозначить свою позицию.

Правительство маджи принесло извинения, пообещав выплатить деньги пострадавшим и выделить средства на восстановление «Проктор юнион». К моему удивлению, мне позвонил сам маджа, удалившийся в безопасное горное убежище (или не такое уж безопасное?). Он видел мое имя среди пострадавших. Хорошо ли я себя чувствую? Обещают ли мне, что я полностью поправлюсь?

Странное ощущение — сидеть на диване в собственной гостиной и разговаривать с человеком, внушающим страх всему миру.

— Мне хотелось бы извиниться за тупоумие несостоявшихся убийц, — сказал он. — У них нет ни малейшего понятия о приличиях.

— Да, — согласилась я.

— Мы постарались принять все меры предосторожности. Но никогда не знаешь, как далеко могут зайти эти фанатики.

— Знаю. Вы совершенно правы, ваше превосходительство.

— Не сомневайтесь, Чейз, нам известно, кто за этим стоит, и мы приложим все усилия, чтобы никто больше не пострадал от их рук.

— Да. Хорошо. Я им несколько не сочувствую.

— Само собой. — Он сидел в кожаном кресле, одетый в черные брюки и белый пуловер. С шеи свисала золотая цепь, а правое запястье украшал золотой браслет. Какой-то пижонский вид. — Но я рад, что ваши травмы неопасны.

— Спасибо.

— Я за вас беспокоился.

Я вдруг сообразила, что не осведомилась о его здоровье.

— Вы хорошо выглядите, ваше превосходительство. Как я понимаю, вы не пострадали?

— Нет. Спасибо. Ни единой царапины. — За его спиной тянулись ряды книжных полок. — Мне хотелось бы пригласить вас с Алексом посетить Коррим-Мас в качестве моих гостей. У нас все отлично устроено. Уверяю, вы получите захватывающие впечатления.

Да, я знаю, что вы подумали: я сижу и мило беседую с человеком, который не видит ничего предосудительного в массовых казнях и пытках. Но со мной он был вежлив, и я не считала возможным говорить то, что думаю о нем на самом деле. Я ответила, что благодарна за приглашение, но намерена вскоре выйти замуж и, увы, крайне занята. Сперва я решила добавить, что после свадьбы мы с мужем будем рады принять его предложение, но потом сообразила, что он может попросту позвать нас в свое горное убежище.

— Могу я полюбопытствовать, как зовут этого счастливца? Александр?

— Нет, — ответила я. — Это мой давний знакомый.

— Превосходно.

— Он хороший человек.

Идиотка.

— Что ж, Чейз, — сказал он, — от всей души желаю вам долгого и счастливого будущего. И поздравьте жениха от моего имени.

— Да. Спасибо.

— Я пришло приглашение еще раз, когда все немного успокоится.

Корпорации «Рэйнбоу» следовало принять несколько решений. Мы получили заказы от девяти клиентов и приобрели девять артефактов. Могло показаться, что план выполнен полностью, но на самом деле это было не так. Два предмета — командирский китель и бокал — были зарезервированы для нашего офиса. Из оставшихся семи золотой браслет Нэнси Уайт отходил к Гарольду Эставесу, рубашка Мэдди — к Марсии Кейбл, старому и уважаемому клиенту, а капитанский комбинезон — к Иде. Влад Коринский, профессор философии из Университета Корчного, получал табличку с историей предыдущих экспедиций. Сумочка Мэдди со всем ее содержимым предназначалась Диане Голд. Для остальных четверых заказчиков были только Библия Уркварта и жилет.

— Мы должны выполнять свои обязательства, — сказала я Алексу. — Предметов хватит на всех. Оставить что-нибудь себе не получится.

— Но мне хочется иметь хотя бы один артефакт в офисе, — возразил Алекс. — Он будет напоминать о том, чем мы занимаемся.

— Да. Но ничего не поделаешь.

Я поняла, что он не собирается уступать.

— На самом деле нет никаких причин отдавать их, Чейз. Все знают, что случилось. Мы получили сорок сообщений от наших клиентов: они выражают радость по поводу нашего спасения. Кроме нескольких человек в разведке, никто вообще не знает, что часть артефактов уцелела. — Он сидел у окна и потягивал напиток, отражавший солнечные лучи. — Итак, у нас есть повод разочаровать пару заказчиков. Переживут. Черт возьми, пусть будут нам признательны уже за то, что мы едва не погибли при выполнении заказа. Пятью предметами мы уже распорядились. Мне кажется, можно предложить еще двоим Библию и жилет, а остальным принести извинения. Никто не предвидел такой страшной потери, спасибо за проявленный интерес, к сожалению, мы не смогли выполнить свои обязательства, возможно, в следующий раз, и все такое.

— А что будет в следующий раз, когда они придут в офис и увидят на стене китель Мэдди в рамке? Или бокал?

— Все просто. Уберем их с глаз долой.

— Тогда какой в них смысл?

Алекс откашлялся:

— Что, так и будем все утро пререкаться?

Наконец мы решили, кому отойдут артефакты, и он сам позвонил тем двоим, которые ничего не получали. Предпочитаю, чтобы он брал это на себя: мне уже приходилось работать с теми, кто готов был убить принесшего дурное известие.

Алекс звонил из гостиной, сидя на диване спиной к окну, за которым открывался вид на реку Мелони. Так всегда и было — я звонила из офиса, он с дивана. Он отлично справился с задачей, описав кровавое побоище и выразив искреннее сожаление по поводу множества погибших экспонатов. Он тщательно строил фразы, говоря только правду — более или менее, — поскольку знал, что правда все равно всплывет. Ему удалось спасти несколько предметов, но, к несчастью, не из тех, что предназначались клиенту... и так далее. Он надеется, что в следующий раз нам повезет больше. Конечно, он постарается возместить потерю.

Все в порядке, Алекс, ответили оба клиента. Беспокоиться не о чем. Всякое бывает. Спасибо за попытку.

Закончив, Алекс удовлетворенно улыбнулся. Я сказала, что он повергает меня в смущение. Последовала еще одна улыбка, и он доверил мне приятную задачу — известить тех, кому повезло.

Я позвонила каждому, рассказав о случившемся, и показала приобретения их новым владельцам: капитанский жилет — смеющемуся Полу Калдеру, табличку — невозмутимому, но явно довольному Владу Коринскому.

К жилету прилагалась фотография в рамке: тот же жилет, только надетый на Мэдди. Калдер торжествующе вскинул кулак. Он сам хотел стать пилотом межзвездных кораблей, но мешал врожденный дальтонизм. Глупое требование — ведь всегда можно было сделать коррекцию зрения. Однако, согласно правилам, зрение должно было соответствовать стандартам без дополнительного вмешательства.

Диана Голд лучезарно улыбнулась, когда я показала ей сумочку. Лучшего нельзя было ожидать, сказала она. Голд, архитектор по профессии, была женщиной выдающейся красоты, но я подозреваю, что с ней не ужился бы ни один мужчина. Она любила давать указания, всегда знала, как можно сделать лучше, и утомляла кого угодно за пять минут. Сейчас Диана была очень зла на террористов, которые могли уничтожить ее сумочку и случайно убить меня.

— Смерть — слишком легкое наказание для них, — заявила она.

Библия досталась собирательнице книг Сун Ли, богатой вдове с Алмазного острова. Марсии Кейбл дома не оказалось, но она перезвонила мне меньше через час, задыхаясь от волнения.

— Вы получаете форменную рубашку, — сообщила я ей. — Рубашку Мэдди.

Я думала, она грохнется в обморок.

Самый печальный момент наступил, когда я показала Иде Патрик комбинезон. Выслушав меня, она слегка поколебалась, а затем спросила, что еще было на выставке.

— Бокалы и книги, — ответила я. — Посуда и одежда. Еще два комбинезона.

— Чьи? — спросила она.

— Уркварта и Мендосы.

Я почти ощущала ее физическое присутствие. Краска отлила от лица Иды, и на мгновение мне показалось, что с ней случится сердечный приступ.

— И все они погибли при взрыве?

— Да.

— Варвары! — прошипела она. — Им даже не хватает порядочности, чтобы соблудности приличия при покушении. Куда катится мир, Чейз?

Каждый из артефактов был интересен по-своему, и я радовалась возможности изучить их получше перед отправкой новым хозяевам. Самым захватывающим оказалась Библия Гарта Уркварта — с золотым тиснением, довольно потрепанная. Страницы ее были исписаны заметками, порой печальными и всегда — резкими. В Книге Бытия, возле фразы: «Плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней», он оставил комментарий: «Что мы и сделали. Ресурсов скоро перестанет хватать, но ничего страшного: пока у нас есть все необходимое. А что будет с нашими детьми?»

Довольно безрадостное замечание. Но в нем имелась доля истины. Токсикон, Земля и еще несколько планет Конфедерации страдали от перенаселения.

Я провела с Библией около часа. Будь у меня возможность оставить себе один из предметов, я выбрала бы именно ее.

Некоторые комментарии звучали весьма сардонически. Слова: «Вот, я отхожу в путь всей земли» из Книги Иисуса Навина сопровождались нацарапанной на полях пометкой: «Как и все мы».

— Его родные, — сказал Алекс, — не очень приветствовали этот полет. Считали, что это слишком опасно — глубокий космос, чужие края...

— Надо было их послушать.

— Изначально к Дельте Карпис собирались послать только два корабля. Потом кто-то в разведке — вероятно, Джесс Тальяферро, директор, — предложил устроить полет для ВИП-персон, тех, кто внес большой вклад в науку и культуру. В знак признания их заслуг им решили продемонстрировать незабываемое зрелище.

— Для того времени — и впрямь неплохая идея, — заметила я.

— Перед стартом люди выступали с речами. И даже играл оркестр.

— Сколько лет было Уркварту?

— Шестьдесят с небольшим. — (Не такой уж и старый.) — У него остался сын.

В Книге Екклесиаста, напротив стиха «Не будь слишком строг, и неставляй себя слишком мудрым», Уркварт написал: «Даже добродетель хороша в умеренных дозах».

— Он дважды избирался в Совет, — сказал Алекс. — За всю историю Совета мало кто проявил себя так же блестяще. Но в тысяча триста шестьдесят первом он проиграл. Похоже, он хотел, чтобы люди перестали рожать детей.

Я показала ему фразу из книги Бытия.

— Неудивительно, — кивнул Алекс. — Его очень беспокоил неограниченный рост населения. Здесь такого, конечно, нет, но во многих местах с этим куда серьезнее. Уркварт вырос в бедной клайморской семье. Его лучший друг детства страдал анемией, от которой так и не оправился. Мать умерла при родах, когда ребенку было четыре года; отец упился до смерти. Почитай его автобиографию, когда будет возможность.

Евангелие от Луки: «Твоими устами буду судить тебя». И комментарий: «Предупреждение авторам. И политикам».

В Книге Руфи Уркварт отметил ее знаменитое обещание: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить». Весьма зловещая строчка, учитывая обстоятельства его исчезновения.

— Уркварт нажил себе немало врагов, — заметил Алекс. — Он не хотел лоббировать ничьи интересы. Его невозможно было купить. И видимо, запугать тоже.

— Ему следовало бы стать главой Совета.

— Для этого он был слишком честен.

Я продолжала листать страницы:

— Вот еще одна цитата от Луки: «В сию ночь душу твою возьмут у тебя». Он подчеркнул ее, но не оставил записи. Интересно, когда именно он это сделал?

— Один из биографов Уркварта, — сказал Алекс, — цитирует его слова, обращенные к Тальяферро: «Имея возможность увидеть гибель звезды, начинаешь задумываться, сколь различны по размаху деяния человеческие и космические. Кто знает, что могла бы со временем породить Дельта К?»

ГЛАВА 6

Наш очевидный долг перед Мадлен Инглиш и шестью ее пассажирами заключается в том, чтобы искать правду и не успокаиваться, пока она не будет найдена.

Из учредительных документов общества «Полярис»

Гарт Уркварт крайне заинтересовал меня. Я просмотрела архивные записи. Уркварт заседает в Сенате и затем — в Совете. Уркварт агитирует за себя и за других политиков. Уркварт принимает награды за свою гуманитарную деятельность. Уркварт проигрывает выборы, отказавшись поступиться принципами.

В 1359 году, за шесть лет до полета на «Полярисе», его пригласили выступить перед Всемирной ассоциацией ученых-физиков. Он воспользовался этой трибуной, чтобы сделать предупреждение всему человечеству.

«Население продолжает расти с такой скоростью, что это не может продолжаться бесконечно, — сказал он, — и не только здесь, но и по всей Конфедерации. При нынешнем приросте населения Окраина к концу века столкнется с серьезной нехваткой ресурсов. Цены на продовольствие, недвижимость и большинство предметов потребления продолжают расти по мере увеличения спроса. Но всему есть предел, и если его перейти — случится катастрофа. Мы не хотим пережить то же, что и Земля».

Этого не случилось: в сельском хозяйстве и пищевой промышленности были внедрены новые технологии, а семьи становились все более малочисленными. Так называемая замещающая семья стала нормой не только на Окраине, но и в большей части Конфедерации. Население выросло, но лишь на два-три процента.

Уркварт ошибся в своих предсказаниях, но тем не менее был способным оратором — убедительным, страстным и самокритичным.

«Детей слишком много, — говорил он. — Нужно поумерить пыл. Пусть природа переведет дух».

Корпорации Окраины были заинтересованы в росте населения, поскольку он приводил к повышению цен. Они решили отомстить Уркварту. Лозунг «Уркварт не любит детей!» стал боевым кличем оппозиции в 1360-м. Возникли такие организации, как «Матери против Уркварта». Он не стал отступать и потерпел поражение.

Такие мужчины мне нравились.

Я отправила новым владельцам все, кроме жилета и сумочки. Калдер и Голд жили неподалеку и сами пришли в офис «Рэйнбоу» за своими трофеями.

Учитывая обстоятельства, Алекс мог бы пересмотреть обговоренные цены — после взрыва они выросли в несколько раз. Но он взял лишь назначенную сумму плюс обычную комиссию. Ида предложила надбавку, нисколько не покрывавшую новую стоимость комбинезона. Алекс отказался, но та настояла на своем.

— Мы правильно поступили, — заметил он впоследствии, — не подняли цену, хотя и могли, причем никто не стал бы нас упрекать.

Нарочитая честность «Рэйнбоу», конечно, могла только улучшить репутацию фирмы.

Марсия Кейбл прислала запись своего выступления на местном ток-шоу: сидя в форменной рубашке Мэдди, она буквально сияла от счастья.

Тем временем Алекс нашел для меня новую работу. За десять дней я облетела всю планету — представляла компанию на аукционах, вела переговоры с нилийцами, нашедшими диковинки в пустыне Нили, участвовала вместо Алекса в ежегодном слете любителей древностей.

Когда я вернулась, до меня дошли слухи, что разведка попытается восстановить некоторые пострадавшие при взрыве артефакты. Однако у поврежденных древностей есть одна особенность. Если ваза была обожжена лазером в те времена, когда ею пользовались, цена этой вазы может намного возрасти, особенно если известно, кто стрелял из лазеров и в чьих руках находи-

лась ваза. Поистине бесценен пистолет, разлетевшийся на куски, пока его героический владелец — скажем, Рэндолл Белмонт — отражал атаку кринов во время Последнего Сопротивления. (Как вам наверняка известно, этот пистолет действительно существует, но вряд ли на всей планете хватит денег, чтобы его купить.)

Но стоит повредить предмет во время или после раскопок — например, если неосторожный археолог вонзает лопату слишком близко, — и стоимость его резко падает. Усилия разведки оказались бесполезными. Вскоре после того, как пошли слухи о реставрации, искореженные обломки продали оптом за бесценок.

Гарольд Эставес пришел в восторг от браслета Уайт.

Это был высокий серьезный мужчина — казалось, улыбка причиняет ему боль. Судя по первому впечатлению, он за всю жизнь не научился доставлять себе удовольствие. Хмурый и мрачный, он словно ждал грозы, которая все не приходит, и был уверен, что обязательно случится самое худшее. По словам Алекса, Эставес думал, что потерял единственную любовь в своей жизни. Полагаю, от него бы сбежала любая женщина.

— Печально, — сказала я.

— Это было полвека назад. Он так и не оправился.

Как бы то ни было, я с радостью увидела, как лицо Эставеса просветлело при виде браслета.

Он позвонил нам, как только пришла посылка, и развернул ее в нашем присутствии. До этого он не знал, что именно получил, а когда я пыталась сказать ему, он велел мне замолчать. Глаза его расширились, когда он увидел золото, а потом стали еще шире — когда он прочел выгравированное на браслете «Нэнси».

К тому времени нам позвонили почти все наши клиенты. Всех интересовал «Полярис». Все слышали, что нам удалось спасти несколько артефактов. Может, найдется что-нибудь на продажу?

«Нам очень жаль, но помочь ничем не можем», — отвечали мы.

Я была рада, что мы оставили себе китель и бокал на длинной ножке. Алекс сказал, что собирался раздобыть что-нибудь и для меня, и, если бокал мне нравится, он готов им поделиться. Но судя по его виду, он хотел, чтобы я отказалась. Я была бы не против поставить бокал у себя дома, но решила: пусть лучше босс чувствует себя передо мной в долгу. И я ответила: «Ладно, оставь себе и не бери в голову. Все равно я буду видеть его каж-

дый день». Алекс кивнул с таким видом, будто сделал мне одолжение.

Регистрационный номер корабля, КСС-117, был изъят из реестра через десять лет после случившегося. Ни один корабль в будущем не получит этого номера — и точно так же, подозревала я, не будет и другого «Поляриса». Те, кто дает имена сверхсветовым кораблям, не суеверны, но зачем искушать судьбу?

Алекс купил для кителя освещенную витрину, которую поставил в углу офиса — возле шкафа, но подальше от видеокамеры. Я складывала и раскладывала китель, пока не стала видна нашивка с именем Мэдди на левом нагрудном кармане. Наконец мы заперли витрину и пару минут любовались своим приобретением.

Но куда поставить бокал — так, чтобы на него не попадала пыль, чтобы он не падал и был хоть как-то защищен от воров?

В две стены были встроены книжные полки. Кроме них, в офисе стоял старый книжный шкаф — ему было полвека — в стратмейеровском стиле, доставшийся Алексу по наследству от дяди. Его стеклянные дверцы запирались на замок.

— Да, — сказал Алекс. — Самое подходящее место.

Оказалось, что не самое подходящее. Чтобы шкаф не попал под прицел камеры, нам пришлось переставить большую часть мебели. Но в итоге получилось не так уж плохо.

Алекс отошел назад, любуясь перестановкой, затем открыл дверцы шкафа, освободил место на верхней полке и протянул бокал мне, чтобы я оказала ему все полагающиеся почести.

Во второй половине дня позвонила Ида.

— Посмотри шестнадцатичасовые новости, Чейз, — посоветовала она. — Там говорят нечто странное про «Полярис».

Я попросила Джейкоба взглянуть, и мгновение спустя в офисе материализовался незнакомый мужчина вместе с Пэйли Макгуайр, репортером Си-би-уай. Они стояли на космическом причале Скайдек, возле пяти упаковочных ящиков. В кадре виднелась часть корабля с открытыми грузовыми люками.

«На околосолнечную орбиту, господин Эверсон?» — спросила Пэйли.

«Совершенно верно, Пэйли. Самый подходящий способ».

Ящики были выше его самого, но в условиях низкой гравитации это, конечно, ничего не значило. Кто-то подхватил один ящик и занес его в люк.

«Но в чем суть?» — спросила она.

Эверсону было лет двадцать пять. Если пренебречь этим обстоятельством, можно было принять его за ученого: впечатление довершали черная борода и строгий костюм. У него были серые глаза и длинные тонкие пальцы пианиста.

«В каком-то смысле, — сказал он, — эти предметы почти священные. К ним следует относиться с уважением, что мы и делаем».

— Джейкоб, — сказала я, — что в ящиках? Не знаешь?

— Одну минуту, мэм. Я пересмотрю программу.

Пэйли следила, как уносят еще один ящик.

«Как далеко вы собираетесь отплыть, прежде чем сбросить их за борт?»

«Такой груз не сбрасывают за борт, — ответил он. — Его отпускают. Отправляют на вечный покой».

— Чейз, — сказал Джейкоб, — в ящиках находятся обломки, оставшиеся после взрыва бомбы в разведке.

— Артефакты?

— Да. То, что осталось от них.

«Что ж, как далеко вы собираетесь отплыть, прежде чем отпустить их?» — спросила Пэйли.

«Недалеко от луны. Мы собираемся покинуть Скайдек, когда он окажется на одной линии с солнцем, то есть когда луна окажется на одной линии с солнцем. Это случится сегодня ночью, около трех часов по местному времени. Мы все еще будем по эту сторону луны».

«Господин Эверсон, как я понимаю, контейнеры выйдут на околосолнечную орбиту?»

«Не контейнеры. Контейнеры мы оставим. Отпущен будет лишь пепел...»

«Пепел?»

«Мы решили, что будет правильно превратить все в пепел. Он действительно окажется на околосолнечной орбите. Среднее расстояние от солнца составит одиннадцать и одну десятую миллиона километров — один процент от расстояния между их кораблем и Дельтой К, когда они в последний раз вышли на связь».

Макгуайр повернулась и посмотрела прямо на меня.

«Итак, друзья, вот оно, последнее прощание с семьей героями „Поляриса“, шестьдесят лет спустя».

Я позвала Алекса. Джейкоб вернулся в начало, где ничего нового не сообщалось, и еще раз воспроизвел программу.

— Ты когда-нибудь слышал об этом парне? — спросила я Алекса, когда все закончилось.

— Ни разу. Джейкоб, что у тебя есть на Эверсона?

— Немногое. Состояние приобрел сам, родился на Токсиконе, на Окраине живет шесть лет. Владеет недвижимостью в Восточном Комроне, заведует там Мортон-колледжем — это вроде аспирантуры для одаренных студентов. Не женат. Есть ли дети, неизвестно. Выступает на шахматных турнирах — и, судя по всему, весьма неплохо. Член совета директоров общества «Полярис».

— Общество «Полярис»? Что это?

— Группа энтузиастов с филиалами по всему миру. Ежегодно они устраивают конференцию в Андикваре. По традиции конференция проводится в выходные после того дня, когда «Полярис» должен был вернуться домой.

— То есть?..

— Получается, в эти выходные.

Я небрежно спросила Алекса, не будет ли ему интересно там побывать. Это была шутка, но он воспринял мои слова всерьез.

— Они там все сумасшедшие, — ответил он.

Мне самой стало интересно, о чем я ему и поведала.

— Они устраивают круглые столы. Там весело, и есть шанс встретить новых клиентов.

Алекс скорчил гримасу:

— Не могу представить себе, чтобы наши клиенты появлялись на таких мероприятиях. Но если хочешь, пожалуйста. Желаю как следует развлечься.

Почему бы и нет? Я зашла в банк данных общества и почитала о них. Вскоре стало ясно, что Алекс прав: судя по тому, как проходили съезды, это были фанатики. Они читали друг другу псевдонаучные статьи, увлекались играми, сюжеты которых брались из истории «Поляриса», обсуждали все подробности происхождения: не был ли выведен из строя корабельный челнок (кто-то клялся, что именно так и было), не подменили ли искина, не оказалась ли Нэнси Уайт ее некой злобной сестрой-близнецом — настоящая Нэнси будто бы все это время жила в Нью-Йорке.

Трехдневная конференция проходила в «Золотом кольце», отеле среднего класса в центре города. Я появилась там в первый вечер, когда все только начиналось.

«Золотое кольцо» стоит в парковой зоне — прекрасном зеленом уголке с ручьями, мощеными дорожками, фонтанами, деревьями гранби и скульптурами. Фонтаны не работали из-за холодов, с севера дул свежий ветер. Я вошла в вестибюль, заплатила оргвзнос, получила бейдж со своим именем, взяла программу и поднялась на лифте.

В залах на втором и третьем этаже, похоже, проводилось несколько мероприятий одновременно. Я взяла коктейль в баре и огляделась в поисках знакомых — вернее, тех, кто мог узнать меня. Появиться на такой конференции — примерно то же самое, что прийти на собрание любителей астрологии, или хранителей Врат (которые, если вы не знали, считают себя обладателями истины о загробном мире), или сторонников идеи реинкарнации. Но меня окружали незнакомые люди; я, так сказать, подняла воротник и остановилась перед открытой дверью с табличкой: «Круглый стол „Чужой дух“».

В зале было не больше пятнадцати человек, хотя могло бы поместиться шестьдесят. Но было еще рано, люди продолжали приходить.

— Чужой дух, — говорил один из участников круглого стола, — больше всего походил на шторм и пронесся сквозь корабль, поскольку состоял из античастиц. Они не взаимодействуют с обычными частицами, и поэтому корпус корабля не представляет для них преграды.

Этого величавого мужчину средних лет можно было принять за доктора. Речь его звучала довольно убедительно, но моих научных познаний хватило, чтобы понять: он несет полную чушь.

Однако собравшиеся, похоже, воспринимали все это вполне серьезно — по крайней мере, достаточно серьезно, чтобы соглашаться с ним, а порой опровергать его доводы. Какая-то энергичная женщина страстно заявила, что такого не могло быть. Пошли разговоры об электронах и искривлении пространства-времени.

Подумав, что теме дали подходящее название, я вышла в коридор и направилась в следующий зал. Там говорили о том, что одна из населенных людьми планет — вероятно, Токсикон — могла послать экспедицию с целью захватить «Полярис», похитить пассажиров и заставить их работать над неким секретным проектом. Пожилая женщина, которую все называли «тетушка Эва», обратила внимание всех на то, что среди пассажиров были

двое ученых-медиков, космолог, популяризатор науки, политик и психиатр. Для какого проекта потребовалось собрать столь разношерстную группу?

Ей ответили, что похитителям нужны были только Даннингер и Мендоса — нейробиологи. Знают ли присутствующие, что эти двое работали над увеличением продолжительности жизни?

Конечно, все об этом знали.

Кто-то заметил, что злоумышленников можно найти — надо лишь отыскать планету, где политики перестали стареть.

Самые распространенные объяснения подразумевали вмешательство инопланетян — это был универсальный ответ на каверзные вопросы. Если кораблю угрожали инопланетяне и он готов был нырнуть в пространство Армстронга, то почему этого не сделали? Ответ: инопланетяне применили какое-то устройство. Почему Мэдди не послала сигнал бедствия? Тот же ответ.

Каковы были намерения инопланетян? Здесь мнения расходились. Некоторые считали, что им требовалось несколько человек для анатомирования. Другие полагали, что инопланетяне хотели оценить способности человека и поэтому выбрали корабль со «звездами» на борту. Из этого следовало, что инопланетяне тайно живут среди нас и в любой момент могут нас завоевать. Выглядят они как люди, но внутри у них сушая тьма.

Некоторые предлагали кулинарное объяснение: инопланетяне попросту хотели выяснить, насколько съедобное у нас мясо — или насколько вкусное. Раз подобных происшествий больше не случалось, значит мы показались им не слишком аппетитными.

Доктор Абрахам Толливер зачитал свою статью. В ней утверждалось, что «Полярис» действительно захватили инопланетяне, что Конфедерация и «немые» знали об их существовании с давних времен и что противостояние людей и «немых», то разгоравшееся, то затухавшее, служило для отвода глаз. По его словам, обе расы осознавали присутствие смертельной угрозы «где-то там» и война между двумя союзниками была лишь прикрытием для наращивания вооружений — в ожидании дня, когда враги атакуют нас.

«Полярис» служил предметом не только исторических исследований, но и всяческих измышлений. Еще один круглый стол назывался так: «Почему Мэдди стала звездным пилотом?»

Заслуга — или вина — приписывалась ее отцу. Мэдди была одним из шести детей: считалось, что все они должны добиться

многого, что их успехи — обычное дело и не заслуживают похвалы. Отец, мелкий торговец со странным именем «Арбакл», судя по всему, был недоволен жизнью и поэтому хотел наслаждаться достижениями своих детей. Троим из них в конце концов понадобилась помощь психиатра.

Один из выступающих считал, что Мэдди избрала свою профессию, тщетно пытаясь угодить отцу. (Тот будто бы сказал ей на выпускном вечере, что она способна на большее.) Другой полагал, что она просто хотела оказаться как можно дальше от него.

В конференции участвовал Таб Эверсон, и я пошла на его презентацию. Эверсона встретили громкими аплодисментами — за то, что он достойно распорядился остатками артефактов с «Поляриса». Поблагодарив всех, он объяснил, что несколько лет назад поднялся на борт «Поляриса».

— Теперь его называют «Шейла Клермо», — сказал он, — но для всех нас это прежний корабль, хоть и с эмблемой фонда.

Он рассказал про «Эвергрин», который занимался адаптацией злаков и прочих растений для космических колоний, а также охраной окружающей среды. Еще он продемонстрировал фотографии: глава фонда, купившего корабль, молодая Шейла, интерьеры корабля, отход «Шейлы» от причала — Эверсон присутствовал при этом. Никаких теорий, просто виртуальная экскурсия. Его выступление оказалось одним из самых информативных в тот день.

На круглом столе под названием «Большая иллюзия» молодая женщина настаивала, что меньше года назад видела Чека Боланда.

— Прямо тут, возле статуи Тариена Сима у Белого бассейна. Он просто стоял и смотрел вдаль сквозь деревья. Это было прошлым летом. Когда я попыталась с ним заговорить, он отвернулся и все отрицал. Но я бы узнала его где угодно. Конечно, он стал старше, но это был он.

Потом я пошла на секцию «Черный корабль». Зал был переполнен. Ведущий представил четырех ораторов, специалистов по «Полярису». Насколько я поняла, у каждого имелись публикации, — похоже, без них нельзя было завоевать авторитет в этих кругах.

Каждый выступил с коротким заявлением. Грубо говоря, двое утверждали, что черный корабль существовал, а остальные двое настаивали на обратном.

— Что за черный корабль? — шепотом спросила я у молодого человека, сидевшего рядом.

Вопрос, похоже, застал его врасплох.

— Корабль заговорщиков, — ответил он.

— Каких заговорщиков?

— Тех, которые похитили Мэдди и пассажиров.

— Что, опять Токсикон?

— Нет, конечно, — раздраженно бросил он, давая понять, что я отвлекаю его от ссоры, разгоравшейся на сцене.

Там выступал мужчина, выглядевший и говоривший как адвокат.

— Комиссия Тренделя, — сказал он, — в свое время исключила подобную возможность. Нам известно местонахождение каждого межзвездного корабля на момент происшествия.

Идея, насколько я поняла, заключалась в следующем: группа людей, с молчаливого согласия одного из находившихся на «Полярисе», подобралась к нему и попала на корабль, прежде чем кто-либо понял, что происходит. Они собирались захватить «Полярис» и потребовать выкуп за пассажиров, а поскольку те были знаменитостями, сумма обещала быть немалой.

Вот только выкупа никто не потребовал. Но этому тоже нашлось объяснение. Пленники, которых забрали на другой корабль, при первой удобной возможности захватили мостик. В последующей схватке черный корабль получил повреждения и застрял в пространстве Армстронга, где его невозможно было найти. Согласно другой теории, во время драки кого-то из похищенных убили и возвращать остальных стало слишком рискованно. Но опять же обе версии вызвали вопросы — ни один корабль в то время не пропал без вести.

Женщина в золотистом шарфике пыталась возражать.

— Кто-нибудь вполне мог сфальсифицировать данные, — заявила она. — Черт побери, почему все настолько слепы?

Споры не утихали. Когда они достигли наивысшего накала, рядом со мной сел Каззи Майклс, но я его не замечала, пока он не дотронулся до моей руки.

— Привет, Чейз, — сказал он.

Каззи был нашим непостоянным клиентом. Его страстью была эпоха, предшествовавшая межзвездным полетам, — фактически он собирал земные артефакты, которых осталось не так уж много. Я улыбнулась в ответ. К моему ужасу, Каззи сказал, что

сейчас мы проясним все насчет черного корабля, и поднялся. Ведущий узнал его и обратился к нему по имени.

— Фрэнк, — начал Каззи, — здесь присутствует Чейз Колпат. — (Я съежилась.) — Она пилот сверхсветовых кораблей и, вероятно, поможет нам снять кое-какие вопросы.

— Хорошо. — Фрэнк посмотрел на меня, наклонив голову. Каззи все намекал, что я должна встать: оставалось лишь подчиниться. — Это правда, Чейз? Вы пилот?

— Да, — ответила я. К моему удивлению, раздались аплодисменты.

— Чейз, помогите нам. Есть ли способ установить, в пределах какого пространства может находиться космический корабль в тот или иной момент времени?

— Да, он есть даже для кораблей с квантовыми двигателями, — сказала я. — Но в те времена пределы были очерчены намного жестче. Правительственные и коммерческие корабли каждые четыре часа посылали отчет о своих перемещениях на станцию контроля. Если отчет не поступал, поднимали тревогу. Всегда было известно, где кто находится. Частные корабли — их насчитывалось не так много — также могли при желании посылать отчеты. Одни делали это, другие — нет. Итак, большинство космических судов можно исключить. Что касается остальных, достаточно взглянуть на их порты захода и определить, была ли у них возможность оказаться вблизи «Поляриса». Насколько я понимаю, до Дельты Карпис слишком далеко, и комиссия уверенно исключила возможность появления рядом с «Полярисом» другого корабля.

Публика зашевелилась.

— Я же вам говорил, — сказал кто-то.

На одном из заседаний присутствовал аватар Джесса Тальяферро, директора разведки, организовавшего экспедицию. Выяснилось, что его обрадовала возможность сделать приятное Класснеру и остальным, что все готовилось очень тщательно, что известие о случившемся повергло его в шок.

Рядом со мной стояла пожилая пара, нагруженная покупками из сувенирной лавки — книги, чипы, модель «Поляриса», шарф с эмблемой «Поляриса», фотографии Мэдди и пассажиров. Я поздоровалась, и они улыбнулись в ответ.

— Я помню, когда это случилось, — сказал мужчина, стараясь ничего не уронить. — Мы просто не могли поверить. Никто

не мог. Все думали, что это ошибка, что их найдут в трюме или еще где-нибудь.

Официальная часть презентации завершилась. Я пришла, когда мероприятие подходило к концу.

— Несчастный человек, — сказала женщина, имея в виду Тальяферро.

— Похоже, случившееся наложило на него неизгладимый отпечаток, — заметила я.

Женщина была хрупкой, седоволосой, но взгляд ее говорил о немалой силе духа.

— Конечно, — кивнула она. — Если учесть, что с ним случилось потом...

— А что с ним случилось? — спросила я.

Мой вопрос явно удивил обоих.

— Он тоже исчез, — сказала старушка. — Думаю, так и не оправился от потрясения. Года два или три спустя он вышел из здания оперативного центра разведки, и никто его больше не видел.

Ведущий предложил задавать вопросы. Конечно, присутствующие не удержались и стали спрашивать, куда исчез Тальяферро пятьдесят лет назад.

— Был ясный летний день, — сказал аватар. — Все шло как обычно. Я убрал со стола, убрал полностью, что мне несвойственно. Очевидно, я знал, что провожу на работе последний день.

— И что же с вами случилось, доктор Тальяферро? — спросил кто-то в передних рядах.

— Если бы я знал... — Аватар с личностью Тальяферро обладал всеми знаниями, которые смогли загрузить в него системы сбора данных, — всеми, которыми поделился сам Тальяферро. — Но я действительно не имею ни малейшего понятия.

В зале для коллекционеров были книги, посвященные тем событиям, форма экипажа «Поляриса», модели, игры, фотографии капитана и пассажиров. Здесь тоже продавали картину Ормонда: Даннингер, глядящий на сельское кладбище. Несколько продавцов разложили разную одежду с вышитой эмблемой корабля. Меня больше всего заинтересовали четыре книги из личной библиотеки Мэди, снабженные сертификатом. Я ожидала увидеть труды по навигации и обслуживанию сверхсветовых кораблей, но это оказались сочинения Платона, Тулисофалы,

Ловелла и Сима — «Человек и олимпиец». Эта женщина выделялась среди других не только благодаря лицензии пилота и красивой внешности. Не будь цена поистине бешеной, я бы купила эти книги.

У меня сложилось ощущение, что для участников конференции история с «Полярисом» — скорее способ бегства от реальности, чем предмет для серьезных раздумий. Реальный корабль не настолько интересовал их, как могло показаться на первый взгляд. Это происшествие позволяло иначе представить себе вселенную — чуть более таинственной, чуть более романтической и, может быть, куда менее предсказуемой, чем в действительности. Я сделала вывод: никто из них не верил в «чужой дух», но всем хотелось вообразить, хотя бы на несколько часов, что он мог вмешаться.

Весь вечер состоял из сплошных преувеличений — смесь праздника, псевдонаучных рассуждений и мифотворчества. И сожалений.

ГЛАВА 7

Пройдет над ним ветер, и нет его...

Псалтирь, 102: 16

Конференция общества «Полярис» дала мне именно то, чего я хотела, — повод отвлечься от рутины и возможность провести прелестный вечер, полный причуд и откровенного бреда. После запланированных мероприятий начались вечеринки, затянувшиеся далеко за полночь. Я вернулась домой перед рассветом, поспала три часа, встала, приняла душ и потащилась в офис. Мне предстояло работать только полдня, и я знала, что до обеда дотяну: только бы не случилось ничего, что требует ясности ума.

Нам продолжали звонить — в основном те, кто не принадлежал к постоянным клиентам: спрашивали, какие вещи с «Поляриса» у нас есть, интересовались ценой, порой делали предложения. Слухи об артефактах уже разлетелись.

Предложенные суммы были очень высокими, даже если учесть утрату экспонатов с выставки. Но когда я сообщила о них Алексу, он лишь рассудительно кивнул.

— Цены станут запредельными еще до того, как все закончится, — сказал Алекс. — Кстати, — он невинно уставился в потолок, не удержавшись от улыбки, — как прошел вчерашний вечер?

— Чудесно.

— В самом деле? И на чем сошлись? Что людей с «Поляриса» похитили привидения?

— Вроде того.

— Рад, что тебе понравилось. — Тут он понял, что я хочу задать ему вопрос. — Спрашивай.

— Ты уверен, что хочешь их оставить? — Я имела в виду китель и бокал. — Мы можем сделать на них хорошие деньги. Гарантированная прибыль за квартал.

— Мы оставим их себе.

— Алекс, сейчас интерес на пике. Да, они еще подорожают, но вряд ли скоро. В ближайшем будущем цена может упасть. Сам знаешь, как это бывает.

— Оставь их. — Он подошел ближе и взглянул на бокал, занимавший почетное место в книжном шкафу.

На следующее утро Си-би-уай сообщила об убийстве маджи. Будто бы его убил собственный сын — ножом, на глазах у охраны.

— Ну и ладно, — заметил Алекс. — Никто не станет по нему горевать.

О том, что маджа мне звонил, я никому не говорила — меня несколько смущали эти светские беседы с чудовищем. Но, узнав о случившемся, я все рассказала Алексу.

— Видимо, ты произвела на него впечатление, — заметил он. Несмотря ни на что, мне было жаль убитого.

Алекс был хорошим боссом. Я отвечала за повседневную работу, и он предоставлял мне полную свободу, не засыпая указаниями. Большую часть времени он проводил, принимая клиентов и поставщиков, но всегда старался вытащить меня на неделе из офиса и пригласить на обед.

Через несколько дней после конференции мы отправились в ресторан «На крыше мира у Молли», построенный на вершине горы Маунт-Оскар, самой высокой в окрестностях города. Алекс был вне себя от радости — он только что нашел древнегерманскую угольную печь. Печь стояла целое состояние, а нуждавшийся в деньгах владелец хотел продать ее побыстрее. Обычно мы сводили вместе продавцов и покупателей, но цена была настолько выгодной, что Алекс сам подумывал о покупке.

Целый час мы говорили о печах и европейских древностях. Он поинтересовался моим мнением, и я ответила: конечно покупай, что мы теряем? Решив этот вопрос, мы завели светскую беседу. Обед закончился поздно. Обычно в таких случаях Алекс

отвозил меня домой, но в тот вечер мне надо было доделать работу, и мы поехали назад в офис.

Дом, одиноко стоявший на вершине пологого склона, когда-то был сельской гостиницей, приютом для охотников и путешественников, пока его не купил и не перестроил дядя Алекса, Гейб. Большую часть детства Алекс провел в этом доме — в те времена его почти со всех сторон окружали леса. К северо-западу от дома находится старое кладбище с осыпавшимися могильными камнями и статуями. Мальчишки постарше рассказывали Алексу, что кладбищенские обитатели выходят из могил по ночам.

— Когда меня вечером оставляли одного, я прятался за диваном, — сообщил Алекс.

Совсем не тот Алекс, которого я знала.

Гейб вел долгую борьбу против застройки местности, но проиграл ее. Будучи фанатиком этого дела, он отрицательно относился к соседям, которых становилось все больше с течением времени, и к обширной вырубке леса.

Дом был великолепный — четырехэтажный, с множеством окон, выходящих на реку Мелони, и сдержанным интерьером в стиле прошлого века. В некоторых комнатах имелись устройства виртуальной реальности, в одной стояли тренажеры, еще в одной — стол для игры в сквэбл, и, наконец, специальная комната предназначалась для отдыха и любования протекающей мимо рекой. Несколько комнат предназначались для гостей, еще несколько — для хранения осколков других цивилизаций, которые Гейб привозил из своих путешествий.

Дом был совершенно не похож на соседние особняки — современные, лошечные, рациональные, в которых ни один квадратный дюйм не пропадал впустую. Предельно практичные. Земля за пределами Андиквара стоила дорого, и редкий дом не принадлежал какому-нибудь организованному сообществу. Этот же резко выделялся на фоне остальных и был виден за несколько километров, если подъезжать со стороны города, — естественно, не ночью.

Мы пересекли Мелони, скорректировали курс, снизили скорость и опустились, прошелеств сквозь листву. Прошел примерно час после захода солнца. Луна зашла, но ярко светили звезды. В доме и на посадочной площадке при нашем приближении всегда включался свет, но сегодня везде царил странная темнота.

Алекс встряхнул коммуникатор.

— Джейкоб, — сказал он, — свет, пожалуйста.

Ответа не последовало.

— Джейкоб?

Мы мягко коснулись земли.

— Вряд ли он там, — сказала я, когда смолк двигатель и зажгли посадочные огни скиммера, отбрасывая тени на фасад и боковую стену дома.

Открылись дверцы кабины, и в нее проник прохладный ветерок.

— Оставайся на месте, — сказал Алекс, выбираясь наружу.

Вокруг было полно других домов — совсем рядом с низкой каменной стеной, ограничивавшей владения Алекса с севера и востока. Везде горел свет. Значит, на энергостанции ничего не случилось.

Посадочная площадка находилась в небольшой впадине, откуда видны только верхние этажи. Алекс начал подниматься по склону к входной двери. Я вышла и последовала за ним. Мне никогда еще не доводилось видеть дом погруженным в полную тьму. Воры в наше время почти вывелись, но случается всякое.

— Осторожнее, — сказала я.

Гравий на дорожке хрустел под ногами, слышалось горестное завывание ветра среди деревьев. Поднявшись на крыльцо, Алекс направил на дверь идентификатор, встроенный в перстень. Дверь открылась, но медленно. Энергии явно не хватало.

Алекс протиснулся внутрь. Я поспешно схватила его за руку:

— Не стоит.

— Все в порядке, — отмахнулся он, входя в гостиную. Свет включился на миг, но тут же погас. — Эй, Джейкоб! — позвал искина Алекс.

Ничего.

В окна ярко светили звезды. Я с облегчением заметила, что оригинал картины Сюжанне по-прежнему висит над диваном. Затем я заглянула в кабинет — китель Мэдди был в стеклянной витрине. Бокал с «Поляриса» тоже стоял на своем привычном месте, среди книг. Если бы здесь побывал вор, он забрал бы их в первую очередь.

Алекс пришел к тому же выводу.

— Думаю, Джейкоб просто отключился, — сказал он. — Никаких следов взлома.

— С Джейкобом такое уже бывало?

— Нет. Но искины постоянно отключаются.

На самом деле этого не происходит почти никогда.

Он прошел мимо меня в кухню:

— Подожди лучше снаружи, Чейз. На всякий случай.

Открыв дверцу шкафа, он пошарил в нем и достал фонарь.

Внутренности Джейкоба обнаружились в столовой, в винном буфете. Мигала красная предупреждающая лампочка.

Дом снабжался энергией по лазерному каналу — через тарелку на крыше. Выйдя на улицу, я отошла подальше и посмотрела вверх. Приемника не было. Оказалось, он валяется на земле позади дома. Основание приемника было обожжено: кто-то его срезал.

Я сообщила об этом Алексу и предложила покинуть дом.

— Одну минуту, — ответил он.

Порой Алекс меня раздражал. Я вошла и вытащила его на улицу, а затем позвонила в полицию.

Ответил женский голос:

— Пожалуйста, назовите ваше имя и сообщите, что случилось.

Я сказала, что у нас, скорее всего, побывал вор.

— Где вы сейчас?

— В саду.

— Оставайтесь там. Не входите в дом. Мы уже летим к вам.

Мы наблюдали за входной дверью с безопасного расстояния, держась поближе к скиммеру, чтобы в случае надобности вскочить в него и улететь. Но в доме все так же царила тишина. Через несколько минут в небе показались огни полицейской машины. Звякнул мой коммуникатор:

— Это вы звонили?

— Да.

— Хорошо, мэм. Держитесь подальше от дома. На всякий случай.

Полицейский скиммер завис прямо над нашими головами.

У нас с Алексом уже были разговоры о безопасности офиса. Но воровство стало редким, почти неслыханным явлением, о них никто почти не слышал, и Алекс не очень заботился об усовершенствовании сигнализации.

— Похоже, я получил урок, — сказал он. За двенадцать лет в этих краях случилось два взлома, и он стал жертвой обоих. — Теперь уж точно что-нибудь сделаем.

— Господин Бенедикт, — послышался голос из полицейской машины, — мы просканировали дом. Все чисто. Но вам лучше в него пока не входить.

Полицейские плавно опустились на землю рядом с нашим скиммером. Их было двое — мужчина и женщина, оба высокие, в тщательно отглаженной форме, вежливые. Инициативу взял на себя мужчина, смуглый и широкоплечий, говоривший с легким северным акцентом. Выяснив, что нам было известно, он вошел в дом, и мы стали ждать. Минут через десять нас пригласили внутрь, но велели ничего не трогать.

— Вашу тарелку срезали лазером, — сказал полицейский. — Отключили энергию. Дом сейчас на резервном питании. — Он был средних лет, работал не первый год и явно считал, что граждане могут лучше заботиться о своей собственности, например вложившись в приличную сигнализацию. Это читалось в его глазах. У него были мускулистые руки и густые черные усы. — Мы нашли следы, которые ведут к дороге. Но потом... — Он пожал плечами. — Вероятно, на нем был скафандр. Дальше следов нет.

— Жаль.

— Вы не замечали в окрестностях посторонних? Того, кто вел себя странно?

Ни Алекс, ни я ничего такого не припоминали.

— Ладно. Может, вы осмотрите свои вещи? Давайте выясним, что пропало.

Воры забрали коллекцию меридианских монет — почти двухтысячелетней давности, но не особо ценных — и несколько первых изданий книг. Все остальное, похоже, осталось нетронутым.

Полицейские подсоединили Джейкоба к переносному источнику питания, и его огни загорелись. Алекс активировал искина и спросил, что он помнит.

— Я действительно был отключен? — спросил Джейкоб. — Кажется, я потерял два часа и сорок шесть минут.

— Вскоре после того, как мы ушли, — сказал Алекс.

Искин показал изображения пропавших книг и монет. Полицейские спросили, сколько эти вещи могут стоить, — похоже, они догадывались, как воры могут избавиться от добычи.

— Кто-нибудь проявлял необычный интерес к этим предметам? — озадаченно спросила женщина.

За последний год, насколько мы помнили, монеты видел один Алекс, хотя они лежали на виду в одной из верхних комнат. О книгах знали все, но они тоже не представляли особой ценности.

— Господин Бенедикт, — обратился к Алексу мужчина, — я прав, полагая, что в вашем доме есть драгоценности?

— Есть. Но они на месте, я проверял.

— А что-нибудь еще, интересное для воров?

Алекс задумался:

— Только антиквариат. К счастью, они, похоже, вообще не соображали, что делают.

— Вы хотите сказать, что самое лучшее они не взяли?

— Именно так. Здесь хватает других вещей, которые намного легче унести, чем книги.

В гостиной были кулотская миска и магнитофон из древней Канады, в кабинете — ожерелье, которое в начале века носила Аня Мартен. А еще бокал с «Поляриса» и китель Мэдди. Все на виду.

— Странно, — сказал полицейский.

Алекс пожал плечами:

— Будь они умнее, они не были бы ворами.

Взломщики проникли в дом через заднюю дверь, которую теперь предстояло заменить. Полицейский глубоко вздохнул, изображая вселенскую усталость:

— У вас самый красивый дом в окрестностях, господин Бенедикт. Прямо-таки приманка для воров.

— Догадываюсь.

Полицейский захлопнул блокнот:

— Думаю, это все, что мы можем сделать на данный момент. Если выяснятся новые подробности, о которых нам следует знать, свяжитесь с нами. — Он протянул Алексу кристалл. — Вот копия протокола с номером вашего дела.

Алекс вымученно улыбнулся:

— Спасибо.

— Не за что, господин Бенедикт. Будем держать вас в курсе. Генератор можете оставить себе, пока все не заработает. — Пожелав нам доброй ночи, они вернулись в машину. — Вряд ли вам стоит волноваться, — добавил полицейский. — Они больше не вернуться. Но двери советую держать на запоре.

Поднявшись на крышу, я затащила туда тарелку, установила ее на место, закрепила клейкой лентой и, к своей радости, увидела, что все работает.

— На сегодняшнюю ночь хватит, — сказала я, — а утром позовем кого-нибудь: пусть посмотрят.

Усевшись в кресла, мы начали просматривать на двух половинах настенного экрана снимки каждой комнаты — как они выглядели утром и как теперь. Но похоже, ничего не изменилось. Подушки лежали там же, где и прежде, стулья на кухне стояли на своих местах, дверь шкафа в столовой все так же была приоткрыта.

— Всерьез, кажется, не искали, — заметил Алекс.

— Может, они только начали? А мы их спугнули?

— Вряд ли. Джейкоб, по его словам, был отключен два с лишним часа.

— В таком случае они, скорее всего, точно знали, что им нужно.

Алекс нахмурился:

— Коллекция монет и полное собрание сочинений Фрица Хойера?

— Угу. Я тоже не понимаю.

На экране появилась кухня — до и после. Столовая. Гостиная.

В гостиной стояли четыре кресла, диван, книжный шкаф, журнальный и кофейный столики. На одном из кресел лежала раскрытая книга. Занавески были задернуты. На глобусе планеты, призывно вытянув руки, стояла Вина, языческая богиня алтиеров. «Моя жизнь в древности» утром и вечером была открыта на одной и той же странице. На стенах висели фотографии: отец Алекса (которого он не знал), Гейб, Алекс с клиентами, Алекс со мной.

Наконец он вздохнул и велел Джейкобу выключить экран. Мы стали бродить по дому, разглядывая занавески, окна, столы и книжные полки.

— Они серьезно рисковали, — сказал Алекс. — Наверняка они явились сюда не просто так.

Многие вещи прямо-таки напрашивались на то, чтобы их похитили: ониксовые религиозные фигурки с Карпаллы, барабан девятого века какой-то таинственной ритмической группы «Вознесение», комплект восьмигранных игральные костей с Деллаконды.

— Не понимаю, — вздохнул Алекс. — Полная бессмыслица.

Сдавшись, мы вернулись в офис и несколько минут, озадаченные, сидели молча. Было поздно, и я собралась домой. Алекс смотрел на китель Мэдди.

— Мне пора, босс, — сказала я, вставая и надевая пальто. — Уже поздно.

Кивнув, он тоже поднялся и направился к витрине. С минуту он разглядывал китель, а затем подергал дверцу. Заперто.

— Что тебя удивляет? — спросила я.

Электронный замок предназначался главным образом для того, чтобы до содержимого витрины не добрались дети или любопытные взрослые. Вора он не остановил бы. Алекс отпер замок и задумчиво пожевал губами.

— Они туда лазили, — сказал он.

Как вам уже известно, видеокамера не давала изображения кителя, но он был все так же аккуратно сложен и выглядел нетронутым — по крайней мере, на мой взгляд.

— Алекс, — терпеливо сказала я, — в таком случае они вряд ли положили бы китель обратно и снова заперли витрину.

— Ты права, дорогая. — Он скорчил гримасу. — Но все-таки кое-что изменилось. Взгляни на имя Мэдди.

Прежде оно читалось отчетливо, сейчас тоже, но его отчасти скрывала складка.

— Раньше было по-другому, — заметила я.

— Да. Его вытащили, потом снова сложили и убрали обратно.

— Но почему воры сделали это?

— А почему воры не взяли драгоценности? Или картину Сюжанне? — Подойдя к книжному шкафу, он включил подсветку и взглянул на бокал с высокой ножкой. Старомодный замок требовал металлического ключа. Его тоже можно было открыть, но лишь взломав, в отличие от замка витрины. — К нему не притрагивались.

На следующий день прибыли инженеры из «Эдвансед электроники». Они долго качали головами, удивляясь нашей непредусмотрительности.

— Что ж, больше такого не будет, — сказали они нам. — С сегодняшнего дня, если кто-то попытается свалить вашу тарелку, включится система резервного питания. Если кто-то попытается ломиться в дом, Джейкоб вызовет полицейских, и взломщик ко времени их приезда будет лежать на полу.

Забрав полицейский генератор, они пообещали вернуть его владельцам.

В тот же день мы начали оформлять документы, которые позволили бы нам заняться радиоархеологией. Но Алекса постоянно отвлекали мысли о взломе.

— Можно предположить, — сказал он, — что они добрались до наших записей.

— А ты спрашивал Джейкоба? Он может определить, было ли такое на самом деле?

— Он говорит, что этого никак не узнать. Поэтому давай предполагать худшее.

— Ладно.

— Чейз, нужно сообщить всем, с кем «Рэйнбоу» имела дело в недавнее время — скажем, за последние два года, — что подробности всех сделок могут оказаться в руках воров.

Пока я занималась этим, он отправился с кем-то пообедать, а мне позвонил Фенн Рэдфилд — инспектор полиции и мой друг. Несколько лет назад он занимался расследованием первого взлома в доме Алекса.

— Когда будет возможность, Чейз, — сказал он, — загляните оба, ты и Алекс, к нам в управление.

— Алекса сейчас нет, — ответила я. — Работает с клиентом.

— Тогда приходи сама.

История Фенна была довольно необычна. В другой жизни — действительно другой — он был мелким воришкой, и, судя по всему, не слишком опытным. Его карьера закончилась, когда он проник в дом и наткнулся на хозяина. Последовала драка, хозяин вывалился из окна второго этажа и скончался от травм. Фенна, которого тогда звали иначе, схватили при попытке к бегству. Суд признал его виновным в четвертый раз. Судья объявил, что он неисправим и опасен для общества, после чего ему стерли память и заменили личность. Считалось, что об этом в новой жизни Фенна не знает никто, даже он сам. Он получил новое имя, новое место жительства на другом конце страны, новые воспоминания и новую душу. Сейчас у него были жена, дети и ответственная работа. Он тяжело трудился, знал свое дело и выглядел полностью довольным жизнью.

Я знала обо всем этом, потому что сестра погибшего была одной из клиенток «Рэйнбоу». Она хотела, чтобы убийцу казнили, и показала мне фотографии из зала суда, на которых я уви-

дела Фенна. Невероятно. Я сказала ей, что убийца мертв, окончательно и бесповоротно, как если бы его сбросили в океан.

Но я никогда и никому об этом не рассказывала, даже Алексу. И я сомневаюсь, что эти мои мемуары когда-нибудь будут опубликованы. В любом случае я этого не допущу, пока не буду уверена, что они никому не причинят вреда.

Я подумала, что полиция изловила взломщика и поэтому Фенн приглашает нас. Вероятно, тот попытался вломиться куда-то еще.

Управление полиции стоит на гребне горы, примерно в километре от дома Алекса. День был не по сезону теплым, и я решила пройтись пешком.

В старом каменном здании раньше находился суд. Неиспользуемые помещения в его задней части и на верхнем этаже давно заперли, чтобы не тратиться на кондиционеры. Фасад напоминает разрушающийся портик тринадцатого века — множество колонн с каннелюрами, изогнутые ступени и неработающий фонтан. Несколько претенциозно для полицейского управления. Я поднялась по ступеням. Дежурный направил меня прямо в кабинет Фенна.

Фенн был невысок и коренаст, а голос его, казалось, доносился из подвала. Вне службы он любил хорошую компанию, хорошую шутку, хорошую виртуальную реальность. Но стоило ему положить в карман удостоверение, как он становился совершенно другим человеком: не то чтобы он вел себя слишком официально, но все не относящееся к делу его не заботило. Широкоскулый, с пронзительным взглядом зеленых глаз, он обладал способностью убедить любого, что все будет в полном порядке. На полу у его ног стоял пластиковый пакет.

— Не знаю, куда мы катимся, Чейз, — сказал он, отрываясь от документов и показывая мне на стул. — Скоро даже в собственном доме не будешь чувствовать себя в безопасности.

Поднявшись, он обошел вокруг стола и оперся на него. Кабинет был небольшим, с единственным окном, выходившим на соседний дом. На стенах висели награды, грамоты, фотографии: Фенн возле полицейской машины, Фенн обменивается рукопожатием с какими-то важными персонами, Фенн широко улыбается, пока ему на плечи прикрепляют нашивки, закопченный Фенн вытаскивает ребенка с места катастрофы.

— Их поймали? — спросила я.

Он покачал головой:

— Нет. Боюсь, что нет, Чейз. Увы. Но у меня есть для тебя хорошие новости.

Подняв с пола пакет, он протянул его мне. Там лежали монеты.

— Быстро же вы их нашли, — сказала я. — Где?

— В реке.

— В реке?

— Да. Километрах в двух вниз по течению.

Высланный бархатом футляр, где хранилась коллекция, пришел в полную негодность, но сами монеты не пострадали.

— Юная парочка занималась любовью на берегу, и в это время над самой водой пролетел скиммер, с которого сбросили мешок. Кроме груза, там оказались футляр с монетами и книги.

Он протянул мне одну из книг. Та превратилась в кашу — я даже не смогла прочесть заглавие.

— Не понимаю, — сказала я. — Зачем было их красть, а потом выбрасывать в реку? Или воры боялись, что их поймают?

— Понятия не имею. Это произошло вечером того дня, когда их украли. На следующий день парень вернулся туда с детектором. — Фенн разглядывал книгу под лампой, держа ее осторожно, словно это было что-то мерзкое. — Ему это показалось странным, и он позвонил нам. Книга, — он сверился с записями, — называется «Бог и республика».

— Угу, одна из наших.

— Кожаный переплет. — Фенн подвигал скулами. — Вряд ли она теперь на что-нибудь годна.

Мы сидели, глядя друг на друга.

— Такое ощущение, будто кто-то затаил на нас злобу, — заметила я.

— Будь это так, Чейз, Алексу вообще некуда было бы возвращаться. — Он провел рукой по волосам и болезненно поморщился. — Бессмыслица какая-то. Ты уверена, что ничего больше не пропало?

— Что ты имеешь в виду?

— Иногда ворами нужны только документы, но они берут и другие вещи, чтобы хозяин не сразу заметил. Эти могли вволю порезвиться.

Я посмотрела на браслет с идентификатором и задумалась.

— Нет, — сказала я. — Вчера мы думали об этом, но все проверили. Те ребята сумели разглядеть скиммер?

— Он был серого цвета.

— И все?

— Все. Номер они не запомнили. — Прищурившись, Фенн взглянул на одну из монет. — Откуда они?

— Меридианская эпоха. Им две тысячи лет.

— С Окраины?

— С Блависа.

— Угу. — Он положил монету обратно. — Полицейский, который проводил осмотр, говорил, что в доме были и другие ценности, но воры их не взяли.

— Верно.

— При этом некоторые лежали на виду.

— Тоже верно. Ты же там бывал, Фенн, и сам знаешь.

Зеленые глаза сузились.

— Тебе и твоему работодателю пора серьезно задуматься о безопасности.

— Уже.

— Вот и хорошо. Давно пора.

Я решила, что пришло время сменить тему.

— Кстати, — сказала я, — вы продвинулись в поисках тех, кто заложил бомбу в «Проктор юнион»?

— Этим занимаюсь не я, — буркнул он. — Но мы их поймаем. Мы проверяем каждого окрестного конди. — (Так пренебрежительно называли уроженцев Коррим-Маса. Покрытое морщинами лицо Фенна вдруг напомнило мне бульдожью морду.) — Мы их поймаем.

— Хорошо.

— Бомба была самодельной: химикалии, которые можно купить в любой аптеке, плюс средство от насекомых.

— Средство от насекомых? Из него действительно можно сделать бомбу?

— Можно. Причем достаточно мощную.

Я послала парню, который нашел в реке мешок, пару редких монет. Судя по его ответу, ему хватило ума, чтобы понять их ценность. Несколько дней спустя Фенн признался, что найти воров пока не удалось и нам следует набраться терпения: рано или поздно они совершат ошибку, и тогда он их схватит. Похоже,

имелось в виду вот что: полиция дожидается, пока они не залезут к кому-нибудь еще.

Примерно в то же время мне позвонил Пол Калдер. Его изображение возникло в нашем офисе: он сидел на своей веранде, накинув серый военный китель поверх голубой рубашки.

— Чейз, — начал он, — хочу, чтобы вы знали: я крайне благодарен вам за жилет Мэдди. — Он нас уже благодарил, к тому же со смущенным видом. Похоже, что-то случилось. — Посылаю еще четыре сотни.

— Вы хотите приобрести что-нибудь еще?

— Нет. Считайте, что это премия.

Нам уже заплатили.

— Весьма великодушно с вашей стороны, Пол, но за что?

Калдер, среднего роста, полноватый, носил густую черную бороду и пытался выглядеть интеллектуалом, но казался обычным неряхой. К тому же он страдал чрезмерной набожностью и постоянно упоминал Всевышнего.

— Мне очень нравился этот жилет.

Я заметила, что он говорит в прошедшем времени:

— Что с ним случилось?

Он снова улыбнулся:

— Я получил предложение, от которого невозможно отказаться.

Если бы он стоял рядом, я бы, наверное, придушила его не раздумывая.

— Пол, только не говорите, что вы его продали.

— Чейз, мне предложили двойную цену.

— Мы тоже могли бы предложить двойную цену. Черт побери, Пол, я же говорила: эта вещь стоит намного больше, чем вы за нее заплатили. Жилет все еще у вас?

— Покупатель забрал его сегодня утром.

Я молча покачала головой.

Он откашлялся и оттянул воротничок:

— Я помнил ваши слова насчет его стоимости, но решил, что вы преувеличиваете.

Деньги достались Полу по наследству. Он понятия не имел о том, чего стоит сколотить состояние, и никогда не относился к этому всерьез. Деньги были для него лишь средством, и он трагил их, когда ему хотелось. Пожалуй, так же поверхностно Пол относился к религии. Он постоянно вставлял в свою речь фразы типа «благослови тебя Господь» или «на все воля Божья», но

у меня никогда не возникало ощущения, что он всерьез воспринимает сущность Создателя. При всем том на Пола было нелегко злиться. Он весь съежился, ожидая моего ответа, и я успокоилась.

— Есть хоть какая-то возможность отменить сделку?

— Нет, — сказал он. — Я написал расписку, получил деньги и отдал ему жилет.

— Пункт об отказе от обязательств вставлен?

— Что такое «отказ от обязательств»?

Я вдруг представила себе вора, копающегося в базах данных «Рэйнбоу».

— Пол, — спросила я, — как он узнал, что жилет у вас?

— Тут все просто: об этом знали все. Я не делал из этого секрета. В любом случае, недавно я брал жилет с собой — на ежемесячную встречу Чакунского исторического общества.

— И как к этому отнеслись остальные?

— Всем понравилось. Мой приятель даже принес симуляцию Гарта Уркварта.

— Пол, вы знали человека, который купил жилет? Были знакомы с ним до продажи?

— Нет. Но он пришел на встречу. — Пол снова попытался улыбнуться. — Коротышка по фамилии Дэвис.

— Ладно. Спасибо, что сообщили.

— Прошу прощения, если расстроил вас. Но я считал, что мне представился отличный шанс.

— Может, так оно и есть. Я не расстраиваюсь, Пол. Вы получили двойную цену. Полагаю, для вас все прошло удачно.

Я подумала, не вернуть ли присланную им премию, но это не имело смысла: я честно ее заслужила.

Я сидела, уставившись в пустоту, туда, где только что находилось изображение Пола. Как он мог повести себя так глупо? Но ничего не поделаешь.

Мы больше не занимались артефактами с «Поляриса», но происшествие с кораблем по-прежнему интересовало меня. Мне начинало казаться, что я не успокоюсь, пока не сделаю хотя бы одного: надо выстроить логичную последовательность событий, которые могли привести к исчезновению Мэдди и ее пассажиров.

— Джейкоб, — спросила я, — есть видеозапись отлета «Поляриса»?

— Сейчас проверю.

Пока он искал, я пошла в кухню и приготовила чашку чая.

— Да, есть. Воспроизвести?

— Пожалуйста.

Офис превратился в терминал Скайдека. Там были все — Мэдди и Уркварт, Боланд, Класснер (выглядевший еле живым), Уайт, Мендоса и Даннингер, а также толпа — полсотни человек — и небольшой оркестр. Оркестр играл попурри из знакомых мелодий, собравшиеся поочередно обменивались рукопожатиями с путешественниками.

Откинувшись на спинку инвалидного кресла, Мартин Класснер беседовал с помятым человечком: я сразу же узнала Джесса Тальяферро, директора разведки, который организовал экспедицию и в конце концов сам пропал без вести. Странная сцена: Класснер и Тальяферро. Оба исчезли при разных обстоятельствах, и никто больше не видел ни одного ни другого. Губы Класснера едва шевелились, руки дрожали. Удивительно, что этого — явно больного — человека отправили в такое путешествие. На одном из кораблей сопровождения летел врач, но вряд ли этого было достаточно.

Возле магазина сувениров стояла Нэнси Уайт — стройная, привлекательная, одетая так, словно отправлялась за город на выходные. Нэнси тихо разговаривала с несколькими людьми. Один из них, высокий, смуглый, привлекательный мужчина, с тревогой смотрел на нее.

— Ее муж Майкл, — пояснил Джейкоб. — Торговец недвижимостью.

Уркварта окружали журналисты. Он улыбался, подняв руки: мол, хватит вопросов, ребята, мне пора на борт... ладно, еще один, последний.

По сторонам от Чека Боланда стояли две женщины.

— Его называли человеком, решившим проблему тела и разума.

— Что такое «проблема тела и разума», Джейкоб?

— Точно не знаю, Чейз. Какая-то древняя загадка — похоже, связанная с природой сознания.

Я подумала, не запросить ли подробного объяснения, но решила, что это будет слишком сложно. Том Даннингер и Уоррен Мендоса что-то обсуждали с незнакомцами, столпившимися возле пандуса.

— Рядом с Даннингером — Борио Чапатка, — сказал Джейкоб. — А также Энн Келли, Минь Гаовин и...

— Кто это такие?

— Выдающиеся ученые-биомедики того времени.

Они оживленно жестикулировали и довольно громко разговаривали — не знаю, правда, о чем именно. Энн Келли, кажется, что-то записывала в блокнот.

Из бокового коридора вышла Мадлен Инглиш — бодрая, светловолосая, решительная. Ее сопровождал высокий мужчина, рыжеволосый, темноглазый красавец со слегка похотливой улыбкой. Вероятно, он был чуть моложе Мадлен.

— Это Кайл Андерсон, — сказал Джейкоб. — Журналист, работал на Скайдеке. Именно там он с ней познакомился.

— Ее бойфренд?

— Один из.

Боланд поднял взгляд и посмотрел прямо на меня, словно знал о моем присутствии. У него были классические черты лица и темные соблазнительные глаза. Одна из женщин, стоявших рядом с ним, показалась мне знакомой.

— Джессика Берк, — прокомментировал Джейкоб. — Та, что позднее стала сенатором.

Наконец Берк отошла от Боланда и зашагала по посадочной зоне, останавливаясь рядом с каждым пассажиром, позируя журналистам и пожимая всем руки.

«Счастливого пути. Удачного полета. Жаль, что не могу отправиться с вами».

Мэдди и ее приятель скрылись в туннеле, который вел в корабль. Несколько мгновений спустя он вернулся один, с несчастным видом оглядел собравшихся, пожал плечами и ушел прочь.

Класснер с помощью Тальяферро поднялся на ноги и начал взбираться по пандусу. Несколько человек столпились вокруг него, пожимая ему руку.

«Удачи, профессор», — прочла я по губам.

Класснер вежливо улыбнулся и что-то ответил.

К ним присоединилась Нэнси Уайт, предложив Класснеру опереться на ее руку. Тут Тальяферро принял звонок, кивнул, что-то сказал, снова кивнул и посмотрел на Уайт.

«Конечно, — ответила она, — я все понимаю».

Тальяферро, кажется, извинялся. Я сумела разобрать слова: «Что-то случилось. Мне нужно идти. Прошу прощения».

Быстро обойдя остальных путешественников, он пожелал им удачи и начал проталкиваться сквозь толпу. Несколько секунд спустя он скрылся в вестибюле.

Передали объявление: «„Полярис“ отправляется через десять минут, всех просят на борт». Люди начали подниматься по пандусу, прощаясь и махая руками перед камерами. Какой-то журналист припер к стенке Боланда и задал ему пару быстрых вопросов:

«Что вы ожидаете там увидеть? И что больше интересует вас как психиатра — реакция других пассажиров или само столкновение?»

Боланду пришлось на ходу придумывать ответ:

«Я в отпуске. Такое увидишь нечасто».

Попрощавшись в последний раз, все скрылись в туннеле, с улыбками на лицах.

ГЛАВА 8

Расследование обстоятельств, при которых исчезли пассажиры и капитан «Поляриса», продолжается. Мы не успокоимся, пока не представим полное и детальное объяснение. Надеемся, что мы будем знать все еще до окончания нашей работы.

Хох Менсеррат, официальный представитель комиссии Тренделя

«Рэйнбоу» не занимается заурядным антиквариатом. Мы торгуем, за редким исключением, предметами, которые имеют историческую ценность. «Рэйнбоу» — не единственная такая компания в Андикваре, но серьезным клиентам нужно обращаться именно к нам.

Через несколько дней после того, как Калдер расстался с жилетом, мне позвонила Диана Голд. Она обставляла спроектированный ею дом — вероятно, собиралась переехать туда вместе с третьим мужем. Дом стоял на западной окраине города, на вершине холма, откуда открывался вид на Маунт-Оскар. Диана пыталась обставить его в стиле старинного замка: кричащие портьеры и ковры, множество подушек и ковриков, деревянная мебель, чуть ли не готовая взлететь, и везде — картины того времени, на которых все выглядит таким бесплотным... Мне лично подобный стиль никогда не нравился. Я считала, что это чистейшая показуха, но, возможно, у меня старомодный вкус.

Не могла бы я посоветовать ей человека, у которого есть нужные предметы искусства? Несколько статуэток, две-три вазы, пара картин...

Диана развалилась в кресле. Видя ее, я всегда испытывала приступ зависти. Нет, меня не пугает собственное отражение в зеркале, но Диана, что называется, играла в высшей лиге. Она

была из тех женщин, при виде которых сразу понимаешь, насколько глупы порой мужчины и насколько легко ими управлять. Светлые волосы, голубые глаза, классические черты. Ей удавалось выглядеть доступной и недосыгаемой одновременно. Не спрашивайте как, но я знаю, что говорю.

— Конечно, — сказала я. — Составлю каталог и сегодня же пришло.

На самом деле я могла бы отправить каталог сразу же, но тогда Диана решила бы, что от меня ничего не зависит.

— Спасибо, Чейз, — ответила она. На ней была обтягивающая белая блузка поверх темно-зеленых брюк. Подстриженные волосы — прическа «Сан-Паулу» — едва касались плеч.

— Рада помочь.

Взяв чашку, она отпила из нее и улыбнулась:

— Чейз, обязательно загляни к нам. В конце месяца мы устраиваем вечеринку для Бинго. Если сможешь прийти, нам будет очень приятно.

Я понятия не имела, кто такой Бинго, но это явно был не ее третий муж. Имя больше подходило для домашнего питомца.

— Спасибо, Диана, — сказала я. — Постараюсь быть.

— Хорошо. И оставайся на все выходные.

Когда Диана Голд устраивала вечеринку, та обычно превращалась в настоящий марафон. Я была занята и предпочла бы отказаться, но с клиентами так не поступают.

— Что ты решила сделать с сумочкой Мэдди? — спросила я.

— Пока не знаю, куда ее поместить. Я собиралась поставить ее в столовой, в буфете с фарфором, но кори может ее опрокинуть.

Для тех, кто незнаком с Окраиной: кори — зверь семейства кошачьих, популярный среди любителей домашних животных. Представьте себе кота с повадками колли.

— Это уж точно ни к чему.

— Да. Кстати, хочу рассказать странную историю.

— Я вся внимание.

— На прошлой неделе я получила премию. Двести пятьдесят наличными.

— За что?

— Вот это-то и странно. Мне сказали, что премию выдало Жадайское культурное сообщество за мою работу над башней Брукмана.

— Поздравляю.

— Спасибо. Мне позвонила женщина и сказала, что она Джина Фламбо, помощница исполнительного директора. Мы договорились о времени визита, она приехала ко мне и вручила премию и деньги.

— Приятно, что вас ценят, Диана.

— Да. Она рассказала, что сообщество восхищено моей работой — не только над башней, но и над другими проектами.

— Так в чем проблема?

— В несколько странном способе вручения награды. Обычно лауреата приглашают на банкет или хотя бы на ланч и вручают ее в присутствии публики. Каждый получает немного рекламы для себя.

Я не знала, что сказать, поскольку никогда не получала наград. Последний раз мне что-то вручали в шестом классе школы, когда я заслужила похвальную грамоту за примерное поведение.

— Да, — согласилась я, — похоже, это и впрямь необычно.

— Мне стало любопытно, и я поинтересовалась, как они обычно вручают награды.

— Устраивают банкеты?

— Всегда, моя дорогая.

— Что ж, видимо, они изменили свою политику. — Я попыталась рассмеяться и глупо заметила, что все равно на банкетах кормят невкусно.

— Это еще не все. Я позвонила им, Чейз, под тем предлогом, что хочу поблагодарить председателя сообщества. Несколько лет назад мы с ней встречались. Так вот, она не имела ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— Ты серьезно?

— А как по-тоному, я выдумываю? Более того, она сказала, что у них нет никакой Джины Фламбо.

— Вот как? Ты проверяла счет?

— Деньги пришли.

— Что ж, по крайней мере, ты ничего не потеряла.

— У меня есть памятная табличка.

Она попросила своего искина переслать мне картинку. Засветился настенный экран, и я увидела пластмассовую табличку лазурного цвета с надписью: «За выдающиеся заслуги в проектировании и строительстве башни Брукмана...» — и так далее, классическим умбрийским шрифтом.

— Выглядит вполне официально.
— Да, я показывала ее председателю сообщества. Внизу стоит ее подпись.

— Что она сказала?

— Обещала перезвонить. Потом связалась со мной, искренне извинилась и сказала, что это, должно быть, шутка. Такой премии у них вообще нет. Но, по ее мнению, я заслуживаю того, чтобы сообщество отметило мои заслуги. Она заверила, что в следующем году мою кандидатуру обязательно рассмотрят.

В большие окна фасада падал солнечный свет, отбрасывая на ковер прямоугольные пятна. Я не знала, что и думать.

— Я вспомнила об этом, — продолжила Диана, — когда ты спросила про сумочку. Джина Фламбо тоже про нее спрашивала. Сказала, что знает о моей покупке, и поинтересовалась, не могу ли я ее показать.

— И ты показала?

— Конечно. Зачем держать то, что не можешь показать?

— Но Джина про нее знала? До того, как пришла?

— Да.

— Откуда?

— Все об этом знали, моя дорогая. Я давала несколько интервью. Ты их не видела?

— Нет, — ответила я. — Наверное, пропустила. И что она сказала?

Диана пожала плечами:

— Думаю, сумочка ей понравилась.

— Джина брала ее в руки?

— Да.

— Она ее, случайно, не подменила?

— Нет, сумочка та же самая.

— Вы уверены?

— Я не спускала с нее глаз.

— Точно?

— Абсолютно. Я что, идиотка?

— Ни в коей мере, Диана. Но все-таки убери ее в безопасное место.

— Дом надежно охраняется, Чейз.

— Ладно. Если что-то случится, сообщай.

— Если что-то случится, в реке найдут трупы.

Когда я поведала об этом Алексу, он задумался.

— Как звали того, кто купил жилет у Пола? — спросил он.

— Жилет приобрело Чакусское историческое общество.

— Как звали представителя?

Я вспомнила не сразу:

— Дэвис.

— Позвони им и проверь, есть ли у них Дэвис.

— Зачем? Какая нам разница?

— Пожалуйста, сделай это, Чейз.

Он вышел из комнаты, чтобы полить цветы на заднем дворе. Алекс был ботаником в душе; у него в саду росло множество гортензий и черт знает чего еще. Я всегда плохо разбиралась в цветах.

Я позвонила в Чакус. Мне ответил искин.

— Да, госпожа Колпат, — сказал он. — Вероятно, вы имеете в виду Арки Дэвиса.

Голос был мужской — выдержанный баритон, какой можно услышать на официальных приемах.

— Не могли бы вы дать мне его код?

— Прошу прощения, но устав сообщества запрещает нам раскрывать подобные сведения. Если хотите, могу передать ему сообщение.

— Сообщите ему мое имя и код. Скажите, что мне очень хотелось бы увидеть жилет, который он недавно купил у Пола Калдера, и что я надеюсь на быстрый ответ.

Дэвис ответил лишь после полудня.

— Должен признаться, госпожа Колпат, — хрипло проговорил он, — что я не вполне понимаю, о чем идет речь.

Он сидел в кресле. Кабинет был обшит темными панелями. Позади Дэвиса виднелись портьеры и две головы тальбов на стене. Охотник. Широкоплечий, с большим носом и густыми седыми усами, он потягивал пурпурный напиток, запахнувшись в халат, хотя прошло уже полдня.

— Вероятно, это ошибка, — продолжал Дэвис. Ему было лет восемьдесят, и он действительно выглядел весьма крупным. Не так-то легко оценить габариты человека, когда перед тобой виртуал. Если мебель сделана на заказ, то вообще непонятно, от чего отталкиваться. Но, судя по виду и поведению Дэвиса, он совсем не был «коротышкой» — а ведь именно так описывал его Пол.

— Возможно, я действительно ошиблась, — сказала я. — Я ищу господина Дэвиса, который несколько дней назад купил редкий жилет у Пола Калдера.

Он сделал большой глоток из стакана.

— Да, вы ошиблись. Это не я. Я не знаю никакого Пола Калдера и совершенно уверен, что не покупал ни у кого жилетов.

— Он присутствовал на последней встрече Чакунского исторического общества. И жилет, насколько я понимаю, был при нем.

Дэвис пожал плечами:

— Я не был на последней встрече.

Он уже собирался отключиться, когда я подняла руку:

— В обществе есть другие Дэвисы?

— Нет. Всего у нас тридцать — тридцать пять человек, и других Дэвисов нет.

— Происходит что-то странное, — сказал Алекс. — Свяжись со всеми, кому достались артефакты с «Поляриса», и попроси их быть осторожнее. И еще, пусть они сообщат, если незнакомцы станут проявлять чрезмерный интерес к артефактам.

— Думаешь, кто-то пытается их украсть?

Мы стояли на террасе позади дома, рядом с теплицей. Алекс наблюдал за птицами, порхавшими вокруг фонтана.

— Честно говоря, не знаю. Но похоже на то.

Я послушно связалась со всеми.

— Возможно, происходит нечто из ряда вон выходящее, хотя мы и не уверены в этом полностью, — сказала я им. — Так или иначе, примите меры, чтобы обеспечить сохранность вашего артефакта. И пожалуйста, держите нас в курсе всего.

Когда я закончила один разговор и собиралась начать другой, в дверь заглянул Алекс.

— У меня к тебе вопрос, — сказал он. — «Полярис» летел туда, где ожидалось уникальное в своем роде событие. Каждый ученый Окраины хотел бы присутствовать при этом. Так?

— Насколько я понимаю, да.

— Почему на борту было только семь человек? «Полярис» мог взять восьмерых.

Раньше я не обращала на это внимания. Алекс был прав: с каждой стороны коридора располагалось по четыре каюты.

— Не знаю, — ответила я.

Он кивнул, словно ожидал именно такого ответа, и ушел.

У меня было еще несколько дел, на которые я потратила полдня. Затем я велела Джейкобу собрать сведения о «Полярисе» из прессы тех времен. Эта сногшибательная новость, конечно, приковывала всеобщее внимание в течение многих месяцев. В поисках участвовали все силы Конфедерации: имелись опасения, что за пределами известного космоса таится нечто чужое и враждебное. С Токсикона, Деллаконды, Волчков, Корморала и Земли прилетели целые флотилии. Даже «немые» прислали поисковую группу.

Большинство, похоже, считало, что Мэдди и ее пассажиров похитили. Других правдоподобных теорий так и не появилось. Получалось, что где-то есть неведомая сила со сверхъестественными способностями и агрессивными наклонностями.

В течение года с лишним флотилии кораблей обшаривали всю Даму-под-Вуалью и тысячи звездных систем, пытаясь найти хоть какой-то ключ к разгадке. Пытавшихся помочь «немых» постоянно атаковали комментаторы и политики. Безмолвные существа, обладавшие телепатическими способностями, у многих вызвали тревогу. К тому же они были слишком не похожи на нас. Поэтому их обвиняли в шпионаже — как будто «немые», отправившись к Дельте Карпис, могли добыть важную информацию о силах обороны Конфедерации.

Рядовому читателю эти поиски могут показаться очень тщательными, но на самом деле космос настолько велик, что с теми средствами, которые мы имеем, его нельзя исследовать за год. К разгадке не удалось даже приблизиться. Между тем поиски стоили денег, а интерес к ним постепенно падал. В конце концов семерых пропавших попросту списали со счетов и объявили погибшими.

Испокон века люди по умолчанию считали неисследованные просторы за пределами известных систем своей территорией, на которую они имеют все права. Даже обнаружение «немых» и периодические конфликты с ними ничего не изменили. Но после происшествия с «Полярисом» космическая тьма стала казаться по-настоящему мрачной. Своего рода напоминание: мы не знаем, что находится «там». И, как сказано в незабвенном изречении Али бен-Каши, мы вдруг поняли, что вполне можем оказаться в чем-нибудь меню.

С тех пор прошло немало лет. Корабли больше не исчезали, исследователи, углубляясь все дальше в неведомое, так и не встретили никакого «злого духа». И люди забыли обо всем.

Алекс вошел, сел рядом со мной и стал просматривать материалы, которые Джейкоб выводил на экран.

— Столько усилий, — сказал он. — И так ничего и не нашли.

— Никаких следов.

— Невероятно. — Он нахмурился и наклонился вперед. — Чейз, когда «Полярис» доставили назад, его тщательно обследовали, но не обнаружили ничего необычного. Если на корабль пыталась пробраться враждебная сущность, значит капитан или пассажиры впустили ее, верно? Разве можно проникнуть сквозь шлюз, если люди на корабле этого не хотят?

— Ну, — заметила я, — внешние люки по-настоящему не запираются. Если кто-то или что-то доберется до корпуса, оно может пробраться внутрь. Правда, при желании его легко остановить.

— Как?

— Например, создав давление в шлюзе. Тогда внешний люк не откроется, как ни пытайся.

— Понял.

— Еще один способ — ускориться или, наоборот, дать по тормозам. В любом случае незваный гость улетит прочь.

— Значит, проникнуть на корабль можно только при помощи изнутри?

— По крайней мере, если не встречать препятствий изнутри.

Несколько минут он сидел молча. Джейкоб показывал отчет группы, обследовавшей внутренность «Поляриса» после его возвращения на Скайдек.

«Никаких признаков беспокойства со стороны пассажиров.

Никаких следов борьбы.

Никаких свидетельств поспешного бегства.

Одежда, туалетные принадлежности и другие предметы свидетельствуют о том, что персонал забрал с собой лишь самое необходимое.

Судя по открытому экземпляру „Потерянных душ“ и недоденному яблоку в кают-компании, пропавшие были застигнуты врасплох. Книга, вероятно, принадлежала Боланду. На полотенце, найденном в ванной, имелись следы ДНК Класснера».

— А кто руководил поисками? — спросил Алекс.

— Разведка.

— Я имею в виду, кто из разведки?

— Джесс Тальяферро, — сказал Джейкоб.

Алекс скрестил руки на груди и задумался:

— Тот, который исчез сам?

— Да. Странное совпадение.

— Его тоже не нашли.

— Да. Однажды он вышел из своего офиса, и никто его больше не видел.

— Когда? — спросил Алекс.

— Через два с половиной года после «Поляриса».

— Что могло с ним случиться, Чейз? Как ты думаешь?

— Понятия не имею. Вероятно, самоубийство.

Алекс снова задумался:

— Если это так, нет ли тут связи с «Полярисом»?

— Я бы не удивилась. По общему мнению, случившееся выбило Тальяферро из колеи. Он мечтал отправить на место события группу VIP-персон вместе с исследовательскими кораблями. Тальяферро лично знал Боланда и Класснера. Оба когда-то были председателями общества Белых Часов: Тальяферро подыскивал для него спонсоров и сам давал деньги.

— Была такая группа. Выступала за контроль над ростом численности населения, — сказал Алекс.

— Да. — Я велела Джейкобу отключиться. Он подчинился. Занавески раздвинулись, и в комнату ворвался яркий, ослепительный солнечный свет. — Когда стало ясно, что поиски ни к чему не привели, Тальяферро, по словам его коллег из разведки, впал в депрессию. — Я хорошо представляла это себе: бюрократ-идеалист, который потерял капитана корабля вместе с шестью главными знаменитостями той эпохи и не может даже объяснить, что с ними случилось. — Я про него читала. После случая с «Полярисом» он время от времени отправлялся в каньон Каримба и просто стоял там, глядя на заходящее солнце.

Алекс прикрыл глаза.

— Может, он бросился в Мелони и его унесло в море.

— Вполне возможно.

— Но он ведь не оставил прощального письма?

— Нет. Ничего такого.

— Чейз, могу я попросить тебя об одной услуге?

Георг Клоски входил в число специалистов, обследовавших «Полярис» после того, как корабль вернули назад. Он выглядел намного моложе своих лет — на сорок с небольшим, хотя был как минимум вдвое старше.

— Занимаюсь спортом, — сказал он в ответ на мое замечание о его внешности. Среднего телосложения, добродушный и приветливый, он счастливо проводил старость на острове Гильермо в Заливе.

Представившись, я сказала, что собираю информацию для исследовательского проекта — это более или менее соответствовало истине, — и спросила, нельзя ли пригласить его на ланч. Задавать вопросы в сетевом режиме, конечно, удобнее, но от тех, кого угощаешь чаем и сэндвичем со стейком, можно добиться большего.

Он согласился, сказав, что никогда не отказывается от ланча в обществе красивой женщины. Я сразу же поняла, что он мне понравится. Прилетев на следующее утро, я встретила с ним в прибрежном ресторане — кажется, в «Пеликане». На Окраине, естественно, пеликанов нет, но Георг (мы почти сразу перешли на «ты») сказал, что владельцы заведения родом из Флориды. Знаю ли я, где это — Флорида?

Я знала, что это где-то на Земле, и предположила, что в Европе.

— Почти угадала, — ответил Георг.

Он жил один. Некоторые его внуки проживали неподалеку, на материке.

— Но не слишком близко, — сказал он и подмигнул.

У него были густые черные волосы с проседью, широкие плечи, мускулистое тело — почти без жира, добродушная улыбка. Похоже, все женщины в ресторане его знали.

— В свое время я был мэром, — сообщил он. Но мы оба понимали, что дело не только в этом.

Так и прошло несколько минут: мы узнавали друг о друге, прислушиваясь к крикам морских птиц. «Пеликан» располагался у мощенной камнем дороги, проходившей вдоль набережной. Климат на острове был намного теплее андикварского. Мимо шли толпы людей в пляжных костюмах, пробегали ребятишки с воздушными шарами, ехали переполненные автобусы. Люди охотно ехали на Гильермо: здесь были захватывающие аттракционы, настоящие трамваи и лодки, дома с привидениями. Сюда стремились те, кто жаждал чего-то большего, нежели виртуальная реальность: головокружительные эффекты вроде бы те же, но при этом ты полностью осознаешь, что сидишь в темной комнате и не подвергаешься опасности. Некоторые считали, что это основательно притупляет остроту ощущений.

Из окна «Пеликана» была видна парашютная вышка.

— Страшное было время, — сказал Георг, когда я наконец завела разговор о «Полярисе». — Люди не знали, что и думать.

— А что думали вы?

— Больше всего меня удивил челнок. Легко представить, что все семеро решили отправиться на увеселительную прогулку. А дальше они заблудились или столкнулись с астероидом — либо произошло еще что-нибудь. По крайней мере, теоретически это было возможно. Но челнок оставался в стартовом доке. И еще — последнее сообщение с корабля...

— «Стартуем в ближайшее время».

— «В ближайшее время». У меня от этих слов до сих пор мороз по коже. Что бы ни случилось, все произошло очень быстро, в течение нескольких секунд — между отправкой сообщения и посылкой команды на прыжок. Словно нечто поймало их, вырубил и отключило связь. А затем похитило всех.

Принесли сэндвичи. Я откусила, пожевала, а потом спросила, есть ли у Георга какие-нибудь идеи. Что могло случиться, если исключить применение недоступных нам технологий?

— Послушай, Чейз, — ответил он, — что бы это ни было, по технологиям оно намного опережает нас. Без челнока люди не смогли бы далеко отойти от корабля. У Мэдди на борту было четыре скафандра. Когда прибыл «Пероновский», скафандры оставались на корабле.

На дороге за окном уличный художник рисовал набросок: улыбающаяся молодая женщина в широкой соломенной шляпе.

— Георг, а может, это был вирус? Или болезнь, от которой все сошли с ума?

Мимо прошли две девушки в полупрозрачных платьях, а за ними — двое парней.

— Чего только в наши дни не носят! — улыбнулся он, не сводя взгляда с девушек, пока те не скрылись из виду. — Полагаю, могло случиться что угодно. Но допустим, их разум пострадал от неких микробов, которых впоследствии не обнаружили. И что? Это ведь не объясняет того, как они покинули корабль.

Чай был хорош. Я вслушивалась в шум прибоя — реальный, размеренный, успокаивающий.

— Нет, — продолжал Георг. — Скафандры остались на месте. Если бы они вышли через один из шлюзов, то умерли бы через несколько минут. Вы бывали на космических кораблях, Чейз?

— Случалось.

— Внешний люк не сдвинется с места, пока давление воздуха в шлюзе не упадет до нуля. Тот, кто попытается выйти без скафандра, придет в неважное состояние еще до открытия люка. Но предположим, что он задерживает дыхание и сохраняет ясность ума, а потом выпрыгивает наружу. Хороший прыжок — скажем, со скоростью метр в секунду. «Пероновский» появляется там через шесть дней. Как далеко окажется прыгнувший?

— Не слишком далеко, — ответила я.

Вытащив салфетку, Георг достал ручку и начал что-то писать. Закончив, он поднял взгляд:

— По моим расчетам, за пятьсот восемнадцать километров от исходной точки. Не больше. Округлим до шестисот. — Он бросил ручку на стол и посмотрел на меня. — Радиус действия поисковых датчиков «Пероновского» куда больше.

— А они применяли датчики?

— Конечно. И ничего не нашли. — Георг вздохнул. Я подумала о том, сколько раз он об этом размышлял за прошедшие шестьдесят лет и оставляли ли его подобные мысли хотя бы на день? — Если бы я сам не участвовал в обследовании, то сказал бы, что всего этого просто не могло случиться.

Он заказал лаймовый колат и смотрел в окно, пока не принесли коктейль.

— Когда корабль доставили назад, — спросила я, — вы нашли что-нибудь, чего не ожидали найти? Что-нибудь необычное?

— Нет. Ничего. Вся одежда, зубные щетки, обувь были на месте. Казалось, что люди вышли на минутку. — Он наклонился через стол, пристально глядя на меня темно-кариими глазами. — Вот что я вам скажу, Чейз. Это случилось очень давно, но мне до сих пор страшно. Единственное, что меня напугало за всю мою жизнь. Но порой я думаю: вдруг законы физики действуют не всегда?

Судя по виду Георга, он любил хорошо поесть, но его сэндвич был лишь надкушен.

— Мы провели внутри корабля несколько недель, — продолжал он. — Мы разобрали его на кусочки, вынесли все, что могли, и отправили в лабораторию. Но там не нашли ничего полезного для расследования. В конце концов все предметы с корабля оказались на складе, и лишь позже их разборкой занялась комиссия Гренделя. Я тоже в этом участвовал.

— Не поймите меня превратно, но... насколько тщательно вы к этому подошли?

— Я был тогда простым техником, только закончил школу. Но, думаю, к делу мы подошли основательно. Комиссия привлекла людей со стороны, и никто не мог обвинить нас в утайке чего-либо. Одного из привлеченных специалистов я знал — Аманду Делиберте. Она умерла рано, при родах. Представляете? Единственный случай смерти при родах за последние полвека. Так или иначе, Аманда времени зря не теряла, но они нашли ровно то же, что и мы. Вообще ничего. Вот так-то, Чейз. Что бы ни случилось, это произошло очень быстро. А как иначе? Мэдди даже не успела послать сигнал бедствия. Говорят, будто в этом замешаны инопланетяне, но как, черт побери, они проникли через шлюз, прежде чем она послала сигнал? — Он сделал глоток и посмотрел на меня поверх стакана. — Я так и не нашел разумного объяснения. Они просто исчезли, и мы не имеем ни малейшего понятия о том, что с ними стало.

Я смотрела, как сидящая у стены пара пытается успокоить расшалившегося ребенка.

— Ваша группа забрала с «Поляриса» все, что смогла, верно?

— Да.

— Действительно все?

— Ну, арматуру мы оставили.

— Как насчет одежды? Драгоценностей? Книг? Ничего не осталось?

— Угу. Наверняка что-то осталось. Мы искали то, что могло пролить хоть какой-то свет на происшествие. Послушайте, Чейз, это случилось очень давно. Но ничего важного мы точно не оставили бы.

ГЛАВА 9

Исчезновение Джесса Тальяферро означало не только потерю крайне опытного и компетентного руководителя. Вероятно, называть его «великим» будет преувеличением, но он был из тех фигур заднего плана, которые дают возможность проявить себя великим. Мы недооценивали его: он никогда не стремился в политику, не получал высоких наград, не появлялся в новостях — кроме того случая, когда он выступил от имени сбитой с толку разведки после пропажи семи человек с «Поляриса». Но он стал источником вдохновения и оплотом для всех, кто хотел обеспечить лучшую жизнь и светлое будущее каждому из нас.

Ян Кво. Тальяферро: благородный воин

На следующий день Алекс дал мне выходной в качестве компенсации за поездку, но днем я все равно пришла в офис. Алекс просматривал на экранах информацию о Джессе Тальяферро.

Есть три подробные биографии бывшего директора разведки, и, кроме того, он вскользь упоминается в десятках исторических трудов, посвященных той эпохе. К тому времени я ознакомилась со многими материалами на эту тему. Тальяферро не был выдающимся политиком или ученым, а Департамент планетарной разведки и астрономических исследований за тринадцать лет его руководства не совершил никаких прорывов. Но похоже, Тальяферро был лично знаком со всеми сильными мира сего. Он постоянно общался с советниками и президентами, представителями шоу-бизнеса, лауреатами Галактической премии и прочими персонами, не сходившими с первых полос новостей. Но для меня главное заключалось в другом: он обладал железными принципами. Он отстаивал права человека, заботился об окружающей среде, старался, чтобы никто не получил слиш-

ком много власти, настаивал на том, чтобы дети получали хорошее образование, а не просто набор знаний, искал способ достичь прочного мира с «немыми».

Он не скупился на усилия и никогда не отступал. Он всячески поддерживал борьбу за снижение уровня коррупции в правительстве, стабилизацию численности населения на всех планетах Конфедерации, уменьшение власти средств массовой информации, преследование воровства в корпорациях. Он боролся с застройщиками, которые стремились уничтожить археологические памятники и древнюю природу, и делал все возможное, чтобы защитить от вымирания редкие виды животных.

Ближайшими союзниками Тальяферро в этих культурных войнах стали Боланд и Класснер. «Люди никогда его не ценили, — замечал один из биографов, — до того последнего вечера, когда он запер свой кабинет, попрощался с сотрудниками и ушел в неизвестность».

В те дни разведка располагалась в Юнион-холле, старом каменном здании, где когда-то находился суд. Обычно Тальяферро отправлялся домой на скиммере, взлетавшем с посадочной площадки на крыше. Но в тот последний день он сообщил своему искину, что хочет поужинать и вызовет транспорт позже, когда тот потребуется. Если потребуется.

— С кем он собирался ужинать?

— Никто не знает, — сказал Джейкоб. — Следователи пытались выяснить, что случилось. Но оказалось, что он забрал почти все деньги со счетов. Осталась лишь небольшая сумма, которая перешла к Мэри, его дочери. Кстати, других детей у Тальяферро не было.

— А жена?

— Он рано овдовел. Несчастный случай во время лодочной прогулки. Друзья утверждали, что он постоянно горевал о ней. Но позднее в его жизни появилась другая женщина.

— Кто? — спросил Алекс.

— Айви Камминг. Врач.

— Сколько у него было денег?

— Миллионы.

— Откуда? — удивился Алекс.

— Старое состояние. Он происходил из древнего и богатого рода. Когда средства перешли к нему, он начал пускать их на благие дела. Похоже, Тальяферро отличался полным бескорыстием.

Поужинав с подругой, я вернулась домой и решила попытаться счастья с аватаром Тальяферро. Я уже видела его на конференции поклонников «Поляриса», еще не зная, кто он такой. Теперь мне хотелось задать ему несколько вопросов.

С аватарами всегда возникают проблемы. Аватар внешне ничем не отличается от человека, которого изображает, но на самом деле это лишь проекция, создаваемая системой хранения данных. Впрочем, люди доверяют этим системам, и аватары выглядят предельно реалистично. Они смотрятся настолько убедительно, что им готовы верить на слово, хотя вся заложенная в них информация основана на сведениях, предоставленных оригиналом, — а в таких случаях человек старается выставить себя в выгодном свете. К тому же заинтересованные лица могут добавить что-то от себя. В итоге аватар заслуживает доверия не больше, чем заслуживал бы оригинал. Если ваша цель — что-то узнать, а не просто развлечься, стоит запастись здоровым скептицизмом.

Джесс Тальяферро стоял на каменистом берегу — невысокий мужчина средних лет с редкими темно-рыжими волосами, которые торчали во все стороны, и глазами, посаженными чуть шире обычного. Слишком большой живот, слишком узкие плечи. Во время нашего разговора он постоянно расхаживал туда-сюда, неуклюже раскачиваясь из стороны в сторону. Он сильно напоминал камару, большую юго-восточную птицу, которая вразвалку бродит по берегу в поисках выброшенной волнами морской живности. Никогда бы не подумала, что этот человек мог быть столь целеустремленным. Вот тебе и на.

— Здравствуйте, госпожа Колпат, — сказал он. — Вы ведь, кажется, были на конференции?

— Да. Мне понравилось ваше выступление.

— Весьма любезно с вашей стороны. — Он остановился возле каменной скамьи, глядя в сторону моря. Похоже, скамья была единственным рукотворным предметом поблизости от него. — Вы не против?

— Пожалуйста, — ответила я.

Он сел.

— По ночам здесь очень красиво.

Он был одет по моде того далекого времени: цветастая рубашка, широкий воротник, брюки с отворотами, щегольская голубая шляпа с кисточкой.

- Да, — кивнула я.
- Чем могу помочь?

И в самом деле — чем? На берег накатилась длинная волна.

— Доктор Тальяферро, пожалуйста, расскажите о себе. Что вас заботит, чем вы гордитесь? Что вы ощущали в день отлета «Поляриса»? Что, по-вашему, случилось?

— О себе? — удивленно переспросил он.

— Да, — подтвердила я. — Пожалуйста.

— Большинству людей хочется услышать о «Полярисе», а не обо мне.

— Вы знаете, почему я спрашиваю.

— Конечно. Но выглядит это так, будто я совершил лишь одно дело в жизни: отправил тех людей к Дельте К.

Он рассказал о своей семье, о своих мечтах, о годах, отданных разведке.

— Есть ли подтверждения тому, — спросила я, — что в космосе могут существовать другие цивилизации, кроме «немых»? Тальяферро закрыл глаза.

— Нет, — проговорил он. — Конечно, мы знали, что где-то есть своя разумная жизнь. Мы всегда это знали. Вселенная громадна, и если разум появился в двух местах, он обязательно существует где-то еще. Надо лишь понять, что речь не идет о редчайшем, почти невозможном стечении обстоятельств: тогда станет ясно, что должны быть и другие цивилизации. Должны быть. Настоящая проблема в другом: действительно ли они так разбросаны в пространстве и времени, что мы не встретим их за все время нашего существования?

Далеко в море медленно двигались огни.

— Такая встреча представляется крайне маловероятной, и мы никогда не относились к этому всерьез. Были определенные правила, указания на тот случай, если кто-то встретит в космосе чужой корабль. Но мы никогда не верили, что это действительно случится. И еще, была уверенность, что инопланетяне не проявят к нам враждебности. Любопытство — возможно, но не враждебность.

— Почему бы и нет? «Немые» враждебно относятся к нам.

— Лишь потому, что в самом начале, когда мы обнаружили друг друга, случился ряд инцидентов, которые привели к конфликту. Вина лежит в основном на нас и лишь отчасти — на «не-

мых». А может, вообще никто не виноват. Люди попали в непредвиденную ситуацию и повели себя неразумно. Похоже, это у нас врожденное: мы не можем выносить их присутствия. Вам приходилось оказываться рядом с «немым»?

Он имел в виду не только способность «немых» читать мысли, но и тот факт, что подсознательно они вызывали глубокое отвращение. Трудно сказать почему — ведь они были гуманоидами. Но люди реагировали на них примерно так же, как на больших пауков или змей. К тому же в их присутствии ваш мозг превращался в открытую книгу, и приходилось всячески заставлять себя не думать о чем-нибудь постыдном или тайном. Эти существа знали о вас намного больше, чем вы сами, ибо для них не существовало никаких преград, никаких рациональных обоснований или притворства. К примеру, они в точности знали, как мы на них реагируем, что до предела осложняло любую дипломатию.

— Нет, я никогда их не видела. — В Конфедерации «немых» было не так уж много, к тому же они не слишком нас любили. — Вы уверены, что они тут ни при чем?

— Мы об этом думали. Вы, конечно, знаете, что для полета к Дельте Карпис им пришлось бы проследовать через территорию Конфедерации или преодолеть огромное расстояние.

— Это единственная причина?

— Вовсе нет. Когда случилась история с «Полярисом», в наших отношениях уже долгое время царил покойствие. — Он потер затылок и взглянул на луну. Это была не луна Окраины — слишком большая, с туманной дымкой атмосферы. На ней даже виднелись океаны. — Мы не сумели найти никаких причин для похищения «немыми» людей с «Поляриса», тем более таких, ради которых стоило рисковать войной. Мы говорили с некоторыми из них. Я лично беседовал с их представителем. — Тальяферро поморщился, словно отгонял неприятные воспоминания. — Тот сказал, что они тут совершенно ни при чем. Я поверил ему и не вижу никаких причин менять свое мнение.

— Почему вы ему поверили? Вряд ли можно подозревать кого-то еще.

— Что бы о них ни говорили, Чейз, они совершенно не умеют лгать.

— Ладно.

— Более того, непонятно, как они вообще могли бы это сделать. Они не могли подойти к «Полярису» незамеченными: Мэдди наверняка бы подняла тревогу, и мы узнали бы об этом.

— А потом, — сказала я, — вы бросили все силы на их поиски.

— Да. Собственно, на поиски отправилась немалая часть флота Конфедерации. Мы не бросали никаких призывов — по крайней мере, официально, — но в поисках участвовали корабли многих корпораций и даже нескольких частных лиц. Все это продолжалось больше года.

— Я думала, вы организовали кампанию, в которой мог участвовать каждый.

— Мы не нуждались в такой кампании. Вы плохо знаете, какие настроения царили тогда. Люди попросту боялись. Появилось, как мы считали, нечто неизвестное нам, враждебно настроенное и намного превосходящее нас технологически. Нечто, совершенно не принадлежащее к нашему миру. Это все равно что обнаружить сверхъестественное существо. Дела были столь плохи, что шли даже разговоры о союзе с «немыми». И поэтому многие корпорации послали свои корабли, внося свой вклад во всеобщие усилия. — Он пошевелил сандалией, разбросав песчинки. — Для них это стало хорошей рекламой. Я имею в виду, для корпораций.

— Но ничего необычного так и не нашли?

— Совершенно верно. Ничего не нашли.

Включился вентилятор, и в комнате стало прохладнее. Мы молча сидели и прислушивались к его шуму. Законы физики продолжали действовать: это успокаивало.

— Доктор Тальяферро, — спросила я, — у вас есть какая-нибудь теория? Что, по-вашему, с ними случилось?

Он задумался.

— Полагаю, их похитили, — наконец ответил он. — Но кто и с какой целью — неизвестно.

Скамья, на которой он сидел, стояла у самой кромки прилива. Мы проследили за тем, как набегает волна, как она впитывается в песок.

— Почему на «Полярисе» оказалась свободная каюта?

— Вы хотите спросить, почему пассажиров было всего шесть, а не семь?

— Это одно и то же. Да, я именно об этом.

— Все просто. Восьмая каюта была зарезервирована для меня. Я тоже собирался лететь.

— Для вас?

Он кивнул.

— Вам повезло. Почему вы передумали?

— Что-то случилось на работе. Не знаю, что именно: мне об этом не сообщали. Я имею в виду, мне, аватару. Так или иначе, случилось нечто серьезное — настолько, что я счел нужным отказаться от полета.

— В последнюю минуту.

— Да. Можно сказать, мы уже садились на «Полярис».

Я стала добиваться объяснений, но аватар заявил, что ничего не может сказать. По какой-то причине Тальяферро предпочел сохранить все в тайне. Я вспомнила, как директор ушел раньше всех во время старта «Поляриса» со Скайдека.

— Доктор Тальяферро, что насчет вашего исчезновения? Почему вы решили уйти именно таким образом?

Я понимала, что это риторический вопрос, и не ожидала ответа. Передо мной был лишь виртуал, собранный из того, что было известно о человеке. Публичный образ, и только. Но разочарования я не чувствовала.

— Вы считаете, это странно?

— Да. А вы как считаете?

Я слышала, как этот вопрос задавали ему на конференции: он ничего не ответил. Но тогда он находился среди шумной толпы в зале заседаний. Я могла надеяться на большее: сейчас он был один, на пляже, мы беседовали в неофициальной обстановке.

— Остается полагать, что я стал жертвой преступления. Кое-кому и вправду хотелось моей смерти.

— Например?

— Баркрофту, Тулами, Инь Гао... господа, даже Чарли Миддл-тону. Их слишком много, чтобы назвать каждого, Чейз. Но все это есть в документах, и, если вам интересно, вы легко их найдете. В свое время я многим наступил на мозоль.

— В том числе тем, кто готов был лишиться вас жизни?

— Нет, — ответил он, подумав. — Вряд ли. Но похоже, меня все-таки прикончили.

— На конференции вы сказали, что в последний день убрали у себя на столе, и добавили, что это было вам несвойственно.

— Я такое говорил?

— Да.

— Возможно, я преувеличил для пущего эффекта. Когда появляешься на конференции, всегда хочется устроить небольшое шоу.

— И вы сняли все деньги со счетов.

— Да. Что ж, похоже, я и впрямь подумывал об уходе.

— Вы могли покончить с собой?

— Мне было для чего жить. Я сделал хорошую карьеру и еще не достиг старости — шестьдесят с небольшим. На здоровье тоже не жаловался. А мое положение позволяло участвовать во многих хороших делах.

— Каких делах?

— В свое время я активно занимался улучшением системы образования и помогал собирать средства для группы Керна.

Группа Керна, некоммерческая организация, посылала добровольцев и продовольствие в места, страдавшие от голода, вроде Талиоса. (Талиос, естественно, находился не на Окраине: здесь мало кто недоедал.)

— А недавно я встретил женщину.

Айви Камминг. После исчезновения Тальяферро Айви ждала несколько лет, но наконец смирилась с неизбежным и вышла замуж за преподавателя университета. Она родила двоих детей и была еще жива.

— Нет-нет, — сказал он, — кто-то наверняка меня подстерг. Я понимаю, как должно выглядеть снятие денег со счетов. Но все-таки вряд ли я ушел добровольно.

После теракта я заходила к Винди справиться о здоровье — тогда она еще выздоравливала. На следующий день после моей беседы с аватаром Тальяферро Алекс объявил, что считает нужным нанести ей визит.

— Зачем?

— Желаю удостовериться, что с ней все в порядке.

— Она прекрасно себя чувствует.

— Пусть она знает, что я о ней беспокоюсь.

— Мы послали Винди цветы. Я заходила к ней. Не вижу в твоём посещении особого смысла. Но если ты действительно хочешь...

— Гражданский долг, — сказал он. — Это самое меньшее, что я могу для нее сделать.

И мы пошли. К тому времени Винди уже вернулась на работу, и единственным напоминанием о случившемся была синяя трость в углу офиса. При желании Винди могла увидеть из окна, как строительные роботы убирают остатки мусора на месте «Проктор юнион».

Мы принесли конфеты, и Алекс галантно преподнес их Винди. Он бывал по-настоящему обаятельным, когда хотел. Винди приняла подношение; со стороны могло показаться, будто эти двое — лучшие друзья. От обиды на отказ вернуть артефакты не осталось и следа.

Несколько минут мы говорили о том о сем. Винди хотелось, как и прежде, играть в сквэбл, но для этого ей требовались здоровые ноги. Постепенно мы подошли к истинному поводу нашего визита. По словам Алекса, он только что закончил читать «Быстрины» Эдварда Ханта, историю общественных движений прошлого века. Целая глава была посвящена Тальяферро.

— Ты знаешь, — невинно спросил он, — что Тальяферро должен был лететь на «Полярисе»?

— Да, — ответила Винди. — Верно. В предварительном списке пассажиров есть его имя.

— Что случилось?

— Что-то непредвиденное, причем в последний момент. Точно не знаю.

— В последний момент...

— Они уже поднимались на борт и собирались стартовать.

— А почему он отказался? У тебя нет никаких идей?

— Нет. Говорят, что ему позвонили, что у него возникли проблемы на работе. Но откуда берет начало эта история, я не знаю. Ни в одном документе таких сведений не найти.

— В разведке были проблемы? Настолько серьезные проблемы, что он отказался лететь?

Она покачала головой:

— В записях за тот день ничего нет. Во время отлета на Скайдек действительно звонили, но не по работе — только желали удачи всем.

— Возможно, это был личный звонок, — заметила я.

— Он сказал Мендосе, что звонили с работы. — Винди явно не желала больше говорить на эту тему. — Конечно, звонок мог быть и личным. Возможно, ему просто что-то передали. Какая разница?

— Он вернулся в управление разведки в тот день? — настаивал Алекс.

— В тот день, когда улетел «Полярис»? Честное слово, не имею понятия, Алекс. — Винди притворилась, будто у нее болит голова. — Послушай, у нас нет никаких сведений о том звонке. И это было очень давно.

Я спросила Джейкоба, что у нас есть на Чека Боланда.

Боланд специализировался на взаимодействии тела и разума. Главная его мысль заключалась в том, что нас постоянно сбивает с толку мысль о двойственности тела и души, понятие разума как бестелесной сущности, отличной от мозга. Люди тысячелетиями получали свидетельства в пользу обратного, но продолжали цепляться за прежнюю идею.

Боланд проделал выдающуюся работу, составив карту мозга и продемонстрировав, что его наиболее отвлеченные функции скорее голографичны, нежели присущи определенным областям: они необходимы для функционирования мозга.

Боланд был самым младшим из пассажиров Мэдди. Этот темноголазый мужчина выглядел так, словно каждый день два-три часа проводил в спортзале. Я просмотрела видеозаписи: Боланд дает интервью, выступает на приемах, принимает награды. Премия Пенбрука. Премия Беннингтона. Премия Камалья. Он был самокритичен, обладал легким характером, отдавал должное коллегам. Похоже, все его любили.

Он не только был известен научными достижениями, но и считался лучшим на то время специалистом по стиранию памяти. В течение тринадцати лет Боланд работал на правоохранительные органы, исправляя — если так можно выразиться — тех, кто был склонен к противоправным поступкам.

В конце концов он оставил эту работу, а позднее начал выступать против подобной практики. Я нашла запись его выступления перед одной из судебных ассоциаций — примерно через год после того, как он прекратил сотрудничать с органами.

«Это равносильно убийству, — говорил он. — Мы уничтожаем личность и заменяем ее другой, созданной исполнителем наказания. Мы вживляем ложную память, не оставляя от человека ничего. Вообще ничего. Он становится мертв, так же как если бы его сбросили с самолета».

Но ведь Боланд занимался этим тринадцать лет. И если он так думал, то почему не отказался от сотрудничества раньше?

«Я считал свою работу полезной, — говорил он в одном из интервью. — Она меня вполне удовлетворяла: я думал, что устраняю преступные наклонности человека и заменяю их другими, в результате чего и он, и окружающие становятся счастливее. Я очищал улицы от преступников, возвращая обществу добропорядочных законопослушных граждан. Процедура была безболезненной — мы заверяли каждого, что все будет хорошо и к обеду он снова вернется в мир. Так я им и говорил: „К обеду ты будешь на свободе“. А потом, да поможет мне Бог, я забирал у них жизнь.

Я не могу ответить на вопрос, почему я так поздно осознал суть содеянного мной. Если меня решат осудить, то, надеюсь, ко мне отнесутся снисходительнее, чем я относился к другим. Сейчас я могу лишь настоятельно просить о рассмотрении закона, запрещающего эту варварскую практику».

ГЛАВА 10

Она совершила вынужденную посадку среди классиков, после чего так и не оправилась полностью.

Бэйк Агундо. Блуждания с Гомером

Дня через два после того, как я ознакомилась с биографией Боланда, мы пригласили на ужин нескольких клиентов. Когда все закончилось и они ушли, мы с Алексом остались, рассчитывая пропустить по стаканчику на ночь в «Вершине мира». Мы уже собирались уходить, когда мне позвонила Марсия Кейбл:

— Чейз, вы просили с вами связаться, если случится что-то необычное, имеющее отношение к рубашке Мэдди.

Мы созерцали раскинувшийся за окном ночной Андиквар — оживленное движение в небе, две реки, полные огней, сияющий город.

— Да, — рассеянно ответила я. — В чем дело?

— Приходил человек, чтобы взглянуть на рубашку. Только что ушел. Чертовщина какая-то.

— В смысле? — спросила я.

Алекс знаком велел включить громкую связь.

— Он сказал, что хочет ее купить. Предлагал кучу денег. Почти втрое больше, чем я за нее заплатила.

— И?..

— Я сомневалась, продавать или нет. Если честно, Чейз, у меня было такое искушение. Но он передумал, когда взглянул на рубашку.

Марсия знала толк в деньгах. Она училась в лучших школах, вышла замуж, чтобы получить еще больше денег, была опытной наездницей и занималась покупкой разоряющихся фирм, кото-

рые вновь ставила на ноги. У нее были рыжие волосы и темные глаза, и она терпеть не могла возражений.

— Он отказался от покупки? — спросила я.

— Да. Сказал, что это не совсем то, чего он ожидал, и что вещь не вполне впишется в его коллекцию. Ну или что-то в этом роде. Поблагодарил меня за потраченное время, повернулся и ушел.

Алекс поздоровался и извинился за то, что вторгается в нашу беседу.

— Марсия, — сказал он, — вы говорили, что он разглядывал рубашку. Он держал ее в руках?

— Да, Алекс. Держал.

— Не мог ли он ее подменить?

— Нет. После того разговора с Чейз я не сводила с него глаз. Мой муж тоже присутствовал при этом.

— Ладно. Хорошо. Как его звали?

Последовала пауза и писк автоматического секретаря.

— Бэйк Туми.

Алекс покачал головой — это имя он слышал впервые.

— А как он узнал, что рубашка у вас? Вы спросили его об этом?

— Думаю, о рубашке знали все. Я рассказала о ней большинству подруг и надевала ее, когда участвовала в шоу Терри Макилхенни.

— Это та записка, которую вы прислали?

Я видела ролик в очереди сообщений, но так и не успела его посмотреть.

— Да. — Марсия соображала, стоит ли ей демонстрировать волнение. — Я подумала, что он пробует выяснить, где мы ее храним. Чтобы потом украсть.

— Надеюсь, мы не беспокоим людей без причин, — сказала я Алексу так, чтобы не слышала Марсия.

— Я спросила его, — продолжала она, — знает ли он вас, Алекс. Он сказал, что знает.

— Как он выглядел? — поинтересовался Алекс.

— Молодой парень, не слишком высокий, лет двадцати пяти. Темно-рыжие волосы, короткая стрижка, одет слегка старомодно.

— Он оставил контактную информацию?

— Нет.

— Ладно, Марсия. Хочу кое о чем вас попросить.
— Конечно. Алекс, что все это значит?
— Вероятно, ничего. Просто кто-то проявляет необычайно острый интерес к артефактам с «Поляриса». Мы не знаем, что происходит, но, если вы снова услышите об этом человеке, постарайтесь выяснить, где его можно найти, и свяжитесь с нами. Немедленно.

«Молодой парень, не слишком высокий, лет двадцати пяти. Темно-рыжие волосы, короткая стрижка, одет слегка старомодно».

— Может, это ничего не означает, — сказала я. — Просто хотел взглянуть, а потом передумал. Ничего особенного.

После звонка Полу Калдеру стало ясно, что Дэвис, покупатель жилета Мэдди, выглядит точь-в-точь как Бэйк Туми. Похоже, это был один и тот же человек.

Марсия жила в Солитере, на северных равнинах. Пол был местным.

— Кем бы ни был этот парень, — сказал Алекс, — он не теряет времени даром. — Он поручил искину проверить списки жителей Солитера: не найдется ли какого-нибудь Туми? — Вряд ли их много. Там живет всего несколько тысяч человек.

— Ответ отрицательный, — сообщил искин.

— Сделай общий поиск в радиусе шестисот километров.

— Восемнадцать совпадений.

— Кого-нибудь из них зовут Бэйк? Или как-то похоже?

— Есть Баркер Туми.

— Еще?

— Барбара. Это все.

— Что имеется на Баркера Туми?

— Врач. Восемьдесят восемь лет. Учился в медицинском институте...

— Достаточно.

— Это не наш парень, Алекс.

— Да.

— Возможно, Бэйка Туми нет в списках.

— Возможно. Но если он коллекционер или торговец, это странно. Проверь наших клиентов. Думаю, мало кого из них нет в списках.

— Алекс, — сказала я, — как по-твоему, это тот же тип, что вломился к нам?

— Вряд ли это сильно поможет.

— А если он связан с женщиной, которая вручила поддельную премию Диане?

— Подозреваю, что так и есть. Может, и не связан прямо, но цель у них одна.

— То есть?..

— Вот тут-то, моя дорогая, мы и подходим к сути. Позволь задать тебе вопрос: почему наш взломщик счел нужным вскрыть витрину, но не книжный шкаф?

Я смотрела, как за окном поднимается такси и уходит на восток.

— Понятия не имею. Почему?

— В книжном шкафу стоял бокал. А в бокале ничего не спрячешь.

— Думаешь, кто-то что-то спрятал в одном из артефактов?

— По-моему, сомнений нет.

Я попыталась переварить услышанное:

— Значит, вор забрал монеты и книги...

— ...чтобы отвлечь внимание.

— Но почему он не оставил их себе? Все-таки они довольно ценные.

— Возможно, он этого не знал, — сказал Алекс. — Возможно, он вообще ничего не знал об антиквариате.

— Не может быть, — заметила я. — Здесь все крутится вокруг антиквариата.

— Не думаю. Здесь все крутится вокруг чего-то другого, совсем другого.

Мы сидели, глядя друг на друга.

— Алекс, если в карманах кителя Мэдди что-то было, неужели мы бы этого не заметили?

— О да, — кивнул он. — Я всегда осматриваю товар. И даже проверил, не зашили ли в него что-нибудь. В любом случае мы знаем, что в доме они не нашли того, что хотели. Иначе охота не продолжалась бы.

Я живу в достаточно скромном месте — в трехэтажном доме без всяких изысков, который стоит уже сто лет. На каждом этаже — по четыре квартиры, а во дворе есть бассейн, который позд-

ним вечером постоянно пуст. Подлетев со стороны реки, мы опустились на посадочную площадку. Откуда-то слышалась музыка и звонкий смех, казавшиеся совершенно неуместными. В салоне было разлито мягкое сияние приборной панели.

— Ты просмотрела ту Библию? — спросил Алекс.

— Да. Там ничего не было.

— Уверена?

— Ну, каждую страницу я не проверяла.

— Позвони Сун Ли, пусть взглянет. Для надежности.

— Ладно.

— И поговори с Идой. У нее ведь комбинезон?

— Да.

— Скажи ей, пусть посмотрит в карманах. И проверит подкладку. Если что-то найдет — не важно что, — пусть сообщит нам.

Я открыла дверцу и вышла. В листве послышалось хлопанье крыльев. Алекс проводил меня до двери, удостоверившись, что я добралась до дому в целости и сохранности. Настоящий джентльмен.

— Кто мог иметь доступ к артефактам? — спросила я. — Сотрудник разведки?

Алекс плотнее запахнул пиджак — становилось холодно.

— Через пару дней после кражи я говорил с Винди. По ее словам, артефакты были под надежной охраной с тех пор, как закончила работу комиссия Тренделя. Но несколько недель назад хранилище вскрыли, чтобы провести инвентаризацию перед аукционом. Что бы они ни искали, оно должно было оказаться там после вскрытия хранилища и перед терактом. Или же в первые месяцы расследования, в тысяча триста шестьдесят пятом.

— Есть еще одна возможность, — сказала я.

Он медленно кивнул:

— Мне не хотелось говорить об этом первым.

Оставить это мог один из летевших на «Полярисе».

Позвонила Сун Ли: она пролистала Библию страницу за страницей, но там ничего не оказалось: ни вставок, ни необычных записей на полях. Затем со мной связалась Ида и заверила, что в комбинезоне ничего не спрятано.

Последней вещью, которая имела непосредственное отношение к пропавшим с «Поляриса», был экземпляр «Звездной

пустыни» Пернико Хендрика, некогда принадлежавший Нэнси Уайт. У меня было немного свободного времени, так что я достала книгу и начала ее листать. В этом длинном — семьсот с лишним страниц — сочинении описывались усилия различных организаций по охране окружающей среды. Речь шла примерно о шестидесяти годах, предшествовавших публикации, — до начала четырнадцатого века.

Пометок в книге было немного. Уайт чаще всего подчеркивала фрагменты, вызывавшие у нее интерес, и ставила на полях вопросительные или восклицательные знаки. «Население — ключ ко всему, — писал Хендрик. — Пока мы не научимся контролировать рождаемость и стабилизировать экономический рост, все природоохранные действия, все попытки построить стабильную экономику, все усилия по ликвидации разногласий в обществе ни к чему не приведут». Три восклицательных знака. Далее следовал длинный ряд цитат. Несмотря на развитие технологий, люди все равно плодились слишком обильно: вряд ли кто-нибудь стал бы это отрицать. Иногда последствия оказывались минимальными — чересчур плотное движение, нехватка посадочных площадок. В иных же случаях рушились государства, свирепствовал голод, вспыхивали гражданские войны, и наблюдатели с других планет ничем не могли помочь. «Сколь бы ни был велик флот, невозможно доставить еду для миллиарда человек». В книге подробно описывались усилия по спасению вымирающих видов на всех ста планетах Конфедерации, по сохранению окружающей среды, разумному использованию ресурсов, замедлению роста населения. Говорилось о сопротивлении со стороны государства, корпораций и религиозных групп, о безразличии общественности (которая, согласно Хендрику, никогда не осознает серьезности проблемы, пока не становится слишком поздно). Он сравнивал человечество с раковой опухолью, распространяющейся по Рукаву Ориона и заражающей отдельные планеты. Снова восклицательные знаки.

От подобного чтения волосы вставали дыбом. Горячность автора порой не знала пределов. Там, где вполне можно было ограничиться одним прилагательным, он вставлял два или три.

Книга, однако, была основательно зачитана: Нэнси Уайт явно соглашалась с автором по большинству вопросов. Она постоянно спорила с ним по поводу фактов или технических подробностей, но, похоже, в главном они сходились: множество людей

умерли или были навсегда ввергнуты в нищету лишь из-за того, что человечество не может или не хочет обуздать свою страсть к размножению.

Я показала книгу Алексу.

— Паникер, — сказал он. — И она, кажется, тоже.

Я уныло уставилась на книгу:

— Возможно, как раз это нам и нужно.

Он удивленно взглянул на меня:

— Не знал, что ты из этих чокнутых «зеленых».

Когда на следующий день я подлетала к слиянию рек Мелони и Наракобо, возвращаясь домой, позвонил Влад Коринский — владелец таблички с историей предыдущих полетов «Поляриса». В конечном счете, решила я, она вполне могла быть самым ценным из всех артефактов, уцелевших после взрыва. Никто не знал, где именно на корабле она находилась, но, если Мэдди придерживалась традиций, табличку следовало поместить на мостике, на видном месте. Влад был путешественником и искателем приключений. Он побывал в Хокмире, Морикалле, Хамалупе и во многих других местах, где велись археологические раскопки — как на планете, так и за ее пределами. Стены комнат в его доме были украшены фотографиями — Влад на фоне руин городов, принадлежавших полудюжине древних цивилизаций. За многие годы он основательно обгорел на солнце, на лицо наложили отпечаток ветры десятка планет.

Он занимался покупками, обновляя свое жилище, и просматривал наш каталог — нет ли чего нового на подходе?

— Вы позвонили как раз вовремя, Влад, — сказала я. — Мне случайно попался коммуникатор из Арувии. Ему четыре тысячи лет, но он в отличном состоянии. Кто-то потерял его во время сражения при Эфанте.

Мы еще немного поговорили, и Влад пообещал подумать. По голосу было ясно, что он уже клюнул на приманку. Но ему не хотелось выглядеть чересчур сговорчивым.

Влад мне нравился. Несколько раз мы ужинали вместе, в нарушение общепринятого правила: никаких личных отношений с клиентами. Алекс об этом знал и болезненно морщился при всяком упоминании имени Влада, но ничего не говорил. Видимо, он полагался на мое благоразумие или здравомыслие — *virtue*. Надеюсь, что не на мою добродетель.

— Как у вас дела, Чейз? — спросил Влад.

В голосе его прозвучала тревога, и я поняла, из-за чего он звонил.

— Все хорошо, — ответила я. — Спасибо.

— Рад за вас. — На лобовое стекло упало несколько дождевых капель. — Ничего не узнали про парня, который пытается украсть артефакты?

— Влад, я не говорила, что их пытаются украсть.

— Разве это не ясно?

— Пока мы не знаем в точности, что происходит. Просто хотим, чтобы вы были осторожнее.

— Ладно. Я хотел сказать, что посторонних здесь не появлялось.

— Хорошо.

— Если кого-нибудь увижу, сразу же сообщу.

Похоже, сегодня был мой вечер. Когда я вернулась домой, искин проинформировал меня, что звонит Ида Патрик.

Ида была хорошо образованной и педантичной женщиной средних лет, из тех, которых можно встретить по вечерам в клубе за игрой в ориноко и фруктовым соком. Ничто не вызывало у нее такого негодования, как неподобающее поведение. Мир представлялся ей чистым, полным света пространством, вместилищем благопристойности и добродетели — и любому, кого это не устраивало, следовало попросту подыскать себе другое место. Одно лишь мое предположение о том, что где-то бродит вор, возмутило ее до глубины души. И тем не менее она любила интригу.

— Чейз, — сказала Ида, заговорщически понизив голос, — мне звонили.

— Насчет комбинезона?

— Да, — выдохнула она.

— Кто?

— Сказал, что он историк, пишет книгу про «Полярис» и хочет узнать, можно ли взглянуть на комбинезон.

— Как его зовут?

Она сверилась с листком бумаги.

— Кирнан, — сказала она. — Кажется, Маркус.

Маркус Кирнан. Я запустила быстрый поиск.

Нашлось двое Маркусов Кирнанов — один на другой стороне планеты, другой в Тибере, в двадцати километрах от Андик-

вара, недалеко от того места, где жила Ида. Последний написал две популярные исторические книги о знаменитых катастрофах прошлого века. Одна, «Паллиот», была посвящена катастрофе знаменитого воздушного корабля в 1362 году: тогда, в 1362 году, погибли сто шестьдесят пять пассажиров, включая великого писателя Альберта Комбса. Другая, «Парусник», рассказывала об исчезновении Бакстера Холлина и его пассажиров, деятелей шоу-бизнеса, отправившихся в Туманное море в 1374 году и пропавших без вести. Этому Кирнану было семьдесят лет.

- Как он выглядел, Ида?
- Рыжеватые волосы, молодой, симпатичный.
- Высокий?
- Не знаю, я не видела его вживую. Судя по видео, среднего роста.
- Когда он придет?
- Завтра вечером, в семь. Он хотел зайти сегодня, но я сказала, что занята.

Мы проверили второго Маркуса Кирнана — на всякий случай. Несмотря на имя, он оказался женщиной.

Можно было просто предупредить Фенна, но Алекс хотел лично увидеть загадочного незнакомца и услышать, что тот скажет.

- Возможно, — сказал он, — мы столкнемся с чем-то таким, к чему Фенн вряд ли готов.

Ида жила неподалеку от Маргулиса, на озере Духов, в восьмидесяти километрах к западу от Андиквара, — одна, в роскошном старинном доме с окнами, выходившими на все стороны, куполообразной крышей и панорамной террасой. Восточное крыло охраняла стеклянная башня. Обстановка внутри была достаточно эклектичной — Ида собирала все, что привлекало ее взгляд. Современное кресло с раздельной спинкой соседствовало с альтезианской кушеткой и столиком из черного дерева. Я бы свой дом так не обставила, но у Иды все это казалось вполне уместным.

Алекс заранее заказал копию комбинезона, которую мы принесли с собой. Ида сравнила ее с оригиналом.

- Потрясающе! — сказала она. — Вообще не отличишь. Думаете, он ее схватит и попробует сбежать?

- Нет, — успокоил ее Алекс. — Вряд ли. Но если даже и так, не пытайтесь ему помешать.

— Он опасен?

— Наверняка нет. Впрочем, рядом будет Чейз, вам нечего бояться. — (Да уж, конечно!) — А я спрячусь за занавеской. Главное, что вам следует знать: он не тот, за кого себя выдает.

— Вы уверены?

— Скажем так: если это тот, о ком мы думаем, он использует разные имена всякий раз, когда мы о нем слышим.

Алекс предложил, чтобы Ида велела искину записать весь разговор на видео. Мы решили, что Алекс не станет показываться. Посетитель мог его узнать — все-таки Алекс был публичной фигурой. Мне предстояло остаться наедине с Идой, что, впрочем, вполне меня устраивало.

Иду, похоже, мучили сомнения.

— Что, по-вашему, он станет делать?

— Думаю, взглянет на комбинезон, выразит свое восхищение и, возможно, предложит его продать.

— И что мне в таком случае отвечать? — Судя по голосу Иды, она уже полностью прониклась духом происходящего.

— Поблагодарите его, — немного подумав, ответил Алекс, — но откажитесь. Комбинезон не продается.

— Хорошо.

Мы прошли в кабинет и открыли стеклянный шкаф, где Ида хранила комбинезон Мэдди. Как и у нас в офисе, отчетливо было видно написанное по трафарету имя. Ида вынула комбинезон и заменила копией, расправив ее так же аккуратно, как оригинал, затем тщательно сложила одеяние и убрала в ящик, под стеганое одеяло.

— Знаете, я даже разочарована, что вы не думаете, будто он схватит его и убежит.

— Прошу прощения, — сказал Алекс. — Может, нам удастся его убедить...

— Если что, — продолжала Ида, — у меня есть звуковой парализатор.

— Но ведь это, кажется, незаконно?

Ее искин мог свалить незваного гостя с ног направленным акустическим ударом, который часто оказывался смертельным: в этом случае владельцу предъявлялось обвинение в убийстве.

— Если возникнут проблемы, — сказала Ида, — я предпочту отвечать перед судом.

Маркус Кирнан опустился на посадочную площадку ровно в семь, в скромном сером «тандерболте» трехлетней давности. Молодые люди, видевшие, как наши вещи сбросили в реку, не смогли как следует рассмотреть скиммер из-за темноты, но говорили, что он был серым.

Я смотрела, как открывается люк кабины и наш гость буквально выпрыгивает наружу. Окинув взглядом ухоженную местность и озеро, он направился к дому по вымощенной кирпичом дорожке.

Вернувшись в гостиную, мы с Идой уселись под картиной художника, о котором я никогда не слышала. Алекс укрылся за занавеской. Искин по имени Генри объявил о прибытии доктора Кирнана. Ида велела впустить его, входная дверь открылась, и мы услышали шаги. Обменявшись несколькими фразами с искином, Кирнан вошел в комнату.

Он оказался ниже меня ростом. Вообще-то, я выше многих мужчин, но Кирнан не доставал мне даже до ушей. Этот опрятный и, казалось, законопослушный человек всем своим видом внушал доверие. Я сперва подумала, что мы ошиблись и это вовсе не тот, кого мы ищем. Но потом я вспомнила, как мне понравился маджа.

Кирнан кого-то мне напоминал, но я не могла понять, кого именно. На лице его сияла чистосердечная улыбка. Дружелюбно глядевшие зеленые глаза были посажены чуть шире обычного.

— Добрый вечер, госпожа Патрик, — сказал он. — Очень приятный дом.

Ида протянула руку:

— Спасибо, доктор. Чейз, это доктор Кирнан. Доктор, это Чейз Колпат, моя гостья.

Поклонившись, он улыбнулся и сказал, что ему очень приятно познакомиться сразу с двумя такими красивыми женщинами. Можете представить себе, как я отреагировала на это. И еще мне вспомнилась конференция поклонников «Поляриса». Он точно был там — но на каком мероприятии?

Пожав друг другу руки, мы сели. Ида принесла чай, и Кирнан спросил меня, чем я занимаюсь.

— Я пилот сверхсветовых кораблей, — ответила я, решив, что о моем отношении к антиквариату лучше не упоминать.

— В самом деле? — восхищенно спросил он. — Значит, вы облетели всю Конфедерацию?

Я сразу же поняла, что он переиграл меня, но это мало помогло — я начала перечислять названия всевозможных портов захода, пытаюсь произвести на него впечатление. Алекс наверняка ухмылялся за занавеской, но я уже не могла удержаться. А когда Кирнан кивнул и сказал: «Да, я там был. Прекрасные места. Вы видели долину Лоци и Великие водопады?» — я начала понимать, что между нами устанавливается некая связь.

Я вовсе не хочу сказать, что меня сводит с ума каждый молодой мужчина приятной внешности, с которым я сталкиваюсь по жизни. Но в Кирнана действительно было что-то привлекательное — теплый взгляд, обаятельная улыбка, внимание к собеседнику.

— Расскажите про вашу книгу, — сказала Ида, на которую он произвел не меньшее впечатление. Всем своим видом она словно говорила: «Да этот милый юноша просто душка, он не может причинить вреда».

— Я назову ее «Полярис», — ответил он. — Я взял интервью у ста с лишним людей, которые имели отношение к кораблю.

— И у вас есть теория, объясняющая, что с ним случилось? — спросила она.

Кирнан слегка смутился:

— У каждого своя теория, Ида. Вы не против, если я буду называть вас так?

— Конечно, Маркус.

— На самом деле моя книга — не о том, что произошло.

— А о чем?

— Собственно, я изучал политические и социальные последствия случившегося. Знаете ли вы о том, что за восемь лет, прошедшие после инцидента, военные расходы выросли на двенадцать процентов? О том, что посещаемость религиозных церемоний по всей планете за последующие полгода увеличилась почти на четверть? Двадцать пять процентов от трех миллиардов — это много.

— Несомненно.

— По всей Конфедерации статистика примерно такая же.

— Но это не обязательно связано с «Полярисом», — заметила я.

— Вряд ли стоит сомневаться, Чейз, что все это — реакция на случившееся с «Полярисом». Общественные настроения в тот период сильно изменились: на этот счет есть множество доку-

ментов. Люди начали запасаться едой и снаряжением, чтобы выжить. Резко выросли продажи личного оружия всех видов, как будто атаку инопланетных обладателей передовых технологий можно отразить с помощью скремблера. — Губы его слегка изогнулись в улыбке, но в ней чувствовалась грусть. — Катастрофа затронула даже «немых», хотя и в меньшей степени. Конечно, некоторые последствия были кратковременными, но и сегодня корабли, покидающие границы исследованного космоса, имеют на борту небольшой арсенал.

Беседа затянулась почти на полтора часа. Наконец Ида извинилась за то, что мы отнимаем у него столько времени: ведь ему наверняка хочется взглянуть на комбинезон.

— Для меня это немалое удовольствие, милые дамы, — ответил он. — Но вообще-то, я хотел бы на него взглянуть, если вы позволите.

Мы встали и направились в кабинет. Алекс должен был наблюдать за оставшейся частью шоу на экране монитора. Если что, он готов был выскочить из соседней комнаты, но пока все вроде было под контролем.

Мы прошли по длинному центральному коридору — Ида впереди, Кирнан сзади. Стены коридора украшали оригиналы картин — в основном пейзажи. Кирнан дважды останавливался, восхищаясь мастерством художников и хваля Иду за ее вкус. Похоже, его осведомленность сразила Иду наповал.

Наконец мы дошли до кабинета, и Ида велела Генри открыть шкаф.

— Вы храните его здесь, в этой комнате? — спросил Кирнан. — Я думал, он в какой-нибудь сокровищнице.

Конечно, он шутил, но в этих словах слышалось вполне серьезное предупреждение: «Он очень ценен. Берегите его. Вокруг столько беспринципных людей».

— О, ему ничто не угрожает, Маркус.

Открыв шкаф, она достала комбинезон — копию, — взяв его за плечи и развернув во всю длину. Комбинезон был темно-синим, цвета ночного моря. На левом плече виднелась нашивка «Поляриса», а правый нагрудный карман украшали выведенные по трафарету белые буквы «ИНГЛИШ».

Кирнан приблизился к комбинезону, словно к реликвии.

— Потрясающе! — проговорил он.

Я ощутила невольный укол вины.

Он дотронулся кончиками пальцев до вышитого имени.

«ИНГЛИШ».

Мэдди. Пожалуй, именно в это мгновение я поняла, почему пассажиры «Шейлы Клермо» ощущали присутствие Мендосы, Уркварта, Уайт и остальных. Особенно Мэдди. Бедная Мэдди. Для капитана нет ничего хуже потери тех, кто путешествует вместе с ней и полностью на нее полагается, веря, что она проведет их через любые преграды. Похоже, Ида почувствовала то же самое: глаза ее увлажнились.

Кириан продолжал стоять, словно одевание придавало ему сил. Наконец он взял комбинезон в руки.

— Не могу поверить... — вымолвил он.

— Маркус, — спросила я, — вы были на корабле?

— На «Клермо»? Да, был! — На его лице промелькнуло беспокойство. — Давно.

— Что-то не так?

— Нет. Я просто подумал, что разведке не следовало продавать комбинезон.

— Согласна! — негодуяще заявила Ида.

— Он представляет огромную историческую ценность.

Я посмотрела на комбинезон, потом на Кириана, которому пришлось слегка приподнять его над полом, — Мэдди тоже была выше его. Мы не сводили взгляда с гладкой темно-синей ткани, с нашивки на плече, с карманов. Всего их было шесть: нагрудные с белой окантовкой, задние и простые боковые.

— Полагаю, в них ничего нет? — спросил Кириан.

— Нет, — ответила Ида. — Мне не слишком повезло.

Словно между делом, он заглянул в каждый карман, все время улыбаясь и приговаривая: «Никогда не знаешь, что найдешь». Каждый раз, ничего не обнаружив, он грустно качал головой из-за того, что комбинезон не хранил ни одного фрагмента истории «Поляриса». Я почти поверила, что комбинезон настоящий.

— Жаль, — вздохнул Кириан, закончив осмотр. — Но у вас есть хотя бы это. — Он сложил комбинезон и вернул его Иде. — Спасибо, Ида. — Он посмотрел на часы. — Уже поздно. Мне пора. Рад был познакомиться с вами, Ида. И с вами, Чейз.

Он направился к двери.

— Вы проделали немалый путь. Маркус, — сказала Ида, хотя мы не знали, откуда он прилетел. — Не хотите чего-нибудь на дорожку?

— Нет, — ответил он. — Спасибо. Мне в самом деле пора.

Он поклонился нам обеим, и мы втроем двинулись к выходу. Распахнув дверь, Кирнан помахал нам рукой, потом забрался в скиммер и взмыл в вечернее небо.

Я аккуратно укладывала копию комбинезона в пластиковый пакет, когда в кабинет ворвался Алекс.

— Пошли, — сказал он.

— Куда?

— Ида, — широко улыбнулся Алекс, — вы были просто великолепны. Вы обе, — добавил он, взглянув на меня. Мы направились к выходу. — Спасибо, Ида. Я с вами свяжусь. Расскажу что и как.

Взяв копию комбинезона, Алекс сунул его под мышку. По крайней мере, у нас теперь была ДНК «Кирнана».

Мы остановились в тени дома, глядя, как над верхушками деревьев движется скиммер, и дожидаясь, пока он не улетит подальше.

— На вид — вполне приятный молодой человек, — заметила Ида.

Решив, что опасность миновала, мы забрались в нашу машину.

— Каков наш план? — спросила я Алекса.

— Попробуем выяснить, где он живет. — Мы взмыли в воздух, и Алекс вышел на связь с Идой. — Ида, лучше всего никому об этом не рассказывать.

— Почему? — спросила она.

— На всякий случай. Пока мы не разберемся, в чем дело.

— Как мне быть, если он снова позвонит?

— Немедленно дайте нам знать.

— И держите двери запертыми, — добавила я.

Я спросила Алекса, не считает ли он, что Иде угрожает опасность.

— Нет, — ответил он. — Кирнан получил, что хотел...

— Возможность обыскать комбинезон?

— Именно. У него нет причин возвращаться. Но лучше все же поостеречься.

— Ты говорил, они что-то ищут...

— Да?

— Похоже, ты оказался прав.

В лучах заходящего солнца был виден скиммер Кирнана, направлявшийся на восток, в сторону Андиквара.

— Следуй за ним, — велел Алекс искину. Мы поднялись над деревьями и начали набирать скорость. Алекс повернулся ко мне. — Что ты о нем думаешь?

— Ну-у, довольно симпатичный парень.

— Более чем уверен, — улыбнулся он, — что вы обе сейчас беседовали с человеком, который подложил бомбы в «Проктор юнион» или, по крайней мере, знает, кто это сделал.

До меня дошло не сразу.

— С чего ты взял? — спросила я. — Зачем было Кирнану убивать маджу?

— Он и не собирался.

— Извини, Алекс, но я чего-то не понимаю.

— Я имею в виду вот что: он воспользовался присутствием маджи, чтобы уничтожить коллекцию и толкнуть следствие на ложный путь.

В это трудно было поверить.

— Ты считаешь, что это не было покушением на убийство?

— Да, считаю. И у них все получилось, Чейз. Полиция ищет убийцу, а не заговорщика, который охотится за вещами с «Поляриса».

— Все равно не понимаю...

— Они не хотели, чтобы кто-нибудь понял истинный смысл происходящего, чтобы люди задавали лишние вопросы. Им представилась отличная возможность: они узнали о визите маджи, и никого не удивило, когда убийцы попытались его прикончить.

— Невероятно! Но зачем? Если они пытаются что-то найти, зачем все уничтожать?

— Возможно, они просто хотят, чтобы оно... — Алекс поколебался.

— ...не попало в чужие руки, — закончила я.

— Да. А теперь еще раз подумай насчет бомб.

— Они превратили артефакты в шлак.

— Кирнан явно не знает, где искать то, за чем он охотится. Оно могло быть в кителе Мэдди, в ее комбинезоне, в рубашке.

— Все время Мэдди, — сказала я.

— Возможно, это искаженный взгляд на вещи. Большая часть вещей, которые мы забрали с выставки, принадлежала Мэдди. Я не стал бы делать поспешных выводов.

Небо начало темнеть. Внизу зажигались огни.

— Но что это могло быть? — спросила я.

— Не знаю.

— Как они узнали о приезде маджи? Где-то явно произошла утечка.

— Подозреваю, утечек хватало. Организации вроде разведки не привыкли хранить тайну. Вот почему маджа явился с небольшим отрядом телохранителей. — Алекс ткнул пальцем в сторону машины Кирнана. — Они не хотели никого убивать и поэтому объявили тревогу за несколько минут до взрыва.

— Едва успели.

— Да. Что бы они ни искали, они готовы при необходимости убить сколько-то людей. Или сделать так, чтобы предмет их поисков не нашел никто посторонний.

— Гм... получается, в этом замешан Таб... как его там?

— Эверсон.

— Да, Эверсон.

Тот самый, который купил обломки, сжег их и отправил прах к солнцу.

— Ну как, намечается закономерность?

— Но что может быть настолько важным?

Алекс посмотрел на меня:

— Подумай, Чейз.

— «Полярис». Нечто, способное поведать о том, что с ним случилось.

— Вот и я так считаю.

— Думаешь, кто-то написал записку? Оставил сообщение?

— Не исключено. Может, все не столь очевидно. Но есть нечто, и кто-то очень боится этого «нечто».

— Все равно бессмыслица, — заметила я. — Даже если заговор и был, все, кто мог иметь к нему отношение, давно мертвы или лишились власти.

Кирнан все так же летел на восток. Мы догоняли его, стараясь оставаться незамеченными.

— Переходи на ручное управление, Чейз. Поднимись выше, но оставайся в общем потоке.

Я отключила искина и активировала штурвал.

— Мы нарушаем закон, — заметила я. Переход на ручное управление сам по себе преступлением не являлся, но упаси бог попасть при этом в аварию.

— Не беспокойся, — сказал Алекс.

— Тебе легко говорить.

«Тандерболт» Кирнана влился в поток аппаратов, которые следовали с востока на запад вдоль трассы номер 79, проходившей над Наракобо. Середина недели, движение не слишком плотное.

— И все-таки, думаю, стоит позвонить Фенну, — предложила я.

— В чем ты его обвинишь? В том, что он ласкал комбинезон Мэдди?

— По крайней мере, они наверняка смогут выдвинуть обвинения против человека, который болтается по округе и проникает в чужие дома под чужим именем.

— Сомневаюсь, что это незаконно, — заметил Алекс. — В любом случае ему просто станет ясно, что мы у него на хвосте. Если мы хотим понять, в чем дело, придется дать ему возможность все показать нам.

Впереди, на горизонте, виднелись огни Андиквара. «Тандерболт» свернул в северо-восточный коридор, направляясь к устью реки.

— Летит к одному из островов, — сказала я.

Ночь была полна движущихся огней — не только в воздухе, но и на реке, и на дорогах. По сравнению с большинством столиц Конфедерации, Андиквар выглядит довольно плоским. В четырех его углах стоят четыре башни, есть также башни Шпигеля и Люмена в центре, но все прочие здания — максимум шестиэтажные. Это прекрасно спроектированный город парков и пристаней, монументов и надземных дорожек, фонтанов и садов.

Похолодало. Луна еще не взошла, ветра не было. Мы пролетели мимо воздушного шара, наполненного горячим воздухом.

— Поздновато для этого времени года, — заметил Алекс.

Кирнан оставался в потоке, ничем не привлекая к себе внимания. Пролетев над заливом Наракобо, он направился к морю. В часе полета от Андиквара есть сотни островов, на которых живет почти половина населения столицы.

По мере приближения к городу движение становилось все плотнее.

— Давай опустимся пониже, — сказал Алекс.

Большинство машин летели на высоте от одной до двух тысяч метров. Опустившись примерно до восьмисот метров, я пристроилась позади «тандерболта».

— Хорошо, — кивнул Алекс.

Мне следовало сразу понять, что есть повод для беспокойства: изящный желтый «венчер», летевший на той же высоте, что и мы, вдруг зашел нам с тыла. Алекс ничего не замечал.

— Он с кем-то разговаривает, — сообщил он.

— Ты хочешь сказать, в скиммере есть еще кто-то?

— Нет, вряд ли. По сети.

«Венчер» накренился на правый борт и начал заходить сбоку. Вниманию Алекса было полностью приковано к «тандерболту».

— Хотел бы я слышать, что он говорит.

Люк «венчера» открылся, чего никогда не случается в полете, если только кто-то не хочет как следует прицелиться.

— Осторожно, Алекс!..

Я свернула вправо, но было уже поздно. Последовала яркая вспышка, и в то же мгновение я ощутила резкий толчок: вернулся нормальный вес. Мы полетели вниз.

— Что ты делаешь? — заорал Алекс.

Я попыталась прибавить скорость, чтобы увеличить подъемную силу крыльев. Скиммеры, естественно, рассчитаны на использование антигравов: в полете вес машины составляет около одиннадцати процентов от нормального, и для удержания ее в воздухе не требуются крылья большого размаха или мощный двигатель. Соответственно, крылья скромны по размерам, а машины летают медленно, делая не более двухсот пятидесяти километров в час. А при полном весе этого недостаточно.

Мы падали в океан. Я сражалась с приборами, но не могла подняться ни на сантиметр.

— Садимся на воду, — сказала я. — Приготовься.

— Что случилось?

— «Венчер», — ответила я. Тот уходил прочь, набирая скорость.

По связи послышался мужской голос:

— С вами все в порядке? Мы видели, что произошло.

И еще один, женский:

— Попытайтесь сесть. Будем держаться рядом.

Я связалась с патрульной службой.

— Терплю бедствие, — сообщила я. — Я в свободном падении.

Это было не совсем правдой, но близко к тому.

Вода казалась темной, холодной и твердой.

— Держись, — сказала я.

— Вижу вас, — ответил патруль. Удивительно, как эти ребята могут сохранять полное спокойствие, когда кто-то валится с неба. — Идем к вам.

Мне не хватало скорости даже для того, чтобы задрать нос.

— Постарайся расслабиться, — сказала я Алексу. Надо отдать ему должное — он нашел в себе силы рассмеяться.

Вода может быть жесткой. Врезавшись в нее, мы отскочили, перевернулись, опрокинулись набок, и нас накрыла волна. Крышу сорвало. Скиммерами обычно управляют искины, и машины никогда не сталкиваются — ни друг с другом, ни с чем-либо еще. Более того, чем они легче, тем лучше летают и поэтому не рассчитаны на то, чтобы выдержать удар. Даже привязные ремни задуманы лишь как мера предосторожности на случай плохой погоды.

На нас хлынула вода. Мелькнули огни, и мы ушли в глубину. Я почувствовала, как всплываю на ремнях. Проверив, не мешают ли всплыть остатки крыши, я высвободилась из ремней и повернулась, чтобы узнать, как идут дела у Алекса. В то же мгновение отказало электричество, и огни погасли.

Алекс сражался с ремнем. Похоже, он даже не знал, где находится кнопка ручного открытия замка. Впрочем, это было не удивительно: вряд ли ему приходилось пользоваться ею. Кнопка находилась в центре машины, на панели между сиденьями, но мне пришлось оттолкнуть руку Алекса, чтобы добраться до кнопки. Положение было не из лучших: Алекс вдруг решил, что сейчас утонет вместе со скиммером, и начал отчаянно барахтаться, отказываясь принимать помощь. Пришлось буквально отодрать его руку от панели: лишь тогда я сумела нажать кнопку. Вытолкнув Алекса сквозь дыру в крыше, я последовала за ним.

Патруль, подобравший нас через несколько минут, поинтересовался, что случилось. Я объяснила, что в нас стреляли из желтого «венчера» последней модели. Вероятно, она попала в гондолу антиграва.

— Вы сказали «она». Вы знаете, кто это был?

— Понятия не имею, — ответила я.

Нас допрашивала женщина. Мы сидели на палубе спасательной шлюпки.

— Зачем ей это было нужно?

— Не знаю, — сказала я. — Без понятия.

— Но это была женщина?

— Думаю, да.

Я мало чем могла им помочь.

Мы оба промокли и дрожали от холода, кутаясь в одеяла. Нам дали кофе. Когда нас ненадолго оставили одних, Алекс спросил, удалось ли мне спасти дубликат комбинезона.

— Нет, — ответила я. — **Я** думала, он у тебя.

Он посмотрел на меня и вздохнул.

ГЛАВА 11

Он ищет тут, ищет там, ищет повсюду, обшаривая темные углы и тени, ищет за дверями и под подушками.

Чен Ло Кобб. Куда же я его положил? (Из книги «Коллекционер»)

С нами связался Фенн, который был вне себя от ярости. Как это так — мы ничего ему не сказали? Мы сидели в доме Алекса на следующее утро после катастрофы и беседовали с инспектором по сети. Он возвышался над столом, словно разъяренный бульдог, и я все думала: неужели в прежней жизни этот человек был изворотливым воришкой?

— Вы могли погибнуть!

— Мы не думали, что это настолько опасно, — возразил Алекс.

— Ну да, как же, — бросил Фенн. — Имеете дело с похитителем артефактов и думаете, будто это не опасно?

— На самом деле он не воровал артефакты.

— Почему бы вам толком не объяснить, что именно он сделал?

И Алекс объяснил. Кто-то ищет предметы, спасенные с «Поляриса», — точнее, обыскивает их, причем постоянно меняет имя. К этому причастна и некая женщина — Джина Фламбо. Мы показали Фенну фотографии Кирнана в доме Иды.

— Фламбо? Женщина, которая управляла другой машиной?

— Не знаю. Но она занималась тем же, что и Кирнан, — пыталась взглянуть на артефакт с «Поляриса». Притворилась, будто вручает одной из наших клиенток денежную премию.

— Притворилась?

— Ну, клиентка действительно получила деньги. Но суть не в этом.

Все это звучало малоубедительно, если не считать того, что кто-то пытался нас убить.

Фенн не хотел верить, что теракт в здании разведки — не попытка убийства. Заговор, имевший целью устранить маджу во время его пребывания в Андикваре, действительно существовал. Были арестованы члены двух независимых друг от друга группировок. Они всё отрицали; при этом и те и другие говорили правду. Для властей это означало лишь одно: есть третья группировка или террорист-одиночка.

— И все-таки здесь есть нечто странное, — сказал Фенн. — Специалисты утверждают, что эти люди не любят использовать для убийств бомбы. В Коррим-Масе такой подход считается слишком обезличенным. — Голос его сочился сарказмом. — Правильное убийство совершается с помощью ножа или пистолета, с близкого расстояния, жертве глядят в глаза. Все прочее считается недостойным. Такие уж у них обычаи. — Он не удержался от смешка. — Как бы то ни было, рад, что вы целы и невредимы. Вот что бывает, когда штатские лезут не в свое дело. Надеюсь, в следующий раз все пройдет согласно правилам.

Он посмотрел мне в глаза — так, словно в мои обязанности входил присмотр за Алексом.

— Обязательно, — без колебаний ответил Алекс.

Судя по его тону, если бы я не стояла рядом, он незамедлительно отправился бы в полицию. Он даже бросил на меня взгляд, будто давая понять, что Фенн прекрасно знает об истинном ходе событий.

— У вас есть их номер? — спросил инспектор.

— Есть номер «тандерболта».

— Но не «венчера»?

— Все случилось слишком быстро.

Он снова неодобрительно взглянул на нас:

— Ладно, посмотрим, кому принадлежит этот «тандерболт».

Ближе к вечеру Фенн позвонил снова. Вид у него был хмурым.

— Его взяли напрокат, — сказал он.

— Кто? — спросил Алекс.

Фенн бросил взгляд на планшет:

— Судя по имеющимся данным — ты, Чейз.

— Я?

— Это ведь твой адрес? — Он показал мне документ.

Ясно, что мне стало не по себе: этим людям было известно, где я живу, и во время всего нашего разговора у Иды Кирнан знал, кто я такая.

— Мы разговаривали с прокатным агентством. Машину взяли три дня назад. Клиент, судя по описанию, соответствует вашему Кирнану. Но его удостоверение личности было выписано на имя Чейз Колпат.

Он снова нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Пожалуй, — заметил Алекс, — тебе стоит сменить имя на что-нибудь более женское. Скажем, Лола.

— Не смешно.

— Так или иначе, мы над этим работаем. Когда найдем его, сообщу. — Фенн достал из кармана блокнот и пролистал его. — Похоже, они использовали промышленный излучатель. Снесли антиграв и часть правого крыла. Вам повезло: один из водителей все видел, хотя тоже не разглядел номер. Но насчет женщины-водителя ты была права — молодая, с черными волосами.

— Надо бы поинтересоваться в прокатных агентствах, — сказал Алекс.

— Отличная мысль. Сам бы я ни за что не додумался.

Алекс что-то пробурчал себе под нос, и Фенн продолжил:

— Вряд ли нам потребуется много времени.

— Хорошо.

— Вы говорили, на комбинезоне остались следы ДНК того парня?

— Комбинезон утонул вместе со скиммером, — уточнила я.

— Он был в пакете? Глубина в месте вашего падения не так уж велика. Мы могли бы послать туда водолаза.

Алекс покачал головой:

— Мы не запечатали пакет.

Фенн позвонил еще раз на следующее утро:

— Хорошие новости: мы взяли отпечатки и ДНК с входной двери дома Патрик. Как мы предполагаем, настоящее имя Кирнана — Джошуа Беллингэм. Вам это что-нибудь говорит?

Алекс посмотрел на меня. Я покачала головой.

— Никогда о нем не слышали, — сказал он.

Фенн сверился с блокнотом.

— Беллингэм работал администратором в компании Эй-би-эс — «Элайд биосолюшенс», которая производит медицинское

оборудование. Сотрудники утверждают, что он хорошо знал свое дело и с ним никогда не было проблем. О его личной жизни почти ничего не известно, — похоже, у него не было семьи. Он жил в этих краях около пяти лет и никогда не привлекался к ответственности — по крайней мере, в качестве Джошуа Беллингэма.

— Как ты сказал? Вы только предполагаете, что это его настоящее имя?

— История довольно странная. До того как Беллингэм пришел в Эй-би-эс, его, кажется, вообще не существовало. Нет ни свидетельства о рождении, ни идентификационного номера. Мы проверяли резюме, которое он подал при поступлении на работу: оно поддельное. Никто из указанных им бывших работодателей о нем не слышал.

— Значит, Эй-би-эс с ними не связывалась?

— Нет. Обычно работодателей это волнует мало. Большинство компаний проводят сканирование личности, чтобы определить, насколько человек надежен. Им этого вполне хватает.

— Вы собираетесь его арестовать?

— Нам бы очень хотелось с ним побеседовать. Пока что мы не знаем, нарушил ли он какие-либо законы. Но сейчас его нигде не найти. Он не появлялся на работе с того дня, когда вы с ним виделись, и не звонил.

— Дома его тоже нет?

— Он живет на маленькой яхте. Яхта исчезла.

— Так кто же он на самом деле?

Вопрос был достаточно простым. Сведения о каждом человеке имелись в базах данных.

— Не знаю, Алекс. Может, он родился где-нибудь у черта на куличках. Есть страны, которые не вносят данные в реестр. Может, он вообще с другой планеты. Но мы повесили его фотографию на доску горячих объявлений. Как только он пройдет мимо какого-нибудь бота, попадется на глаза патрулю или бдительному гражданину, мы им займемся.

Подозреваю, что Фенн хотел сказать: «Как только он явится в Управление полиции и сдастся».

Во время разговора с Фенном Алекс держался как ни в чем не бывало, но случившееся явно потрясло его. Пожалуй, и меня тоже. Когда тебя пытаются убить, ты обычно принимаешь это близко к сердцу и твои взгляды на многое меняются. Алекс вер-

нулся к своей работе и прежним привычкам, предаваясь ночной жизни в обществе клиентов или гуляя в теплице, но стал более молчаливым, подавленным и мрачным. О пережитом мы старались вспоминать как можно реже, не желая признаваться друг другу, что нас все еще беспокоит грозящая нам опасность. Немало времени Алекс теперь проводил у окна, глядя куда-то вдаль. Фенн установил у меня и у Алекса «систему раннего предупреждения» — черный ящик с собственным источником питания, подключенный к искину. Система должна была следить за всеми посетителями, блокировать двери, обезвреживать непрошенных гостей, сообщать в полицию, вопить и поднимать тревогу, если кто-нибудь попытается преступить закон. Похоже, частной жизни пришел конец. Но я готова была пойти даже на это, лишь бы спать спокойно.

На следующий день после установки черных ящиков Фенн позвонил снова, сообщив, что они пытались найти Джину Фламбо — женщину, которая пришла к Диане Голд для вручения премии, вероятно с единственной целью: взглянуть на сумочку Мэдди.

— Такого человека не существует, — сказал он. — По крайней мере, нет никого, кто подходил бы под описание.

— Вы проверяли образец ДНК? — спросил Алекс. — Она держала сумочку в руках.

— Ее держала в руках половина жителей поселка.

Каждый раз, думая о Маркусе Кирнани, я вспоминала о конференции.

Члены общества «Полярис» называют себя «поляристами». Конечно, звучит не слишком серьезно, но вполне соответствует их настрою. Главной поляристкой была женщина из Ларк-Сити, с которой я не смогла связаться. Нет, ее нет в городе. Нет, позвонить ей нельзя. Нет, она не хочет, чтобы ее беспокоили, извините.

Поляристом номер два был инженер-электрик из Ридли, примерно в девяноста километрах к югу вдоль побережья. Я позвонила ему и увидела, как постепенно обретает форму его изображение на фоне звезд. К людям, использующим для связи спецэффекты, я всегда относилась настороженно. Хочется вести нормальный разговор, а не созерцать шоу. Мужчина в черном спортивном пиджаке устало смотрел на меня раскосыми глазами, слов-

но говоря всем своим видом: «У меня хватает других дел, кроме беседы с вами, уважаемая».

— Чем могу помочь, госпожа Колпат? — спросил он, сидя во дворике на блестящем коричневом стуле: сегодня такие можно встретить на любой террасе. На столе перед ним стояла чашка с дымящимся напитком.

Я объяснила, что была на конференции, которая мне очень понравилась, и что я собираю материал для книги об обществе и его вкладе в сохранение памяти о «Полярисе».

— Скажите, — поинтересовалась я, — доступны ли материалы последней конференции?

Он несколько смягчился:

— У вас уже есть публикации?

— Есть несколько. Последняя — о мадже.

— О да, — кивнул он.

— Называется «Меч веры».

— Я ее видел! — торжественно проговорил он.

— Ее хорошо приняли, — сообщила я. — Так есть ли у вас архив, на который я могла бы взглянуть?

— Мы всегда составляем архив для правления. — У чего был дребезжащий высокий голос, словно он много кричал на детей. — Так проще спланировать мероприятие на следующий год. Вас интересуют данные только за этот год? У нас они есть с начала века.

— Пока только за этот.

— Хорошо. Я могу все устроить.

Он отхлебнул из чашки.

Несколько минут спустя я быстро просматривала видео с конференции, пропуская то, чего не видела во время посещения. Задержавшись на круглом столе про «чужой дух», я снова увидела себя, затем переместилась к обсуждению возможного похищения людей токсиконцами и, наконец, взглянула на человека, который побывал на борту «Поляриса» после его переименования в «Шейлу Клермо». Есть! Кириан сидел через шесть рядов позади меня, почти прямо за мной. Но что-то я не припомню его в тот раз. Да, в моей памяти он был прочно связан с конференцией, но мы сталкивались при иных обстоятельствах.

Алекс попросил меня связаться с Табом Эверсоном — человеком, который превратил артефакты в прах и вывел их на околосолнечную орбиту.

— О чем мы хотим с ним поговорить?
— О «Полярисе», — ответил Алекс. — Думаю, он не станет возражать.

Он оказался прав. Искин Эверсона в Мортон-колледже соединил меня с его личной секретаршей, седоволосой деловой женщиной. Я представилась и объяснила цель своего звонка. Вежливо улыбнувшись, она попросила меня подождать и вернулась несколько секунд спустя.

— Господин Эверсон сейчас занят. Могу я сказать ему, что-бы он вам перезвонил?

— Конечно.

Алекс велел, чтобы во время сеанса связи с Эверсоном я не попадала в объектив камеры. Звонок раздался через час.

Таб Эверсон был президентом компании, торговавшей удовольствием, но, похоже, основное внимание он уделял Мортон-колледжу. Судя по базе данных, ему было тридцать три, но он выглядел лет на десять моложе. Свободный стиль одежды — белая рубашка, синие брюки, шейный платок в клеточку. На двери висела куртка-ветровка с вышитым на ней названием колледжа. Кабинет был заполнен школьными сувенирами — наградами, дипломами, фотографиями студентов, которые играли в шахматы, участвовали в семинарах, стояли за кафедрами. Эверсон был чуть выше среднего роста, с черными волосами и пронзительными черными глазами.

— Я много о вас слышал, господин Бенедикт, — сказал он, сидя в кресле у видового окна, за которым я разглядела вершину холма и несколько деревьев. — Очень приятно.

Алекс принял звонок в гостиной — обычная практика, когда он представлял корпорацию, — и поздоровался в ответ.

— Возможно, вы знаете, что я торгую антиквариатом, — сказал он.

Эверсон знал.

— Думаю, вы далеко не только торговец антиквариатом, господин Бенедикт. Вы известны всем как историк. — Конечно, он слегка преувеличивал, но Алекс вежливо принял похвалу, и Эверсон закинул ногу на ногу. — Чем могу помочь?

Во всем его облике чувствовалась не соответствующая возрасту зрелость. Он слегка наклонился вперед, давая понять, что заинтригован, но одновременно намекая, что времени у него мало и на долгую беседу рассчитывать не стоит: скажите то, что хо-

тели, Бенедикт, и не отнимайте у меня время. Как мне показалось, он знал, что нам нужно. От этого становилось слегка не по себе.

— Меня поразило то, как вы распорядились артефактами с «Поляриса», — сказал Алекс.

— Спасибо, но это самое меньшее, что я мог сделать.

— Это вовсе не комплимент. Вам не приходило в голову, что даже в том состоянии, в котором они оказались после взрыва, предметы могли представлять ценность для историков или для следователей?

Эверсон дал понять, что не разделяет эту точку зрения:

— Не могу представить себе, на какое открытие мог бы рассчитывать историк. А для коллекционеров обломки никакого интереса не представляли — в таком они были состоянии. Вы не видели, что осталось от артефактов после взрыва?

— Нет, не видел.

— А если бы видели, господин Бенедикт, то вообще не стали бы задавать вопросов. Кстати, насколько я понимаю, вы были там в тот вечер.

— Да. Приятного мало.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, вы не пострадали.

— Нет, нисколько. Спасибо.

— Ну и прекрасно. Настоящие безумцы. — Эверсон покачал головой. — Но ведь их в конце концов поймали? Или нет? — Он принял озадаченный вид. — Не понимаю, что творится с миром. — Он встал: «очень жаль, но пора возвращаться к работе». — Что-нибудь еще?

Алекс никуда не спешил.

— У вас явно есть опыт обращения с антиквариатом.

— Ну... пожалуй. В некотором смысле.

— Любой, кто занимается этим, быстро осознает ценность всего, что связывает нас с прошлым.

— Да.

— В таком случае не могли бы вы объяснить...

— Почему я превратил все в прах, прежде чем отправить на орбиту? Собственно, вы опять спрашиваете о том же самом, господин Бенедикт, и я отвечу вам точно так же: из уважения. Прошу прощения, но, думаю, этого достаточно. Других причин у меня не было.

— Понятно.

- А теперь можно задать вопрос вам?
- Всенепременно.
- Что вы на самом деле хотите узнать?

Взгляд Алекса стал жестче.

— Думаю, взрыв в разведке должен был уничтожить выставку, а не маджу.

— Этого просто не может быть...

— Несколько дней назад кто-то пытался убить меня и мою коллегу.

Эверсон кивнул:

— Сочувствую. Но зачем? Кому это нужно?

Кем бы ни был Эверсон, хорошего актера из него бы не вышло. Он что-то скрывал — как минимум тот факт, что о покушении на нашу жизнь ему уже было известно.

— Видимо, на выставке оказалось нечто такое, что представляет для кого-то опасность.

— Настолько, что он готов ради этого убивать?

— Вероятно.

На лице Эверсона отразился сперва шок, затем возмущение.

— И вы полагаете...

— Полагаю, вы знаете, кто это.

Он рассмеялся:

— Господин Бенедикт, мне очень жаль, что вы так считаете. Но я понятия не имею, о чем вы говорите. Никакого понятия. — Он откашлялся. — Я бы с радостью вам помог, но, увы, я ничего не в состоянии сделать. Если же вы действительно уверены, что я способен на такое, предлагаю обратиться к властям. А теперь прошу извинить: мне нужно работать.

— К чему все это было? — спросила я.

— Парень тут явно замешан, Чейз. Я хотел дать ему понять, что мы в курсе этого. Пусть знает: если с нами что-то случится, кое у кого появится куда больше вопросов.

— Хорошо, если так. Но все может быть и по-другому.

— В смысле?

— Нас сбросили в море, чтобы мы не смогли проследить за Кирнаном до его дома. Но если ты прав, что получается? Возможно, ты убедил Эверсона, что мы слишком близко подошли к их тайне. Тогда у них нет выбора: надо избавиться от нас, и немедленно.

Похоже, Алекс не задумывался о такой возможности.

— Вряд ли он настолько глуп, Чейз.

— Надеюсь, что нет. Но давай в следующий раз все обсудим, прежде чем рисковать жизнью.

— Ладно. — Он в замешательстве посмотрел на меня. — Ты права.

— Ты ведь нисколько не сомневаешься, что Эверсон в этом замешан?

— Нисколько. — Он пошел за кофе. — Я связывался с Сун, с Гарольдом, с Владом. Никто к ним не приходил. Никто не интересовался их артефактами.

— Табличка, Библия и браслет.

Он победоносно улыбнулся:

— Я прав?

— В них ничего не спрячешь.

— Именно.

— Разве что в Библию...

— В Библию можно вложить клочок бумаги, не более того.

— Значит, это не записка. Не сообщение.

— В любом случае не записка.

— Что бы это ни было, оно, скорее всего, взлетело на воздух, — сказала я. — Взрыв уничтожил девяносто девять процентов артефактов.

Мы вышли на теплую закрытую террасу. Сквозь стекло слышался шум ветра.

— Необязательно, — сказал Алекс.

— То есть?

— Они наверняка исследовали обломки, прежде чем сжечь их. И не нашли того, что искали.

— Тогда зачем все сжигать?

— Считай это излишней предосторожностью. Но, думаю, можно предполагать, что предмет их поисков — что бы это ни было — до сих пор существует.

Китель Мэдди и корабельный бокал остались в офисе. Поднявшись наверх, я подошла к ним. Эмблема «Поляриса» — звезда и острие стрелы — выглядела почти пророческой, словно предсказывала разрушение Дельты Карпис при помощи сверхплотного снаряда, который врезался в самое ее сердце и разнес ее на куски.

На следующий день снова позвонил Фенн. Вид у него был усталый. Я вспомнила его слова, сказанные в беседе со мной: полицейским, как и врачам, не следует заниматься делами, в которых они заинтересованы лично.

— Мне нужно поговорить с Алексом, — сказал он.

Алекса я не видела все утро, но знала, что он где-то в доме. Похоже, история с «Полярисом» начинала его тяготить. Наверняка он полночи пытался придумать хоть какое-то разумное объяснение.

Проблема заключалась в том, что он пустил дела компании на самотек. Да, он продолжал общаться с клиентами, но в его обязанности входило также отслеживание новых товаров и определение их ценности. Я не могла заниматься этим из-за отсутствия опыта — или нужных инстинктов. Моя работа состояла в обсуждении деталей оформления сделок с клиентами: следовало поступать так, чтобы они оставались всем довольны. Но Алекс больше не поставлял товар, и это начинало сказываться на наших финансах.

От Джейкоба я узнала, что Алекс на заднем дворе.

— Скажи ему, что звонит Фенн.

Несколько минут спустя Алекс вошел в офис.

— У тебя усталый вид, — заметил инспектор.

— Спасибо, — ответил Алекс. — Ты тоже не очень-то бодр.

— Я серьезно. Чейз, надо лучше о нем заботиться.

— Чем могу помочь, Фенн?

— Мы знаем, кто управлял «венчером».

Алекс оживился:

— Отлично. И кто же эта сволочь?

— Джина Фламбо.

— Что ж, неудивительно. Вы уже посадили ее за решетку?

— Не совсем. Она исчезла.

— Тоже исчезла?

— Угу. Бесследно.

— Как вы узнали, кто она?

— По описанию, которое дала Диана Голд. В окрестностях Андиквара не так уж много «венчеров». Предположив, что вас атаковала именно Фламбо, мы собрали фотографии всех молодых женщин, которые примерно соответствуют этому описанию, владеют скиммерами этой марки или брали их напрокат. Затем мы показали снимки Диане Голд.

— И что вам о ней известно?

— Ее настоящее имя — Тери Барбер. Преподаватель, двадцать четыре года. Родилась за пределами планеты, на Корвале.

— Нас сбила учительница? — удивленно спросила я.

Он пожал плечами:

— Прибыла на Окраину четыре года назад. Судя по ее документам, она из местности под названием Вомбл. Закончила университет Уорбурли с отличием. Магистр гуманитарных наук.

Я не смогла удержаться от смеха, но никто не обратил на это внимания.

— Может, она улетела домой? — спросил Алекс.

— Мы проверили. — (Корвал находится очень далеко, в буквальном смысле на другом краю Конфедерации.) — О Тери Барбер, вылетевшей за пределы планеты в последние несколько дней, нет никаких сведений, но она могла путешествовать под другим именем.

Рядом со столом Фенна появилось изображение молодой женщины с коротко подстриженными черными волосами, симпатичным лицом и голубыми глазами. На ней были красный пуловер и серые брюки. Алекс уставился на женщину, словно зачарованный.

— Считалась, между прочим, образцовой преподавательницей. Все звали ее «принцессой». Все ее любили — и студенты, и администрация. — Фенн подпер подбородок ладонью. — «Венчер» был взят напрокат на длительный срок. Прокатной компании назван тот же адрес, что известен нам.

От черноволосой женщины трудно было отвести взгляд. Я понимала, почему все — по крайней мере, все мужчины — так хорошо о ней отзывались. Она напомнила мне Мэдди: деловая, целеустремленная, хотя, возможно, и не в такой степени. Зато она была намного моложе, чем Мэдди во время происшествия с «Полярисом».

— Вероятнее всего, Барбер ждала возле дома Иды Патрик, желая убедиться, что Кирнана никто не преследует. Они знали, что вы идете по их следам. Одно то, что Кирнан назвал имя Чейз, беря напрокат скиммер, говорит о многом. — Фенн нахмурился. — Думаю, он сделал это специально: намекнул вам, что пора оставить их в покое.

Алекс помолчал.

— А Барбер добавила к намеку восклицательный знак, — наконец выговорил он. — Фенн, мне очень хотелось бы с ней побеседовать, когда ты ее поймаешь.

— Извини, Алекс, но этого мы не позволим. Но в любом случае, когда она объяснит, что происходит, я перескажу тебе ее слова. А теперь еще кое-что.

— Выкладывай.

— Мы опечатали ее жилище. Мне пришло в голову, что может существовать некая связь, о которой мы не догадываемся. Я бы хотел, чтобы ты совершил виртуальную экскурсию по ее дому — может быть, вместе с Чейз. Вдруг вы заметите что-нибудь полезное для нас?

Меня всегда удивляло, что при огромном выборе стройматериалов люди до сих пор предпочитают жить в домах, которые кажутся построенными из камня, кирпича или дерева. Конечно, все они почти вышли из употребления много тысячелетий назад, но разницу заметить трудно. Вероятно, это что-то генетическое.

Тери Барбер жила на острове Тринити, примерно в четырехстах километрах к юго-востоку от Андиквара. Ее псевдобревенчатый дом стоял на вершине поросшего лесом холма. На море смотрела большая закрытая терраса — здесь постоянно дул ветер. На полпути к вершине находилась площадка, от которой вели скрипучие деревянные лестницы — к дому и к пристани. На площадке ждал желтый «венчер». Несколькими метрами ниже, у края пристани, лежало на козлах каноэ.

— Дом взят в аренду, — сказал Фенн.

— Где она преподавала? — с нескрываемым восхищением спросил Алекс.

— В университете Тринити. Учила первокурсников основам синтаксиса. И классической литературе.

Опустившись к площадке, мы осмотрели «венчер» — изящный, со стреловидными очертаниями. Идеальная машина для молодежи, но, правда, дорогая.

— Есть что-нибудь похожее на лазер? — спросил Алекс.

Фенн покачал головой:

— Никакого оружия. Ни в доме, ни в машине. — Площадка то поднималась, то опускалась. — Мы еще не закончили, но, похоже, ничего существенного не найдем.

Мы заглянули внутрь «венчера», но не увидели никаких личных вещей.

— В таком виде мы его нашли, — пояснил Фенн. — Она ничего не оставила.

Мы вернулись к дому. На террасе стояли два кресла-качалки и маленький столик. У стены была сложена поленица. Рядом виднелся пень, вероятно служивший колодой для рубки дров.

Дом — двухэтажный, с большими окнами, как строили в прошлом веке, — был в хорошем состоянии. Он почему-то вызывал сентиментальные чувства, возможно из-за большого крыльца и кресла-качалки.

— Она жила здесь одна? — спросил Алекс.

— Да, если верить агенту по найму. Четыре года. Он бывал тут нечасто, но сообщил, что не заметил никаких следов постоянного пребывания бойфренда или кого-нибудь в этом роде. И еще он утверждает, что не знал о ее исчезновении.

Картинка сменилась; мы оказались внутри. Интерьер в еще большей степени создавал атмосферу старины: огромная мебель, мягкий диван, рассчитанный на шестерых, два одинаковых кресла, кофейный столик размером с теннисный корт. Окна задернуты плотными зелеными занавесками, в коврах можно утонуть. На диван и одно из кресел наброшены стеганные одеяла.

— Давно она отсутствует? — спросил Алекс.

— Мы точно не знаем. В университете каникулы. Никто не видел ее около недели. — Он посмотрел в окно. — Приятное место. Понимаю, почему за такими домами стоит очередь.

— Думаешь, она может вернуться?

— Сомневаюсь. — Фенн подтянул рукава. — Ладно. Это, видимо, гостиная. Кухня там, по другую сторону коридора. Ванная — за той дверью. Две спальни и еще одна ванная наверху. Все в полном порядке.

— И здесь живет только один человек?

— У нее есть деньги, — сказала я.

— Вот это-то и странно. Мы проверили ее финансы — не бедная, но и далеко не состоятельная. Такой дом — явное расточительство. Если только...

— Если только у нее есть счета на чужое имя, — заметил Алекс.

На стенах висели эстампы: глубоко задумавшийся старик, дети на сельском мосту, корабль на фоне окруженной кольцом планеты.

— Дом меблированный. Все принадлежит владельцу. Она оставила одежду и немного мелочей. Но никаких драгоценностей или документов нет.

— Знала, что не вернется, — вставил Алекс.

— Или предполагала, что так может случиться, и решила подготовиться к бегству.

В задней части дома находилась спальня Барбер с окнами на океан — уютная, с темными панелями на стенах, такими же занавесками и ковром. Огромная кровать была завалена множеством подушек. По бокам стояли тумбочки с настольными лампами. На комодике мы увидели несколько фотографий: смеющаяся Барбер со своими студентами, Барбер с каким-то молодым человеком на крыльце учебного корпуса.

— Кто этот парень? — спросила я.

— Ханс Ваксман. Преподаватель математики.

Алекс пригляделся внимательнее:

— Что он говорит?

— Беспокоится за нее. Утверждает, что она никогда так раньше не поступала. Я имею в виду, так, чтобы взять и просто уйти. Они встречались весь последний год.

— А студенты, выходит, ее любят?

— Угу. Говорят, хорошая преподавательница. Кажется, о ее личной жизни никто не знает, но ее действительно любят. Никто не понимает, с чего мы ею заинтересовались.

— Ты им что-то сказал?

— Только то, что мы хотели бы с ней поговорить, поскольку считаем ее возможной свидетельницей аварии.

Спальня для гостей была чуть поменьше. За окном — пень для рубки дров. Кресло, настольная лампа, фотография Лавренто Коррендо, летящего над сценой.

— Никаких идей? — спросил Фенн.

— Есть одна, — ответил Алекс. — Чего не хватает?

— В смысле?

— У тебя в кабинете есть фотографии, которые отражают всю твою карьеру с самого начала. А дома — снимки родителей, жены и детей, тебя самого за сквэбблом. И даже, насколько я помню, мои.

— Гм...

— У нее есть фотографии, — сказала я, показывая рукой.

— Недавние. А где ее прошлое? — Алекс развел руками, словно дом был пуст. — Где она была до приезда на Тринити?

Над диваном висело зеркало в витиеватой оправе. Занавески были отдернуты, и в окна лился солнечный свет.

— А ты, Чейз? Заметила что-нибудь?

— Да, — сказала я. — Давайте снова спустимся вниз.

На одном из кресел лежало синее стеганое одеяло с вышитой посредине белой звездой в круге. Вышивка явно ручная и довольно старая.

— И что? — спросил Фенн.

— Чье, по-твоему, это одеяло? Домовладельца?

— А почему ты спрашиваешь?

— Оно явно имеет отношение к какому-то пилоту сверхсветовых кораблей.

Фенн, прищурившись, взглянул на одеяло:

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри на эмблему. Давай покажу.

Я убрала картинку — мы вернулись в дом Алекса — и коснулась браслетом считывателя. Экран потемнел, и на нем появилась моя лицензия: «Агнес Чейз Колпат настоящим получает право управлять и командовать сверхсветовыми судами и кораблями третьего класса, со всеми сопутствующими обязанностями и правами. Нижеследующими засвидетельствовано...» Далее следовали подписи.

— Агнес? — удивился Алекс. — Не знал, что тебя так зовут.

— Можно продолжать? — спросила я.

Оба рассмеялись.

Фоном для документа, естественно, служила эмблема Диафоло — круг и звезда.

— Эмблема названа по имени героя четвертого тысячелетия, — объяснила я. — Он пожертвовал собой, спасая пассажиров.

— Я знаю эту историю, — кивнул Алекс. — Но та, что на одеяле, выглядит несколько иначе.

— За многие годы стиль изменился. — Я вернулась в гостиную Барбер и изменила угол обзора так, чтобы лучше видеть одеяло. — Именно так она в свое время и выглядела.

— Когда?

— Около шестидесяти лет назад.

— Кто мог быть пилотом? Ее бабушка?

Я пожала плечами:

— Кто угодно. Но одеяло наверняка настоящее. Чье оно, Барбер или домовладельца? И кстати, если ты заметил, Барбер очень похожа на Мэдди. Возможно, они родственники.

Днем Фенн позвонил опять. Оказалось, он поговорил с домовладельцем: одеяло принадлежало Барбер. Он также сообщил, что Тери Барбер, закончившая университет Уорбурли, — не та Тери Барбер, которая последние несколько лет преподавала в Тринити.

Мы с Алексом проверили сертификаты сверхсветовых пилотов, но не нашли ни одного, выписанного на фамилию Барбер. Тогда мы скормили ее фотографию Джейкобу.

— Попытайся найти человека, у которого есть или была лицензия, и при этом достаточно похожего на нее, чтобы быть родственником.

— Слишком неопределенно, — пожаловался тот. — Каковы параметры поиска?

— Мужчины и женщины. — Я посмотрела на Алекса. — Думаешь, она действительно родилась в Вомбле?

— Вероятно, нет. Но с этого можно начать.

— За какое время производить поиск?

— Надо копнуть поглубже. Дизайн сертификата существует довольно давно.

— За последние шестьдесят лет, — сказала я Джейкобу. — Все, кто родился или жил в Вомбле. На Корвале.

— Ищу, — сообщил Джейкоб.

— Можешь не спешить.

— Очень ненаучно. Требуется оценки.

— Понимаю.

И несколько мгновений спустя:

— Результат отрицательный.

— Не нужно искать точную копию, — сказала я. — Подойдет любой человек, отдаленно похожий на нее.

— Мужчин или женщин с лицензией межзвездного пилота, живших когда-либо в Вомбле на Корвале, нет.

— Теперь тот же поиск, но по всей планете, — сказал Алекс. Джейкоб выдал трех пилотов — двух мужчин и одну женщину. Ни один не был сколько-нибудь похож на Барбер.

— Больше ничего не могу сделать.

— Близость к Вомблу? — спросил Алекс.

— Ближайший — в восьмистах километрах.

Подробная информация о семьях была заблокирована по закону о защите персональных данных.

— Не важно, — сказал Алекс. — Вряд ли Тери Барбер вообще существует. Попробуем что-нибудь еще. Тот же поиск, только на Украине.

Я подумала: что, если Фенн поищет в ежегодниках выпускников — скажем, с 1423 по 1425 год?

— Что-то же она заканчивала?

— База данных достаточно объемна, — заметил Алекс. — И потом, разве она должна была что-то заканчивать?

— Есть совпадение, — сообщил Джейкоб. — Женщина-пилот.

— Покажи ее, Джейкоб.

Женщина очень напоминала Тери Барбер, только она была в серой форме и с каштановыми, а не черными волосами. Но сертификат датировался 1397 годом — тридцать один год назад.

— Неплохо, — заметил Алекс.

Сейчас ей пятьдесят с небольшим. Барбер было не больше двадцати пяти.

— Как ее зовут? — спросила я.

— Агнес Шенли.

— Еще одна Агнес, — улыбнулся Алекс. Улыбка была не настоящей, скорее машинальной. — У Агнес были дочери?

— Об этом не упоминается. Вышла замуж в тысяча четыреста первом за некоего Эдгара Криспа.

— У нее есть аватар?

— Ответ отрицательный.

— Как насчет кода? Можно с ней поговорить?

— Да, — ответил Джейкоб. — Ее файл неактивен уже двадцать пять лет. Но код есть.

— Хорошо. Выведи на экран, пожалуйста.

— Нужно сообщить Фенну, — сказала я.

Алекс проигнорировал мои слова. Он поступал так всегда, когда не хотел со мной связываться. Но мне не очень хотелось снова впутываться в эти дела: мы рисковали нарваться на новые неприятности.

— Если мы скажем Фенну, — проговорил Алекс, видимо почувствовав, что молчание становится чересчур напряженным, — он пожмет плечами и ответит, что ее сходство с Барбер не имеет никакого значения. Я так и слышу его слова: «Если искать по всей планете всех сертифицированных пилотов за последние шестьдесят лет, то, конечно, найдешь похожего человека».

— Аргумент довольно сильный, — заметила я.

— Ты права, — рассмеялся Алекс.

— И все-таки я думаю...

— Давай пока останемся каждый при своем. Мне хочется знать, из-за чего нас пытаются убить и почему для кого-то это настолько важно.

В его голосе слышалась злость. Впрочем, оно и к лучшему — Алекс всегда казался мне несколько инертным. Но что, если мы намеревались вступить в борьбу не с теми, с кем следовало? При мысли о террористах у меня по спине пробежал холодок.

Алекс вновь повернулся к искину:

— Джейкоб, попробуй соединить меня по сети с Агнес Шенли Крисп.

Джейкоб подтвердил приказ. Я встала и начала расхаживать по комнате. Алекс сидел, слушая птиц за окном, — сегодня они шумели особенно громко.

— Алекс, — сказал Джейкоб, — похоже, данный код в настоящее время не обслуживается.

ГЛАВА 12

Об исчезновениях всегда много говорят. Коллекторские агентства чувствуют себя обманутыми, родственники расстроены, местное общество взволновано, у всех есть о чем поговорить. Это легкий способ стать легендой, что очень даже приятно. Знаю не понаслышке: сам не раз так поступал.

Скапарелли Клив. Автобиография

У Алекса имелись вопросы к Хансу Ваксману, преподавателю математики. Но Ваксман нас не знал и вряд ли стал бы распространяться перед незнакомцами о своей подруге. Мы придумали кое-что получше.

Ваксман обычно завтракал в тихом маленьком кафе «У Салли», возле северного периметра кампуса Университета Тринити. Именно там я поджидала его через несколько дней после экскурсии по жилищу Тери Барбер.

Я выбрала столик возле окна, выходящего на улицу. Алекс ждал в парке на другой стороне, развалившись на скамейке и стараясь вызывать как можно меньше подозрений. Мне хотелось, чтобы Ваксман мог видеть пешеходов, и поэтому я положила шляпу на стул, стоявший спинкой к окну. Поставив на столик ридер, я вывела на экран «Математические хитрости» — сборник головоломок и логических задач, расположив устройство так, чтобы заглавие сразу же бросалось в глаза вошедшему.

Ваксман появился в обычное для себя время. Вид у него был задумчивый и рассеянный — видимо, думал об утренних занятиях. Как сказали бы в девичьей раздевалке — «лакомый кусочек»: высокий, светловолосый, еще более симпатичный, чем на фотографии. Наши взгляды встретились, я улыбнулась, и больше нам ничего не требовалось.

Он подошел ко мне, слегка шаркая ногами, и поздоровался.

— Вижу, вам нравится решать головоломки, — добавил он.

— Просто хобби.

Господи, он и впрямь оказался невероятно привлекателен. В самом невинном смысле слова. Таких парней в наше время встретишь нечасто.

Я заказала фруктовую тарелку с горячим шоколадом. Пока Ваксман думал, с чего начать, принесли шоколад. Решив избавиться его от лишних хлопот, я протянула руку.

— Дженни, — представилась я.

Улыбка его стала шире — застенчивая и оттого еще более обаятельная на лице человека, способного заполучить любую женщину.

— Рад познакомиться, Дженни. Меня зовут Ханс. Можно к вам присоединиться?

Честно говоря, я пожалела о собственной лжи сразу, как только представилась. Алекс велел не упоминать моего имени, но я вдруг подумала: «Слишком молод для меня, но чем черт не шутит?» Теперь я его обманула, и он стал навсегда недоступен.

— Вы преподаете, Ханс? — спросила я.

— Да. Математику. Откуда вы знаете?

Я кивнула в сторону книги:

— Большинство людей не обратили бы внимания.

— О. — Его улыбка стала еще шире. — Что, по мне действительно видно?

— Я бы не сказала. Но здесь рядом университет, а у вас такой вид, будто... — Замолчав, я наклонила голову, давая понять, что он произвел на меня впечатление. — Возможно, я в чем-то не права...

— Все в порядке, Дженни. Спасибо. Собственно, у меня через сорок пять минут занятия.

Ханс заказал яичницу с тостами. Я спросила, откуда он родом. Он начал рассказывать про разные далекие места. Появилась моя фруктовая тарелка, и разговор плавно потек дальше. Ханс поинтересовался, чем я занимаюсь.

Я сказала, что работаю финансовым консультантом и провожу на Тринити отпуск, который уже заканчивается.

— Работаю в компании «Веспак», — добавила я. Это было безопасно: штаб-квартира компании находилась далеко, в глубине континента. — Завтра улетаю домой.

Ханс понурился. Мой ответ искренне его огорчил. Честно говоря, мне это понравилось: он меня очаровал.

— Жаль, — сказал он. — Был бы рад снова с вами встретиться... если вы, конечно, не против. — Он взял со стола меню, но даже не заглянул в него. — У вас не найдется времени сегодня вечером? С удовольствием пригласил бы вас на ужин.

Я поколебалась.

— На острове есть несколько отличных ресторанов. Да вы и сами знаете.

— Знаю. С удовольствием приняла бы ваше предложение, Ханс, но, увы, у меня уже есть планы на вечер.

До чего же сладостное искушение! Я с удовольствием пошла бы с ним в ресторан — и пусть все идет своим ходом. Обычно я не веду себя так при встрече с незнакомыми мужчинами, пусть даже и симпатичными. Но сейчас мне пришло в голову, что таким образом я могу отомстить Барбер, забрав у нее парня и показав ему, на что способна настоящая женщина. Однако это было бы нечестно по отношению к Хансу.

— Почему вы смеетесь, Дженни?

— Да нет, ничего, — ответила я. — Я каждый раз встречаю интересного парня накануне отъезда.

Я выбрала такой тон, чтобы он понял: это не просто шутка.

Затем я снова перевела разговор на преподавание. Мы побеседовали о его любви к математике, о его обидах на студентов, неспособных понять изящество уравнений.

— Кажется, будто у них есть какое-то слепое пятно, — сказал он.

— Как давно вы на Тринити, Ханс? — спросила я.

— Шесть лет. Вместе со студенческими годами — десять.

— У меня тут преподает подруга. На литературном отделении.

— В самом деле? Кто? — заинтересовался он.

— Ее зовут Тери.

— Я ее знаю, — уклончиво ответил Ханс.

— Я хотела сделать ей сюрприз, но, похоже, она уехала.

Хансу принесли яичницу. Он попробовал, похвалил ее и откусил кусок тоста.

— Она покинула остров. Где она сейчас, я не знаю.

— То есть после аварии?

— Вы и про это знаете?

— Я знаю, что в океан упал скиммер. Ее ищет полиция. Предполагается, что она видела, как это случилось. — Я помолчала. — Надеюсь, с ней все в порядке.

— Я тоже. Подробности мне неизвестны, но, думаю, полиция считает, что она и есть виновница аварии.

— Я слышала о том же самом. Не верю ни единому слову.

— Как и я. — Он пожал плечами.

Кафе «У Салли» обслуживали роботы. Один из них снова наполнил мою чашку горячим шоколадом.

— Ханс, — сказала я, — мне кажется, что, когда я говорила с ней в последний раз, за несколько дней до аварии, у нее было что-то на уме.

Он пристально посмотрел мне в глаза. В его взгляде промелькнуло беспокойство.

— Мне тоже так показалось. В последнее время она выглядела слегка подавленной.

— А раньше отличалась неизменным оптимизмом.

— Знаю.

— Есть идеи насчет того, что могло случиться?

— Нет. Она мне ничего не говорила, а на вопросы отвечала, что с ней все в порядке.

— Угу. И мне тоже. Так в чем же дело?

Я пыталась говорить как можно небрежнее, изображая вместе с тем озабоченность. Не так-то просто, если твои актерские способности равны нулю.

— Не знаю, — ответил Ханс.

— И давно это началось?

Он немного подумал.

— Несколько недель назад. — Он издал горловой звук. — Надеюсь, с ней все в порядке.

Я хотела перевести разговор на «Полярис», но не знала, как лучше это сделать. Наконец я выпалила:

— В свое время она увлекалась всем, что связано с «Полярисом».

— А-а-а, с тем кораблем-призраком? Вот не знал. Она никогда об этом не говорила.

Я еще не закончила есть, но тем не менее отодвинула тарелку. То был сигнал Алексу, вооруженному проектором.

— Странная история, — сказала я и стала вспоминать множество случаев, когда Тери при всех интересовалась, что случи-

лось с тем или иным участником экспедиции. Это продолжалось минуту или две.

Тем временем по тротуару, прямо на виду у Ханса, зашагал виртуальный Маркус Кирнан, созданный проектором Алекса. Конечно, Ханс не мог знать, что Кирнан — не настоящий. Виртуальный Кирнан остановился возле двери, изучая меню.

Ханс, сидевший прямо напротив окна, не мог не заметить Кирнана, но никак не показал, что узнал его, продолжая невозмутимо есть свой завтрак. Он явно не знал и никогда не видел Маркуса Кирнана.

Наконец Ханс ушел на занятия, а я вышла из кафе и зашагала по дорожке парка.

Алекс ждал меня. Он слышал весь разговор по моему каналу связи. Я описала ему свои впечатления. Он сидел, развалившись, и наблюдал за ребятишками, которые забавлялись на качелях под присмотром матерей. Мне показалось, что мы так и не узнали ничего существенного, кроме того, что Ваксман и Кирнан не были знакомы.

— Не уверен, — заметил Алекс.

— В чем? Что еще нового мы узнали?

— Он утверждает, что перемены в ее настроении начались несколько недель назад. Примерно в это же время разведка объявила, что выставит артефакты на аукцион.

Вечером я сидела дома и читала детектив. Тут позвонил Алекс.

— Я кое-что нашел в архивах, — сказал он.

Он переслал мне файлы, а сам остался на связи. Притушив свет, я надела очки виртуальной реальности и огляделась. Мы находились в помещении, облицованном деревянными панелями. Книжные полки вдоль стен, произведения боккарианского искусства, цветы, старомодная мебель. Толпа народу. Люди обнимались и обменивались рукопожатиями. Я узнала Даннингера и Уркварта.

— Где мы? — спросила я.

— Университет Карминделя, вечер перед отлетом «Поляриса».

Я увидела в углу Нэнси Уайт. И Мендосу. И Мэдди, которая расхаживала, словно богиня среди гигантов.

— Накануне отлета они устроили праздник для всех, кто имел отношение к «Полярису».

Мендоса о чем-то разговаривал с двумя женщинами.

— Та, что помоложе, — пояснил Алекс, — его дочь.

Джесс Тальяферро оживленно беседовал с мужчиной, по сравнению с которым он казался карликом — судя по всему, уроженцем Тьюпело, планеты с низкой гравитацией. Тальяферро искренне улыбался и кивал, явно пребывая в хорошем настроении. Одежда его вполне соответствовала обстоятельствам: голубой пиджак, белый воротничок, золотые пуговицы и застежки.

— Возле стола — Мартин Класснер.

Класснер сидел рядом с женщиной средних лет и маленькой девочкой, которая забавлялась с игрушечным скиммером, пытаясь посадить его Класснеру на руку. Похоже, он наслаждался всеобщим вниманием.

— Он был серьезно болен, — сказал Алекс. — Не знаю точно, чем именно.

— Синдром Бентвуда, — ответила я. По иронии судьбы, Класснеру предстояло путешествовать в компании двоих выдающихся ученых-нейрологов своего времени, но никто из них не мог ему помочь. Сейчас, конечно, синдром Бентвуда побежден — идешь в клинику, получаешь таблетку. Но тогда...

— Та женщина — Тесс, его жена. А девочка — внучка.

У Тесс был обеспокоенный вид. Среди небольшой группы у окна стоял Чек Боланд.

— Судя по подписи, все эти люди — с литературного факультета. Женщина в белом платье — Джейла Хорн, выдающийся эссеист своего времени.

— Никогда о ней не слышала.

— Тут говорится, что сейчас она почти забыта, ее читают лишь ученые. Она собиралась писать о столкновении, о Дельте К и усматривала множество аналогий между тем, что должно было случиться со звездой, и тем, как поступает институциональная власть с индивидуальной свободой. Или что-то в этом роде.

— Она не полетела?

— Она была на «Страже».

Нэнси Уайт стояла в окружении молодых людей — судя по всему, студентов-выпускников. Уайт занималась разнообразными вещами, в том числе составлением кратких биографий великих ученых. Но самая знаменитая ее работа «Спустившиеся с деревьев» представляла собой попытку реконструировать ход

научного прогресса в древности. Когда человечество впервые осознало, что вселенная подчиняется системе законов? Кто первым понял, что космос не вечен? Почему человек инстинктивно сопротивляется подобной мысли? Как ученые пришли к осознанию сущности квантового мира? Кто первым понял природу времени?

Я лично природу времени не понимала. И никто из моих знакомых — тоже.

Иногда удавалось расслышать отдельные фразы: «Жаль, что не могу отправиться с вами», «Это опасно?», «Такого больше не случится в ближайшие сто тысяч лет».

— Какой во всем этом смысл? — спросила я. Происходящее казалось мне повтором прощальной сцены на Скайдеке.

— Давай я прогоню вперед.

Он что-то подкрутил. Присутствующие стали носиться по залу с бешеной скоростью, поглощая напитки и опустошая стол с закусками. Затем скорость вновь сделалась нормальной. Все прощались, направляясь к выходу и в последний раз пожимая друг другу руки.

«Передавайте привет брату», — услышала я.

Уайт отделилась от окружавших ее людей и обошла зал по кругу, обмениваясь поклонами и объятиями.

— Рядом с ней муж? — спросила я.

— Тот высокий?

— Да.

Алекс кивнул:

— Они были женаты девятнадцать лет. Его зовут Карл.

Даннингер и Мендоса вышли за дверь, увлекая за собой небольшую толпу. Мэдди Инглиш ждала возле бара, ведя оживленный разговор: ее собеседником был рыжеволосый мужчина с оливковой кожей.

— Сай Хуано, — сказал Алекс. — Тут говорится, что он финансовый менеджер.

Мэдди рассеянно улыбалась, словно голова ее была занята чем-то другим. Разговор, похоже, подходил к концу. Хуано в очередной раз кивнул, затем наклонился и поцеловал Мэдди. Судя по ее виду, она была не слишком довольна этим.

Картинка исчезла, и искин включил свет.

— Что ж, все это очень интересно, — заметила я.

Алекс посмотрел на меня, словно на отстающую ученицу:

— Ты не заметила?

- Заметила — что?
- Тери Барбер.
- Не поняла...
- Я думал, ты сразу обратишь на нее внимание.
- Там была Тери Барбер?
- Ну... не сама Барбер. Это могла быть Агнес.

Я понятия не имела, о чем он говорит.

- Где? — спросила я.
- Взгляни еще раз.

Алекс велел Джейкобу воспроизвести последние две минуты. Даннингер, Мендоса и их спутники пытались протиснуться в дверь. Мэдди позволила Хуано ее поцеловать. Он слегка помедлил, прижавшись щекой к ее щеке, — словно знал, что находится в центре картинки.

- Останови, — попросила я.
- Ну, что скажешь?

Я уставилась на Мэдди. Те же голубые глаза, идеальные очертания лица, вздернутый нос, полуулыбка на полных губах. Чуть больше морщин, но в остальном...

— Да, — сказала я. — Будь Мэдди помоложе, они были бы очень похожи.

— Покажи ее в возрасте двадцати трех лет, Джейкоб. И измени цвет волос на черный.

Черты лица смягчились. Энергия уступила место ленивой невинности. Морщины, наметившиеся на лбу и в уголках рта, исчезли. Кожа на скулах натянулась.

Добавить черные волосы. Укоротить.

— Говоришь, Тери Барбер похожа на Мэдди? — спросил Алекс.

Я оказалась права: Тери и Мэдди были неотличимы, словно две капли воды.

По имеющимся данным, у Мадлен Инглиш не было детей. Но у нее имелась целая армия племянниц и двоюродных сестер. Просмотрев фотографии ее нынешних родственников, мы обнаружили трех женщин, напоминавших Тери Барбер и примерно подходивших по возрасту. Одна из них, Мэри Капитана, выглядела точной копией Тери. Но Мэри работала интерном в больнице в Кубране, посреди Западного океана. Остальным двум работа тоже не позволяла в свободное время жить на Тринити.

Мы не смогли найти ничего об Агнес Локхарт Шенли до того, как она получила лицензию сверхсветового пилота в 1397 году. Если она что-то и рассказала о себе правлению, эти сведения охранялись законом о защите персональных данных. Единственный известный адрес, по которому она проживала, находился в курортном городке со зловещим названием Вальпургис — тысяча сто километров на север вдоль побережья. Судя по информационному файлу, она уехала оттуда двадцать лет назад, в 1405 году, после чего все следы ее терялись. Где она жила сейчас, никто не знал.

Вальпургис — одно из тех мест, которые миновал бум последнего десятилетия. По какой-то причине, известной, скорее всего, лишь социологам, толпы людей покинули северные прибрежные курорты, предпочтя им острова.

Нельзя сказать, что это бедный район, но, когда мы с Алексом прибыли туда, нам показалось, что большая часть местного населения получает прожиточный минимум и почти ничем не занимается. В центре города возвышались большие полуразваленные отели, построенные в прошлом веке, несколько безвкусно раскрашенных ресторанов и пара спортивных дворцов. Вдоль океана тянулось множество дорожек и помостов, а всю южную часть занимал игровой полигон — вероятно, обанкротившийся несколько лет назад, когда военные игры вышли из моды. На улицах не было заметно никакого движения.

Мы летели в новом скиммере корпорации «Рэйнбоу», купленном взамен утонувшего. Руководствуясь старым адресом Шенли, искин сел на общественной посадочной площадке возле обшарпанного двухэтажного углового дома, близ западной окраины города. Из магазина выходила нагруженная покупками пожилая женщина с белой собачкой. На школьном дворе играли несколько детей. Больше никаких признаков жизни не наблюдалось.

— Этот город знал лучшие времена, — сказал Алекс.

«Да, — подумала я. — Как и все мы».

Неухоженные газоны заросли сорняками. Дома кренились в разные стороны. Деревья были обвиты ползучими растениями. К живым изгородям в последние годы, похоже, никто не прикасался. День стоял серый, унылый, в любую минуту мог пойти дождь, и во многих окнах горел свет. Со школьного двора слышались радостные крики. Дети — удивительные существа: достаточно давать им еду и игрушки, и они не заметят всеобщего упадка.

Дорожка вела мимо школы и заброшенного парка с лесенками и полем для игры в мяч. Возле рожицы стаций стоял дом, где когда-то жили Агнес и ее муж, — зеленый с белым, хотя краски давно поблекли. Крыльцо осело, ставни нуждались в замене, а фонарный столб наклонился под опасным углом.

— Да? — спросил искин, когда мы подошли к дому. — Чем могу помочь?

Входная дверь была большой и тяжелой, выщербленной от многолетних атак со стороны ветра и песка.

— Меня зовут Алекс Бенедикт, — сказал Алекс. — Мне очень хотелось бы поговорить с владельцем дома. Много времени я не отниму.

— Если вы будете так любезны сообщить, по какому делу вы пришли, господин Бенедикт, я ей передам.

— Мне очень понравился дом. Я интересуюсь возможностью покупки.

— Одну минуту, пожалуйста.

— У тебя стыда нет, — укорила я Алекса.

— Что ты предлагаешь? Сказать, что мы хотим задать несколько вопросов насчет пропавшего капитана звездолета?

— Так и представляю, как ты тут живешь.

— Прекрасное место вдали от всяческой суеты.

— Это уж точно.

Алекс сошел с террасы, делая вид, будто разглядывает крышу. Внезапно дверь открылась и появилась женщина лет пятидесяти, подозрительно глядя то на него, то на меня. В этих краях посетители редко приносили хорошие известия.

Женщина выглядела очень усталой. Она напоминала своих соседей — такая же апатичная, ничем не выделяющаяся, неряшливо одетая. В наше время нет ни голодных, ни бездомных и можно вести достаточно беспечную жизнь, нигде не работая. Вот почему меня всегда удивляло, что до сих пор есть люди, не способные устроиться в жизни, — хотя, возможно, они не видят в этом нужды.

— Господин Бенедикт, — сказала женщина, вновь бросив подозрительный взгляд в мою сторону, — дом не продается.

— И все-таки мне интересно.

Еще раз взглянув на нас и решив, что терять ей нечего, она отошла в сторону, пропуская нас внутрь. Интерьер оказался примерно таким, как и следовало ожидать, — потертая мебель, от-

сутствие занавесок, голые полы. На стенах — несколько семейных фотографий: исключительно дети или старики.

— Меня зовут Казава, — сказала она. — Казава Демми.

Мы представились в ответ, и Казава показала нам дом — достаточно ухоженный, несмотря на едва заметный запах плесени. По ходу дела мы задавали вопросы. Сколько она хотела бы получить за дом? Что за соседи? Как давно она тут живет?

— Восемнадцать лет. Хороший дом. Как сами видите, нуждается в некотором ремонте. Но очень крепкий.

— Да, вижу.

— Рядом с пляжем.

— Да, очень даже неплохо. Похоже, прошлый владелец тоже о нем заботился.

— Да, Тоун Брэкет. Хороший был человек.

— До Тоуна, — сказал Алекс, — дом принадлежал семейной паре. Эду и Агнес Крисп.

Казава нахмурилась:

— Так вы из-за этого? Из-за убийства?

— Какого убийства? — удивился Алекс.

Она плотно сжала губы и покачала головой:

— Говорят, это был несчастный случай. Но я сильно сомневаюсь.

— Кого убили?

— Ну как кого? Ее мужа Эда. — Она снова покачала головой, словно сокрушаясь из-за порочности мира. — Вы знали про Криспов, но не знали, что случилось?

— Нет. И что же?

— Он погиб, сорвавшись в пропасть возле Уоллаба-Пойнта. Она тогда была вместе с ним. А поженились они за несколько лет до того.

— Вы ее знали? — спросил Алекс.

— Так, немного, — с явной неохотой ответила женщина.

Алекс показал ей коммуникатор и перевел деньги — сколько именно, я не видела.

— Что вы можете рассказать про Агнес?

Найдя свой коммуникатор в ящике стола, она проверила счет, взглянула на нас обоих, словно пытаясь понять, чем вызван наш интерес, и пожала плечами:

— Да, я ее знала. Мы были одного возраста и даже иногда встречались с одними и теми же мужчинами. До того, как она вышла замуж, само собой.

— Само собой. Вы дружили?

— Я бы так не сказала.

— Каким человеком она была? Почему вы утверждаете, что она убила своего мужа?

— Это было давно, господин Бенедикт. Я знала ее не настолько хорошо.

— Ладно, — вздохнул Алекс. — Все равно без толку.

Мы вернулись в гостиную. Казава пристально посмотрела на Алекса, затем на меня, и я могла бы поклясться, что она задает мне немой вопрос: можно ли доверять Алексу? Я кивнула — «да, конечно».

— Не хочу, чтобы вы думали, — наконец сказала она, — будто я вам не доверяю, но совсем недавно вы хотели купить мой дом.

Мы ждали. На улице залаяла собака.

— Мне просто показалось странным... однажды вечером оба отправились на прогулку, и он не вернулся. Думаю, она просто устала от него.

— У вас есть причины так считать?

— Меня всегда удивляло, как быстро ей надоедает любой мужчина.

— Что-нибудь еще?

— Она работала пилотом. Была очень высокого о себе мнения. Считала себя лучше всех. Когда она впервые появилась в городе, я только что закончила школу и жила в Брентвуде. Мы обе играли в театре — так и познакомились.

— Вы вместе участвовали в постановках?

— Да. У меня тогда был хороший голос.

— Не знаете, что она пилотировала?

— Я была певицей.

Казава перечислила несколько постановок с ее участием. Мы слушали и кое-как делали вид, что впечатлены до глубины души. Наконец Алекс повторил свой вопрос.

— Звездолеты, — ответила Казава. — Я же вам уже говорила. Она могла отсутствовать подолгу, иногда исчезала на целые месяцы — даже после того, как вышла замуж.

— У них были дети?

— Нет. Полагаю, на детей у них просто не было времени.

— Вы не знали никого из их родственников?

— Честно говоря, не помню, господин Бенедикт. И не уверена, что у них вообще были родственники. — Она покачала го-

ловой. — Единственное, что я могу вам сказать: она подолгу не бывала дома, а потом погиб ее муж. А вскоре она уехала насовсем, и мы больше ее не видели.

— Но сперва она продала дом.

— Видимо, да. Не знаю.

— Она говорила, что уезжает?

— Если и говорила кому-нибудь, то я об отъезде не знала. — Она снова пожала плечами, на этот раз, как мне показалось, с сожалением. — Не знаю, что с ней стало.

— Как долго она жила в Вальпургисе, не знаете?

— Нет. Пожалуй, лет десять.

Мы отправились в мэрию, зарегистрировались и начали просматривать общедоступную информацию. В первую очередь нас интересовал погибший муж. Мы без особого труда отыскивали в новостях за ноябрь 1404 года заголовок: «Работник казино разбился насмерть, упав с обрыва».

И восемь месяцев спустя: «Полиция отрицает какую-либо связь между исчезновением Агнес Крисп и смертью ее мужа в прошлом году».

Мы нашли фотографии Агнес в форме и штатском, а также несколько свадебных снимков. Они с Эдом были красивой парой.

Эд работал младшим служащим в одном из казино. Имевшиеся сведения подтверждали то, что рассказывала Казава. Однажды вечером они отправились на прогулку на Уоллаба-Пойнт. По словам их друзей, Эд и Агнес часто делали это, чтобы размяться и подышать свежим воздухом. Но в тот вечер, как призналась Агнес, между ними случилась ссора. Видимо, все закончилось потасовкой, хотя Агнес отрицала, что толкнула мужа с обрыва. «Он просто потерял равновесие, — настаивала она. — Я очень его любила». Вероятно, полицейским не удалось найти убедительных доказательств обратного, и ее не арестовали.

Из-за чего они поссорились?

«Мы пытались что-то решить насчет детей. Вряд ли мы были к этому готовы: он слишком мало зарабатывал, а мне пришлось бы отказаться от карьеры».

Мы сверились с погодным альманахом. Та ночь была безлунной, темной и безоблачной.

Крисп напоминал игрока в мунбол — молодой, мускулистый, красивый, с коротко подстриженными по тогдашней моде чер-

ными волосами, темными пронизательными глазами, широким лбом и смуглой кожей. Аккуратные усы и борода. Он работал в обслуге казино «Изи эйсес» и нисколько не походил на человека, который мог бы случайно сорваться с обрыва.

Аватар отсутствовал.

Полиция допрашивала Агнес несколько дней. Знавшие супругов говорили, что между ними никогда не возникало трений. Всем казалось, что они прекрасно уживаются друг с другом. (Интересно, подумала я, кто-нибудь допрашивал Казаву?) Тем не менее по городу ходило множество слухов.

— Эд Крисп кого-то мне напомнил.

— Опять? — спросил Алекс. — Кого же на этот раз?

Я пробежалась по каталогу у себя в голове. Клиенты. Родственники. Люди из симуляций.

— Джеймса Паркера, — сказала я. — Актера.

— Каждый увиденный тобой человек, — заметил Алекс, — напоминает тебе кого-то еще. Этот совсем не похож на Паркера.

И в самом деле, не похож. Но все же... Ладно, подумаю потом.

Казави и ее муж купили дом возле школы в 1409 году. Брэккет приобрел его тремя с половиной годами раньше.

В архивах медиафайлов обнаружилась информация о том, что в один прекрасный день, поздним летом 1405 года, через восемь месяцев после гибели Криспа, Агнес продала дом, покинула Вальпургис и больше не вернулась. Никто не знал, куда она уехала.

Дом она купила в 1396-м. О ее бывшем муже или детях ничего не говорилось. Похоже, она все-таки не была матерью Тери Барбер, и мы шли по ложному следу.

— Может, и нет, — сказал Алекс. — Уезжая куда-нибудь, люди обычно сохраняют контакты — с друзьями, бывшими коллегами, членами клуба. Агнес играла в театре.

— Я не...

— Нельзя играть в театре, не общаясь ни с кем. Это невозможно.

— Откуда ты знаешь?

— А я и не знаю, — рассмеялся он. — Но думаю, так оно и есть. Так вот, эта женщина ни с кем не поддерживала отношений.

— Ни с кем из людей, знакомых нам.

— Ладно. Я, собственно, вот о чем: с кем еще случалось такое?

— Так, чтобы человек просто ушел и исчез? Тальяферро. Но эта связь выглядит странно.

— Чем страннее, тем лучше. Когда все это случилось, Тери Барбер было года три или четыре.

— Но мы не можем проследить никакой связи между Барбер и Шенли, не считая того, что они очень похожи.

Я начала подозревать, что мы видим закономерность там, где ее нет. Многие исследования утверждают: люди склонны находить то, что они ищут, даже если для этого требуется включить воображение.

Последняя заметка появилась через несколько недель после исчезновения Агнес: «Попытки найти родственников Эдгара Криспа и известить их о его смерти оказались безуспешными. Крисп родился на Рэмбакле, в системе Ригеля. Приехал в Вальпургис в 1397 году».

— Примерно тогда же, когда и Агнес, — сказала я.

— Да, — нахмурился Алекс. — Почему не смогли найти его родственников?

— Не знаю. Каковы порядки на Рэмбакле? Никогда там не была.

— Возможно, у них нет реестра всего населения.

— Видимо, нет.

Алекс строил странные гримасы — так бывало каждый раз, когда он пытался решить некую загадку.

— Может, он вообще не тот, за кого себя выдавал?

— Да брось, Алекс. Допустим, ты захотел взять себе псевдоним. Разве ты назовешься Эдгаром Криспом?

ГЛАВА 13

Покоряй горные вершины и познавай мир, но смотри под ноги.

Тора Шоун. Свет костра

В базах данных нашлись фотографии дома Агнес. В начале века он выглядел вполне прилично и был меньше — еще одно крыло и проседающее крыльцо добавились позже. На одном из снимков, сделанном во время метели, были видны горящий фонарь на столбе — том самом, который теперь опасно накренился над дорожкой, — и два человека, смотревшие в окно на фасаде. Агнес и Эд? Непонятно. Освещение было слишком слабым, чтобы разглядеть лица.

В прессе Агнес упоминали как пилота сверхсветовых кораблей. Отмечалось, что она часто уходила в дальние рейсы. (В те времена полеты могли занимать месяцы и даже годы, если удавалось взять достаточно еды.) Говорилось также о том, что она возглавляла экспедицию «Эхо».

— Невероятно, — сказал Алекс.

— Что за экспедиция «Эхо»? — спросила я.

Он ответил не сразу.

— Ты ведь знакома с теорией о том, что исчезновение людей с «Поляриса» — сверхъестественное явление?

— Да.

— В тысяча четырехсотом году, в тридцать пятую годовщину экспедиции, несколько членов клуба «Острые стрелы» решили как можно точнее воспроизвести полет.

— Что за клуб «Острые стрелы»?

— Теперь он известен как общество «Полярис». Тогда это была группа энтузиастов. Они зафрахтовали у фонда «Эвер-

грин» корабль «Клермо», то есть «Полярис». Хотели воспроизвести исходные обстоятельства и посмотреть, не проявится ли снова мистическая сущность.

Порой трудно поверить в то, насколько легковверны люди. Недавно я читала статью о том, что более половины населения Окраины доверяют астрологам.

— Да, я слышала об этом. Сумасшедший полет.

— Тогда ты знаешь и остальное.

— Напомни.

— Они вновь дали кораблю название «Полярис», провели предстартовую церемонию, посадили на борт шестерых пассажиров, в том числе одну женщину, и стали искать женщину-пилота. Видимо, им хотелось иметь двойника Мэдди Инглиш, и они выбрали Агнес.

— Ее заставили покрасить волосы?

— Не знаю. Думаю, главная их проблема состояла вот в чем: они полагали, будто искомая мистическая сущность порождена столкновением звезды и карлика. В результате столкновения якобы высвободилось то, что они, насколько я помню, называли «психокинетической энергией». Но вторую катастрофу такого масштаба они, естественно, устроить не могли. Оставалось лишь надеяться, что нечто, появившееся в тысяча триста шестьдесят пятом, все еще болтается неподалеку от места столкновения.

— Но ведь прошло тридцать пять лет! Звезда-карлик давно улетела в космические дали вместе с остатками Дельты К, которых, насколько я помню, почти и не было.

— Совершенно верно. Но, полагаю, они были настроены чересчур оптимистично. Рассчитали, где должны оказаться остатки разрушенной звезды и где, видимо, ожидалось обнаружение сверхъестественных сил, и отправились туда.

— Не пойму, о чем ты говоришь, Алекс.

— А кто понимает?

— У них наверняка были деньги.

— Не сомневаюсь.

— На что же они надеялись? Тоже собирались исчезнуть?

— Пассажиров было шестеро, как и в первый раз. Один из них, медиум, считал, что, если зажечь правильные свечи и настроить лазеры на правильную частоту, можно управлять любой мистической сущностью.

— А бубнов у них не было?

— Насколько я знаю, нет.

— Откуда у тебя столько сведений?

Алекс снисходительно улыбнулся:

— Мне просто интересно, в том числе с профессиональной точки зрения. Я всегда знал, что, если разведка достанет артефакты из закромов, можно будет заработать кучу денег. Даже артефакты из экспедиции «Эхо» стоят немало.

Тотчас же возник следующий вопрос:

— Почему разведка продала «Полярис»? Там ведь наверняка понимали, что когда-нибудь он сильно вырастет в цене.

Алекс закрыл глаза и покачал головой:

— Бюрократов нелегко понять, Чейз. Скорее всего, они догадывались, что стоимость корабля вырастет далеко не сразу, а значит, продать его при их жизни вряд ли удастся. Тем временем «Полярис» болтается у всех на виду, напоминая каждому о величайшей неудаче разведки. Ты знаешь, что люди на самом деле боялись его?

— Чего? Корабля?

— Почитай отчеты. Люди были всерьез напуганы. Если потусторонняя сила устроила исчезновение всех пассажиров, на что еще она способна? Некоторые даже считали, что часть ее оказалась на планете вместе с кораблем.

— Так что же случилось с экспедицией «Эхо»?

— Они снабдили искина черными ящиками, собираясь записывать все происходящее на борту, — на случай, если все вдруг повторится.

— Во время первого полета от искина не было никакого толку.

— Именно. Черные ящики были сконструированы так, чтобы противостоять любым сверхъестественным силам, одновременно продолжая запись. Если бы случилось что-то необычное, они должны были включиться и начать передачу.

— А как определялось это понятие — «что-то необычное»?

— Я уже рассказывал. Присутствие психокинетических сил. Члены клуба «Острые стрелы» сделали себе неплохую рекламу, дав множество разнообразных интервью, и улетели.

— И так ничего и не увидели, — добавила я.

— Позже они утверждали, будто наблюдали привидения. Им будто бы являлись призраки пассажиров настоящего рейса —

не помню, кого именно. Некоторые из вернувшихся членов «Острые стрелы» утверждали, что поняли смысл катастрофы, но человечество еще не готово узнать правду.

— Похоже, они начитались Степаника Регала.

— Угу. Рассказывали, будто привидения умоляли о помощи, плавали по кораблю. Обычные призраки. Свечи и лазеры якобы удерживали их на расстоянии. Кажется, есть даже несколько фотографий.

— Фотографий чего?

— Как мне показалось, туманной дымки. Завитки тумана в машинном отделении. У одного завитка действительно просматривалось нечто вроде глаз.

Узнав имена и адреса бывших соседей Агнес, мы оккупировали будку на втором этаже мэрии и начали звонить. Я объясняла, что меня зовут Чейз Шенли, что я племянница Агнес Крисп и что родственники до сих пор пытаются ее разыскать.

— Мы не сдаемся, — говорила я.

— Она тут жила очень даже неплохо, — сказала одна пожилая женщина. — Похоже, ей вполне хватало денег. Прекрасный дом, хороший муж.

— Вероятно, она очень страдала, когда погиб Эд, — говорила я.

Кто-то утверждал, что Агнес его даже не оплакивала. Другие заявляли, что она чуть ли не сошла с ума от горя. Вот что рассказывал бывший служащий казино, работавший вместе с Криспом:

— Она любила Эда, и для нее это стало большой потерей. Потом все в городе решили, будто она убила мужа. На самом деле ей просто завидовали. Красавица, которая летает на звездолетах, — конечно, ее недолюбливали. Поэтому она и уехала. И чувство вины, о котором все говорят, тут вовсе ни при чем. Она просто была сыта по горло.

В общем-то, никто не говорил о ней плохо. Впрочем, это было объяснимо — я ведь представлялась родственницей. Мы нашли двоих бывших бойфрендов Агнес, но те не захотели вдаваться в подробности.

— Я женат и счастлив в браке, — заявил один из них. — Агнес была хорошей женщиной. Больше ничего не могу сказать.

О дочери ничего не было слышно.

— Агнес любила ухаживать за садом, — сказал кто-то из соседей. — А еще прекрасно играла в шахматы. Побеждала всех в клубе.

— Могла ли она столкнуться кого-нибудь с обрыва?

Те, кто знал ее лично, считали, что не могла. Говорили, что она отличалась дружелюбием, проявляла доброту к детям и собакам и никому никогда не причинила бы вреда. При этом была слегка холодна и не очень приветлива.

— В каком смысле?

— Ну, — сказала одна женщина, — мне всегда казалось, что она ставит себя выше остальных. Но я не видела, чтобы она злилась или плохо обращалась с кем-нибудь.

Никто не имел понятия, куда делась Агнес. Некоторые считали, что она бросилась с того же обрыва, с которого упал ее муж. Лес у подножия пропасти был достаточно густым. Полиция искала там, но, как говорили, не слишком тщательно: в такую возможность никто не верил.

— Я тоже не верю, — заключил Алекс.

Эд Крисп упал с обрыва на Уоллаба-Пойнте, в трех километрах к северу от Вальпургиса. Здесь земля резко поднимается к вершинам Золотого Рога, горной гряды, которая начинается в открытом море, дугой огибает город и уходит на юго-запад, простираясь почти до самого Залива. Сам обрыв, как оказалось, был отгорожен барьером.

Мы добрались туда ранним вечером. Было холодно и пасмурно, в воздухе кружились снежные хлопья.

Я не боюсь высоты, когда сижу внутри летательного аппарата, но на высоких обрывах мне становится не по себе. Совершив немалое усилие над собой, я перегнулась через барьер и посмотрела вниз. Солнце только что зашло. Подножие обрыва скрывалось в густом лесу. Я увидела реку, несколько валунов, полуразвалившийся сарай вдали. Обрыв был не слишком высоким, но при этом крутым: ударившееся о землю тело наверняка отскочило бы на порядочную высоту.

Мы ходили взад-вперед, обдумывая различные варианты и размышляя, откуда именно упал Эдгар. В те времена барьера не существовало, и все же я не могла понять, как взрослый мужчина в здравом уме и твердой памяти мог свалиться с обрыва. В новостях говорилось, что никаких следов алкоголя или наркотиков

не нашли. Возле обрыва не росли ни деревья, ни кусты, которые помешали бы его обнаружить. Лес заканчивался примерно в пятнадцати метрах ниже.

— Такого просто не могло случиться, — объявила я.

Алекс, однако, все еще сомневался:

— Безлунный вечер. В воздухе пахнет ссорой. Она хочет сохранить работу. Он хочет детей. Но он мало зарабатывает, и его будущее нельзя назвать радужным. Вот он и ходит взад-вперед, не глядя под ноги.

Я не могла поверить:

— Не может быть.

— Такое случается сплошь и рядом, дорогая.

— Все нет.

— Я серьезно, Чейз. Когда человек возбужден или взволнован, он не замечает ничего вокруг себя. Он пугается от нее, воздевая руки, наступает на шатающийся камень и падает.

— Нет, не могу понять. Каким же дураком надо быть?

Тропинка, по которой мы шли, вела вдоль самого обрыва. Если бы кто-то захотел поиграть здесь в догонялки, он наверняка отошел бы подальше, к деревьям. Инстинкт просто не позволил бы поступить иначе.

— Думаю, она его убила, — сказала я.

Алекс кивнул:

— Ты тоже так думаешь? Почему?

— Мне кажется, иначе быть не могло. Они приходят сюда. Возможно, Агнес узнала, что муж ее обманывает, или просто от него устала. Брак продолжается уже три или четыре года. Самое время проверить отношения на прочность.

— Когда ты стала экспертом в семейных делах?

— Для этого не нужно быть специалистом, Алекс. Мы говорим о том, что знает каждая женщина, но, видимо, далеко не каждый мужчина. Если она действительно это сделала, то вряд ли из желания или нежелания заводить детей. В любом случае она, вероятно, решила, что у нее появился легкий выход. К тому же она могла быть чем-то разозлена или расстроена. Один быстрый толчок — и все. Никто ничего не узнает.

Пройдя через лес, мы вернулись к скиммеру. Приятно было вновь оказаться в теплой кабине, на поляне, примерно в полукилометре от вершины. Алекс сидел молча и равнодушно гля-

дел на деревья. Продуваемая всеми ветрами вершина холма вызвала странное, гнетущее чувство.

— Это все из-за погоды, — заметила я.

Алекс откашлялся.

— Луиза, — обратился он к искину, — что у нас есть на Эдгара Криспа?

Алекс позволил мне выбрать имя для системы. Я выбрала это: оно показалось мне теплым, дружеским и мирным. Сам Алекс был не в восторге, но промолчал.

На Криспа нашлось немного. Рождение. Смерть. Родители прибыли на Окраину в 1391 году. Закончил академию Индиры Хан в Лакате — на острове, лежащем посередине между двумя континентами. Получил лицензию на управление скиммером в 1397-м. Приобрел скиммер в 1398-м. До женитьбы на Агнес три года жил на Сивью-авеню в съемной квартире. Работал в службе ночных развлечений, принадлежавшей казино «Легкие тузы». Умер в двадцать восемь лет.

И все. Особых следов в мире Эдгар не оставил. Он ничего не нарушил, ничего не изменил и привлек к себе внимание лишь из-за своей необычной смерти. Можно сказать, почти не существовал. Интересно, кто присутствовал на его похоронах?

— Так бывает с большинством из нас, — сказал Алекс. — Родился, умер — и скатертью дорога. Мир ничего не заметит. Если только тебе не повезло разоблачить чей-нибудь любимый миф.

Я рассмеялась. Алекс был убежден, что обрел бессмертие благодаря своим открытиям, связанным с Кристофером Симом. Вполне вероятно, что он был прав.

— Луиза, — сказал он, — проверь списки выпускников академии Хан за девяносто пятый и девяносто шестой годы. Есть ли в них Эдгар Крисп?

— Думаешь, в прессе ошиблись? — спросила я.

— Просто следую инстинктам.

Луизе потребовалось всего несколько секунд.

— Лакат не подписан на реестр.

— Можно ли просмотреть его биографию, не отправляясь туда?

— В автономном режиме — невозможно.

Мимо прошли парень и девушка с рюкзаками, направляясь к Уоллаба-Пойнту. Если они собирались ночевать на улице, то явно замерзли бы.

— Еще один человек без прошлого, — сказала я. — Как ты узнал?

— Мы постоянно натыкаемся на уроженцев тех мест, которых нет в реестре. Вряд ли это случайность.

Я включила двигатель.

— Думаешь, все они — не те, за кого себя выдают?

— Не знаю, — ответил Алекс. — Меня больше интересует, откуда они.

От дома, где когда-то жили Агнес и Эд Крисп, до кладбища Вальпургиса было меньше получаса ходьбы. Оно занимало участок площадью примерно в один квадратный километр и располагалось в основном на пологом склоне холма. Надгробия, как и сам город, были старые, обветшавшие. Кладбище давно не использовалось: население здесь сокращалось, да к тому же прах теперь предпочитали развеивать по ветру или бросать в море.

Мы слышали, что некоторым могилам восемьсот с лишним лет, но надгробий того времени так и не увидели. Могилы сбились в тесную кучу, по три-четыре на одном участке, и ни одного свободного места я не встретила. Кладбище было переполнено, а город опустел.

Надгробия отличались разнообразием: стиль, видимо, зависел прежде всего от состояния умершего и отчасти — от эпохи. Мода приходит и уходит. Были простые каменные плиты с именем и датами. Надгробия побольше и побогаче свидетельствовали о чувствах, которые вызывали ушедшие. «Любимый отец, как рано ты нас покинул». Кое-где надписи стерлись настолько, что их нельзя было прочесть.

Статуи тоже были разными — скромные, затем изящные и, наконец, напыщенные: стоящие на страже ангелы, обнимающий ягненка мальчик, библейские персонажи со склоненными головами, летящие голуби.

Когда мы пришли, уже стемнело. Снег прекратился, ветра почти не чувствовалось. Мне вспомнился Том Даннингер, посветивший свой гений продлению жизни. Он ненавидел кладбища и перед тем, как присоединиться к своим коллегам на «Полярисе», утверждал, что находится на пути к величайшему прорыву. Что ж, ничего не изменилось, Том. Люди до сих пор живут не больше ста двадцати — ста тридцати лет, как и в давние времена. Даннингер сам приближался к этому возрасту, когда отправился к Дельте К: насколько я помнила, ему было больше

ста двадцати. Я понимала, в чем состоял его интерес. Всем нам хочется думать, что процесс старения можно остановить. Но я подозревала, что если этого до сих пор не удалось сделать, то не удастся уже никогда.

Мы шли среди надгробий, обмениваясь пустыми замечаниями, созерцая наглядные доказательства бренности всего сущего и пытаясь не замерзнуть.

Крисп лежал в углублении между холмами, там, где рядом друг к другу располагались четыре могилы. Простой белый камень с именем, датами жизни и надписью «Светлая память». Кто-то посадил рядом с могильным камнем кустик сабулы. В преддверии надвигающейся зимы он выглядел невзрачным, но весной эти кусты покрывались золотыми цветами.

Земля была довольно рыхлой. Когда потеплеет, здесь вырастет трава.

— Интересно, кто он такой? — произнес Алекс.

Вернувшись в скиммер, Алекс позвонил Фенну, рассказал ему, где мы и чем занимаемся, и спросил, может ли он выписать ордер на эксгумацию Криспа. Фенн, похоже, отнесся к его просьбе без особого энтузиазма и даже с раздражением.

— Вам незачем лезть не в свое дело, — сказал он.

— Мы не нарушаем никаких законов, Фенн.

— Кого бы вы ни искали, Алекс, они опасны. Зачем вам рисковать?

Алекс имел немалый опыт общения с людьми, и сейчас в нем проснулся профессионал.

— Фенн, — сказал он, — я сомневаюсь, что мы верно опознали этого парня. Если выяснить, кто он такой, то, возможно, удастся выяснить, почему нас пытаются убить.

— Да брось, Алекс. Парень, умерший двадцать лет назад?

— Думаю, есть немалая вероятность того, что все это взаимосвязано. Я не прошу многого...

Они переговаривались несколько минут. Непреклонность Фенна понемногу начала таять.

— Будь у меня возможность, Алекс, я бы вам помог. Но то, о чем ты говоришь, — совсем уж старые новости. Есть доказательства?

— Слишком многие появляются и исчезают, не оставляя следов. Барбер. Агнес: то ли она мать Барбер, то ли нет. Крисп. Может, даже Тальяферро.

— У Тальяферро богатое прошлое, Алекс. Он не появился ниоткуда.

— Да. Но он исчез. И еще семь человек исчезли с «Поляриса». Думаю, было бы очень полезно узнать, кто лежит в могиле Криспа.

Фенн поднял руки в успокоительном жесте, словно опасался, что у Алекса начнется истерика.

— Послушай, — сказал он, — когда умер Крисп? В тысяча четыреста пятом? Четыреста четвертом? С тех пор никто не видел Агнес Шенли. — Он откинулся на спинку кресла. — Я передам начальству твои слова и порекомендую еще раз приглядеться к той истории. Тебя это устроит?

— Есть шанс, что они взглянут на труп?

Фенн явно боролся с желанием выложить все, что он думает об этом.

— Нет, — наконец ответил он. — Им не важно, кто лежит в могиле: обвинять все равно некого. К чему лишние хлопоты?

ГЛАВА 14

Человек должен умирать, только если он падает с моста или плавает среди акул. Ни для кого не должен гаснуть свет лишь потому, что скрытые в его клетках часы проббили полночь. Отчего-то мы считаем, что, когда природа приказывает нам самоуничтожиться, сопротивляться не стоит. Ну а я ищу способ не выполнить приказа.

Томас Даннингер. Право на жизнь

Природе важно лишь одно: ты должен родить и вырастить потомство. После этого убирайся прочь.

Шармон Колям. Хаос и симметрия

Алекс завел разговор о том, чтобы откопать покойника самим. Не знаю, насколько серьезны были его намерения, но я все же заметила, что за осквернение могил полагается суровое наказание. К тому же я сомневалась, что установление личности покойника даст нам что-нибудь. Все наши предположения строились на догадках. Это признал и сам Алекс, когда я намекнула ему на заголовки будущих новостей: «Торговец антиквариатом превращается в грабителя могил», «Бenedикт обвиняется в осквернении останков».

Сидя в скиммере на краю кладбища и глядя на плывущую по небу луну, я вдруг поняла, что думаю о Томе Даннингере, мечтавшем избавиться от кладбищ или, по крайней мере, резко сократить потребность в них.

Мы решили пока остаться в Вальпургисе. Большинство ресторанов и отелей закрылись с окончанием сезона, но мы все же сняли выходявший на океан номер в гостинице «Фиеста» и пообедали в ресторане с мрачноватым названием «У монаха». Правда, еда оказалась хорошей, и в ресторан зашло еще несколько человек, так что мы не чувствовали себя в одиночестве.

Не помню, о чем мы говорили. Помню лишь, что я продолжала думать о могиле и о том, был ли это несчастный случай, преступление на почве страсти или что-то третье. Может, кому-то понадобилось срочно убрать Эда Криспа? Может, он что-то знал?

Мне плохо спалось. Встав посреди ночи, я сделала себе постель. Небо было затянуто тонкими облаками, отчего луна казалась окруженной призрачным ореолом. Сама не зная почему — возможно, оттого, что он напомнил мне о кладбище, — я вызвала аватар Тома Даннингера. Тот материализовался посреди комнаты и поздоровался со мной. Высокий, смуглый, седоволосый, с мрачным лицом, Даннингер вовсе не походил на человека, любившего как следует посмеяться.

Я села на диван, взяв кофе и пончик.

— Чем могу помочь, Чейз? — спросил Даннингер. Он был безупречно одет — отглаженные брюки, синий пиджак, белая рубашка с узким галстуком.

Последнее обновление аватара датировалось 1364 годом, за год до полета «Поляриса». На лице Даннингера виднелись морщины. Похоже, у него болели колени: садясь, он поморщился.

— Можно с вами немного поговорить, профессор?

— Я в вашем распоряжении. — Он обвел взглядом комнату. — Отель?

— Да.

— Где мы?

— В Вальпургисе.

— Ах да, курорт. Знаете, сомневаюсь, что я вообще хоть раз был в отпуске за всю свою взрослую жизнь.

— Не было времени?

— Не было желания, — улыбнулся он. — Вряд ли мне понравилось бы в таких местах.

— Скорее всего, нет, — согласилась я. — Профессор, вы немало достигли за свою карьеру, но больше всего известны усилиями по продлению жизни.

— Приятно слышать от вас, что я внес кое-какой вклад в науку. Но главного мне добиться так и не удалось.

— Люди продолжают стареть, в этом дело?

— Да. Людей до сих пор предают их собственные тела, которые живут недолго, а затем начинают разрушаться.

— Но разве это не естественный ход вещей? Что случится, если люди перестанут умирать? Где им всем поместиться?

— Полагаю, естественный ход вещей — это когда люди бегают по земным лесам, охотясь на оленей и диких свиней. Когда они сами становятся добычей зверей. Когда они жгут костры в ночь, подобную этой. На улице действительно так холодно, как кажется?

— Да.

— Вы предпочли бы жить так? Подобно своим далеким предкам?

— Из меня не выйдет охотника. Нет.

— И добычей вам тоже стать не хочется. Поэтому ответ на первый вопрос — отрицательный. Вы спрашиваете: что случится, если люди перестанут умирать? Начнем с того, что постановку вопроса я считаю в корне неверной. Скорее, нам следует знать, что случится, если люди смогут как угодно долго оставаться молодыми и здоровыми. Начнем с того, что мы одним махом уничтожим большую часть человеческих страданий. Не все, конечно, — это не в наших силах. Но если мы сможем устранить неизбежность похорон, остановить медленную деградацию, сводящую людей в могилу, — это станет бесценным даром для человечества.

— Профессор, многие считают, что смерть — это не так плохо, ведь слишком долгая жизнь делается невероятно скучной...

— Лишь потому, что тело становится негибким и хрупким. Очень легко что-нибудь сломать, запасы энергии иссякают...

— Говорят, что такая жизнь — тяжкое бремя для самого человека и для его семьи...

— Причина этому — все та же слабость. Конечно, совсем уж дряхлые старики становятся бременем для всех. Я предлагаю сделать так, чтобы люди не доходили до этого состояния.

Я продолжала упорствовать:

— Возможно, само искусство возникло благодаря тому, что мы осознаем мимолетность прекрасного. Мы понимаем, что смерть, в числе прочего, делает нас людьми и что люди должны уступать место своим детям.

— Чушь. Чейз, вы несете вздор. Все это прекрасно, пока речь идет о чем-то абстрактном. Смерть как часть человеческого существования приемлема лишь до тех пор, пока мы говорим о ком-то другом, ведем беседы о статистике и о посторонних, желательно незнакомых, людях.

— Но если бы вам удалось добиться успеха, куда девать столько людей? У нас нет ни бесконечного жизненного пространства, ни ресурсов.

— Конечно нет. За это придется заплатить. Перестать размножаться.

— На такое никто не пойдет.

Он улыбнулся с таким видом, будто слышал эти слова уже много раз:

— Думаете?

— Уверена.

— А я утверждаю: если предложить молодой паре выбор — иметь детей или вечно жить, обладая молодыми телами и не рискуя потерять друг друга, ответ будет вовсе не таким, как предсказываете вы.

— Вы действительно в это верите?

— Разумеется.

— Значит, мы перестанем заводить детей?

— Сколько-то детей заводить придется — на замену тем, кто погибнет от несчастных случаев. Тут придется подумать, но это мелочь.

— А как насчет эволюции?

— А что с ней?

— Человечество перестанет развиваться.

— Вероятно, оно перестало развиваться вскоре после того, как люди слезли с деревьев. — Он вздохнул. — Ладно, может, я слегка преувеличил. Но вы действительно верите, что ваш далекий потомок будет умнее вас?

Пожалуй, я не верила в это. Впрочем, я считала, что многим людям еще предстоит долгая эволюция.

Не дождавшись моего ответа, он продолжил:

— Мы не обязаны давать природе то, чего она желает. Мы обязаны создавать комфортные условия для самих себя, обеспечивать возможность вести плодотворную жизнь, устранять страдания и деградацию, на которые обрекает нас естественный порядок, сохранять индивидуальность каждого. Что касается эволюционистов... если им нравится умирать, пусть идут на смерть добровольно. Если мы действительно хотим обладать более сильными телами, на помощь уже сейчас готова прийти генная инженерия. Если мы хотим, чтобы люди были умнее, давайте использовать развивающие технологии.

— Не знаю, профессор. Мне кажется, это как-то... неправильно.

— Лишь потому, что люди стареют и умирают уже несколько миллионов лет. Мы привыкли и делаем вид, будто смирились с этим, как и с любой другой естественной необходимостью. Мы считаем, что иначе и быть не может. Я сам слышал, как люди — в основном женщины — говорили, что ни в коем случае не захотели бы снова прожить свою жизнь. Но умирать нам не нравится, и поэтому у нас есть религия. Мы всегда пытались обмануть смерть, убедить себя, что мы бессмертны. Мы принимаем физическую смерть и в то же время притворяемся, будто ее не существует.

— Профессор, кто-то сказал, что человечество прогрессирует с каждым похороном. С возрастом человеческий разум застывает. Не закончится ли все появлением множества старых придурков в молодых телах?

— Да, в этом рассуждении что-то есть. Проблем не избежать. Начальники никогда не уйдут в отставку и не умрут. Слишком мало свежих талантов. Похоронным бюро придется заняться чем-нибудь другим. Политики будут цепляться за свое место до бесконечности в буквальном смысле слова. Но люди как вид всегда отличались высокой приспособляемостью. Самым главным я считаю вот что: если люди перестанут стареть, они будут менее склонны всю жизнь отстаивать одно и то же мнение. Для многих людей их принципы — опора, за которую они цепляются тем отчаяннее, чем ближе конец. Но если никакого конца нет... — Даннингер развел руками: «разве это не очевидно?» — Понадобится время на адаптацию. Но думаю, конечный результат окажется более чем удовлетворительным.

— Что у вас случилось? — спросила я.

— В каком смысле, Чейз?

— Большинство считают смерть, потерю платой за нашу жизнь. Вы потеряли очень близкого человека?

— Подумайте над своими словами. Кто из нас не терял очень близких людей? Отца, сестру, дочь. Друга. Любовника. Мы сидим на поминальной службе и делаем вид, будто они отправились в солнечную страну на небесах. Мы говорим о счастливом потустороннем мире и о том, как хорошо в нем нашим родным. Мы убеждаем друг друга, что мы бессмертны и какая-то часть нас продолжает жить. Но на самом деле, Чейз, каждый в душе зна-

ет, что смерть — это смерть. Это навсегда. Как видите, я немолод. Если вы хотите знать, почему я работал над этим, скажу: я видел смерть слишком многих людей. Все просто. Я хочу это прекратить. И я нашел способ. — Он долго смотрел на единственную лампу, горевшую в комнате, а затем сказал: — Мы любим свет.

— В чем же проблема? — спросила я. — Я знаю, что клетки можно принудить к бесконечному воспроизводству. По сути, это означает бессмертие. Но бессмертие не наступает.

— Чем вы занимаетесь, Чейз?

— Торгую антиквариатом.

— В самом деле?

— Ну... еще пилотирую сверхсветовые корабли.

— Вот как? А вы были бы заинтересованы в продлении своей жизни? Допустим, я могу это предложить.

— Нет. Меня устраивает то, что есть.

— Разумная позиция, моя дорогая. Но вы сами себя обманываете. Вы нечестны перед собой.

— Я согласна с условиями, на которых я получила жизнь.

— Вы опять говорите ерунду, Чейз. Вы еще молоды. Но пройдет время, и первые признаки зимы поселятся в ваших суставах. Вы почувствуете первое трепетание сердца, ощутите, как немеют кончики пальцев, как холодеет у вас в желудке по мере приближения черного всадника. Вы поймете, что он летит к вам на всем скаку. Молодость — лишь иллюзия, Чейз. Никто из нас не молод. Мы рождаемся стариками. Если столетие кажется вам слишком долгим, то, уверяю вас, со временем праздники и времена года начнут сменять друг друга с быстротой молнии.

Конечно, он был прав. Никто не признается открыто в том, что хочет невозможного. И не важно, что это: дом, любовник, вечная молодость. Мы притворяемся, и только.

— Профессор, я правильно понимаю, что у вас ничего не вышло?

Глаза его вспыхнули.

— Взгляните на меня, — сказал он. — Я похож на человека, владеющего тайной бессмертия?

Я промолчала. Он широко улыбнулся:

— Проблема носит фундаментальный характер. Недостаточно просто принудить клетки к бесконечному размножению. Они должны еще взаимодействовать друг с другом.

— Синапсы.

— Очень хорошо. Да, синапсы. В этой способности — суть жизни. Мозговые клетки взаимодействуют между собой, принимая решение о необходимости спастись от наводнения. Пищеварительные клетки совместно извлекают питательные вещества из недавно съеденного обеда. Мышечные клетки получают указания от нервных. В сто двадцать пять лет, или около того, наши клетки просто перестают общаться друг с другом. Долгое время мы не знали, почему это происходит.

— А теперь знаем?

— Иолин.

— Он обеспечивает взаимодействие?

— Взаимодействие происходит благодаря ему. Когда в теле исчерпываются запасы иолина, процессы начинают нарушаться. Мы пытались стимулировать выработку иолина, добавляя синтетические препараты, но это помогает лишь на очень короткое время. Похоже, есть какие-то часы, таймер, определяющий, когда следует выключить свет. Его назвали пределом Крэбтри.

Даннингер пустился в подробные объяснения. Я мгновенно потеряла нить рассуждений, но тем не менее внимательно слушала и время от времени понимающе кивала. Когда он закончил, я спросила, есть ли надежда на решение проблемы.

— В течение тысячелетий она была святым Граалем для ученых, — ответил Даннингер. — Двести лет назад Баркрофт из Города-на-Скале счел, что решил ее, но в это время город подвергся атаке «немых». Баркрофт погиб, лаборатория его была разрушена. Никто не знает, насколько близко он подошел к разгадке. — Взгляд его затуманился. — Глупость всегда дорого обходится. — Он посмотрел мимо меня и пожал плечами. — В прошлом тысячелетии Торчески, возможно, нашел способ приказать телу продолжать выработку иолина. Ходили даже слухи о нескольких бессмертных, сотворенных таким образом. Они якобы живы до сих пор и скрываются от остального человечества. Легенда, конечно. Работы велись в условиях политической нестабильности. Многих напугали слухи о том, чем занимается Торчески. Возникли беспорядки на религиозной почве. В конце концов он и плоды его трудов оказались в руках толпы фанатиков. С тех пор о разработках Торчески ничего не было слышно, как и о нем самом. Есть и другие сведения о прорывах в этом направлении — то ли правдивые, то ли нет. Но, к несчастью, нет ничего, что могло бы стать толчком.

- А вы близки к решению? — снова спросила я.
— Да, — сказал он. — Оно появится в ближайшее время.
«В ближайшее время». Все те же слова.

Пора было возвращаться домой.

Наевшись сэндвичей с кофе, мы выписались из гостиницы и поднялись на крышу. Был еще один холодный пасмурный день, солнце не выглядывало, и, кажется, ожидался снегопад. Мы залезли в скиммер. Алекс сел на место водителя.

— Луиза, — сказал он, — доставь нас домой.

С океана донесся внезапный порыв ветра. На стоянке было припарковано всего четыре машины, считая нашу: можете представить, сколько постояльцев проживало в отеле.

— Луиза? Ответь, пожалуйста.

Ничего.

Лампочка искина не горела.

— Она отключена, — сказала я.

Алекс раздраженно поерзал в кресле: он терпеть не мог любых неполадок. Более того, когда неполадка все же случалась, он винил в этом кого угодно, кроме себя.

— Новенькая, с иглочки машина, — сказал он, — и уже проблемы.

Он попробовал шелкнуть тумблером, но безрезультатно.

— Видимо, контакт отошел, — предположила я.

— Ты всегда заявляла, что эти штуки не ломаются, — буркнул Алекс, переключаясь на ручное управление и запуская двигатель. — Придется вести самому.

Выдвинув штурвал, он включил антигравы. Приятное ощущение: твой вес снижается на девять десятых. Уже давно ведутся работы над другим проектом: уменьшение антигравитационных модулей до таких размеров, чтобы их можно было носить, скажем, на поясе. Ходить весь день, чувствуя себя так же, как в скиммере... Но сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим это и многое другое.

— Завтра отправим ее в ремонт, — сказал Алекс. Заниматься этим, естественно, предстояло мне.

Он взглянул на экраны, чтобы проверить плотность движения в окрестностях гостиницы, затем коснулся кнопки вертикальной тяги, и мы взлетели. Я специально подергала за ремни, удостоверившись, что они пристегнуты как следует. Алекс ухмыль-

нулся и велел мне держаться крепче. Развернувшись, мы пролетели над краем крыши и повернули на юг. Включилась основная тяга, и мы начали набирать скорость.

По пляжу гуляли несколько детей. В Центральном парке кто-то запускал змея. Но вообще Вальпургис казался безлюдным.

Здесь было самое подходящее место для того, чтобы вести машину вручную: в небе — только одинокий скиммер, летящий с востока на запад. Мы поднялись над болотистыми южными окрестностями города, пролетели пару-другую километров и вошли в серую дымку. Датчики показывали, что впереди движения нет, но я знала, что Алекс не любит водить вслепую. Он поднялся выше, и мы вынырнули под лучи солнца на высоте примерно в две тысячи метров. Скоро облака разошлись, и мы полетели над заливом Гудхарт. Внизу виднелось с десяток лодок; мне показалось, будто я заметила длинное щупальце, поднявшееся из воды и тут же нырнувшее обратно.

Я сказала об этом Алексу, заметив, что надо быть начеку.

Алекс наслаждался полетом. Ему нечасто приходилось водить скиммер, но в тот момент, думаю, он испытывал прилив тестостерона.

Залив достаточно велик — мы пролетели сто пятьдесят километров, прежде чем под нами снова появилась земля. Алекс был не слишком расположен к разговору, и я закрыла глаза, откинувшись на подголовник. Я уже почти заснула, но вдруг почувствовала, как мои волосы поднимаются дыбом.

— Что-то не так, — сказала я Алексу.

— Что? Тебе плохо?

— Невесомость. — То был дурной знак. — Мы полностью потеряли вес.

Он посмотрел на приборную панель:

— Ты права. Как такое может быть?

— Не знаю. Что бы ты сделал?

— Ничего. Мы падаем?

— Поднимаемся. Мы поднимаемся.

Я знаю, что каждый, читающий эти строки, летает на своем скиммере, не очень задумываясь над механикой этого дела. Сама я тоже не задумывалась, вплоть до того случая, который собираюсь описать. Машины обычно имеют от двух до четырех антигравитационных модулей, стандартно настроенных на одиннадцать сотых от притяжения Земли. Достаточно включить их, что-

бы скиммер потерял восемьдесят девять процентов веса: тогда можно подняться в воздух и лететь куда захочешь. Суть в том, что модули создают вокруг скиммера антигравитационную оболочку. Ее размеры и расположение меняются в зависимости от аппарата, но конструкция всегда максимально экономична: оболочка велика лишь настолько, чтобы охватить весь аппарат, с крыльями, хвостовым оперением и прочим. Если бы ее можно было увидеть, она напоминала бы трубу.

Модули потенциально опасны, поэтому для смены настройки нужно открыть черный ящик на центральной панели и проделать все вручную. Алекс не любил черные ящики, но все же открыл крышку, нажал квадратную кнопку и стал ждать, когда вернется сила тяжести.

Ничего не произошло.

Он попробовал еще раз.

Мы продолжали подниматься.

Я попробовала сама — с тем же результатом.

— Не работает, — сказала я. Алекс скорчил гримасу: мол, для меня это не новость. Сняв с устройства крышку, я вытянула несколько сантиметров кабеля. — Его отсоединили.

— Хочешь сказать, специально?

Я немного подумала.

— Трудно представить, что это случилось само по себе.

Скиммер был двойного типа — с двумя антигравитационными гондолами, расположенными в нижней части: первая перед кабиной, вторая сзади, между кабиной и хвостом. Кабель, который я держала в руке, разделялся надвое, уходя к обоим модулям. Вновь потянув за каждое ответвление, я не ощутила натяга.

— Его отсоединили с обоих концов, — сказала я. — Или перерезали.

— Починить можно?

— Только если забраться под скиммер.

Кровь отлила от лица Алекса. Он взглянул вниз, на залив Гудхарт, который стал совсем маленьким.

— Чейз, что будем делать?

Мы поднялись уже на три тысячи метров, взмывая ввысь, словно пробка в озере.

— Опустим закрылки, — сказала я. — И жми на газ.

Он подчинился. Скорость подъема замедлилась, но этого было явно недостаточно.

Алекс включил радио и нашел частоту Службы воздушного спасения.

— Терплю бедствие, — сказал он. — Терплю бедствие. Говорит Эй-Ви-Уай сорок четыре шестьдесят семь. Неуправляемый набор высоты. Требуется помощь.

— Эй-Ви-Уай сорок четыре шестьдесят семь, — ответил женский голос, — пожалуйста, опишите суть проблемы. Как можно подробнее.

— Кажется, я только что это сделал. — Алекс едва сдерживался. — Антигравы работают на полную мощность, и я не могу их отключить. Мы в невесомости и продолжаем подниматься.

— Эй-Ви-Уай сорок четыре шестьдесят семь, антигравитационные модули имеют ручное управление, обычно расположенное между передними сиденьями. Откройте...

— Служба спасения, я уже пытался. Не работает.

— Понятно. Ждите.

Алекс посмотрел на небо, потом на меня и на черный ящик.

— Все будет хорошо, — сказал он. Думаю, он подбадривал сам себя.

Мы прошли насквозь кучевое облако, поднимаясь все выше.

— Сорок четыре шестьдесят семь, говорит Служба спасения. Помощь в пути. Время ожидания — около тринадцати минут.

Тринадцать минут у нас не было, и мы оба об этом знали. Четыре тысячи метров. Цифры на альтиметре сливались в почти неразличимое пятно.

— Служба спасения, вероятно, прибудет слишком поздно.

— Это ближайшая машина. Держитесь. Мы летим к вам.

— Чейз, помощи, — попросил Алекс.

Неожиданно главной стала я. Прыгнуть — вот единственное, что я смогла придумать. Надо выбраться из пузыря, и подъем довольно быстро прекратится.

— Простого выхода нет, Алекс.

На его лице прорезались морщины.

— Воздух уже заметно разреженный.

Скиммеры не рассчитаны на большую высоту. В них имеется несколько отверстий, и, если снаружи кислорода станет не хватать, сидящие внутри почувствуют это. У меня заболела голова, начало сдавливать грудь.

— Дыши чаще, — посоветовала я. — Помогает.

Я окинула взглядом кабину. В свое время скиммеры снабжались парашютами или поясами для планирования, но несчаст-

ные случаи были крайне редки, и люди чаще погибали из-за экспериментов со спасательным снаряжением. В конце концов решили, что обычному человеку в экстренной ситуации проще посадить машину. Но при этом предполагалось, что машина теряет высоту, а не набирает.

— Что, если отключить антигравы? — предложил Алекс.

— У нас нет такой возможности, — ответила я. — Они включены и отсоединены и поэтому продолжают работать.

Мы преодолели отметку в пять тысяч метров.

— Что ж, — сказал Алекс, — если у тебя есть какие-то мысли, самое время их озвучить.

Речь его замедлилась, он вдыхал и выдыхал через каждые пару слов.

— У тебя найдется трос? — Я залезла на заднее сиденье, пытаюсь добраться до багажника. — Или то, что сгодится вместо него?

— Вряд ли.

Я сделала вид, будто оглядываюсь по сторонам, но уже знала, что ничего не найду.

— Ладно, — сказала я, — выключай двигатели и снимай рубашку.

— Сейчас не время для шуток.

— Делай, что я говорю, Алекс.

Он подчинился. Открыв багажник, я нашла ящик с инструментами, из которого достала ножницы, кусачки и ключ дистанционного открытия панелей в нижней части летательного аппарата.

— Что ты задумала?

Я стянула блузку.

— Попробую вернуть контроль над антигравитами. Хотя бы над одним из них.

Алекс протянул мне свою рубашку. Я разрешила ее ножницами на узкие полосы, как и блузку. Он захотел узнать, как я собираюсь это сделать. Но времени осталось слишком мало, и у меня не было желания вдаваться в долгие разъяснения.

— Смотри и учись, — сказала я.

Сунув ключ в карман, я снова забралась на свое место и связала полосы ткани между собой. Один конец импровизированной веревки я обмотала вокруг пояса, а второй привязала к сиденью.

— Пожелай мне удачи.

Я открыла дверцу. В кабину с ревом ворвался холодный ветер.

— Ты с ума сошла? — ужаснулся Алекс. — Хочешь выйти наружу?

— Это не страшно, Алекс. — Мы оба пытались перекричать ветер. — В нескольких метрах от обшивки царит невесомость, и от меня требуется одно — не уплыть слишком далеко. — Или не допустить, чтобы меня сдуло. — Но ты должен держать машину как можно ровнее. Если понадобится, используй вертикальную тягу и не выпускай из рук штурвал. Хорошо?

— Нет! — Он оттолкнулся от кресла. — Я тебе не позволю!

Я уже наполовину выбралась наружу.

— Это вовсе не так опасно, как кажется! — крикнула я. Куда опаснее было ничего не делать, это уж точно.

— Нет! Ты останешься здесь. Пойду я.

Мы оба понимали, что на такое он попросту не способен. Могу сказать в его защиту, что сам он искренне верил в серьезность своих намерений. Но я ни при каких обстоятельствах не могла представить себе, как Алекс выбирается из летательного аппарата. Вряд ли он рискнул бы выбраться даже на земле. К тому же он не знал, что делать.

— Все нормально, — заверила его я. — Я справлюсь.

— Уверена?

— Конечно. А теперь слушай: когда антигравы вновь заработают, зажгутся вон те две лампочки. Но до моего возвращения ничего не делай. — Я изо всех сил пыталась удержать дверцу открытой, борясь с воздушным потоком. — Если вдруг что-то пойдет не так...

— Что?

— Ничего. Не важно.

В этом случае он все равно бы не спасся.

Темно-синяя половина веревки еще недавно была самой дорогой моей блузкой. Вздохнув, я выбралась наружу. В уши ударил вой ветра, — похоже, я оказалась не готова к этому. Ветер оторвал меня от фюзеляжа, частично выбросив за пределы антигравитационного пузыря. Тут же вернулся вес, ноги превратились в мешки с кирпичами. Скиммер продолжал подниматься, увлекая меня за собой. Только теперь я осознала, что болтаюсь в воздухе на высоте в несколько тысяч метров.

Я плохо все продумала: намотала веревку на пояс, а не под мышками, и, когда она туго натянулась, у меня перехватило дыхание. Мне потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя. Затем я начала подтягиваться по веревке, перебирая по ней руками. К счастью, мне хватило ума (или везения) не делать веревку длиннее необходимого. Если бы меня полностью выбросило за пределы пузыря, я просто не смогла бы по ней взобраться.

Когда я поднялась чуть выше, мои ноги вновь оказались в антигравитационном поле, вернулась невесомость. Схватившись за подножку, я уселась на нее и попыталась перевести дух. Теперь я могла залезать в брюхо скиммера. Пусть и с трудом, но я до него добралась.

В каждой из гондол имелся люк. Моя задача заключалась в том, чтобы по возможности открыть оба люка и вновь подсоединить управляющие кабели к разъемам. До передней панели дотянуться было легко, а вот до задней подножка не доходила. Просто доплыть до нее не позволял ветер, к тому же не хватило бы длины веревки.

Дышать становилось все тяжелее. По краям поля зрения начала сгущаться темнота. Я достала из кармана ключ, осторожно держа его так, чтобы не унесло ветром, и нажала красную кнопку. Оба люка открылись.

В переднем отделении виднелся свободно болтающийся кабель. Все оказалось несложно: я вновь подсоединила его, повиснув на стойке — держаться пришлось одной рукой. (Кусачки я взяла на случай, если придется сращивать кабель.) Но с задней гондолой я ничего не могла сделать.

Закончив работу, я закрыла люки.

Разумеется, скиммер все еще поднимался. Мы прошли через очередное облако, и видимость на мгновение исчезла. Когда вокруг все прояснилось, я забралась обратно в кабину, рухнула на сиденье и захлопнула дверцу.

— Горит только одна лампочка, — сказал Алекс.

— Дело в том, что у тебя только один антиграв. Должно хватить.

Он нажал кнопку. Лампочка вспыхнула зеленым, и вес стал возвращаться. Мы по-прежнему поднимались, но не так быстро. Задняя часть скиммера задралась, а нос опустился: хвост все так же ничего не весил. Постепенно мы скапотировали носом вниз, поднимаясь все медленнее и медленнее, пока не достигли апогея. Затем мы начали падать.

— Ладно. — Я поставила черный ящик на «ноль».

— Что ты делаешь? — спросил Алекс. Мы смотрели прямо на океан.

— Предотвращаю катастрофу. Если во время падения мы будем периодически включать и отключать его, удар окажется не слишком сильным.

— Мы что, опять разобьемся?

— Вероятно, — ответила я. — Но дышать точно станет легче.

Мы продолжали медленно планировать вниз. Алекс дрожащей рукой похлопал меня по плечу, сказав, что я вела себя как настоящий герой и что он мной гордится.

Появилась патрульная машина и повисла в воздухе рядом с нами. Залив приближался, хотя и неспешно. Мы опускались, словно падающий лист, а патрульные подбадривали нас, говоря, что нужно держаться. Сердце мое успокоилось, щеки Алекса вновь обрели цвет.

Алекс изо всех сил пытался удержать скиммер над водой, но положение машины позволяло двигать ее только вверх и вниз. Через сорок минут после начала падения мы коснулись поверхности воды, но, в отличие от прошлого раза, мягко скользнули в волны. Все прошло хорошо. Со спасательной машины послышались радостные крики.

ГЛАВА 15

Мы решили все основные научные проблемы, за исключением одной, самой важной. Мы все еще умираем слишком рано. Предлагаю поставить перед всем миром такую задачу: каждый ребенок, родившийся до конца этого десятилетия, должен рассчитывать, что проживет несколько веков.

Хуан Карильо,
генеральный консул Абервельского союза (4417 г. н. э.)

Могу точно сказать: взгляд на жизнь основательно меняется, если осознаешь, что кто-то собирается тебя убить. Полагаю, в этом нет ничего хорошего даже на войне, когда тебя хотят уничтожить лишь за ношение неправильной формы. Но если ты вдруг становишься мишенью номер один для конкретного человека, твой сон безнадежно расстраивается.

Мне было страшно. Правда, я никогда не призналась бы в этом — особенно после того, как Алекс стал рассказывать всем своим знакомым о моем безрассудстве и моей отваге.

— Вам стоило видеть, как она ползала снаружи, — говорил он Фенну. И Винди. И одному из мужчин, с которым я встречалась. И, наверное, каждому клиенту, с которым виделся или связывался. Возможно, он говорил это всем, кто контактировал с нами в следующие несколько дней. — Выдающаяся женщина.

О да.

Так или иначе, во второй раз за две недели мы упали в океан, вернее, в залив Гудхарт, но это уже детали.

Все обошлось. Спасатели вытащили нас из воды. В новом скиммере закончилась энергия, и он отправился туда же, куда и первый. Мы заполнили очередную пачку бланков, опять отве-

тили на вопросы и, вероятно, попали в какой-нибудь особый список спасательной службы. Один из спасателей предложил заранее предупредить их, когда мы снова полетим над водой: патруль будет наготове.

Для «Юниверсал», страховой компании Алекса, случившееся стало последней каплей: его проинформировали, что он стал для них персона нон грата. Ну а я пошла в оружейный магазин «Броутон армс» и купила скремблер. Я сообщила им свой идентификатор; меня тщательно проверили. Все оказалось чисто, и я выбрала маленький никелированный тридцативольтовый «бенсон» — достаточно изящный и, разумеется, имеющий форму пистолета. Если верить инструкции, он мог отрубить любого человека примерно на полчаса.

Скремблеры, конечно, изготавливались в форме коммуникаторов, плееров — чуть ли не любых металлических предметов. Но мой принцип таков: если на кого-то нацелено оружие, он должен об этом знать.

Фенн снова прочел нам нотацию.

— Может, все же прекратите заниматься ерундой? — сказал он. — Либо оставайтесь дома, где вы в безопасности, либо убийтесь подальше, пока мы не разберемся с этим делом. Вы не планируете никуда уезжать?

Мы планировали, но рано или поздно все равно пришлось бы вернуться. Не было причин полагать, что Фенн хоть немного приблизится к разгадке за шесть дней или шесть месяцев. Для полицейских проблема состоит в том, что преступлений почти не случается: если кто-то нарушает закон, они впадают в растерянность. Сомневаюсь, что они вообще способны раскрыть преступление, если только случайно не окажутся по соседству либо им не поможет сам правонарушитель: похвастается кому не надо или совершит другую оплошность.

— У меня есть несколько специалистов, — продолжал он, — которые сейчас не очень загружены. Возможно, стоит поручить им присматривать за вами. Но тогда придется во всем им подчиняться.

Алекс скорчил гримасу:

— Ты имеешь в виду телохранителей?

— Да.

— В этом нет никакой необходимости. Ничего с нами не случится.

Говори за себя, приятель. Фенн посмотрел на меня. Мне лично было бы спокойнее, будь рядом со мной полицейский. Но я предпочла согласиться с Алексом.

— Все в порядке, — сказала я. — Я буду осторожна.

Фенн покачал головой:

— Заставить вас я все равно не могу.

— Мы еще ни разу не бывали в ситуации, — заметил Алекс, — когда бы присутствие телохранителя хоть что-нибудь изменило. — Мы сидели все вместе в офисе «Рэйнбоу». — Расследование продвигается?

— Конечно, — ответил Фенн.

— Ты подал заявку на эксгумацию Криспа?

— Да. Я же тебе говорил.

— Они собираются его откопать?

— Нет. Даже слушать не захотели. Сказали, что дело закрыто четверть века назад.

Я принялась читать и просматривать все, что могла найти о «Полярисе» и о тех, кто отправился на нем в ту последнюю экспедицию.

Нэнси Уайт, вероятно, больше всего была известна своими «беседками у камина» о мире природы. Ее гостиная (а может быть, декорация) выглядела удивительно уютной и теплой. Обычно Уайт сидела в огромном кресле, под мягким светом старинной лампы на боковом столике и потягивала какой-нибудь напиток, разговаривая со зрителями словно с добрыми друзьями, которые пришли провести с ней вечер. За окном всегда бушевал ветер, порой гремел гром и сверкали молнии, а временами шел густой снег, но все это лишь усиливало ощущение тепла и уюта.

В одном из своих характерных комментариев Уайт напомнила, что окна гостиной выходят в космос — «как и у вас дома». Она специализировалась на параллелях между природными процессами и человеческой жизнью. Ничто не вечно, даже черная дыра. Весна на Камаре, планете со слишком эллиптической, как она выражалась, орбитой, была коротка и быстро сменялась многолетней зимой, но именно по этой причине тамошние цветы так ценились.

Когда начинается беседа Уайт, мы покидаем гостиную и путешествуем среди галактик, или наблюдаем, как яростные ведьмы Деллаконды скользят по долинам этой далекой планеты, или ныряем в огненное нутро Регула, или парим в обжигающей

атмосфере новорожденного мира. Каждый раз повторяется одна и та же мысль: ловите момент. Жизнь не вечна. Возьмите чашку и пейте. Радуйтесь каждому дню. Наслаждайтесь пончиком с повидлом.

Главным символом одной из самых захватывающих бесед была древняя базовая станция Чай-Понг. Во времена расцвета Республики Канг, две тысячи шестьсот лет назад, несколько сменявших друг друга глав государств посылали флоты, совершившие исторический прорыв в Даму-под-Вуалью. Канги поставили цель составить карту туманности: для этого требовались столетия, даже если бы их исследовательский флот многократно превышал сорок с небольшим наличных кораблей. Тем не менее они употребили на это все ресурсы и энергию, которые у них имелись. Они построили станции, в том числе Чай-Понг, и основали базы. В течение столетий канги путешествовали среди далеких солнц, открывая и описывая населенные миры, включая планету у звезды Дельта Карпис. В программе, записанной ровно за год до полета «Поляриса», Уайт отмечала, что канги основали базовую станцию — давно потерянную — где-то в окрестностях Дельты К. (Именно кангские ученые первыми обнаружили приближающийся белый карлик и предсказали возможное столкновение.)

Поиски других технологически развитых цивилизаций среди официально объявленных задач не значились. Кангам просто хотелось знать, что находится в космосе. Пригодные для жизни планеты располагались слишком далеко для создания колоний, к тому же канги не собирались этим заниматься. Но Уайт особенно подчеркивала, что за все эти годы ни одна из их экспедиций так и не обнаружила продолжающей существовать цивилизации.

«С давних времен считалось, что объявлять себя венцом творения есть признак крайнего высокомерия, — говорила она из центра управления станции Чай-Понг. — Но в каком-то смысле человек действительно является центром всего сущего, это реальность. Космологи утверждают, что мы не можем задавать вопрос: „Почему существует вселенная?“ Мы не можем спрашивать, какой смысл в ней заложен. Они говорят, что подобные вопросы вводят в заблуждение. Вселенная — сумма всего, что мы о ней знаем. — Она замолкает и подносит чашку к губам. — Возможно, в узком смысле они правы. Но если посмотреть шире, можно утверждать, что все космические процессы имеют своей целью создание разумного существа, способного отделить себя

от остальной вселенной, взглянуть на нее со стороны и оценить красоту звездного неба. Птиц и рептилий не впечатляет ее величие. Не будь нас, бескрайние просторы космоса не имели бы никакого значения».

В конце концов энтузиазм и средства кангов истощились. Они забросили свои базовые станции, сдались и вернулись домой.

Чай-Понг вращалась по орбите вокруг каменистой планеты в системе Караломы. И платформа, и планета, и система были давно забыты.

«Пройдет время, — сказала Уайт, — и так будет со всеми нами».

Комната, служившая Алексу для отдыха и для работы, располагалась в задней части дома. Стены ее были увешаны фотографиями пассажиров «Поляриса», выбранными так, чтобы подчеркнуть вклад этих людей в дело гуманизма. Уоррен Мендоса осматривает ряды раненых в хирургической палатке на Камаре, во время одной из нескончаемых партизанских войн. Чек Боланд помогает раздавать кофе и бутерброды в бедном районе какого-то города на Земле. Гарт Уркварт высаживается с гуманитарной помощью в страдающей от голода южнохитайской деревне. Нэнси Уайт помогала спасателям в Бакуле, тоже южнохитайском, опустошенном наводнением и эпидемиями. Мартин Класснер, еще не старый, сидит за барабанами, выступая за группу «Дифференциалы» (несколько ученых, не обделенных музыкальным талантом) на мероприятии по сбору средств для выживших в гражданской войне на Домино. И конечно, знаменитая фотография Тома Даннингера, где тот созерцает закат над кладбищем в Западном Чибонге.

У меня был выходной, но я пришла на работу, желая кое-что сделать. Алекс, увидев, что я смотрю на стены, оторвался от своих занятий.

— Между ними есть нечто общее, не замечаешь? — спросил он.

— Ты имеешь в виду, что все они были гуманистами?

— Все они по-настоящему верили в то, что делали.

— Что ж, можно сказать и так. Удивительно, но люди, готовые на жертвы, всегда по-настоящему верят в то, что делают.

— Возможно, — кивнул Алекс. — Но порой следует быть прагматиком.

Я спросила, что он имеет в виду, но он лишь пожал плечами.

— Кстати, у меня для тебя есть сюрприз.

После всего, что нам пришлось пережить, я подумала, что он хочет выписать мне премию, или повысить жалованье, или дать надбавку за опасную работу. Для меня стало легким разочарованием, когда он протянул мне шлем.

— Джейкоб, — сказал он, — покажи ей.

Я оказалась в большом банкетном зале, перед столом, стоявшим на сцене. На стене висел логотип отеля «Аль Бакур».

— Никогда о таком не слышала, — сказала я Алексу.

— Его снесли. Сорок лет назад.

В зале присутствовало около трехсот человек. Слышался шум разговоров, звон посуды и бокалов. В воздухе витали запахи лимона и вишни.

Прозвенел колокольчик. Сидевшая в центре стола коренастая женщина средних лет встала, дожидаясь, когда утихнет шум в зале. Приветствовав собравшихся, она сказала, что рада всех видеть, и попросила секретаря зачитать протокол предыдущего собрания.

Алекс наклонился ко мне.

— Это можно не смотреть, — сказал он. Картинка ускори-лась и размылась. Он несколько раз останавливал ее, качая головой, пока наконец не нашел нужное место.

«...Представить вам, — говорила коренастая женщина, — профессора Уоррена Мендосу».

— Тысяча триста пятьдесят пятый год, — сказал Алекс, пока грохотали аплодисменты.

«Спасибо, леди и джентльмены. — Относительно молодой и стройный Мендоса встал и занял место за кафедрой. До полета „Поляриса“ оставалось еще десять лет. — Рад, что я сегодня с вами. Хотел бы поблагодарить доктора Хэлверсон за приглашение и всех вас — за теплый прием. Буду краток: хочу, чтобы все вы были уверены в моей полной поддержке. В наши дни нет ничего важнее усилий, направленных на стабилизацию численности населения».

— Это общество Белых Часов, — тихо сказал Алекс.

Белых, словно кость, подумала я. Они все тикают и отсчитывают время, оставшееся до того часа, когда население Окраины исчерпает свои ресурсы настолько, что начнется массовое вымирание. На стене позади Мендосы висел их девиз: «Сделаем это сами, иначе природа сделает это за нас».

«Если нам не удастся убедить людей в существовании проблемы, — говорил Мендоса, — мы никогда не сможем найти ее решение. Несмотря на все наши технологии, на Земле до сих пор голодают дети, на Корделете страдают от эпидемий взрослые, на Морсби продолжается экономическая разруха. Члены Конфедерации за последнее десятилетие пережили десятки восстаний и восемь полномасштабных гражданских войн. Все эти конфликты явным или неявным образом имеют своей причиной нехватку ресурсов. Повсюду наблюдаются стандартные экономические циклы: все становится беднее, многие впадают в нищету. Так быть не должно».

— Я правильно расслышала? Тот самый, который пытался увеличить продолжительность жизни?

— Нет, — сказал Алекс. — Ты путаешь с Даннингером.

— Но Мендоса ведь ему помогал. — Я посмотрела на Алекса.

— По-твоему, это удивительно?

Мендоса говорил двадцать пять минут, не пользуясь заметками, страстно и убежденно. Когда он закончил, ему стоя устроили овацию. Я никогда всерьез не беспокоилась насчет перенаселения, но тут вдруг захотела разделить всеобщую радость. Он действительно был хорошим оратором.

Алекс отключил программу и взял со стола папку:

— Есть еще кое-что интересное. Я изучил некоторые подробности карьеры Тальяферро.

— И что ты нашел?

Он открыл папку:

— В тысяча триста шестьдесят шестом, через год после «Поляриса», он разработал и активно продвигал проект «Солнечный свет».

— Что это?

— Возможность ускоренного получения образования для некоторых выпускников. Тальяферро стоял у истоков проекта, который впоследствии был одобрен у разведки и получил прямое финансирование от правительства.

— Почему это настолько существенно?

— Так возник Мортон-колледж.

В тот же день, когда у меня нашлось немного свободного времени, я попросила Джейкоба снова воспроизвести записи из материалов конференции. Алекс утверждал, что «Полярис» полностью меня поглотил, — и не без оснований.

Я просмотрела запись, подумав, что если там был Беллингэм — Кирнан, то могла быть и Тери Барбер. На этот раз пришлось просматривать все подряд, а не только те мероприятия, где присутствовала я сама. Барбер выделялась на фоне других: ее легко было заметить. Но Барбер там не оказалось.

Затем ко мне присоединился Алекс, и мы провели за просмотром остаток дня. Его интересовала сама конференция, и мы прослушали фрагменты нескольких презентаций.

Я вспоминала свои впечатления об участниках — людях, пытавшихся убежать от жизненной рутины, добавить в свое существование немного романтики, прикоснуться к менее предсказуемому миру. Я увидела человека, считавшего, будто все с «Поляриса» живы, здоровы и прячутся где-то в лесах. И женщину, заявлявшую, что она видела у Белого бассейна Чека Боланда.

И аватар Джесса Тальяферро.

Я наблюдала его на конференции, а потом сама с ним разговаривала. Но тут я остановила картинку и снова на нее взглянула: преждевременно седеющие темно-рыжие волосы, неуклюжее тело мужчины средних лет, слегка одутловатое лицо.

— Алекс, — спросила я, — кто это?

Алекс пожевал губу и ткнул пальцем в картинку.

— Черт, — сказал он, — это же Маркус Кирнан. — Он стал вспоминать второе имя. — Джошуа Беллингэм.

Позвонил Фенн:

— Алекс, у нас нет данных о ДНК Тери Барбер.

Алекс нахмурился:

— Я думал, у вас есть образцы ДНК всех местных жителей.

— Только всех законопослушных местных жителей. Мы взяли образец из ее жилища, но сравнить его не с чем. На Агнес тоже ничего нет. — Кто-то отвлек Фенна. Он кивнул и снова посмотрел на нас. — Сейчас вернусь.

— Что ж, — сказал Алекс, — хоть что-то начинает проясняться.

— Проясняться? Ты о чем-то догадался?

— Не совсем. — Он понизил голос. — Но дело куда более темное, чем мы думали.

Вернулся Фенн.

— Мы также запросили поиск сведений о Криспе в архивах, — сказал он. — Только что получили результаты.

— И как?

— То же самое.

— Никаких данных?

На лице Фенна пролегли мрачные морщины.

— Ничего. Кроме того, что известно о его жизни в Вальпургисе. Кажется, будто до переезда туда его вообще не существовало. Алекс, не знаю, что происходит, но, видимо, это уходит корнями далеко в прошлое. — Его вновь кто-то отвлек. — Мне надо идти.

— Ладно.

— Послушай, не знаю что и как, но советую вам обоим быть осторожнее.

— Постараемся.

— Я разговаривал с людьми в Вальпургисе. Попробуем сделать еще один запрос на эксгумацию. Если нам удастся выяснить, кем был Крисп, возможно, мы поймем, почему он свалился с обрыва — или почему его столкнули.

В последующие несколько дней я почти не видела Алекса. Но вот наконец он появился — холодным морозным утром, вскоре после того, как я пришла в офис. Он оторвал меня от разговора с клиентом и толкнул в комнату виртуальной реальности.

— Взгляни, — сказал он.

Еще один прием.

— Примерно за шесть недель до «Поляриса». — В центре стоял улыбающийся Мендоса, который разговаривал с небольшой группой мужчин и женщин в строгих костюмах. Все держали в руках бокалы с напитками, а на стенах висели плакаты с надписью «Юшенко». — Это открытие лаборатории Юшенко.

Видимо, я выглядела озадаченной, поскольку Алекс спросил:

— Никогда о ней не слышала?

— Нет.

— Впрочем, неудивительно. Она прекратила существование семь лет спустя: у финансового менеджера закончились средства, а затем иссякли пожертвования. Но какое-то время она казалась настоящей мечтой ученого. — Он показал куда-то над моим плечом. — Вон там — Даннингер.

Мы сидели на диване посреди комнаты, а вокруг разворачивалось действие. Даннингер явно чувствовал себя неуютно в деловом костюме. Он стоял вместе с кем-то еще возле длинного стола, заставленного закусками.

Я не могла расслышать, кто и что говорит, и это уменьшало эффект присутствия. До нас доносился лишь отдаленный шум голосов, иногда одна или две фразы. Но по большей части о смысле приходилось лишь догадываться, улавливая невербальные сигналы.

Мендоса, похоже, наблюдал за Даннингером. Когда Даннингер извинился и вышел, Мендоса тоже отделился от остальных, дожидаясь, когда тот вернется, а потом отвел Даннингера в сторону и снова вышел вместе с ним в коридор. Перед тем как они скрылись за дверью, Даннингер решительно покачал головой: нет, и еще раз нет.

Они отсутствовали минут пять, а когда вернулись, Даннингер шел впереди. Вид у него был рассерженный, и разговор, судя по всему, закончился.

Даннингер и Мендоса были коллегами. Даннингер почти четыре года работал в Приюте Эпштейна и консультировался по поводу своих идей с Мендосой, работавшим в Форест-парке.

Даннингер пересек комнату, взял оставленный на столе бокал и вновь присоединился к группе своих собеседников. Из него прямо сочился гнев.

Мы с Алексом вернулись в офис.

— Что скажешь? — спросил он.

— Мелкая ссора, и только.

— Не думаешь, что за этим может стоять нечто большее? Мне показалось, что у них весьма серьезные разногласия.

— Не знаю, — ответила я. — Трудно сказать что-либо, когда ничего не слышно.

На лице Алекса сменилось несколько выражений — озадаченное, раздраженное, грустное. Затем он шумно выдохнул.

— Думаю, это последний шанс, — сказал он.

— Шанс на что?

Он взглянул на стоявший в книжном шкафу бокал с «Поляриса» на высокой ножке.

— Если ответить на этот вопрос, возможно, все остальное встанет на место.

Вечером Алекс ужинал с потенциальными поставщиками. В таких случаях он всегда переводит все звонки на меня, — в общем-то, это нормально, но у меня нет никакой возможности с ним связаться. Он полагал, что не случится ничего неотложного или такого, с чем я не разберусь сама. Эти слова можно было бы

сделать девизом компании и выгравировать на бронзовой дощечке, чтобы повесить ее в офисе.

Так и случилось. Когда я уже собиралась уходить, Джейкоб сообщил, что с Алексом хочет поговорить некий джентльмен.

— Только звук, — сказал он.

— Кто это, Джейкоб?

— Похоже, он не хочет представляться, Чейз.

В обычных обстоятельствах я бы попросила Джейкоба отклонить звонок. Порой с нами связываются разные беспринципные личности, которые стащили что-то из музея или добыли предмет другим сомнительным способом, чтобы избавиться от него с нашей помощью: мол, это настоящее произведение искусства, и цена вполне приемлема. Подобные люди никогда не показывают своего лица, хотя обычно называют имя — просто оно не настоящее.

Но с учетом всего случившегося я решила узнать, в чем дело, и велела Джейкобу соединить загадочного незнакомца со мной.

— Алло? — послышался приглушенный встревоженный голос.

— Чейз Колпат слушает.

— Я бы хотел поговорить с господином Бенедиктом.

— К сожалению, его нет. Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Могу я с ним связаться? Это очень важно.

— Боюсь, что нет. Буду рада помочь, чем сумею.

— Вы знаете, когда он будет доступен?

— Пожалуйста, назовитесь.

Послышался явственный вздох.

— Это я, Чейз. Маркус Кирнан.

Я сразу же заинтересовалась:

— Прошу прощения, Маркус, но я действительно не могу с ним связаться. Вам придется говорить со мной.

Он глубоко вздохнул. Поодаль слышался шум разговоров. Кирнан находился где-то в общественном месте и явно пытался сделать так, чтобы его нельзя было отследить.

— Господин Кирнан, вы слушаете?

— Да.

— Если хотите с кем-то побеседовать, придется говорить со мной. Чем могу помочь?

— Встретьтесь со мной, — проговорил он чуть громче необходимого, словно принимал трудное решение.

— Зачем?

- Мне нужно кое-что вам сказать.
- Почему бы не прямо сейчас?
- Не хочу, чтобы узнал кто-то еще. — Очередная пауза. —

Приходите одна.

- Зачем? Хотите, чтобы в меня опять стреляли?
- Это был не я.
- Тогда ваша подружка Барбер. Какая разница?
- Пожалуйста, — попросил он.

Я помолчала, прислушиваясь к биению собственного сердца.

- Ладно, — наконец ответила я.
- Чейз, если с вами кто-то будет, я уйду.
- Где вас искать?

Он на мгновение задумался:

- В вестибюле «Баркли-мэйноу». Через час.

Не знаю, какое впечатление я произвожу на людей, но мне совершенно не хотелось выглядеть полной душой.

— Нет, — сказала я. — Буду через сорок минут у подножия Серебряной башни. Жду пять минут, потом ухожу.

- Вряд ли я успею туда добраться за сорок минут.
- Постарайтесь.

Андиквар — местонахождение органов власти Конфедерации, и Дворец народа служит зримым символом этого: величественное, широко раскинувшееся мраморное здание высотой в четыре этажа и длиной примерно в километр. Ночью оно освещено мягким голубым светом. Вдоль фасада трепещут на океанском ветру флаги и штандарты планет Конфедерации. Каждый день сюда приходят тысячи посетителей — поглазеть и заснять. Ночью людей еще больше благодаря ослепительному световому шоу.

Здесь собирается Совет; исполнительные органы символически располагаются на нижних этажах, а заседания Суда проходят в восточном крыле. Вдоль всего здания тянется Белый бассейн, питаемый многочисленными фонтанами.

Архив, где хранятся Конституция, Договор и другие основополагающие документы, находится по соседству с Судом. В противоположном конце Белого бассейна возвышается Серебряная башня Конфедерации. Днем посетители могут войти в Башню и подняться на лифте наверх, на окружающий здание балкон. Почти в любое время там полно народу. Вот почему я выбрала это место.

Я позвонила Фенну, но на работе его не оказалось — он был дома. У меня имелся его домашний код, но вовремя добраться до Башни он все равно бы не успел. Я оставила сообщение Алексу, сунула в карман пиджака скремблер, прыгнула в единственный оставшийся у нас скиммер и взлетела. Я хотела было снова позвонить Фенну, но поколебалась: он мог послать кого-нибудь из полицейских, а это могло спугнуть Кирнана. Я полагала, что в толпе и на земле буду в относительной безопасности, и считала, что в случае надобности сумею перехватить инициативу.

Когда я взлетела с площадки перед домом Алекса, с неба уже сыпался снег, но движение в сторону центра было не слишком плотным. Я опустилась на одну из площадок перед Капитолием, и у меня еще оставалось десять минут, чтобы добраться до Башни.

Я похлопала по пиджаку, ощутив внушающий уверенность бугорок. Жаль, что у меня не было по-настоящему смертоносного оружия, но, чтобы его получить, требовалось пройти множество проверок. Так или иначе, скремблер при необходимости вырубит его, и этого вполне достаточно.

Если вам вдруг интересно, я умею пользоваться оружием. Возможно, я не слишком искусна в этом деле, но, когда я работала пилотом, мне приходилось бывать в местах, где невооруженному человеку лучше не появляться.

Снегопад почти прекратился. На земле снега почти не было видно, но чувствовалось, что скоро он пойдет снова.

Посадочные площадки находятся на крыше Архива. Я спустилась на лифте и вышла по одному из пандусов на площадь Конфедерации, оказавшись рядом со статуей Тариена Сима. Обычная толпа туристов редела — большинство людей направлялись на ужин, некоторые просто прятались от непогоды. Я поспешила вдоль периметра Белого бассейна к Башне.

Когда я туда добралась, Башня была уже закрыта, но у входа еще стояли люди, глядя на ярко освещенный балкон. На самом деле Башней называли обелиск, причем не слишком высокий — всего несколько этажей. Но это был прекрасный образец зодчества. Блестящая, гладкая, словно отполированная поверхность. Башню возвели два с лишним столетия назад в память мужчин и женщин, пришедших на помощь деллакондцам и их союзникам в долгой войне против «немых». Итогом войны стало образование Конфедерации, впервые в истории человечества пока-

завшее, что люди могут объединиться. Или, скажем так, почти объединиться. Всегда оставались миры, подобные Коррим-Масу.

Запоздало сообразив, что стоило бы надеть парик или еще как-то изменить внешность, я окинула взглядом толпу, ища Кирнана. Его нигде не было видно, но у меня в запасе еще оставалось несколько минут. Я держалась поближе к группе туристов, которые собрались на краю бассейна; большинство глядело вверх, задрав голову. Я последовала их примеру, пытаясь не сводить взгляда с уровня земли.

Уходя, я предполагала, что мне ничто не угрожает. Но теперь я стала задумываться о том, насколько легко здесь поймать кого-нибудь на мушку. Вдоль бассейна росло множество кустов и деревьев, по всей площади — еще больше. За любым из них мог скрываться снайпер. Более того, ничто не могло помешать убийце подойти ко мне и пырнуть ножом. Все закончилось бы еще до того, как я что-либо поняла бы.

Поэтому я держалась спиной к бассейну, пытаясь наблюдать за кустами и вообще за всем вокруг.

Передо мной остановилась семья из трех человек, все они фотографировали Башню. На дальней стороне пруда кто-то радостно взвизгнул, и я увидела бегущих детей.

Назначенное время прошло.

Если бы Кирнан не успевал добраться, он бы позвонил. Ведь так? Он попытался бы отложить встречу.

Мимо прокатился робот-охранник.

Старик, за которым шли трое или четверо, рассказывал, как он был молод, когда пришел сюда в первый раз, и как с тех пор изменился город.

Держась за руки, прошагали двое влюбленных, полностью поглощенные друг другом.

Сверху опустился скиммер, завис над бассейном и унесся прочь. Мужчина и женщина бросали в воду монеты, улыбаясь друг другу.

Толпа слегка рассеялась, но Кирнана все еще не было видно.

Появилась группа мальчишек лет двенадцати-тринадцати — судя по курткам, команда игроков в куваллу. С ними были двое мужчин. Мальчишки бегом бросились к Башне. Один из взрослых попытался их удержать.

Я представила, как Кирнан мчится в вечерней тьме, пытаясь добраться сюда до моего ухода, — чтобы сказать мне... что? Что все это ужасная ошибка? Ничего личного, вы же понимаете.

Справа от меня, со стороны Архива, послышался чей-то крик, затем топот. В морозном воздухе начали вспыхивать прожектора.

Люди двигались к Архиву.

Неизвестно, что там происходило, но я сочла благоразумным остаться на месте. В небе появились огни, опускаясь все ниже. Мимо поспешно прокатились роботы-охранники, освобождая периметр. Несколько минут спустя прибыли полиция и «скорая».

Разошелся слух, что кто-то упал с крыши Архива — мужчина, как говорили.

Машины «скорой» и полиции коснулись земли. Отбросив осторожность, я попыталась подойти ближе и успела увидеть, как кого-то вносят в «скорую». Мгновение спустя она взмыла в небо.

Полицейские рассеялись в толпе, ища свидетелей.

Кирнан так и не появился.

Меня не слишком удивило, когда утром позвонил Фенн и сообщил о том, кто погиб возле Архива.

— Его опознали по фотографиям Иды, — сказал он. — Это Кирнан. Тот самый парень. Никаких сомнений.

Алекс сказал, что я там была. Фенн нахмурился:

— Чейз, ты не успокоишься, пока тебя и в самом деле не убьют?

— Я пыталась звонить.

— В следующий раз пытайся лучше.

— Больше такого не случится, — заверил его Алекс.

— Вы каждый раз мне это говорите. Я не могу вас защитить, не зная, что происходит.

Я рассказала о звонке Кирнана. Фенн выслушал меня и что-то записал.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо. У нас есть его ДНК. Сейчас мы выясняем, кто он такой.

— Хорошо. Держи нас в курсе, ладно?

— Если с вами вдруг снова свяжется кто-нибудь из тех людей, не будете ли вы так любезны позвонить мне? Незамедлительно.

ГЛАВА 16

Мы не можем изъять смерть из круговорота жизни. Если мы вправду хотим сохранить своих бабушек и дедушек, пожилых друзей и в конечном счете себя самих — в расцвете сил на неопределенно долгое время, — мы должны быть готовы к отказу от деторождения. Но стоит это сделать, как человечество лишится творческого потенциала, гения и даже смеха. Мы попросту станем стариками внутри молодых тел. И все, что делает нас людьми, перестанет существовать.

Гарт Уркварт. Обращение по случаю Дня Свободы (1961 г.)

Искина в Приюте Эпштейна, где долгое время работал в своей лаборатории Даннингер, звали Флэшем — в честь его любимого ретривера. Через три дня после отлета «Поляриса» неосторожность туристов, остановившихся неподалеку, вызвала лесной пожар, который полностью уничтожил лабораторию.

Устав гадать, что же хотел сообщить нам Кирнан, мы вернулись к расшифровке невербального общения между Даннингером и Мендосой. В конце концов мы решили узнать, что говорилось о пожаре в новостях.

Когда прибыла пресса, пожар уже вышел из-под контроля. Пожарные появились всего несколькими минутами позже, но там уже творился настоящий ад.

Приют Эпштейна находился на берегу Большой реки. Заведение состояло из двух белых одноэтажных зданий, построенных в современном стиле, — жилого дома и лаборатории. Когда-то там располагались лодочная станция и ресторан. Ходили слухи, что Даннингер приблизился к решению проблемы Крэбтри, но мне с трудом верилось, что он мог отправиться в далекую звездную систему, если был на грани величайшего в истории открытия.

Пламя полностью поглотило лабораторию. Сами здания, естественно, устояли, но лес доходил до самой воды, так что все вокруг выгорело. Лабораторные материалы погибли в огне или расплавились. Остались лишь обугленные и дымящиеся стены, ничего больше не уцелело.

Спасти лабораторию никто всерьез не пытался. Вероятно, под угрозой оказались частные дома на западной окраине долины, и пожарные в первую очередь отправились туда. Когда они появились возле лаборатории, было слишком поздно. Судя по тому, что мы узнали о пожаре, это все равно не имело значения: перед этим долго стояла засуха, и деревья вспыхнули, словно трут.

Погиб и Флэш — искин, а не собака. Главный труд Даннингера по продлению жизни, который он называл просто Проектом, еще не был представлен экспертам для оценки. Все материалы тоже погибли, сгорев дотла в буквальном смысле слова. Сохранил ли он копию базы данных в другом месте? Наверное, да. Но никто не знал, где она и как до нее добраться.

Во время пожара никто не пострадал, большую часть домов на западной окраине удалось спасти. Служба спасения поздравляла сама себя, а пресса сообщала о том, как всем повезло: дело вполне могло закончиться катастрофой.

Алексу хотелось знать, как на эту новость отреагировал Даннингер, но в публичных сетях ничего такого не нашлось. Покопавшись, мы обнаружили, что об этом упоминается в архивах Службы охраны природы. Но для получения доступа к информации требовалось подать заявку и обосновать свою просьбу.

— Займемся этим завтра, — решил Алекс. — Взглянем, что у них есть.

— Ладно, — согласилась я.

— А потом пообедаем.

Алекс обожал обедать вне дома.

Департамент Службы охраны природы находится примерно в десяти километрах к юго-западу от Андиквара, на окраине заповедника Кобблер-Грин — тихого и спокойного места. Днем туда любят ходить молодые матери, а по вечерам — влюбленные. Темные деревья, цветущие кусты, журчащие ручьи, извилистые тропинки, обычная и виртуальная скульптура. Само здание соответствует пейзажу: не имеет никаких украшений и увито лозой.

Мы вошли в главный вестибюль, где стоял автопроцессор.

— Доброе утро, — бесполом голосом произнес он. — Чем могу помочь?

Алекс объяснил, что нам хотелось бы увидеть архивную запись с «Поляриса», где есть сведения о реакции Томаса Даннингера на известие о гибели его лаборатории.

— Тысяча триста шестьдесят пятый год, — добавил он.

— Очень хорошо, — ответил автомат. — Соответствующая архивная единица имеется в наличии. Бланки заявок — на дисплее перед вами. Прошу воспользоваться специальными шлемами.

Сев за стол, мы надели шлемы, и перед нами появились заявки. Мы оба заполнили их, указав в качестве цели «работу со старинными материалами», что бы это ни означало. Несколько минут спустя нас направили в кабинку. Появился усталый человек средних лет в форме лесника и представился как Шагал, Шакал или что-то вроде этого. Проводив нас к экрану, он велел позвать его, если нам потребуется помощь, повернулся и вышел. Включилась панель доступа, и экран засветился.

Мы увидели несколько цифр, а также дату и время нужного нам сеанса связи. Четвертый день полета, 1365 год, только звук. Связист со станции извещает доктора Даннингера на «Полярисе», что лесной пожар уничтожил лабораторию в Приюте Эпштейна.

«На данный момент, — сказал связист, — сведения таковы: лаборатория полностью разрушена. Из ценного уцелели только сами здания, но и они повреждены. К несчастью, погиб и искин».

Ответ пришел два дня спустя. Голосом Мадлен сообщалось:

«Скайдек, известие о пожаре передано по назначению. Если есть дополнительная информация, прошу дать знать».

Затем она отключилась.

— И это все? — спросила я.

— Черт побери, — выдохнул Алекс.

— Я думала, он выйдет на связь и захочет подробностей о том, как все случилось, уцелело ли хоть что-нибудь, и так далее.

— Видимо, нет. Впрочем, все уже сказано: «Лаборатория полностью разрушена».

Мы встали и направились к двери.

— И что теперь? — сказала я.

— Как далеко отсюда до Эпштейна?

Приют Эпштейна находился в Западном Чибонге, на севере. Взяв билеты, мы вылетели в тот же вечер и прибыли в Вахири-централ вскоре после полуночи. Не слишком удачный план. Мы заселились в отель, а наутро отправились на место, взяв такси.

Западный Чибонг — одно из тех уединенных мест, где сразу за пределами города начинаются горы и леса, простирающиеся на сотни километров. Через эти края протекает Большая река: как говорят местные, в ней хорошо ловится рыба. И конечно, Западный Чибонг славится водопадом Уэйнрайт.

Алекс велел такси пролететь над Приютом Эпштейна, но автопилот не имел о нем никакого понятия. Вздохнув, Алекс распорядился высадить нас у здания специальных служб, где располагались Служба воздушного спасения, Служба охраны леса и Служба охраны природы.

Это было большое и грязное сооружение с куполом в центре города — не совсем еще обветшавшее, но близко к тому. Внутри оно оказалось столь же невыразительным, унылым и сырым: совсем не то место, где хотелось бы работать. Я ожидала увидеть фотографии спасательных служб за работой, скиммеров, распыляющих огнегаситель на пылающие деревья, спасателей, которые помогают пострадавшим, патрулей, догоняющих унесенную быстрым течением лодку. Но стены были пусты, не считая нескольких пыльных портретов: пожилые мужчины и женщины, которых вы вряд ли захотели бы пригласить на ужин. В свое время я подумывала заняться чем-то подобным. Работа в службе спасения всегда считалась почетной, да и вообще это здорово — посвятить жизнь помощи тем, кто попал в беду. Но то ли я из этого выросла, то ли выяснила, что там не слишком хорошо платят.

— Привет, друзья, — сексуальным голосом проговорил искин, явно запрограммированный в соответствии с пожеланиями молодых самцов. — Чем могу помочь?

— Моя фамилия Бенедикт, — ответил Алекс. — Мы с моей помощницей занимаемся кое-какими исследованиями. Не могу ли я с кем-нибудь поговорить? Много времени это не займет.

— Могу я поинтересоваться предметом ваших исследований, господин Бенедикт?

— Лесной пожар в тысяча триста шестьдесят пятом году.

— Это было очень давно, сэр. Одну минуту, пожалуйста. Узнаю, на месте ли дежурный.

Дежурный, вопреки моим ожиданиям, оказался миниатюрной женщиной лет тридцати, с карими глазами и каштановыми волосами, в стандартной зеленой форме лесничего. Похоже, она была искренне рада гостям.

— Пойдемте, — сказала она, ведя нас по коридору в офис. — Как я понимаю, вас интересует один из пожаров тысяча триста шестьдесят пятого года?

— А их было больше одного?

Она представилась как рейнджер Джемисон. Чувствовалось, что у нее неукротимый характер: после того разговора я больше никогда ее не видела, но помню рейнджера Джемисон и поныне. Я даже пообещала себе, что найду повод вернуться и увидеться с ней.

Она вывела на монитор несколько цифр:

— Похоже, семнадцать. Конечно, это зависит от того, что считать пожаром.

— У вас в том году было семнадцать пожаров?

— Да, — кивнула она. — Близко к среднему показателю для этой местности. Территория у нас небольшая, но постоянно случаются засухи из-за ветров. К тому же здесь бывает множество туристов, и далеко не все они отличаются большим умом. Часто случаются и удары молний. Летом или осенью любая мелочь может вызвать пожар.

— Меня интересует пожар, случившийся в Приюте Эпштейна.

Она тупо уставилась на меня:

— Прошу прощения?

Ну да, конечно же: мы полагали, что каждый житель планеты знает про лабораторию в Приюте Эпштейна, хотя, вообще-то, я сама ничего о ней не знала еще несколько дней назад. Алекс объяснил, чем занималась лаборатория, кто там работал и что могло пропасть, а также каким образом все это связано с «Полярисом».

— Я слышала о «Полярисе», — сказала она, когда Алекс закончил. — Это звездолет, который исчез в прошлом веке?

— Исчезли пассажиры, а не корабль.

— Да, конечно. Странная история.

— Да.

— И никто так и не выяснил, что случилось?

— Нет.

Ее взгляд на мгновение задержался на мне. Значит, она тоже мало что знала о «Полярисе». Для большинства людей это было не таким уж великим событием.

— И вы считаете, что это связано с пожаром?

— Мы не знаем. Вероятно, нет, но пожар случился сразу же после отлета «Поляриса». — Алекс назвал конкретную дату.

— Что ж, давайте посмотрим, что у нас есть, господин Бенедикт. — Она села перед дисплеем. — Случаи возгорания, тысяча триста шестьдесят пятый год. — Появились данные, и она начала пальцем пролистывать список. — Знаете, проблема в том, что мы не храним подробных данных. А до тысяча четыреста шестого года их совсем мало.

— Тысяча четыреста шестого?

— Не ссылайтесь на меня.

— Конечно не буду. Что случилось в тысяча четыреста шестом?

— Скандал, а за ним — реорганизация.

— Вот как?

— Так, нашла, — улыбнулась она, затем взглянула на экран, вывела новую картинку и покачала головой. — Впрочем, вряд ли это сильно вам поможет.

Она посторонилась, и мы просмотрели данные — в основном технического свойства: время начала пожара, зона, охваченная огнем, оценка ущерба, анализ причин возгорания и так далее.

— Что конкретно вы хотели бы узнать про пожар? — спросила рейнджер Джемисон.

Чего мы хотели? Я хорошо знала Алекса: он исходил из предположения, что поймет все с первого взгляда.

— Здесь говорится, что причина пожара — неосторожное поведение туристов. Насколько можно доверять этим выводам?

Она пролиستала запись и пожала плечами.

— Лишь в небольшой степени, — сказала она. — Мы всегда определяем причину пожара, в том смысле, что озвучиваем ту или иную причину. Но... — Она откашлялась и скрестила на груди руки. — Сейчас мы подходим к этому строже. Но в те годы, если ночью ударила молния, а затем случился пожар, причиной указывалась молния, если только какие-либо обстоятельства не указывали на иное. Понимаете, о чем я?

— При необходимости причину могли подделать.

— Я бы не стала так утверждать. Скорее исходили из самого простого варианта.

Она снова улыбнулась, старательно дистанцируясь от рейнджеров тех давних времен.

— Ладно, — сказал Алекс. — Спасибо.

— Прошу, не думайте, будто мы и сейчас поступаем так же.

— Нет, конечно, — успокоил ее Алекс. — Полагаю, сейчас уже не определить, где находилась лаборатория?

— Могу попробовать.

— Где-то на берегу реки, — уточнил он.

Женщина вывела на экран ту же сводку, которую мы видели раньше, и показала на карте реку:

— Это Большая река, примерно в сорока пяти километрах к северо-востоку отсюда. Могу дать вам маркер.

С помощью маркера скиммер мог найти нужное место.

— Да, пожалуйста.

— И еще, возможно, вам стоит поговорить с человеком по имени Бенни Санчай. Он уже давно тут живет и стал кем-то вроде местного историка. Если кто и способен вам помочь, то именно он.

Бенни было уже далеко за сто. Он жил в маленькой хижине на окраине города, за скоплением низких холмов.

— Конечно, я помню тот пожар, — поделился он. — Потом посыпались жалобы на рейнджеров, которые будто бы позволили лаборатории сгореть. Но ее не считали чем-то важным.

— А она была чем-то важным? — спросила я.

Он прищурился, задумчиво глядя на Алекса:

— Наверняка, раз вы спрашиваете о ней столько лет спустя.

Бенни Санчай, низенький и толстенький, был одним из немногих виденных мной мужчин, у кого не осталось ни единого волоса на макушке. Он явно не любил бриться: лицо его покрывала густая щетина, а глаза обложила сетка морщин. Может быть, он проводил много времени, глядя на солнце?

Он пригласил нас внутрь, указал на пару потертых стульев и поставил на огонь кофейник. Мебель была старая, но прочная. В комнате стояли стол и книжный шкаф, проседавший под тяжестью огромного количества томов. Из двух больших окон виднелись холмы. Мое внимание привлекла работающая кухонная плита.

— Если захотите ее продать, — сказал Алекс, — можете зарабатывать неплохие деньги.

— Мою плиту?

— Да. Могу назначить хорошую цену.

Улыбнувшись, Санчай сел за стол, на котором лежали листки бумаги для записок, груда кристаллов, ридер и открытая книга — «Без иллюзий» Омара Макклауда.

— И на чем я буду готовить? — спросил он.

— Купите соответствующую технику, и этим займется ваш искин.

— Мой искин?

— У вас его нет, — сказала я.

Он рассмеялся по-дружески, словно решил, будто я нарочно сморозила глупость.

— Нет, — ответил он. — Уже много лет.

Я огляделась. Как он поддерживал контакты с внешним миром?

— Мне искин не нужен, — сказал Санчай, бросив на меня взгляд и подперев подбородок рукой. — В любом случае мне нравится быть одному.

Итак, перед нами сидел весьма эксцентричный тип. Впрочем, какая разница?

— Бенни, расскажите, что вам известно о погибшей лаборатории, — попросил его Алекс.

— В этих штукаx нет ничего хорошего, — продолжал тот, словно не слышал этих слов. — С ними никогда не чувствуешь себя по-настоящему наедине.

Мне показалось, будто он насмехается над нами.

— Что вы хотели узнать?

— Про лабораторию.

— Ах да. Эпштейн.

— Да, именно.

— Это был намеренный поджог. Пожар начался возле лаборатории как раз в то время, когда ветер дул на восток.

— Вы точно знаете, что это сделали специально?

— Конечно. Все про это знали.

— Но об этом так и не стало известно.

— Все потому, что никого так и не поймали. — Он встал и взглянул на кофейник. — Почти готово.

— Как вы узнали, что это был поджог?

— Вам известно, что происходило в лаборатории?

- Я знаю, над чем они работали.
- Над достижением вечной жизни.
- Вообще-то, — сказала я, — я думала, что они говорили о продлении жизни.
- На неопределенно долгое время. Так они выражались.
- Хорошо, на неопределенно долгое время. И что дальше?
- Многие считали, что это не лучшая идея.
- Например? — Я сразу же подумала про общество Белых Часов.

Он снова рассмеялся. Тон его изменился — теперь он говорил так, будто обращался к ребенку:

— Некоторые не считают, что нам предназначено жить сколь угодно долго. Вечно. К примеру, с точки зрения группы местных прихожан, то, что пытался делать Даннингер — святотатство.

Я вспомнила, что где-то уже слышала об этом:

- Универсалисты.
- Были и другие. Помню, приходили люди из окрестностей, устраивали митинги, писали письма, собирали подписи под петициями, мутили воду. Я всегда думал, что именно из-за этого Даннингер и улетел.
- Думаете, он считал, что ему угрожает опасность?
- Не знаю, считал ли он, что его попытаются убить или сделать нечто в этом роде. Но его действительно пробовали запугать, а он, как мне казалось, был не способен противостоять угрозам. — Санчай вернулся к плите, снял кофейник, решил, что кофе готов, и разлил по трем чашкам. — И дело не только в религиозных деятелях.

- Кто еще? — спросила я.
- «Фонарщики».
- «Фонарщики»? Им-то какое дело?

«Фонарщики» были благотворительной организацией с представительствами почти в каждом крупном городе Конфедерации. Они пытались заботиться о тех, кто оказался без поддержки общества, — стариках, сиротах, вдовах. Когда обнаруживалась новая болезнь, «фонарщики» оказывали политическое давление там, где это было необходимо, добиваясь выделения средств на исследования. Несколько лет назад, когда лавина уничтожила маленький городок в Тикоби, местные власти позаботились об эвакуации выживших и возмещении им ущерба; но именно

«фонарщики» долгое время заботились об инвалидах, утешали тех, кто потерял близких, следили за тем, чтобы дети получили образование. Уркварт и Класснер были «фонарщиками».

— Да, они сделали много хорошего, — сказал Бенни. — Можете не сомневаться. Но это не все. Если наступить им на мозоль, они могут стать фанатиками. Если они решат, что ты чем-то опасен — например, собираешься загрязнять реки или играешь со взрывчаткой, — приятного будет мало.

Кофе оказался неплохим. Запах был не слишком привычным для меня — возможно, из-за добавления мяты, — но в любом случае напиток был лучше того, что я пила у себя дома. Бенни покачал головой, сокрушаясь по поводу вероломства «фонарщиков» и непонимания людей вроде нас их истинной сущности.

Он наверняка преувеличивал. Я считала, что «фонарщики» — это те, кто всегда появляется на местах катастроф, раздавая горячее питье и одеяла.

— Они послали в лабораторию своих представителей, чтобы спросить Даннингера, как он собирается спасти человечество от застоя, когда люди перестанут умирать.

— Откуда вы знаете, Бенни?

— Эти люди постоянно делали все, чтобы добиться известности и представить другую сторону в как можно худшем свете. Они считали, что смерть полезна: позволяет избавиться от балласта. Да, они действительно так говорили. А когда не смогли ничего сделать с лабораторией, подняли шум в прессе. Какое-то время тут даже проходили демонстрации.

— В Приюте Эпштейна?

— Да. — Он потер затылок. — И потом, были еще «зеленые». — (Так называли тех, кого беспокоило влияние народонаселения на окружающую среду.) — А кое-кто говорил, что им придется обходиться минимальными пенсиями, так как правительство не сможет платить всем. Дошло до того, что в лабораторию пришлось нанять охрану.

— Бенни, вы знали кого-нибудь из них? Из охранников?

Он расплылся в улыбке:

— Черт побери, Алекс, я сам был одним из них.

— Правда?

— О да. Я проработал в охране примерно полгода.

— Значит, вы знали Тома Даннингера?

- И Мендосу тоже. Он приезжал пару раз.
- Они ладили?
- Не знаю. — Он задумчиво наморщил лоб. — Я ведь в основном стоял снаружи.
- Как Даннингер относился к тому факту, что у него есть противники?
- Ну... ему это не слишком нравилось. Он пытался всех убедить, давал интервью, даже побывал на одном митинге в городе. Но кажется, что бы он ни делал, что бы ни говорил, становилось лишь хуже.
- А что насчет Мендосы?
- Не знаю, общался ли он хоть раз с демонстрантами. Да ему это было и не нужно. Он иногда приезжал сюда, и все.
- Случались ли за время вашей работы чрезвычайные происшествия? Кто-нибудь пытался вломиться в лабораторию?
- Бенни развернул стул, придвинул скамеечку и положил на нее ноги.
- Вряд ли в лаборатории хоть раз бывали посторонние. По крайней мере, при мне их не было. — Он немного подумал. — Иногда, правда, подходили к самым дверям, вешали плакаты прямо у меня под носом. Угрожали.
- Чем угрожали?
- Говорили, что прикроют лавочку, и все такое. Дошло до того, что Даннингер перестал бывать в городе, и за покупками приходилось ездить нам. Но ситуация всегда оставалась под контролем. Идиоты приходили и уходили. Порой мы никого не видели целыми неделями, а потом они начинали появляться каждый день.
- И вы наверняка сообщали в полицию.
- Да. Некоторых арестовали. За вторжение на чужую территорию или за угрозы, точно не помню. — Он прищурился. — Стоит человеку захотеть, и он становится настоящей сволочью.
- И что вы об этом думали?
- Я думал, что протестующие — чертовы придурки.
- Почему?
- Любой, кто хоть что-то знал, понимал, что он ничего не добьется. Мы не предназначены для вечной жизни. — Он снова задумался. — С другой стороны, если кто-нибудь придумает, как это сделать, мне бы совсем не хотелось, чтобы ему помешали.

Двадцать минут спустя мы с Алексом парили над Большой рекой в поисках руин Приюта Эпштейна, на которые указывал маркер. Оказалось, что их просто не существует. Бенни предупреждал нас, что там ничего не осталось. Мы считали, однако, что он преувеличивает и там есть хоть что-то — обугленная стена, несколько столбов, обвалившаяся крыша.

Деревья доходили до самого берега реки — относительно молодые, выросшие на месте уничтоженных пожаром. Следы разрушений виднелись до сих пор — поваленные стволы, почерневшие пни, — но понять, остались ли они от пожара 1365 года или какого-то другого, было невозможно. Впрочем, это вряд ли имело значение.

— Взгляните на изгиб реки, — сказал нам Бенни. — Там есть островок с нагромождением камней. Лаборатория находилась к западу от него, на южном берегу.

Мы нашли несколько торчащих из земли труб, обгоревшие плиты и заросшие кустами остатки солнечной батареи. И все.

Река в этом месте была широкой, и для того, чтобы доплыть до острова с камнями, требовалось несколько минут. Я стояла на берегу, думая, как многое могло бы измениться за последние шестьдесят лет, не случись в 1365 году пожара.

ГЛАВА 17

Похоже, людям свойственно заблуждаться. Они путают мнения с фактами, склонны верить в то, во что верят окружающие, и готовы умереть за любую разновидность истины в их собственном понимании.

Арманд Ти. Иллюзии

— Думаю, — сказал Алекс, — пришло время нанести визит в Мортон-колледж.

Мы сидели в номере отеля в Западном Чибонге.

— Которым заведует Эверсон?

— А куда еще?

— Но если ты прав насчет Эверсона...

— Я прав.

— ...не слишком ли это рискованно?

— Не больше, чем взглянуть на горгону, — ответил Алекс. — Чейз, там куда безопаснее, чем здесь.

Нельзя сказать, что его слова сильно меня успокоили.

— Почему ты так считаешь?

— Эверсон знает, что мы не отправимся туда, никому об этом не сообщив. Вряд ли ему захочется, чтобы мы погибли или пропали без вести, если кто-то будет знать о нашем намерении посетить колледж.

— Что ж, разумно.

— Когда будем готовы?

— Сегодня днем, — поколебавшись, ответила я. — У меня есть работа.

— Работа подождет. Попробуй забронировать перелет как можно раньше. Лететь долго, а я хотел бы прибыть туда уже сегодня.

— Как хочешь.

— Ладно.

Я подождала, не скажет ли он что-нибудь еще, но он повернулся и направился к двери.

— Алекс, мы действительно собираемся кому-то об этом сообщить?

— Джейкоб сообщит, если мы не вернемся.

— И что мы собираемся выяснить?

— Хочу найти подтверждение своей идее.

Мортон-колледж находится в долине Кало — на дальнем северо-западе, почти у самого океана. Климат там холодный и суровый, температура доходит до минус сорока в погожий день, а скорость ветра — до семидесяти километров в час. Гор там немного, но земля изрезана хребтами, оврагами, бороздами и ущельями. Есть и громадный водопад: будь эти места гостеприимнее, он мог бы стать главной туристической достопримечательностью.

Ближайший населенный пункт — Транквил, где в то время проживало шестьсот человек. По данным переписей, в течение почти тридцати лет жители Транквила постоянно покидали его. Поселок был плодом социального эксперимента, попыткой воссоздать эмерсоновский образ жизни. Три поколения спустя его жители, видимо, почувствовали, что сыты по горло. Я спросила Алекса, не знает ли он, почему так случилось. Он лишь пожал плечами и сказал:

— Идеалы одного поколения не всегда подходят для следующего.

Колледж находился в шести километрах к северо-востоку от Транквила. Он занимал солидный — акров двенадцать — участок, большая часть которого пребывала в первозданном состоянии. На этой земле располагались четыре здания в тяжеловесном лицензийском стиле. Множество колонн, тяжелые стены и дугообразные крыши создавали ощущение, что здания простоят века. Землю покрывал нетронутый снег, и мы поняли, что постройки связаны между собой переходами.

Судя по данным из базы, в Мортон-колледже на тот момент имелось одиннадцать учащихся и декан по фамилии Марголис. Колледж готовил аспирантов и присваивал докторские степени по гуманитарным наукам, биологии, физике и математике.

Вопреки нашим ожиданиям, день был ясным и теплым, точнее, холодным, но таким, когда понимаешь, что может быть на-

много холоднее. На крыше главного здания стояла солнечная батарея, нацеленная в небо. В некоторых окнах горел свет.

Но посадочной площадки не было. Судя по всему, ее засыпало снегом.

— Здравствуйте, — послышался по связи приятный женский голос. — Вы что-то ищете?

— Нельзя ли нанести вам визит? — спросил Алекс. — Моя фамилия Бенедикт, и я подумываю над тем, чтобы сделать пожертвование.

— Алекс, — сказала я, прикрыв микрофон, — если в этом замешан Эверсон, твоя фамилия им наверняка известна. Возможно, не стоило говорить им, кто ты такой.

— Можешь не сомневаться в них, Чейз, — ответил Алекс. — Как только мы войдем в дверь, они сразу все поймут.

— Весьма любезно с вашей стороны, господин Бенедикт, — сказал голос, — но все пожертвования обычно проходят через господина Эверсона. Сообщите вашу контактную информацию, я передам ее.

— Понимаю. Просто мы были рядом, и я еще не решил окончательно. Я надеялся, что вы позволите мне взглянуть на колледж.

— Одну минуту, пожалуйста.

Мы кружили несколько минут, прежде чем голос послышался снова:

— Профессор Марголис побеседует с вами, хотя и не сможет уделить вам много времени. Он встретит вас у пандуса.

Снежный покров к северу от комплекса раздвинулся. К небу поднялись две створки, снег соскользнул назад, и мы увидели подземную посадочную площадку, на которую и опустились, пройдя через толщу снега в несколько метров глубиной. Створки над головой закрылись, и мы оказались внутри.

— Все просто, — сказала я.

Площадка выглядела больше, чем казалась с воздуха. По обе ее стороны стояло еще два скиммера. Мы выбрались из кабины, и голос велел нам идти направо, к выходу. Отодвинулась дверь, за которой открылся туннель. Вспыхнули новые огни.

Марголис был из тех преподавателей, у которого согласился бы учиться каждый: приятная улыбка, дружелюбный вид, голос, подобный журчанию воды по камням. Ему было лет семьде-

сят — преждевременно поседевшие волосы, аккуратно подстриженная бородка, голубые глаза. Правая рука висела на перевязи.

— Сломал при падении, — объяснил он. — С годами становишься неуклюжим. — Он посмотрел на меня. — Не доводите дело до этого, юная леди. Оставайтесь такой, как сейчас.

Стены были обшиты светлыми деревянными панелями. Я заметила два бюста — драматурга Халькона Рендано и Тариена Сима, — а также портреты незнакомых мне людей. В подобной обстановке инстинктивно хотелось говорить тише обычного.

Профессор показал нам на стулья, представился и спросил, не хотим ли мы чего-нибудь — например, кофе?

Мы не возражали. Он шепотом отдал распоряжение по связи и опустился на жесткий деревянный стул, на вид — самый неудобный из всех, стоявших в комнате.

— Итак, господин Бенедикт, — сказал он, — чем могу быть полезен?

Алекс наклонился вперед:

— Не могли бы вы рассказать о колледже, профессор? Как он работает, чем занимаются студенты и так далее?

Марголис кивнул, явно довольный, что может чем-то помочь:

— Наше учебное заведение полностью независимо. Мы принимаем студентов, которых считаем особо одаренными, даем им лучших преподавателей и, если можно так выразиться, предоставляем им полную свободу.

— Как я понимаю, преподаватели физически не присутствуют в колледже.

— Совершенно верно. Но участники программы предоставляют свои услуги в соответствии с заранее утвержденным графиком. Мы пытаемся создать атмосферу, поощряющую развитие. Как мы выяснили, взаимное общение талантов порой приводит к выдающимся результатам.

— Синергия.

— Именно. Наши студенты получают жизненное пространство, где они могут общаться с себе подобными и имеют доступ к неограниченным академическим ресурсам. Наша цель — дать им возможность контактировать с лучшими умами, которые работают в интересующей их области.

— Со студентов берется плата?

— Нет. Нас полностью финансируют.

Появился робот с кофе и подкатился ко мне. Чашек было две, каждая — с выгравированной надписью «Мортон-колледж» и эмблемой. Я взяла одну, и робот переместился к Алексу.

— Свежеприготовленный, — сказал Марголис.

После холодного посадочного портала — как раз то, что надо.

— Меня интересуют отдельные преподаватели, — сказал Алекс. — Кто участвует в программе?

На обветренном лице Марголиса появилась широкая улыбка. Тема явно понравилась ему.

— Ну, их не так уж мало. Конечно, это зависит от того, кто сейчас преподает в Мортоне. У нас есть Фарнсуорт из Сидонии, Макилрой из Баттл-Пойнта, Чивис из Нью-Лексингтона, Моралес из Лан-Тао и даже Хохмайер из Андиквара.

Фамилии были мне незнакомы, но в то время я не слишком внимательно следила за событиями в академическом мире. На Алекса же, похоже, они произвели немалое впечатление. Я решила, что мне стоит внести свой вклад в беседу, придумав какой-нибудь умный вопрос.

— Скажите, профессор, — спросила я, — колледж на вид такой небольшой. Может, целесообразнее было бы специализироваться, например, на гуманитарных науках? Или на робототехнике?

— Мы не стремимся к целесообразности, госпожа Колпат, — по крайней мере, к целесообразности в этом смысле слова. Возможность привлекать преподавателей со всего мира позволяет нам не ограничивать себя. Здесь, в Мортоне, люди работают во многих областях науки. Мы признаем значение науки, улучшающей нашу жизнь, и искусства, которое делает нашу жизнь полноценной. Среди наших студентов есть физики и пианисты, врачи и драматурги. Мы не ставим пределов человеческим стремлениям.

— Профессор, — спросил Алекс, — в чем состоял проект «Солнечный свет»?

Улыбка стала шире.

— Он перед вами. Он вдохновил нас стать тем, чем мы стали, дал возможность развиваться талантам. С него все начиналось, и с тех пор мало что изменилось.

— Шестьдесят с лишним лет. Впечатляет.

— Десять с лишним тысяч лет, господин Бенедикт. Мы считаем Мортон прямым продолжением Платоновской академии.

— Нельзя ли, — спросил Алекс, — поговорить с кем-нибудь из студентов?

— Гм... прошу прощения, но они на занятиях. Мы никогда не прерываем занятий, за исключением экстренных случаев.

— Понятно. Обычай, достойный восхищения.

— Спасибо. Мы прилагаем все усилия к созданию самой благоприятной атмосферы для... — Марголис колебался.

— Обучения? — подсказала я.

— Скорее для созидания. — Он рассмеялся. — Да, я понимаю, как это звучит. Порой не могу удержаться от употребления этого слова. Но мы слишком часто считаем обучение пассивным процессом. Здесь, в Мортоне, мы не заинтересованы в том, чтобы выпускать ученых. Мы не пытаемся помочь людям оценить Ротбрука и Вакарди. Мы хотим найти нового Ротбрука.

Ротбрук был знаменитым математиком прошлого века, но я не знала, чем он прославился. Имя Вакарди вызывало какие-то ассоциации, но о том, чем знаменит он, я тоже не имела никакого понятия. Мне вдруг стало ясно, что в Мортон-колледж меня никогда бы не приняли.

— Как насчет небольшой экскурсии? — спросил Алекс.

— Конечно, — ответил Марголис. — С удовольствием.

После этого мы бродили по комплексу в течение двадцати минут. Двери сами открывались при нашем приближении. Мы вошли в общий зал, где студенты проводили большую часть свободного времени.

— Мы поощряем социальное развитие, — пояснил Марголис. — Есть масса случаев, когда потенциальный талант не может реализоваться из-за невозможности общения с другими. Хороший пример этого — Хассельман.

— Само собой, — кивнул Алекс.

Мы перешли в спортзал с бассейном, где какой-то студент плавал взад-вперед.

— Иеремия пришел к нам в этом году, — сказал Марголис. — Он уже добился ряда интересных результатов в изучении структуры пространства-времени и живет по иному графику, нежели весь остальной мир.

Он искренне рассмеялся. Похоже, для Марголиса это было шуткой, и он явно был разочарован тем, что мы не выдали соответствующей реакции.

Дальше была библиотека. И лаборатория.

И голографический зал.

— Чаще всего он используется для выполнения упражнений, но иногда и для развлекательных мероприятий.

Появилась молодая рыжеволосая женщина в строгом костюме.

— Прошу прощения, — смущенно улыбнулась она. — Профессор, на линии Джейсон Корбин. Он хочет с вами поговорить. Говорит, что очень важно.

Марголис кивнул:

— Это насчет программы «Образование в море». — Он покачал головой. — У них постоянные проблемы. Боюсь, я вынужден вас покинуть. Было очень приятно побеседовать с вами обоими. Надеюсь, вы еще раз заглянете к нам, когда у нас тут будет поспокойнее. — Он посмотрел на рыжеволосую. — Таммани покажет вам дорогу к выходу.

С этими словами он исчез.

— Нас все время слегка лихорадит, — извинилась Таммани.

Мы пообедали в Транквиле, в «Вэлли ланч» — единственной закусочной в поселке, маленькие окна которой выходили на ряд полуразвалившихся зданий. Там были и другие посетители — все в теплых куртках и сапогах.

Робот принял у нас заказ, и мы стали ждать. Алекс встал и подошел к стойке, где заговорил с женщиной лет пятидесяти — вероятно, хозяйкой. Они побеседовали пару минут, после чего он достал из кармана фотографию и показал ей.

Женщина взглянула на фото и кивнула: да, точно, никаких вопросов.

Вернувшись, он сказал мне, что в Мортоне действительно есть студенты.

— Ты в этом сомневался? — спросила я.

— Я слышал голоса наверху, — ответил он. — И видел парня в бассейне. Но я не был уверен, что они не устраивают для нас шоу.

— Если уж ты заговорил так, откуда ей знать про студентов?

— Собственно, она и не знает. По крайней мере, не знает, кто они: студенты или нет. Но там действительно есть живые люди. — Принесли наши сэндвичи, и он откусил кусочек. — Мне бы хотелось проверить, есть ли такие ученые в тех городах, которые он называл. И если есть, действительно ли они участвуют в программе.

— Откуда у тебя столько подозрений, Алекс? Если это не колледж, то что?

— Подождем, пока не удостоверимся.

Несносный тип.

— Ладно, — ответила я. — Чью фотографию ты ей показывал?

Он достал фото из кармана. Еще не глядя на фотографию, я подумала, что на ней Эдди Крисп. Не спрашивайте почему; у меня уже кружилась голова. Но этот человек был мне незнаком — худощавый, ничем не примечательный, лет двадцати с небольшим, с волнистыми каштановыми волосами, карими глазами, дружелюбной улыбкой и высоким лбом.

— Кто-то из студентов? — спросила я.

— Она его видела, но не думает, что он студент.

— Значит, преподаватель?

— Скорее всего. Хотя, вероятно, в этом семестре он ничего не читает.

— Кто он, Алекс?

— Не узнаешь? — улыбнулся он.

Опять догадки. Но я его узнала, это правда.

— Похож на молодого Уркварта, — сказала я.

По пути домой Алекс не отрывался от электронного блокнота. Меньше чем через час после взлета он сказал, что приглашенные профессора действительно оттуда, откуда и предполагалось.

— Естественно, это ничего не доказывает.

Пока я спала, он рылся в базах данных. Незадолго до прибытия в Андиквар он меня разбудил:

— Взгляни, Чейз.

Он повернул блокнот так, чтобы я могла увидеть экран:

СТРАННАЯ АВАРИЯ СКИММЕРА. ПОГИБ МУЖЧИНА

Шон Уокер из Табата-Ли, что находится в окрестностях Буковича, погиб сегодня из-за отказа антигравитационных генераторов его скиммера, которые заклинило на нуле. В результате машина потеряла вес и поднялась за пределы атмосферы. Предположительно это первая авария подобного рода.

Уокер был пенсионером, родом из Буковича, и ранее работал в компании «Киберграфик». Он оставил жену Одри и двух сыновей, Питера в Белиозе и Уильяма в Либерти-Пойнте. У Уокеров было пять внуков.

Заметка датировалась 1381 годом. Шестнадцать лет после происшествия с «Полярисом».

— Единственный подобный случай, — сказал Алекс. — Не считая, естественно, нашего.

— Но, Алекс, — удивилась я, — это было сорок пять лет назад.

— Да. — Глаза его сузились.

— И где этот Букович?

Бросив фразу о том, что садиться в хорошую погоду очень даже неплохо, он сказал:

— На Сакракуре.

— Ты же не предлагаешь туда отправиться?

— У тебя есть срочные дела?

— В общем-то, нет. Но это не значит, что мне хочется пускаться в очередное путешествие, да еще на другую планету.

— В любом случае было бы разумно убраться подальше от сумасшедших, пусть даже ненадолго. — Он очистил экран и многозначительно взглянул на меня. — «Киберграфик» специализировался на установке и обслуживании искинов.

— Ясно.

— Этой компании больше не существует. Они изготовили серию плохо настроенных систем, что привело, среди прочего, к нескольким авариям лифтов. После лавины судебных процессов «Киберграфик» обанкротился. Это было около четырнадцати лет назад. Самое интересное, что Шон Уокер был техником на борту «Пероновского», когда тот пришел на помощь «Полярису». — Он посмотрел на меня так, словно это все объясняло. — Одри, его вдова, до сих пор жива. Она снова вышла замуж и опять овдовела. По-прежнему живет в Табата-Ли.

— Не хотела бы прослыть бесчувственной, но при чем тут мы?

Алекс самодовольно улыбнулся, будто знал нечто такое, чего не знала я. В такие минуты он меня просто бесит.

— Судя по данным того времени, — сказал он, — скиммер Уокера кто-то повредил.

— И никого не поймали?

— Нет. Дело так ничем и не закончилось. Знавшие Уокера утверждали, что он не имел врагов. Они даже представить не могли, кто мог бы желать его смерти.

Я снова перечитала заметку:

— Что ж, давай слетаем и поговорим с этой женщиной.

ГЛАВА 18

Тайну иногда легче сохранить, сохранив в тайне тот факт, что это тайна.

Генри Тэйлор. Политик

Мы выяснили, что Шон Уокер числился в «Киберграфик» на хорошем счету, но вынужден был уйти после случившегося в 1380 году «захвата власти», как это событие именовалось в отчетах о состоянии промышленности, — за несколько месяцев до смерти и через пятнадцать лет после его исторического полета на «Пероновском». Имелись подозрения, что его безвременная кончина как-то связана с событиями в корпорации, но никаких обвинений выдвинуто так и не было.

Жена Уокера, Одри, несколько лет спустя снова вышла замуж. Ее второй муж Майкл Кимонидес, профессор-химик из университета Уайтбренч, умер восемь лет назад.

Мы сообщили Фенну, куда отправляемся, и получили в ответ искреннее пожелание ни во что не ввязываться, пока он не сможет завершить расследование. Заодно он сообщил, что на Кирнана ничего не нашлось.

— И почему я не удивлен? — проворчал он.

Я уже говорила, что путешествия внутри локального Рукава галактики занимают всего несколько мгновений, и в определенном смысле это верно. Но чтобы совершить перелет, нужно сперва зарядить генератор, а на это требуется время. У «Белль» зарядка занимает не меньше восьми часов: это время может намного увеличиться, смотря по тому, как далеко предстоит лететь. И конечно, в точку прибытия нужно выходить с запасом, чтобы не оказаться в ядре планеты. Минимальное расстояние —

двадцать миллионов километров, но я увеличила бы его еще процентов на пятьдесят. Итого четыре-пять суток полета.

Квантовый двигатель стал настоящим благословением для Алекса: когда корабли оснащались старыми двигателями Армстронга, он смертельно страдал во время прыжка. То была серьезная проблема, поскольку его работа требовала постоянных путешествий. В описываемое мной время перелеты ему не слишком нравились, но по крайней мере физических мучений он больше не испытывал.

Пока мы ждали разрешения на взлет, Алекс устроился в уют-компании, находившейся сразу же за мостиком. Когда я пришла к нему, он делал какие-то заметки, время от времени сверяясь с ридером.

— Мэдди, — сказал он, словно это все объясняло. — Все вертится вокруг нее.

Ее карьера началась с должности пилота во флоте. Во время боя при Карбонделе Мэдди уничтожила истребитель «немых» и получила награду. Когда же оказалось, что удар был нанесен вскоре после приказа о прекращении огня, это никого особенно не взволновало, — в конце концов, «немые» атаковали первыми. По крайней мере, так звучала официальная версия.

Судя по всему, Мэдди отличалась независимым характером. Она не ладила с вышестоящими офицерами и по окончании контракта ушла на вольные хлеба. Затем она нанималась к разным корпорациям, но в конце концов ей наскучило возить пассажиров и грузы между одними и теми же портами. По совету Уркварта она заключила контракт с разведкой. Там не слишком хорошо платили, но зато была возможность летать туда, где никто не бывал. И ей это нравилось.

Сакракур вращался вокруг газового гиганта Гобулуса, отстоявшего на сто шестьдесят миллионов километров от распухшей красной звезды. Звезда расширялась, сжигая гелий, и в течение последующих нескольких миллионов лет должна была поглотить свои четыре планеты, в том числе Гобулус, его кольца и многочисленные спутники, включая, естественно, Сакракур.

Биосистеме планеты было восемь миллиардов лет. В ее составе были ходячие растения, живые облака и, вероятно, самые большие из всех известных деревьев — вдвое выше земных секвой. Мартин Класснер предсказывал, что люди рано или поздно

научатся управлять процессами, происходящими в звездах, стабилизируют местное солнце и тогда Сакракур будет существовать вечно.

Первыми поселенцами стали члены религиозного ордена, построившие в горах монастырь под названием Эсперанца. Монастырь существовал до сих пор и процветал. Он стал домом для некоторых выдающихся ученых и деятелей искусства прошлых столетий, в том числе Джона Кордовы, которого многие считают величайшим драматургом всех времен.

Нынешние жители планеты — менее трехсот тысяч человек — живут в основном на побережье, где обычно стоит теплая, благоприятная для здоровья погода. Там много песка и солнца, а небо выглядит просто великолепно. Планеты вращались асинхронно: если удачно подгадать время, можно было сесть на скамейку и смотреть, как поднимается из океана Гобулус с его кольцами и спутниками.

Проблема заключалась в том, что на той части побережья, куда мы направлялись, зима была в самом разгаре.

Орбитальный транспорт доставил нас в Бараколу, что в Буковиче, ночью. Шел ледяной дождь. Мы находились на ближней стороне Гобулуса, которую не освещало солнце; сам газовый гигант зашел часом раньше. Стоял почти полный мрак. Мы наняли скиммер, зарегистрировались в гостинице, переоделись и отправились в Табата-Ли.

В этом островном городе — два часа лета от отеля — находился университет Уайтбрэнч. Мы обогнали бурю и облака, и над нами открылся полный лун и колец небосвод. Прямо впереди, над горизонтом, виднелась пульсирующая голубая звезда.

— Что это? — спросил Алекс.

— Рамзес. Пульсар.

— Правда? Никогда раньше их не видел. Это коллапсировавшая звезда вроде той, что врезалась в Дельту К?

— Примерно так, — ответила я.

Звезда то тускнела, то вспыхивала ярче.

— Когда такая штука постоянно болтается в небе, того и гляди голова заболит, — неодобрительно заметил Алекс.

Городок Табата-Ли был своеобразным, тихим и старомодным, но не таким, как Вальпургис. Здесь царили стиль прошлого века и деньги. Остров был излюбленным местом жительства

вышедших в отставку технократов, политических тяжеловесов и медиамагнатов. Именно сюда отправлялись местные интервьюеры, когда им требовались комментарии по спорным политическим или общественным вопросам.

Одри Кимонидес, бывшая Одри Уокер, жила в роскошном, напоминавшем черепаший панцирь доме на северной стороне кампуса. Лужайку украшали каменные скульптуры, а на площадке стоял скиммер «марко». Одри явно не нуждалась в средствах.

С крыши и деревьев свисали сосульки. Повсюду лежал снег. Внутри и снаружи горел свет. Одри знала о нашем приезде, и входная дверь открылась еще до того, как мы шагнули на землю.

Нанося визит столетнему человеку, ожидаешь, что он примирился с мыслью о смерти и преисполнен обреченного спокойствия. Естественно, все это не выражается явно, но проявляется во взгляде и в голосе — нечто вроде усталости от всего мирского, ощущения, что ничто уже не удивит тебя.

Одри Кимонидес, однако, едва сдерживала рвавшуюся из нее энергию. Она целеустремленно вышла нам навстречу с книгой в левой руке, в наброшенной на плечи шали.

— Господин Бенедикт. — Она выдохнула небольшое облачко пара. — Госпожа Колпат. Входите, пожалуйста. Вы выбрали не слишком подходящее время для визита. — Она повела нас в заднюю часть дома, предупредив, что в доме полно сквозняков, и усадила перед камином. — Чего-нибудь согревающего?

— Всенепременно, — ответил Алекс, который тотчас же проникся к ней теплыми чувствами.

Она принесла графин темно-красного домашнего вина, а когда Алекс предложил свою помощь, настояла, чтобы он сел и расслабился.

— Вы проделали долгий путь, — сказала она. — Я справлюсь сама. — Вытащив пробку, она наполнила три бокала и предложила тост: — За историков всего мира, которые никогда не знают, что и как было на самом деле.

Она лучезарно улыбнулась Алексу, давая понять, что прекрасно поняла, кто он такой, и что она восхищается людьми, способными что угодно поставить с ног на голову.

— Господин Бенедикт, — продолжала она, — мне очень приятно с вами познакомиться. И с вами, госпожа Колпат. Не могу поверить, что вы оба здесь, в моем доме. Я многое отдала бы за

то, чтобы находиться рядом с вами в момент совершения вашего открытия.

Одри была приятной, невысокой женщиной с голубыми глазами и прямой осанкой — такая бывает у людей вдвое меньшего возраста. Волосы ее поседели, но голос был ясен и чист. Поставив графин на кофейный столик, где все могли до него дотянуться, она села в кресло.

— Как я понимаю, вы хотели расспросить меня о Майкле?

Майкл, ее второй муж, был известен своими работами об эпохе Колумба.

— Собственно, меня интересует Шон, — сказал Алекс.

— Шон? — Она взглянула на меня, ожидая подтверждения его слов. Шоном никто никогда не интересовался всерьез. — Да, конечно. Что вы хотели бы узнать?

На книжной полке и на боковом столике стояли фотографии. Дерзкая, молодая Одри и Шон Уокер с мечтательным взглядом. И снова Одри, через много лет, с другим мужчиной — седоусым, в строгом костюме. Кимонидес.

— Не могли бы вы рассказать о нем? Чем он занимался?

— Конечно, — ответила она. — Это не так уж сложно. Он проектировал, устанавливал и обслуживал искинов. Проработал тридцать лет в «Киберграфик», прежде чем основать собственную компанию. Но, думаю, вам это и так известно.

— Да.

— Могу я спросить, почему вас это интересует? Есть проблемы?

— Нет, — ответил Алекс. — Мы пытаемся выяснить, что случилось с «Полярисом».

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— И Шона это всегда интересовало.

— Не сомневаюсь.

— Да. Странная история. Никогда не понимала, как такое могло произойти. Но не понимаю, чем могу помочь.

— Хорошее вино, — заметила я, пытаясь сбавить темп.

— Спасибо, дорогая. Оно из Мобри.

Кажется, никто из нас двоих не имел ни малейшего понятия, где находится Мобри. Однако Алекс глубокомысленно кивнул.

— Госпожа Кимонидес... — сказал он.

— Прошу вас, зовите меня Одри.

— Да, Одри. Шон был на «Пероновском»?

— Верно. Первый корабль, появившийся там. Именно они с Мигелем Альваресом — Мигель был капитаном — нашли «Полярис». — В ее взгляде промелькнула грусть. — Конечно, про Мигеля Альвареса все знали, он же был капитаном. А номера два никто не замечает.

— Он говорил об этом с вами? Рассказывал, что там случилось?

— Алекс, он рассказывал всем. Или вы хотите знать, рассказывал ли он мне что-то такое, чего не сообщил комиссии? Так вот, Шон этого не делал. Он только делился со мной своими чувствами.

— И что это были за чувства?

— Правильнее всего сказать, что он выглядел напуганным. — (Я так и видела, как она заглядывает в прошлое, качая головой.) — Пережить такое... Знаете, ведь он лично знал Уоррена.

— Мендосу?

— Да. Они были близкими друзьями, вместе выросли и потом поддерживали отношения в течение многих лет. — Она закрыла глаза и мгновение спустя открыла их вновь. — Бедный Уоррен. В свое время мы часто с ними общались. С ним и его женой Эми.

— Шон знал других участников полета? Тома Даннингера, например?

— Знал, но плохо. Мы встречались с Даннингером однажды, но не знали его по-настоящему.

— Одри, я не хочу причинять вам боль, но есть подозрения, что смерть Шона была не случайной. Что, по-вашему, произошло?

— Ничего страшного, Алекс. Все в прошлом. Вы хотите знать, считаю ли я его смерть убийством?

— А вы так считаете?

— Не знаю. Честное слово, не знаю.

— Кому могла быть выгодна его смерть?

— Никому из тех, кого я знала. Могу ли я спросить, как это связано с «Полярисом»?

— Мы не уверены, что тут есть связь. Но несколько дней назад кто-то повредил антигравы нашего скиммера. Мы едва не погибли.

Глаза Одри расширились. Она посмотрела на меня, потом куда-то вдаль:

— Странно, не находите? Я так рада, что вы оба целы и невредимы.

— Спасибо.

— Вам повезло больше, чем Шону.

— Нам повезло, что в скиммере летела эта молодая леди, — сказал Алекс, приписывая все заслуги мне, и, думаю, небезосновательно.

Он рассказал о моих действиях, сильно все приукрасив: можно было подумать, что я выбралась на крыло и сделала стойку на руках.

Когда он закончил, Одри снова наполнила наши бокалы и предложила тост за меня.

— Жаль, что вас не было с Шоном, — сказала она. По щеке ее скатилась слеза. — Конечно, об этом много говорили. — Она явно прокручивала в памяти события прошлого. — Вы считаете, что есть связь между этим и смертью Шона. — Морщины вокруг ее глаз и рта стали глубже. — Но ведь... — Она не договорила.

Алекс записал что-то в блокноте. Он часто делал заметки, имея дело с клиентами, и давно понял, что не стоит записывать разговор целиком: это отбивало у многих охоту говорить.

— Поступали ли сигналы о том, что вашему мужу грозит опасность? Угрозы, предупреждения?

Она пригубила вино и поставила полупустой бокал на столик.

— Нет. Ничего такого. Ни у кого не было причин ему угрожать.

— Одри, — вмешалась я, — простите за вопрос, но, если бы у него возникли проблемы, он бы сказал вам?

Она поколебалась:

— В первые годы нашего замужества он бы наверняка что-нибудь сказал. Но потом... — Она нахмурилась и неловко поерзала в кресле. — Чейз, он никогда не давал мне поводов для недоверия. Он был порядочным человеком, но я четко понимала, что у него есть свои тайны.

Мне показалось, что она тут же пожалела о своих словах. Но было уже поздно, и она лишь пожала плечами.

— Проблемы в «Киберграфик»?

— Нет, про это я знала. Все они пытались взять фирму под свой контроль, все трое, и вряд ли Шон был лучше или хуже других. Нет, они не были злодеями, просто соперничали. Для них

важны были деньги и власть. — Она посмотрела мне в глаза. — Вы понимаете, о чем я, дорогая?

— Да, — ответила я, не вполне понимая, на что она намекает.

— Одри, почему вы решили, что у него были тайны? — спросил Алекс.

Она задумчиво откинулась на спинку кресла.

— Он изменился.

— В каком смысле?

— Трудно сказать.

— Он не доверял вам так, как раньше?

Взгляд ее голубых глаз стал подозрительным.

— Это для публикации, Алекс?

— Нет, мэм. Послушайте, кто-то пытался нас убить. Мы думаем, что этот же человек взорвал выставку в разведке в прошлом месяце. И возможно, он же устроил аварию Шону. Не скажете ли, где вы с мужем находились во время происшествия с «Полярисом»?

— На станции Индиго.

— Но его, разумеется, не было с вами, когда «Полярис» причалил к станции по пути к Дельте К.

— Нет. Шон улетел на пару недель. На «Пероновском».

— Перемена, которая с ним произошла, случилась после «Поляриса»?

Одри немного подумала.

— Трудно вспомнить. Пожалуй, да, — наконец ответила она. Алекс кивнул:

— Как долго вы пробыли на Индиго?

— Три года. Стандартный контракт.

— Одри, как бы вы описали те годы?

Взгляд ее просветлел.

— Прекрасное время. Лучшие годы моей жизни.

— Обычно люди редко вспоминают добрым словом службу на базовых станциях, — удивленно заметила я.

Одри улыбнулась:

— Наша группа технической поддержки была небольшой. У нас были общие интересы, мы превосходно ладили. Нет, это было прекрасное время.

— Не так, как здесь?

— Ну... не так, как в мире корпораций. Там, на Индиго, мы были вместе, вдали от всяческих интриг и смут. Никого, кроме друзей.

Алекс сделал еще одну пометку в блокноте и спросил:

— Вы улетели оттуда в тысяча триста шестьдесят шестом?

— Да.

— «Полярис» и еще два корабля причалили к Индиго по пути к Дельте К годом раньше.

— Да, верно.

— Значит, вы это помните?

— Конечно. Выдающееся событие: шесть знаменитостей на «Полярисе». Все были в восторге. Они давали интервью, люди спускались к причалу, надеясь увидеть хоть кого-нибудь из них. Настоящий праздник.

— Вы видели тогда Мендосу?

— Да. Мы даже вместе пообедали — кажется, возле причала. Они пробыли там недолго: насколько я помню, меньше суток.

— Он радовался, что летит к Дельте Карпис?

Одри нахмурилась:

— Не знаю. В тот день он очень мало говорил.

— Это было ему несвойственно?

— Думаю, да. Он всегда шутил не переставая. Уоррену все казалось смешным.

— Но не в тот день?

— Нет. Тогда я думала, что он поглощен мыслями об экспедиции.

— Возможно, это все объясняет, — задумчиво проговорил Алекс.

Одри встала и пошевелила дрова в камине.

— Я тогда заказала ренессанс-сэндвич. Забавно, как порой запоминаются такие подробности. Ренессанс и холодный чай. И ревеневый соус. Не знаю, почему это так запало в память. Может, потому, что Уоррена я так больше и не увидела.

— Они улетели на следующий день?

— Рано утром. Я видела, как они стартовали.

— Разговаривая с ним, вы чувствовали что-нибудь необычное?

— Нет, ничего такого.

— Ваш муж и Уоррен общались? Обменивались сообщениями?

— Вряд ли. По крайней мере, Шон ни о чем подобном не упоминал.

— Одри, — спросила я, — как повел себя ваш муж, узнав о случившемся с «Полярисом»?

— Поймите, он тогда был на «Пероновском» и отсутствовал уже пару недель. Не помню, куда именно они летели, но работа Шона заключалась в калибровке искина. Именно этим он занимался — проектировал и настраивал искинов. В то время компания выпускала на рынок новую систему или модернизировала старую — точно не уверена. Сейчас вспомню, как она называлась... «Сэйлор», «Вояджер»... что-то в этом роде.

— «Маринер», — подсказала я.

— Да, точно. Шон испытывал его в реальной обстановке.

— «Маринер» был предшественником серии «Хало». — (Именно к этой серии принадлежала «Белль».) — И как же повел себя ваш муж?

— Я получала от него весточку почти каждый день. Когда до него дошла новость о случившемся, он прислал мне сообщение: все наверняка в порядке, скорее всего, произошел отказ связи.

— Когда «Полярис» нашли, он по-прежнему держал вас в курсе?

— Нет. Капитан Альварес приказал ему прекратить всякое личное общение. Центр связи уведомил, что какое-то время я не смогу получать вестей от Шона. — Она улыбнулась. — Я очень беспокоилась. Меня уверяли, что с Шоном все в порядке. Но все мы знали: случилось нечто ужасное.

— Сколько прошло времени, прежде чем они сообщили об исчезновении пассажиров?

— Думаю, дня три или четыре.

Алекс допил вино и поставил бокал.

— Что вы можете рассказать о своем муже, Одри?

— А что рассказывать? Хороший был человек. И хороший отец.

— Сколько у вас с ним было детей?

— Двое. Двое сыновей. Теперь оба уже дедушки. Алекс, он тяжело трудился, чтобы обеспечить семью. Любил играть с мальчиками в военные симуляторы. Порой это продолжалось неделями. — Она улыбнулась. — Я познакомилась с ним сразу после окончания школы.

- Любовь с первого взгляда?
- О да. Он был самым симпатичным мужчиной из всех, кого я встречала.
- Даже не знаю, как задать следующий вопрос...
- Все в порядке. Он никогда не обманывал меня и никогда не проявлял интереса к другим женщинам.
- Нет, я не об этом. Он был честен с другими?
- Да, конечно.
- Его можно было подкупить?
- Чтобы он нарушил закон? Вряд ли.
- Алекс показал ей фотографии Агнес Крисп, Тери Барбер и Маркуса Кирнана.
- Вы, случайно, не знаете никого из этих людей?
- Одри внимательно посмотрела на фото и покачала головой:
- Нет, в жизни не встречала ни одного из них. — Она пригляделась к двум женщинам. — Они очень похожи. Разные прически, цвет волос — но женщина разве не одна и та же?
- Не думаю, — ответил Алекс. — Благодарю за беседу и вино.

Выйдя на улицу, мы немного постояли на холодном воздухе, а затем направились к скиммеру, пробираясь среди сугробов. Скиммер взмыл вверх, и мы полетели к морю.

- Ладно, — сказала я, глядя на удаляющиеся огни Табата-Ли. — Что из всего этого следует?
- Шона Уокера убили, поскольку он что-то знал.
- И что же он знал?
- Разреши сперва задать вопрос тебе, — сказал Алекс. — Что ты можешь рассказать о «Пероновском»?
- Грузовой корабль второго класса, модель «Шеба». Устаревшая. Теперь таких не строят.
- На борту были двое, Альварес и Уокер. Сколько людей могло поместиться на «Пероновском»?
- Там было две каюты наверху и, насколько я помню, две внизу.
- Черт побери, Чейз, я не спрашиваю про каюты. Сколько народу?
- Совсем незачем так волноваться. Корабль был рассчитан на трех пассажиров и капитана. Итого четыре человека. На практике система жизнеобеспечения способна обслужить на пятьдесят процентов больше. Получаем шесть, но не больше.

- А если поместить туда еще людей?
- Повреждение мозга от нехватки воздуха, — ответила я. — А что? О чем ты думаешь?
- Алекс не сводил взгляда с моря, что простиралось под нами.
- Кажется, я знаю, из-за чего все случилось. И пытаюсь понять, как это случилось.
- Из-за чего же?
- Думаю, Даннингер открыл формулу, которую искал. А остальные пять пассажиров участвовали в заговоре с целью не допустить, чтобы она увидела свет.
- Не может быть, — возразила я. — Все они были весьма влиятельными людьми и не могли участвовать в похищении.
- Хочешь, я снова воспроизведу обращение Мендосы к обществу Белых Часов? Ты слышала, что они думают по этому поводу? Все пятеро придерживались того мнения, что беды человечества в большинстве своем прямо связаны с перенаселением. И тут появляется некто, желающий дать людям бессмертие, чтобы население Конфедерации ежегодно возрастало на сотни миллионов человек.
- Значит, они похитили Тома Даннингера? И Мэдди?
- Они похитили Даннингера. Вот почему они уничтожили лабораторию в Приюте Эпштейна: никто и никогда не должен был проделать ту же работу.
- Но к чему такие сложности? Если они хотели похитить его и сжечь лабораторию, почему бы не поступить именно так?
- Во-первых, они знали, что их неминуемо схватят, если власти начнут расследовать похищение. На них началась бы настоящая охота. Во-вторых, они не хотели утечки данных о том, что Даннингер был на верном пути. Тогда, как и сейчас, все предполагали, что подобное невозможно. Поэтому требовался искусный обман, и полет к Дельте К подошел для этого как нельзя лучше.
- Господи, Алекс, ты действительно думаешь, что все так и было?
- Вне всякого сомнения.
- Но куда они подевались? Как им это удалось?
- Не знаю. Сперва я думал, что они могли вернуться на «Пероновском», сговорившись с Уокером.
- Невозможно.

— Даже если установить дополнительные резервуары с воздухом?

— Слишком сложно. И потом, пришлось бы привлечь Альвареса, не говоря уже о нескольких техниках.

— Слишком много посторонних.

— Согласна. Они не сумели бы сохранить все в тайне.

Когда мы вернулись в отель, с нас взяли подписку, что в следующие несколько суток мы не будем выходить на берег: у йохо брачный сезон, и, если с нами что-нибудь случится, отель ответственности не несет.

— Кто такие йохо? — спросила я Алекса.

Мы стояли в вестибюле. Снег прекратился, море было серым и туманным.

— Вряд ли нам стоит это знать, — ответил он.

ГЛАВА 19

Он (пульсар) подобен тем из нас, кто ждет окончательных ответов от науки: он яростно шлет свои лучи во все стороны, но те ничего не касаются, ничего не выявляют и в итоге лишь создают хаос.

Тимоти из Эсперанцы. Дневники

Вечер оказался весьма интересным. Снежная буря возобновилась, превратившись в воющую метель; когда мы уже собирались ложиться, поступило предупреждение о возможном землетрясении, а несколько часов спустя всех из отеля эвакуировали, так как в здание проникли йохо.

Йохо, как выяснилось, были членистоногими созданиями, лакомыми до человеческого мяса. К счастью, они появлялись всего пять дней в году — в сезон размножения, но даже тогда редко покидали берег. Целый час мы простояли в снегу. Потом руководство отеля сообщило, что йохо ушли, все в порядке и можно вернуться обратно. Вновь оказавшись в номере, мы тщательно его осмотрели и заперли дверь.

Почти сразу же после этого случилось землетрясение, но дело свелось всего лишь к ряду несильных толчков. К тому времени у меня пропало всякое желание выключать свет. Я пошла в гостиную к Алексу, занятому разговором в виртуальной реальности. Надев протянутый им шлем, я увидела аватар Чека Боланда. Боланд расслабленно сидел в шезлонге на пляже — в шортах цвета хаки, пуловере и широкополой шляпе от солнца. Океана, однако, нигде не было видно и слышно. Казалось, пляж тянется до бесконечности.

— ...один сын, — говорил он. — Его звали Джон. Когда случилась история с «Полярисом», ему было двадцать.

— Почему распался ваш брак, доктор Боланд? Вы не против ответить на этот вопрос?

— Думаю, мы с Дженнифер просто устали друг от друга. При длительных отношениях это неизбежно.

— Но вы сами не вполне в это верите?

— Я психиатр и постоянно наблюдаю такие случаи.

В этом вопросе Алекс придерживался традиционной точки зрения и поэтому неодобрительно покачал головой — так, словно разговаривал с реальным человеком.

— Где-то я читал, — сказал он, — что шестьдесят процентов браков выдерживают испытание временем. Люди остаются вместе.

— Они терпят друг друга, обычно из чувства долга перед детьми, перед своими клятвами, перед нежеланием причинять боль человеку, который любит их, как они считают.

— Вы довольно пессимистично смотрите на брак.

— Я реалист. Долговременный брак — ловушка, оставшаяся от первобытных времен. Тогда он был единственным способом обеспечить выживание вида. Но это уже давно не так. Прошло не одно тысячелетие.

— Почему же он сохранился?

— Мы окутали его множеством мифов. Это святая святых подросткового легкомыслия. Это приговор, который мы выносим себе на всю жизнь, поскольку смотрим слишком много романтических драм. Возможно, дело еще и в том, что люди слишком боятся одиночества.

— Ладно.

— Хотите поговорить еще о чем-нибудь? — Он взглянул на свою руку и поморщился. — Обгорает.

Появилась новая рубашка, с длинными рукавами.

— Да. Есть еще кое-что. — На заднем плане собиралась пыльная буря: хороший повод намекнуть на то, что есть дела поважнее продолжения беседы. Но это был всего лишь аватар. Боланд явно обладал чувством юмора. — Вы боролись за свое дело, — продолжал Алекс. — Вы отдавали ему все свое время и силы.

— Чепуха. Мой вклад был невелик.

— Вы поддерживали радикальные перемены в области образования.

— Мы не знали, как разжечь в наших детях жажду к знаниям. Отдельным родителям это удастся. Ну а что с образователь-

ными учреждениями? Насколько можно припомнить, они всегда были настоящим бедствием.

— Вы выступали от имени движения «зеленых».

— Люди на Окраине пока не замечают вреда, который они наносят природе. А проведите-ка несколько недель на Земле или на Токсиконе. Самое подходящее название для планеты.

— Вы выступали за ограничение численности населения.

— Конечно.

— Существует ли на самом деле проблема перенаселения, доктор? В космосе есть сотни теплых планет, где почти никто не живет. Некоторые вообще необитаемы.

— Где мы сейчас?

— На Сакракуре.

— Ах вот как. Прекрасная иллюстрация к вашей мысли. По данным последней переписи, на Сакракуре проживает двести восемьдесят восемь тысяч шестьсот пятьдесят шесть человек. Почти все население сосредоточено на восточном побережье одного из континентов.

— Допустим.

— Три других крупных материка, включая суперконтинент, по сути, безлюдны.

— Именно это я и имел в виду.

— Население Земли сейчас составляет одиннадцать миллиардов, с точностью в несколько сотен миллионов. Плотность населения очень высока.

— Но можно переселить их куда-нибудь. Есть варианты.

— Да, есть. Но переселение целых народов, даже на самые дружелюбные планеты, — это не выход. — Он нахмурился. — Посчитайте, Алекс. Посчитайте.

— Вы имеете в виду ресурсы, необходимые для перемещения людей?

— Конечно.

— Значит, надо использовать все, что у нас есть.

Настало время вмешаться мне.

— Кораблей не хватит, Алекс, — подсказала я. — В любом случае не хватит кораблей.

— Молодая леди права. Сейчас у Конфедерации имеется тысяча шестьдесят четыре сверхсветовых корабля со средней пассажироместимостью в двадцать восемь человек. Три корабля могут вместить больше сотни человек, но многие — не больше

четырёх. Собственно, если даже использовать весь флот, перевезти тридцать тысяч человек невозможно. Если предположить, что полеты туда и обратно совершаются каждую неделю — что маловероятно, — возможно, удастся перевезти один миллион пятьсот шестьдесят тысяч человек за год. Округлим до одной целой и шести десятых миллиона. Население Токсикона растет менее чем на один процент в год, что свидетельствует об определенных ограничениях. Но все равно ежегодно рождается пять миллионов детей. Итак, прирост населения Токсикона втрое больше количества людей, которых в состоянии вывезти флот.

Похоже, Алекс понял, что спор проигран.

— Вы также выступаете против реконструкции личности.

— Да.

— Но ведь именно этим вы зарабатывали на жизнь почти восемь лет. И речь шла не только о преступниках.

— Сперва я в это верил. — Он замолчал, словно раздумывая, что сказать. — Алекс, некоторые мои пациенты настолько боялись окружающего мира, что просто не могли жить.

— Боялись окружающего мира? Что это значит?

— Страшились потерпеть неудачу или оказаться отвергнутыми. И считали, что, возможно, они попросту неадекватны. Некоторым могли помочь лекарства, но у других психика была слишком тонкой, а у некоторых — слишком извращенной.

— Потенциальные самоубийцы?

— Или преступники, или иные асоциальные элементы. — Боланд закрыл глаза и помолчал. — Мне хотелось обеспечить им достойную жизнь, избавить их от страхов, дать им повод уважать себя. Я хотел, чтобы они гордились собой. И я менял их. Делал их лучше.

— Но...

— Но потом я понял, что человек, прошедший лечение, — не тот же самый, который пришел ко мне за помощью. Исчезали прежние воспоминания, прежняя жизнь. Это был уже другой человек. Я мог дать своим пациентам новые имена, и они не заметили бы разницы.

— Но если эти люди страдали...

— У меня не было права выносить им смертный приговор! — Голос его дрогнул. — Но именно это я и делал больше ста раз, не считая разнообразных убийц, похитителей, воров и бандитов, к которым меня вызывали для лечения. — В последнем слове явно прозвучал сарказм. — Должен быть способ помочь даже

самой больной душе — так, чтобы сохранить основу личности, смягчив самые раздражающие ее черты.

— Но вы его не нашли.

— Нет.

— Почему вы полетели на «Полярисе»?

Его расположение духа явно изменилось.

— Как я мог не полететь? Кто согласился бы пропустить такое шоу? Более того, если хотите знать правду, я был рад находиться рядом с выдающимися людьми — Мендосой, Уайт, Урквартом и остальными.

Судя по имевшимся сведениям, Боланд поддерживал текущее состояние своего аватара. Последнее обновление было сделано на Индиго, перед тем как «Полярис» отправился в последний этап своего путешествия. Поэтому я без всякого стеснения поинтересовалась, как шли дела до того.

— На первом этапе полета мы чувствовали себя как дети, — улынулся он.

— Вы только что упоминали похитителей. У вас или у ваших коллег не было планов похищения Тома Даннингера?

— Смешно.

— А если бы доктор Боланд планировал нечто подобное, он сообщил бы вам?

— Нет, — ответил он. — Это было бы неблагоразумно.

Мы прилетели на Сакракур ночью и покинули его тоже ночью. До восхода Гобулуса оставалось девять часов, до появления солнца — одиннадцать или двенадцать. Мы набили скиммер местными лакомствами, и количество их намного превышало мою норму. Все так же шел снег и дул сильный ветер. Местные власти рекомендовали всем оставаться на месте, но нам не хотелось пропустить рейс на орбиту, иначе бы мы застряли еще на тридцать часов. Полет прошел без происшествий, и мы успели на челнок с запасом.

Через пятьдесят минут мы были уже на орбитальном причале. Узнав, что корабль стартует через четыре часа, мы поднялись на борт «Белль-Мари», распаковали чемоданы, приняли душ и вышли обратно в главный зал — поужинать.

Наевшись до отвала, мы завершили ужин парой бокалов вина. Время старта почти подошло. Мы вернулись на корабль, и я отправилась на мостик, чтобы произвести предстартовую под-

готовку. Нельзя сказать, что я столкнулась с проблемами, но Белль отчего-то слишком медленно выводила статус некоторых систем. Возможно, мне лишь показалось. Но я все же спросила ее, нет ли неполадок.

— Нет, Чейз, — ответила она. — Все в порядке.

Ладно. Закончив проверку, я сообщила диспетчерам, что мы готовы к старту, — как говорится, «на ваше усмотрение».

Мне велели подождать: случилась задержка с загрузкой транспортного корабля.

— Стартуете через несколько минут, — сказал диспетчер.

Вернувшись к Алексу, я поговорила с ним — не помню о чем. Вид у него был рассеянный: я знала, что он думает о Шоне Уокере и «Пероновском». Мы прождали полчаса, прежде чем диспетчер разрешил нам взлет.

— Пристегнись, Алекс, — сказала я. Мгновение спустя вспыхнула зеленая лампочка, сигнализируя о том, что он в полной безопасности. — Ладно, Белль. Полетели.

Момент отстыковки, когда обрывается пуповина — связь со станцией, — всегда доставляет мне ни с чем не сравнимую радость. Не спрашивайте, почему это так. Нет, я не хочу побыстрее добраться до очередного порта: мне просто нравится, когда что-то остается позади. Сначала пропадает станция, потом начинает уменьшаться голубой шар планеты и, наконец, исчезает само солнце. Я подсоединила двигатели к квантовому генератору, чтобы он начал заряжаться. Нам требовалось девять часов, чтобы накопить достаточный запас энергии для прыжка к Украине.

Квантовые технологии покончили со скукой дальних перелетов, но сделали их намного менее романтичными. Теперь все происходит очень просто — и слишком быстро. Хочешь добраться с Украины до Восточного Бостона? Ты пару раз поешь, помотришь виртуальную реальность, может быть, немного поспишь. Потом загораются лампочки, означающие, что система накопила требуемый заряд: надо нажать кнопку. И все, ты на месте. Правда, несколько дней уходит на то, чтобы добраться до места назначения. Но по сути, все случается за несколько мгновений. Расстояние ограничено лишь мощностью заряда, который выдерживает система.

Когда-то люди жаловались, что после изобретения двигателей Армстронга, способных пронизывать линейное простран-

во, мы перестали осознавать, насколько велик Рукав Ориона и как далеко от нас расположена Дама-под-Вуалью. В сущности, мы просто телепортируемся: ощущения полета нет. Расстояние, пространство, глубокий космос, световые годы — все это потеряло смысл. И как, похоже, всегда бывает с прогрессом, приходится платить какую-то цену. Этой ценой могут быть снижение безопасности, общественные неурядицы или, как в случае с квантовым двигателем, утрата чувства реальности.

Я передала управление Белль и неспешно вернулась в кают-компанию, к Алексу. Конечно, это шутка: Белль почти полностью управляла полетом. Я была нужна лишь на тот случай, если произойдет нечто непредвиденное.

Я не очень-то стремилась домой, предпочитая оставаться подальше от Окраины и чувствовать себя в безопасности. Будь у меня возможность, я бы выбрала старомодный длительный полет. Внутри металлического кокона мне ничто не угрожало. Я даже подумывала о том, не остаться ли на Сакракуре, несмотря на метели, землетрясения и йохо. Приближающихся йохо, по крайней мере, можно было увидеть.

Алекс сидел в кресле, знакомясь с очередной порцией информации о Мадлен Инглиш.

— Мадлен не оставила аватара, — сказал он, постукивая по дисплею. — Она была рядовым пилотом с необходимым опытом.

— «С необходимым опытом» — значит лучший в своем роде, — ответила я. — Обычно это означает, что пилот всегда достигал цели с минимумом проблем, ни разу не потеряв людей или груза.

К тому времени Мэдди пилотировала корабли разведки уже шесть лет. Четверо ее биографов отмечали, что у Мэдди было несколько любовников, в том числе автор бестселлеров Бруно Шефер. Она родилась в Какатаре и рано увлеклась космонавтикой. В жизнеописаниях приводились слова отца Мэдди: ее спасли любовь к сверхсветовым кораблям и вмешательство Гарта Уркварта. «Иначе она встала бы на путь преступлений», — замечал он, и в этой шутке явно была доля правды.

Во время сражения с «немыми» Мэдди пилотировала «Найтхоук Т-17» и получила лицензию пилота сверхсветовых кораблей в двадцать три года. Добиться этого в таком молодом возрасте удавалось лишь немногим.

Алекс показал мне ее фотографии — в форме, в вечернем платье, в тренировочном костюме (судя по всему, она была помещена на фитнес). Мэдди на пляже, Мэдди возле различных памятников — у Ниагарского водопада, у башни в Инкате, у Великой стены. Мэдди в шляпке и платье, Мэдди в кабине своего «Т-17». А дальше — групповые снимки с пассажирами после прихода в разведку, фото с Урквартом, с Бруно Шефером во время рекламной кампании его книги и с Джессом Тальяферро на каком-то банкете.

Замуж она так и не вышла.

Обычно, говоря о «Полярисе», имели в виду шестерку — Даннингера и Мендосу, Уркварта, Боланда, Уайт и Класснера. Но, подозреваю, каждый невольно вспоминал Мэдди — единственную среди них, так и не сумевшую до конца удовлетворить свои амбиции.

— Что ты о ней думаешь? — спросил Алекс.

Ответить было несложно.

— Безупречная биография. Видимо, в разведке считали так же, раз доверили ей жизни шестерых самых знаменитых людей Конфедерации.

Алекс смотрел на фотографию Мэдди в форме: коротко подстриженные светлые волосы, удивительные голубые глаза, бьющая ключом энергия.

— Она уничтожила эсминец «немых», — сказала я. — Когда пилотировала истребитель.

— Знаю. — Алекс покачал головой. — Не хотелось бы мне крутить с ней шашни.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Все вы, женщины, одинаковы, — вздохнул он. — Думаете, будто мы постоянно озабочены.

— Кто, я?

До прыжка оставалось еще почти восемь часов. По расчетам, от дома нас отделяли четверо с половиной суток полета. Мы еще немного посидели и поговорили, а потом я решила, что на сегодня с меня достаточно. Я взяла в постель ридер, но заснула через пятнадцать минут после того, как легла.

Не знаю точно, что меня разбудило. Обычно, если возникали проблемы, Белль сообщала мне об этом без колебаний. Поэтому пилот сверхсветовика может спать спокойно — рулевой

не заснет на посту. Но Белль молчала. Я немного полежала, глядя в потолок и вслушиваясь в тишину. Что-то случилось.

Потом я осознала, что слышу звук двигателей, причем такой, какой бывает в последние мгновения перед прыжком.

Искины не совершают прыжков самостоятельно. Повернув голову, я взглянула на часы. Мы вернулись к корабельному, то есть андикварскому, времени. Пятнадцать часов сорок пять минут: для меня, однако, это была середина ночи. До запланированного перехода оставалось два часа.

— Белль, в чем дело? — поинтересовалась я.

— Не знаю, Чейз. — Она появилась в изножье моей кровати, в своей рабочей форме «Белль-Мари».

— Задержи прыжок.

— Похоже, модуль перемещения мне не подчиняется.

Имелись в виду квантовые двигатели, которые все разгонялись. Им еще не хватало заряда, чтобы достичь Окраины, но ничто не мешало им зашвырнуть нас неведь куда. Выбор был не слишком широкий.

— Попробуй еще раз, Белль. Задержи прыжок.

— Прости, Чейз, но я не могу этого сделать.

К тому времени я уже выбралась из спального мешка и метнулась в коридор. Отчаянно заколотив в дверь Алекса, я ворвалась в его каюту. Он проснулся не сразу.

— Сейчас будет прыжок, — сказала я. — Подъем!

— Что? — Он перевернулся на бок, пытаясь взглянуть на часы. — Почему так скоро? Разве еще не слишком рано?

Я буквально чувствовала, как напрягаются переборки.

— Держись за что-нибудь! — крикнула я.

Потом свет померк. Квантовые прыжки сопровождаются внезапной перегрузкой, которая длится лишь несколько секунд. Этого, однако, достаточно, чтобы причинить серьезные травмы, если прыжок застигает тебя врасплох. Послышался вопль Алекса. Меня отшвырнуло к шкафу. Перед глазами вспыхнули звезды, и я ощутила знакомое покалывание, которым сопровождается переход между двумя отдаленными точками.

Свет снова стал ярким.

Алекса выбросило из койки. Ругаясь, он поднялся и потребовал объяснить, что, собственно, происходит.

— Пока не знаю, — ответила я. — Ты цел?

— За меня не беспокойся, — бросил он. — Кость срастется за несколько дней.

Я вскарабкалась на мостик:

— Что случилось, Белль?

— Точно не знаю, — ответила она. — Похоже, часы идут быстрее обычного.

— И ты была не в курсе?

— Чейз, я не слежу за таймерами. В этом никогда не было необходимости.

У люка появился Алекс.

— Белль, — сказала я, — я должна точно знать, что именно происходит. Пока ты пытаешься это выяснить, открой иллюминаторы. Надо посмотреть, куда мы попали.

Где-то сработали позиционные двигатели, и корабль начал вращаться. Я схватила за кресло. Алекс потерял равновесие, пошатнулся и свалился бесформенной грудой.

— Белль, — спросила я, — что ты делаешь?

Последовали новые толчки. Нос начал подниматься, корабль накренился на правый борт.

— Белль?

— Не знаю, — ответил искин. — Действительно, что-то очень странное.

Алекс добрался до правого кресла, пристегнулся и бросил на меня отчаянный взгляд.

— Белль, открой иллюминаторы, — велела я. — Посмотрим, где мы оказались.

Никакой реакции.

— Ладно. Как насчет мониторов? — Я изо всех сил старалась говорить спокойно. Не пугай пассажиров. Никогда не показывай, что утратила контроль над ситуацией. — Давай взглянем, что покажут телескопы.

Экраны не загорались.

— Белль, дай картинку с телескопов.

Я упала в кресло и пристегнулась.

— Сбой настроек, Чейз, — бесстрастно ответила Белль. — Не могу получить картинку.

— Где именно сбой?

— В главном ретрансляторе.

— Черт побери, Белль. Каково настоящее имя Уолта Чемберса?

Уолт Чемберс был одним из наших клиентов: мы работали с ним несколько лет назад, когда он исследовал руины на Баклаве в составе группы ученых. Его звали Харбах Эдвард Чем-

берс, но имя Харбах ему не нравилось. Из-за большого сходства с Уолтером Стронгом, известным трубачом, он еще подростком взял себе имя Уолт, которое к нему так и пристало. Он путешествовал вместе с нами, и Белль его знала.

— Ищу, — сказала она.

— Ищешь, как же, черт бы тебя побрал. — Я открыла панель передачи данных. Система, похоже, была в норме. — Белль, перейди в офлайн.

Последовал короткий толчок главных двигателей, потом еще один, а за ним — несколько залпов позиционных приводов. Вверх-вниз, вправо и снова в центр. Мы ложились на новый курс.

— Прошу прощения, Чейз, но, похоже, я не могу этого сделать.

— Эй, — вмешался Алекс, — что происходит?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. — Сработали приводы с правого борта. — Она меняет направление.

— Почему?

— Черт побери, Алекс, откуда мне знать?

Внезапно я поняла, что плаваю в воздухе. Волосы мои поднялись, и я всплыла на привязных ремнях. Вращение корабля прекратилось, снова включились главные двигатели. Мы начали разгоняться на максимальной скорости.

— Гравитация отключилась, — констатировал Алекс. — Ты в порядке?

— Более чем. — Я попыталась отключить Белль, но безрезультатно.

— Ну и поездочку ты нам устроила, Чейз.

— Это не я.

Двигатели снова выключились. Вернулась невесомость. В корабле наступила смертельная тишина, замигали сигнальные лампы.

— Вот черт, — пробормотала я. — Не могу поверить.

— Что такое?

— Белль сбрасывает наше топливо.

— Господи. Все топливо?

Я снова попыталась перехватить у нее управление. Лампочка топливного датчика стала янтарно-желтой, затем красной, затем ярко-алой. Я отстегнула ремни и подплыла к панели технического обслуживания.

— Что ты собираешься делать? — требовательно спросил Алекс.

— Для начала отключим ее. — Я открыла панель.

— Прошу прощения, Чейз, — сказала Белль. — Ничего личного.

Угу, как же. Даже голос стал другим. Больше всего меня напугало то, что в нем слышалось искреннее сожаление. Повернув рычаг, я нажала несколько кнопок, и лампочки на корпусе искина погасли.

— Прощай, — сказала я.

— Ее больше нет?

— Да.

— Что с ней случилось? — спросил Алекс. — И что происходит с нами?

— Это была не Белль, — ответила я. — Держись, сейчас восстановлю силу тяжести.

— Хорошо бы, — вздохнул Алекс. — И чем быстрее, тем лучше.

— Стараюсь как могу.

Искусственной гравитацией обычно управляет искин. Чтобы вернуть исходный показатель, мне пришлось заглянуть в руководство и ввести еще несколько чисел. Мы вновь обрели нормальный вес.

Некоторое время Алекс ошеломленно молчал.

— Ну что, какова обстановка? — наконец спросил он.

— Хорошего мало. Дрейфуем в горячей зоне.

— Горячей?

— Здесь сильное излучение. Давай посмотрим.

Несмотря на заявления Белль, телескопы прекрасно работали. На ручное управление они, однако, не рассчитаны, так что мне пришлось включать и наводить каждый из них по отдельности. Телескопов было шесть, и на все это потребовалось время. На дисплеях начали появляться картинки одна за другой.

«Белль-Мари» находилась в самом центре светового шоу.

На мониторах метались два ярко-голубых огня: вроде танца с саблями, только вместо сабель длинные искривленные лучи.

— Что за чертовщина? — изумился Алекс. Примерно такой же эффект мог бы произвести древний маяк, если бы его лампа беспорядочно болталась внутри, при этом бешено вращаясь.

Судя по всему, лампой была голубая звезда.

Алекс смотрел на меня, пытаясь расшифровать выражение моего лица:

- Так что же это?
- Рамзес.
- Пульсар?
- Судя по всему, да.

Я прижала к ушам наушники, внимательно ловя звуки, затем включила громкоговоритель, и мостик заполнился странным шумом — как если бы о корпус ударялись волны ледяного дождя.

- Приятного мало, — заметил Алекс.
- Мы летим прямо на эти огни.
- И что случится, когда мы окажемся там?
- Поджаримся... если будем еще живы. Уровень радиации уже растет.

Алекс выругался, что делал довольно редко, а затем холодно заявил:

- Нужно что-нибудь предпринять.

Я и сама была сильно потрясена.

— Не могу поверить, — сказала я. — Стоит оставить корабль под присмотром кретинов — и на тебе.

Кто-то перепрограммировал или заменил Белль. Скорее всего, второе.

Алекс смотрел на меня широко раскрытыми глазами, словно обвиняя меня — «как ты могла такое допустить?»

Вспыхивали все новые предупреждающие огни. Уровень внешней радиации продолжал расти. Я проверила время полета, расстояние от Сакракура до Рамзеса, состояние, которого квантовые двигатели должны были достичь перед переходом. Вне всякого сомнения, это был Рамзес — коллапсировавшая звезда или, возможно, выгоревшие остатки сверхновой. Я не слишком хорошо разбиралась в небесной физике, но понимала, что от этой твари лучше держаться как можно дальше.

Лучи промелькнули мимо, так быстро, что слились в размытый след. Я зафиксировала один из них на экране:

- В основном это поток гамма-лучей и фотонов.
- Можем мы от него убраться?

Мы направлялись прямо в космическую мясорубку, не имея ни энергии, ни возможности изменить курс.

- У нас нет двигателей, — сказала я.
- Сколько времени в запасе?

— Часов семь.

— Как насчет прыжковых двигателей? Мы можем отсюда выскочить?

— Без главных они бесполезны. — Я включила гиперсвето-вой передатчик. — Арапол, говорит «Белль-Мари». Терпим бедствие. Дрейфуем возле Рамзеса. Высокая радиация. Требуется немедленная помощь. Повторяю: терпим бедствие.

Добавив координаты, я поставила сообщение на повтор и начала передавать.

На своевременную помощь можно было не рассчитывать, и я начала действовать, исходя из того, что нам придется спастись самим. С этой целью я собрала всю возможную информацию о пульсарах вообще и о Рамзесе в частности. Раньше у меня ни разу не возникало повода интересоваться этими объектами. Я всегда считала, что о пульсарах следует знать лишь одно: «Держись от них подальше».

— У него очень сильное магнитное поле, — сказала я Алексу. — Тут говорится, что магнитное поле быстро перемещается, иногда с околосветовой скоростью. Оно взаимодействует с магнитными полюсами, и возникает картина, которую ты сейчас наблюдаешь.

— Огни?

— Угу. В форме конуса. — На одном из экранов все еще виднелась неподвижная картинка. — Их два. Рамзес — нейтронная звезда. Она довольно быстро вращается, и конусы вращаются вместе с ней.

— Я бы сказал, чертовски быстро. Они сливаются в сплошное пятно.

— Звезда совершает примерно один оборот за три четверти секунды.

— С такой скоростью она вращается вокруг своей оси?

— Да.

— Как, черт возьми, это возможно?

— Она невелика, Алекс. Похожа на ту, что врезалась в Дельту К. Всего несколько километров в поперечнике.

— И крутится как сумасшедшая.

— Именно. Это еще ничего, некоторые делают сотни оборотов в секунду.

Оба голубых светящихся конуса исходили из нейтронной звезды. Их узкие концы были нацелены на пульсар.

Позже я выяснила, что пульсар, как и любая сверхплотная звезда, с трудом выдерживает собственный вес. Он продолжает сжиматься, пока не достигнет определенной устойчивости, и чем больше сжимается, тем быстрее вращается. Суть в том, что по мере уменьшения пульсара его магнитное поле становится все более плотным и мощным. Звезда превращается в динамо-машину.

— Вот сволочи! — буркнул Алекс. — Надеюсь, мы доберемся до тех, кто это сделал.

— Считай, нам повезло, что квантовые двигатели не слишком точны. Иначе нас могло бы зашвырнуть прямо в звезду. А так — хотя бы передышка.

До пульсара было шестьдесят миллионов километров. Диаметр конусов на таком расстоянии составлял почти шесть миллионов километров. Они плясали в небе прямо перед нами.

Температура корпуса повысилась, но в пределах допустимого. Внутреннее энергоснабжение работало, в позиционных двигателях оставалось топливо. Искин был мертв. В нашем распоряжении имелся лишь компьютер, отключенный от искусственного интеллекта.

— Как изменить курс корабля, не имея возможности запустить двигатели?

— Может, начнем выбрасывать мебель из шлюза? — предложил Алекс.

ГЛАВА 20

Мы воображаем, будто обладаем некоторой властью над происходящим. На самом же деле все мы плывем среди потоков и водоворотов: они швыряют нас из стороны в сторону, вынося одних на солнечный берег, а других — на скалы.

Тулисофала. Горные перевалы (перевод Лейши Таннер)

Если придерживаться любого разумного определения звезды, Рамзес следовало признать мертвым. Он коллапсировал, раздавленный собственным весом. Его ядерное пламя давно выгорело, но магнитное поле стало в триллион раз более мощным, чем у Окраины или Земли, и извергало бурные потоки заряженных частиц.

Большая их часть разлеталась от поверхности звезды вдоль магнитных силовых линий, прочь от северного и южного магнитных полюсов. Соответственно, потоков было два, по одному на каждый световой конус. Узкие возле источника, они расширялись по мере того, как уходили в космос. Именно эти потоки, в той или иной степени привязанные к бешено вращающемуся телу Рамзеса, создавали эффект маяка. Но маяк крутился так быстро, что размывались даже лучи света.

— Вот почему конусы местами искривлены, — сказала я Алексу. — Рамзес вертится как сумасшедший, а длина световых конусов составляет миллионы километров. Но частицы могут двигаться лишь со скоростью света, и конусы превращаются в спирали. — Я ввела данные в компьютер; стали поступать первые результаты. — Что ж, мы не на орбите. Но нам предстоит побывать в этом цирке.

Звякнул коммуникатор. Сообщение с Арапола. В этом было что-то от ожидания приговора.

Я нажала кнопку, и передо мной появился невысокий коренастый человечек.

— «Белль-Мари», говорит Арапол. Спасательный корабль «Торонто» уже в пути. Опишите обстановку и укажите свое местоположение, чтобы мы передали сведения спасателям. Радиосвязь в вашем районе не работает: слишком много помех от Рамзеса. Ожидаемое время прибытия «Торонто» — девять часов с момента передачи данного сообщения. Не приближайтесь к пульсару. Повторяю, не приближайтесь к пульсару.

— Девять часов... — сказал Алекс. — Свяжись с ним еще раз и скажи, что это слишком долго.

— Алекс, — ответила я, — если бы они добрались сюда в ближайшие десять минут, то все равно не сумели бы вовремя нас найти.

При неработающей из-за пульсара радиосвязи это могло занять несколько недель.

Я неважно себя чувствовала.

— Я тоже, — признался Алекс. — Тебе не кажется, что сюда проникает радиация?

Я взглянула на показания датчиков. Уровень радиации снаружи повышался по мере того, как сокращалось расстояние до пульсара. Но пока что это не создавало проблемы.

— Нет, — ответила я, — все в порядке.

И тем не менее у меня кружилась голова, а к горлу подкатил комок.

— Ладно. — Алекс выглядел просто ужасно. — Сейчас вернусь.

Он заковылял в сторону люка. Я посмотрела ему вслед:

— Будь осторожнее.

Алекс не ответил и захлопнул за собой дверь туалета. Он вернулся несколько минут спустя, все такой же бледный.

— А может, они сделали что-нибудь и с системой жизнеобеспечения тоже? — спросил он.

Я проверила состояние корабельного микроклимата:

— Ничего не замечаю.

— Рад слышать. Но что-то явно не так.

Датчики ничего не показывали. Никакой утечки радиации. Корабль сохранял устойчивость. Отчего же нам было нехорошо?

— Алекс, я сейчас на минуту все выключу.

Он кивнул, и я отключила подачу энергии. Свет погас, смолкли вентиляторы, сила тяжести исчезла. Мигнув, включились аварийные лампы. Мы беззвучно дрейфовали во тьме.

Вот оно!

— Чувствуешь? — спросила я.

— Что-то есть, — ответил Алекс.

Я ощущала некий ритм, вроде накатывающих и отступающих волн.

— Мы что, кувыркаемся?

— Нет. Больше похоже на пульс. На сердцебиение.

Я пожалела, что слишком мало знаю о пульсарах. Мы изучали их в школе, но я никогда не ожидала, что окажусь рядом с одним из них. Никто не оказывается возле них по доброй воле. Сняв с держателя металлический контейнер для воды с трубочкой, я выпустила его из рук.

Невесомый, он поплыл в сторону открытого люка и скрылся в кают-компании. Я повторила эксперимент с металлическим зажимом, который тоже уплыл в люк.

— Что ты делаешь? — спросил Алекс.

— Сейчас. — Я попробовала проделать то же самое с носовым платком, но он не полетел, повиснув на расстоянии вытянутой руки от меня. Итак, два металлических предмета улетели в сторону кормы, а платок остался на месте.

— И что из этого следует? — поинтересовался Алекс.

Я восстановила подачу энергии, включила свет, но невесомость убрать не стала.

— Что-то не то с магнитным полем.

Достав для нас обоих магнитные башмаки, чтобы перемещаться по кораблю, я устроила себе экспресс-курс по пульсарам. Примерно через час, после нескольких походов в туалет, где меня каждый раз тошнило, мне показалось, что я обнаружила причину. Ось магнитного поля сильно отклонялась от оси вращения пульсара — на тридцать с лишним градусов. Плоскость, в которой лежал вектор нашего движения, почти совпадала с осью вращения, так что магнитное поле для нас было смещено. Рамзес к тому же еще и пульсировал, и магнитные поля раскачивали корабль.

- Не понимаю, — проворчал Алекс.
- Внутри корабля постоянно бурлят водовороты, изменяющие нашу ориентацию. Получается, что мы все время дергаемся, движемся в разных направлениях.
- Ладно. Что с этим можно сделать?
- Ничего. Но есть и хорошая новость: мы замедляемся. Корпус явно нагревался.
- Становится жарче.
- Слава богу! — радостно объявил Алекс. — Мы получили передышку! «Торонто» успеет добраться сюда, прежде чем мы угодим в котел?
- Увы, нет. Но у нас есть, — я нажала клавишу и взглянула на экран, — еще два часа.
- Прости, но не понимаю, чем это может нам помочь. Два лишних часа тошноты, и ничего больше. — Тут он просиял. — Погоди! А как насчет челнока? У него полный бак. Почему бы не воспользоваться им, чтобы убраться отсюда? Покинуть корабль?
- У меня уже мелькала эта мысль, но я ее прогнала.
- У него слишком тонкий корпус. Мы поджаримся за пару минут.
- А если использовать его топливо для главных двигателей? Получится?
- Другой вид топлива. И запаса все равно не хватит.
- Так что же нам остается, Чейз?
- Собственно, челнок может нам пригодиться. Во время старта он использует сверхпроводниковую систему. А в грузовом отсеке есть запасной провод.
- Как это нам поможет?
- Сверхпроводники — по крайней мере, некоторые из них — не любят внешних магнитных полей. Именно так работают поезда на магнитной подушке. Включаешь сверхпроводник, и он автоматически перемещается из области высокой напряженности магнитного поля в область низкой напряженности. Это называется «эффектом Мейсснера».
- Значит, мы...
- Подзаимемся электрикой.

На корабле нашлось около шестидесяти метров сверхпроводящего провода, который мы разрезали пополам. Одну половину мы поместили в грузовой отсек под мостиком — самое даль-

нее помещение носовой части — и закрепили на переборке магнитными зажимами.

— Надо свернуть его в спираль, — сказала я. — Мне так кажется.

— Ты сомневаешься, Чейз?

— Конечно сомневаюсь. Никогда не занималась этим.

— Ладно.

— Если хочешь сам...

— Нет. Извини. Я вовсе не критикую тебя. Слушай... вытащи нас отсюда, и получишь премию.

— Спасибо.

— Все, что пожелаешь.

Остаток провода мы отнесли в машинное отделение, расположенное в кормовой части, и закрепили его таким же образом на задней переборке.

— А теперь, — сказала я, — нам нужен ток, и чем сильнее, тем лучше. И отвод.

— Отвод? — нахмурился Алекс.

— Да. Место, куда отводится электричество после прохождения через витки.

Он озадаченно посмотрел на меня.

Лучше всего для этой цели подходила система управления гравитацией. Искусственная сила тяжести требует немалых затрат энергии, и система снабжена надежными батареями, способными поглотить излишнюю мощность.

— Зачем отводить энергию? — спросил Алекс.

— Сверхпроводники несколько отличаются от обычных проводов. По ним легко пропустить ток, но, чтобы его отключить, нужен отвод.

— Хорошо, — вздохнул он. — Рад, что хоть один из нас разбирается в этом.

— Алекс, для меня все это чистая теория. Возможно, я что-то упускаю. Но есть немалый шанс, что это сработает.

За его плечом виднелся один из мониторов. На экране мерцали бархатно-голубые светящиеся конусы — прекрасные, почти заманчивые.

Квантовый двигатель использует специальный регулятор для управления подачей энергии. Установив провода на место, я сняла его и достала еще один, запасной. Подключив каждую спи-

раль к одному из регуляторов, я подсоединила их к генератору искусственной гравитации.

— Если регулятор в центре, — сказала я Алексу, — значит он в нейтральном положении. Энергия не подается. При верхнем положении регулятора ток течет по часовой стрелке, при нижнем — против часовой. Под напряжением корабль превратится в огромный магнит, с северным полюсом на носу и южным на корме. Или наоборот.

— Или наоборот? Ты не знаешь точно?

Казалось, объяснений достаточно, чтобы овладеть ситуацией. Стоит описать процесс, и все пойдет согласно описанию.

— Нужно совместить наш север с югом пульсара, а наш юг — с его севером. Если это получится, магнитное поле оттолкнет нас.

— Что ж, выглядит довольно просто.

— Ладно, держись. — Мы пристегнулись, и я вывела пульсар на навигационный экран. — Шаг первый: выравнивание.

С помощью рулевых двигателей я развернула «Белль», расположив ее параллельно северно-южной оси пульсара, — кормой вверх, носом вниз. Поняв, что лучше уже не будет, я готовилась ко второму шагу.

— Какой второй шаг? — спросил Алекс.

— Активация.

Я передвинула регуляторы вверх. В систему пошел ток. Корабль накренился.

Меня резко дернуло на ремнях, затем встряхнуло — вверх-вниз, вперед-назад, и так много раз, словно на трехмерном автодроме в парке развлечений, когда машина то делает рывок вперед, то врежется в препятствие. Вот только на этот раз все было всерьез. Нас бросало во все стороны, безжалостно било о ремни.

— Нет! — закричала я.

Алекс что-то говорил мне — кажется, просил отключить ток. Казалось, «Белль» разваливается на части. Я выключила подачу энергии, и все прекратилось.

— Что случилось? — спросил Алекс.

— Не знаю.

— Может, пустить ток в другую сторону?

Мы попробовали — с тем же результатом.

Я вернулась к своим данным и в конце концов поняла, что произошло.

— Магнитная ось Рамзеса на тридцать градусов отклоняется от оси его вращения, — сказала я Алексу. — Мне следовало сообразить, что это обстоятельство все испортит.

— Почему?

— Когда мы включили ток, корабль выровнялся в соответствии с магнитным полем, как и предполагалось. Но из-за смещения в тридцать градусов магнитное поле постоянно менялось с каждым оборотом пульсара — каждые три четверти секунды. Оттого нас и кидало во все стороны.

— Можно что-нибудь сделать? — с надеждой спросил Алекс. — Попробовать еще раз?

— Я понятия не имею, как компенсировать смещение.

— И что теперь?

У нас оставалось часов пять.

На «Белль-Мари» челнок стартовал с правого борта, а главный шлюз располагался по левому борту. Это создавало еще одну возможность.

Я восстановила искусственную гравитацию и выключила мониторы: не хотелось смотреть, как два светящихся меча становятся все ярче и ярче.

Переборки продолжали нагреваться, завихрения магнитного поля чувствовались все сильнее. На мостике металлические предметы перемещались к носу, но стоило перейти в туалет, находившийся сзади, за жилыми отсеками, как эффект менялся на обратный — та же сила тащила предметы назад.

Раздался звук сирены. Я тут же отключила ее.

— Желтый уровень опасности, — объяснила я. — Радиация.

Алекс кивнул, но промолчал. Я заметила, что он то и дело бросает на меня взгляд, дожидаясь, когда я что-нибудь придумаю. Силы, подобные приливам и отливам, то влекли нас назад, то толкали вперед. Я попыталась выбросить все это из головы и сосредоточиться на том, что нужно сделать. Самым важным обстоятельством было отталкивание любых магнитных полей друг от друга.

Наконец я решила, что есть еще один вариант.

— Надеюсь, он будет лучше предыдущего, — сказал Алекс и тут же извинился, видимо, почувствовал мое раздражение.

— Все в порядке, — сказала я. — Первым делом нам понадобится провод.

— У нас полно провода на переборках. На носу и на корме.

— Слишком сложно снимать. В запасе есть несколько катушек, с ними будет проще.

Отстегнувшись, я осторожно поднялась и отправилась в кают-компанию. На этот раз Алекс не стал требовать объяснений. Спустившись в грузовой отсек, мы забрали четыре катушки провода разной толщины — по шестьдесят метров каждая. Одну я отложила в сторону, а остальные три мы размотали и соединили провода между собой. Получился длинный кабель. Срезав с его конца несколько сантиметров изоляции, я подсоединила провод к одной из скоб на корпусе челнока — металл к металлу.

Затем я прошла на корму и закрепила клейкой лентой около девяноста метров провода в задней части челнока. Оставалось еще достаточно, чтобы дотянуть до мостика, — даже с запасом. Мне было нужно, чтобы лента оторвалась, когда челнок вылетит из люка, а провод размотался, по возможности не запутавшись.

Все довольно просто.

Алекс забрал четвертую катушку. Я взяла оставшиеся восемьдесят метров, и мы направились наверх. Разматывая на ходу провод, я вдруг уткнулась в шлюз, отделявший отсек для челнока от остального корабля. Его следовало закрыть, прежде чем я смогу запустить челнок. Как протащить провод через запертый шлюз?

Я немного постояла, жалея, что слишком мало знаю об электрических цепях.

Ладно. На самом деле требовалось лишь одно: через шлюз должен был пойти ток.

Прежде всего следовало найти в отсеке для челнока нечто вроде якоря, и притом достаточно прочного, чтобы он выдержал рывок провода, освободившегося от клейкой ленты. Вдоль переборки стояло несколько шкафов на металлических ножках, которые выглядели надежно. Я закрепила провод на одном из них, оставив приличный запас, чтобы пропустить провод через шлюз и дотянуть до мостика.

Сделать это, разумеется, было невозможно, ведь шлюз требовалось закрыть. Я протащила провод от шкафа к шлюзу, оста-

вив лишь минимально необходимое количество, отрезала остальное и закрепила конец клейкой лентой на люке — снова металл к металлу. Мы прошли через шлюз, аккуратно закрыли люк и прикрепили к нему оставшуюся часть провода — опять таким образом, чтобы он соединялся с металлом.

Провода оказалось в точности столько, чтобы дотянуть его до мостика. Я хотела было подсоединить его к генератору искусственной гравитации, но на этот раз такой большой мощности нам не требовалось. Гиперпространственный передатчик стоял без дела, и я подсоединила провод к его батарее: теперь челнок был связан с источником питания. Длина оказалась вполне достаточной.

Мы размотали последнюю катушку с коротким проводом, который я тоже подсоединила к батарее передатчика. Затем мы протянули его к главному шлюзу, находившемуся рядом с каюткомпанией, и проделали то же, что и с люком на нижней палубе. Я отрезала провод и подсоединила его к внутреннему люку, затем размотала остаток — примерно метров сорок, — сложила его кольцами на палубе внутри шлюза, зачистила изоляцию на конце и подсоединила конец к обратной стороне люка.

— Нужно вытащить остальной провод наружу, — сказала я.

Алекс перевел взгляд с витков провода на внешний люк, затем на меня.

— Нам понадобится доброволец, — проговорил он.

— Нет. Не так. Мы выдуем его наружу.

— Разве можно открыть внешний люк, не сбросив давления в шлюзе?

— Вообще-то, нельзя. Но я могу отключить блокировку.

Мы вышли из шлюза и закрыли люк.

— Готово, — сказала я.

— Надеюсь.

— Алекс, мне понадобится твоя помощь, чтобы включить ток.

— Ладно.

Ему пришлось сесть на палубу, чтобы добраться до блока питания. Я показала ему, куда нажимать и какие лампочки должны загореться, когда замкнется цепь.

— Хорошо, — сказал он. — Понял.

— Нам нужно, — стала объяснять я, — открыть внешний люк главного шлюза и одновременно запустить челнок. Челнок

вылетит с одной стороны, а давление воздуха в шлюзе выбросит провод с другой.

— Я готов.

Мы долго смотрели друг на друга.

— Просто на всякий случай: я рад, что ты появилась в моей жизни, — сказал Алекс.

Никогда прежде он не говорил ничего подобного. У меня выступили слезы. Я заверила Алекса, что у нас есть все шансы на успех. О том, что я думала на самом деле, я старалась не вспоминать.

— Ладно, — сказала я. — Начинаем разгерметизацию отсека челнока.

— Чейз, как думаешь, имеет смысл включить ток прямо сейчас? Или стоит подождать, пока все не окажется снаружи?

— Скорее всего, не имеет. Но лучше не рисковать и подождать.

— Ладно.

— Снимаю блокировку главного шлюза. Есть зеленый свет.

— Хорошо.

— Сейчас выпущу из него немного воздуха.

— Если надо — давай. Главное, чтобы воздуха хватило для выброса провода.

Я снизила давление примерно до семидесяти процентов и, предупредив Алекса, отключила гравитацию: больше шансов на то, что провод беспрепятственно вылетит из шлюза. Когда загорелась зеленая лампочка, извещающая, что в отсеке для челнока теперь вакуум, я открыла стартовый люк, включила телескопы и выпустила челнок из корабля, после чего открыла главный шлюз. Несколько мгновений спустя на мониторе по левому борту появился выплывающий наружу провод.

— Пока все идет неплохо, — заметил Алекс.

Я дала указания бортовому искину челнока. Тот медленно вывел челнок наружу. За ним разматывался провод, освободившийся от клейкой ленты.

Подождав несколько минут, я велела Алексу включить питание.

Внешний поток осыпал заряженными частицами челнок и укрепленный позади него провод. Челнок устремился в сторону пульсара, провод натянулся. Заряд пошел по проводу к кораблю

через открытый шлюз, обогнув ножку шкафа и пройдя через люк на нижней палубе. Провод с нашей стороны люка подхватил его и передал батарее гиперпространственного передатчика, откуда заряд пошел дальше по короткому проводу, прошел через люк на главной палубе и вышел из главного шлюза. Между челноком и концом короткого провода вспыхнула яркая голубая дуга.

— Что скажешь? — спросил Алекс.

— Цепь замкнулась, — ответила я, с трудом скрывая радость. — Похоже, у нас есть магнитное поле.

Нас снова швырнуло из стороны в сторону, но далеко не так сильно, как в прошлый раз. Несколько мгновений спустя я ощутила легкий крен вверх и вправо:

— Мы меняем курс, Алекс.

— Да! Ты права. Без всякого сомнения. — Он расплылся в широкой улыбке. — Ты гений.

— Магнитные поля не любят друг друга, — пояснила я. — Большое пытается избавиться от маленького. Это неизбежно.

— Конечно.

— Я не сомневалась, что все получится.

Направление оставалось прежним — вверх и в сторону. И скорость росла. Мы оседлали волну. Хотя мы и двигались под идиотским углом, но кого это волнует, если главное — убраться подальше от мечей?

У «Торонто» ушло пять суток, чтобы найти нас. Для нас самих это уже не имело особого значения. Главное, что они приближались.

Корабль совершал развлекательный круиз. Большую часть пассажиров составляли труппа и режиссер мюзикла «Кобальтовая синь», который был хитом на всем Гранд-Салинасе и к западу от него. Сейчас они направлялись на Окраину. К несчастью, у них не оказалось достаточного количества топлива для наших двигателей, и нам пришлось лететь с ними.

Пассажиры «Торонто» всегда искали повод отпраздновать и окружили нас всеобщей заботой, обеспечив едой и выпивкой в неограниченном объеме. В числе прочего мы слышали «Сердца в море» в исполнении Дженны Картедж, звезды шоу. С тех пор прошло немало лет, но «Сердца в море», вызывающие восторг публики во втором акте, остаются образцом жанра. Алекс иногда упоминает о них как о «нашей песне».

Стоит упомянуть, что на меня положил глаз Ренальдо Кабриери. Алекса он не особо интересовал, но мне понравился, и моему самолюбию нисколько не вредило, что за мной пытается ухаживать один из величайших романтических исполнителей Конфедерации. Он слегка перегибал палку, но тем не менее умел очаровывать. Ренальдо постоянно следил за тем, чтобы у меня в руке был бокал с напитком, с вождением поглядывал на меня, мурлыкал ласковые слова, соблазнительно улыбался и вообще вел себя довольно нахально. В какой-то момент Алекс заявил мне, что такое поведение выглядит не вполне пристойным. Ну а я считала, что вполне заслужила это.

Сперва диктатор. Теперь — профессиональный сердцеед. Интересно, кто будет следующим?

ГЛАВА 21

Большинство из нас отрицают существование призраков. Мы говорим, что никакие привидения по ночам не бродят. Никаких фантомов, никаких видений, парящих над угасающим костром, никаких баньши, блуждающих среди залитых лунным светом деревьев. Никаких духов, которые глядят на нас из темных окон заброшенных домов. Но мы ошибаемся. Все это правда. И пусть даже мы понимаем, что призраки лишь плод нашего воображения, менее реальными они от этого не становятся.

Феррис Граммери. Знаменитые призраки Деллаконды

Белль мы так и не нашли. Вероятно, ее сняли с корабля и выбросили.

Оказалось, что на ее место установили стандартного, чуть более современного искина. Но кто-то слегка изменил его программу и, в частности, заставил отправить нас на экскурсию к Рамзесу.

— Ты могла бы сделать такое? — спросил Алекс.

Нет, моих способностей на это не хватало. Впрочем, я не обращаю особого внимания на то, как устроены и как работают искины. Но я знала нескольких человек, которые могли внести подобные изменения.

— Это не так сложно, — ответила я.

Фенн узнал о случившемся, и его эскорт уже ждал нас, когда «Торонто» причалил к Скайдеку. Полицейские оставались с нами, пока мы не добрались до дома Алекса. Сам он прибыл буквально через несколько минут после нашего приезда.

— Здесь больше нельзя оставаться, — заявил он. — Придется найти для вас другое жилье. Кем бы ни были эти люди, они настроены весьма решительно.

Меня это вполне устраивало. Но Алекс заявил, что все в порядке и незачем создавать лишние проблемы. Естественно, он не пытался никого одурачить — ему тоже было страшно. Но он не желал обнаруживать свой страх и убеждал Фенна, что беспокоиться не о чем, — пока не решил, что тот готов уступить. А потом уступил сам, ради меня. Вечером того же дня нашим обиталищем стал безликий двухэтажный дом в Лиможе, средней величины городе, в двухстах километрах к юго-западу от Андиквара. Фенн заверил нас, что рядом всегда будут находиться роботы-охранники. Нас снабдили новыми документами.

— Вы будете в полной безопасности, — пообещал Фенн. — Вас никто не сможет найти. Но будьте осторожны и ни на что заранее не рассчитывайте.

«Рэйнбоу» пришлось временно закрыть. Клиентам мы сообщили, что уехали в отпуск. Фенну это не понравилось: он хотел, чтобы мы незаметно исчезли, и все. Но мы не могли просто так уйти и оставить дела в подвешенном состоянии. У нас были проекты на стадии реализации, были определенные обязательства. К тому же люди попытались бы связаться с нами, рассчитывая на ответ.

Покинув дом Алекса, мы начали вести осторожную жизнь за закрытыми дверями, стараясь держаться подальше от окон.

В конце второй недели спасательная компания «Ауторич» объявила, что готова доставить «Белль-Мари» на Андиквар. Алекс остался дома, а я отправилась со спасателями. Когда мы добрались до корабля, я установила нового, улучшенного искина и ввела в него код, позволявший узнать о любых изменениях в программе еще до старта.

Радуюсь, что корабль снова со мной, я обеспечила ему дополнительную охрану и ветреным зимним вечером вернулась в наш новый дом. Алекс молча сидел в гостиной перед ридером и грудой книг. Над диваном парило изображение «Поляриса». Когда я вошла, он поднял взгляд и сообщил, что рад меня видеть.

— Ты, случайно, не видела «Полярис», когда была на Скай-деке? — спросил он. — Он там уже несколько дней.

Конечно, он имел в виду «Клермо».

— Нет. Я про него просто не знала.

— Сомневаюсь, что тебе опять хочется туда, — сказал он, — но, думаю, пора нам совершить очередную экскурсию.

- Мы собираемся взглянуть на «Клермо»?
- Это следовало сделать еще два месяца назад.
- Зачем?
- Эверсон и его люди так и не нашли того, что искали.
- И?..
- Это значит, что оно может оставаться на корабле.

Я позвонила в «Эвергрин». Представляясь, я назвала пару фальшивых имен, но не тех, которые дал нам Фенн. Нам предстояло путешествовать в качестве Марджори и Клайда Кимболл. Мне это особенно понравилось потому, что у Алекса есть пунктик насчет имен. Он утверждает, что некоторые из них просто невозможно воспринимать всерьез — Герман, Чесли, Фрэнсис. Ну а Фрэнк — вполне нормально. Поэтому я знала, как он отнесется к «Клайду».

— Мы пишем книгу о случившемся с «Полярисом», — объяснила я, — и нам очень хотелось бы совершить экскурсию на «Клермо».

Моей собеседницей была молодая женщина с темными волосами, темной кожей, темными глазами и профессиональной улыбкой, сразу же установившей дистанцию между нами.

— Прошу прощения, мэм, но «Клермо» не оборудована для экскурсий.

Означать это могло что угодно.

— Мы участвуем в данном проекте, — сказала я, — под покровительством Алекса Бенедикта. — Рискованно, но без этого было не обойтись. Я ждала хоть какого-то знака, свидетельствующего о понимании. — Полагаю, ваши работодатели сразу согласились бы.

Может, я слегка преувеличила, но Алекс действительно пользовался немалой известностью.

— Прошу прощения... еще раз, кто?

— Алекс Бенедикт. — Реакции не последовало, и я добавила: — Тот самый, который раскрыл тайну Кристофера Сима.

— Ах, тот самый Алекс Бенедикт. — Видно было, что она все еще не имеет понятия, о ком идет речь. — Не могли бы вы немного подождать, госпожа Кимболл? Я свяжусь с начальством.

Начальство тоже ничего не знало. Еще несколько звонков, и мне удалось достучаться до исполнительного секретаря. Да, конечно, представителю господина Бенедикта с радостью устро-

ят экскурсию на «Клермо», вот только она не знает, когда корабль будет доступен.

Несколько дней мы ходили по кругу, пока в конце концов не получили приглашение — подозреваю, в первую очередь из-за того, что я всех уже достала.

Офис «Эвергрин» на Скайдеке находился на уровне «Зет», в самом низу, вдали от проторенных путей.

Фонд приобрел «Полярис» в 1368 году, через три года после Дельты Карпис. Корабль переименовали и стали использовать для перевозки руководителей компаний, политиков, потенциальных клиентов и прочих важных гостей.

Впервые мы увидели его через иллюминатор на одном из нижних уровней. Он оказался меньше, чем я ожидала, но мне следовало догадаться, что вряд ли он будет слишком велик. Это был пассажирский корабль, вмещавший капитана и еще семь человек, — не намного больше яхты.

Вид у него был старомодный — округлый нос, конусовидные сопла, широкий корпус. Я подозревала, что «Клермо» бы давно списали, если бы не его прошлое. Но благодаря этому кораблю «Эвергрину» было чем похвастаться. Легко было представить, как руководство фонда показывает своим высокопоставленным пассажирам, где работал Том Даннингер перед тем происшествием. Ах, если бы переборки могли говорить...

Старомодный вид добавлял очарования. Но от леса сканеров, датчиков и антенн, что усеивали корпус во времена разведки, почти ничего не осталось — лишь пара медленно вращающихся тарелок и несколько телескопов.

Корпус, когда-то серый, теперь был цвета морской волны. Сопла стали золотыми, нос украшали белые расходящиеся лучи. Шлюз больше не окружала надпись «Департамент планетарной разведки и астрономических исследований». В передней части корпуса, на месте эмблемы «Поляриса» — наконечник стрелы со звездой, — ныне виднелась надпись «Эвергрин»: белые буквы, стилизованные под переплетенные ветви с листьями. За главным шлюзом, ближе к корме, было нарисовано дерево — эмблема фонда. От первоначальных опознавательных знаков остался лишь едва заметный серийный номер в задней части корабля.

Нас встретил худой мужчина средних лет, в серой рубашке «Эвергрина» с деревом, вышитом на нагрудном кармане. Когда мы вошли в офис «Эвергрина», он поднял взгляд от монитора.

— Господин и госпожа Кимболл? — спросил он.

Он представился как Эмори Боннер, заместитель начальника эвергриновского офиса на Скайдеке, а затем выразил восхищение деятельностью Алекса Бенедикта, связанной, как он выразился, «с делом Кристофера Сима».

— Просто изумительно, — заявил он.

Алекс, скрывавший свое лицо под накладной бородой, без малейшего стыда заметил, что Бенедикт действительно выдающийся ученый и для него лично большая честь — помогать ему в осуществлении этого проекта.

Боннер поздоровался со мной, но внимание уделял исключительно Алексу.

— Могу я спросить, что именно вас интересует в связи с «Клермо», господин Кимболл?

Алекс завел долгий разговор об антиквариате и о том, какую ценность представляет «Клермо» в качестве артефакта.

— Порой я задумываюсь вот о чем: знает ли руководство «Эвергрина» о потенциальной рыночной стоимости корабля? — заключил он.

— О да, — ответил Боннер. — Мы все прекрасно знаем и очень заботимся о «Клермо».

— И тем не менее, — настаивал Алекс, — корабль остается на ходу, что сказывается на его стоимости.

— «Клермо» приносит нам немалую пользу, господин Кимболл. Вы удивитесь, узнав, какое впечатление он производит на наших гостей.

— Не сомневаюсь. Так или иначе, мы собираемся писать о нескольких артефактах, которые сейчас сильно недооценены. Каждый из них, господин Боннер, существенно вырастет в цене после нашей публикации. — Он улыбнулся. — Если хотите заработать, попробуйте купить корабль у фонда. Отличное вложение средств.

— Сегодня же поговорю с ними, а завтра сделаю первый взнос. — Он посерьезнел. — Когда ожидается публикация?

— Через несколько месяцев.

— Желаю вам всего самого наилучшего.

Наконец соизволив заметить меня, Боннер спросил, участвую ли я в проекте.

— Да, — ответила я.

— Очень хорошо. — У него был вид человека, достойно исполнявшего свои обязанности. — Я знаю, что вы заняты, но все же стоит пойти взглянуть.

Мы проследовали за ним по тому же туннелю, через который пришли, и остановились перед закрытым люком. Боннер велел люку открыться, и мы спустились на причал. Наш провожатый немного поговорил с техником — судя по его распоряжениям, на нас следовало произвести как можно большее впечатление. Затем мы прошли еще через один туннель и оказались перед шлюзом «Клермо».

Перед «Полярисом».

Корабль выглядел вполне обычно. Не знаю, чего я ожидала — может, прикосновения к истории. Или холодка по коже, пробежавшего в тот момент, когда мы стояли на «Ночном ангеле» — на месте преступления. Что бы ни произошло в тот день возле Дельты Карпис, оно случилось прямо здесь, по другую сторону люка. Но отчего-то не испытывала никаких эмоций. Казалось, что передо мной не что-то непостижимое, а лишь некий объект, служащий для создания искусной иллюзии.

Люк был открыт. Боннер и Алекс отошли в сторону, предоставляя мне честь войти первой.

Свет уже зажгли. Я вошла в кают-компанию, вдвое больших размеров, чем на «Белль». Вдоль переборок стояли три маленьких столика и восемь кресел. Боннер тотчас же завел болтовню об экономии топлива и о тому подобных вещах. С точки зрения разведки «Полярис» был роскошным кораблем, однако его нынешняя обстановка выглядела намного богаче тогдашней. Относительно утилитарную мебель, которую можно было видеть в симуляциях, заменили. Кресла обтянули селбиком, по виду и на ощупь напоминавшим мягкую черную кожу. Переборки, когда-то белые, теперь стали темными. Толстые зеленые ковры устилали палубы. На переборках висели фотографии руководителей «Эвергрин», позировавших вместе с президентами, советниками и сенаторами. Я подозревала, что фотографии регулярно меняют в зависимости от того, кто находится на борту.

Квадратный рабочий стол и дисплеи исчезли, кают-компания теперь напоминала вечерний клуб. Люки вдоль всего корабля были открыты, так что мы могли видеть мостик, а с другой стороны — каюты и тренажерный зал. Не пускали лишь в машинное отделение.

По каждую сторону коридора располагались четыре каюты. Боннер открыл одну из них. Обстановка, достойная роскошного отеля, — медная арматура, необычайно удобная на вид складная кровать, еще одно обтянутое селбином кресло — поменьше, чем в кают-компании, но тоже очень дорогое — и стол с коммуникатором.

В тренажерном зале могли поместиться двое или даже трое человек. Можно было вволю побегать по любому виртуальному ландшафту, заняться поднятием тяжестей или еще чем-нибудь. Максимальное использование минимальной площади. Неплохо бы устроить что-нибудь этакое на «Белль-Мари».

— «Эвергрин» хорошо ухаживает за «Полярисом», — сказал Алекс.

Мы повернулись и направились к мостику.

Боннер лучезарно улыбнулся:

— О да, господин Кимболл. Мы поддерживаем «Клермо» в превосходном состоянии, не жалея усилий. Надеюсь, корабль прослужит еще много лет.

Я могла лишь пожелать ему удачи. Срок эксплуатации корабля уже подходил к концу: сертификат истекал через год с небольшим.

Мы поднялись на мостик. Удивительно, как все меняет латунь. Я знала, что «Белль» выполнена по последнему слову техники, но «Клермо», казалось, мог долететь куда угодно быстрее и с большей безопасностью для пассажиров. Двигатели Армстронга, естественно, заменили квантовыми. Корабль выглядел уютным и послушным. Я бы с удовольствием села в пилотское кресло.

Мостик мало чем напоминал тот, на который приходила Мэдди Инглиш. Большую часть оборудования заменили, а переборкам, обшитым деревянными панелями, вряд ли нашлось бы место на корабле разведки. Но именно здесь было ее рабочее место. Именно отсюда было отправлено последнее сообщение:

«Стартуем в ближайшее время. „Полярис“ — конец связи».

Она была права. Конец. Именно так.

— Обратите внимание на откалиброванные приборы, — сказал Боннер. — И на свечение мониторов: оно стало мягче. Кроме того... — Похоже, он не понимал, почему нас интересует корабль.

Мэдди готовилась войти в пространство Армстронга. Соответственно, шестеро пассажиров должны были пристегнуться, — вероятно, они находились в кают-компании или в своих каютах.

— Представь, что ты пилот этого корабля. Это имело бы значение для тебя? — спросил меня Алекс, улучив момент.

— Нет. Несущественно. Главное, чтобы ремни были на месте.

— Хотите посмотреть что-нибудь еще? — спросил Боннер, следивший за мной так, будто я могла что-нибудь стащить и сбежать.

— Да, — ответил Алекс. — Нельзя ли взглянуть на нижние палубы?

— Конечно. — Он повел нас по гравитационному туннелю, потом через складские помещения. Отсек для челнока находился прямо под мостиком. Боннер открыл люк небольшого судна, и мы заглянули внутрь. Челнок был последней марки — «зебра».

— Новый, — заметила я.

— Да. Мы несколько раз заменяли его. Последний раз — в прошлом году.

— А где оригинал с «Поляриса»? — спросил Алекс.

Боннер улыбнулся:

— Выставлен в Сабатини.

Сабатини — штаб-квартира фонда.

Мы постояли возле челнока. Я поймала взгляд Алекса. Увидел ли он то, что искал?

Он сделал едва заметный жест — «нет». Либо «не нашел», либо «ничего не говори».

Мы вышли из шлюза. Возле одного из топливных баков возился одинокий техник, и Боннер направился к нему. Когда он отошел достаточно далеко, Алекс спросил, сложно ли пассажиру перехватить управление кораблем.

— Заставить искина следовать его указаниям, — уточнил он. Оказалось, все просто.

— Алекс, надо лишь фигурировать в списке тех, чьи команды выполняет искин. А список составляет капитан.

— Но ведь Белль повинуется моим командам?

— Ты владелец корабля.

Боннер вновь поравнялся с нами и спросил, узнали ли мы все, что хотели.

— Да, — ответил Алекс. — Просто фантастика.

— Рад слышать.

— Еще один вопрос, если вы не против. — Алекс включил все свое обаяние. — Когда «Эвергрин» приобрел «Клермо», не нашлось ли на борту предметов, которые принадлежали пассажирам? Личных вещей?

Вопрос явно сбил Боннера с толку. Он даже не пытался этого скрывать:

— Это было шестьдесят лет назад, господин Кимболл. Еще до меня.

Само собой. Все, что случилось до его рождения, не имело никакой важности.

— Понимаю, — сказал Алекс. — Но артефакты с исторического корабля крайне ценны.

— Насколько мне известно, разведка обшарила весь корабль сразу же после его возвращения.

— И все же они могли что-то упустить. Если так, стоило бы об этом знать. Я подозреваю, что его мог присвоить какой-нибудь особенно проникательный сотрудник «Эвергрина».

— Полагаю, вы правы, господин Кимболл. Но мне и вправду ничего не известно.

— А кто может знать об этом?

Боннер направился к выходному туннелю.

— Вероятно, кто-нибудь из нашего офиса в Сабатини.

— Спасибо, — сказал Алекс. — И последнее. — Он показал ему фотографию Тери Барбер. — Вы когда-нибудь встречали эту женщину?

Прищурившись, Боннер взглянул на фотографию и бесстрастно посмотрел на Алекса.

— Нет, — ответил он. — Боюсь, я не знаю ее. А должен?

Мы поймали челнок, летевший в направлении планеты, а затем пересели на рейс до Сабатини. Алекс сидел и тупо глядел на облака. Через час пилот предупредил о входе в зону турбулент-

ности. Несколько минут спустя нас окружили плотные облака, и корабль стал раскачиваться. Алекс заметил, что снаружи стемнело, — скорее всего, мы вошли в грозу. Я кивнула в знак согласия и спросила, думает ли он по-прежнему, что в случившемся замешан Уокер.

— Вне всякого сомнения.

— Но как? Мы знаем, что они не могли взять Мэдди и пассажиров на борт «Пероновского». Ты считаешь, что Альварес солгал?

— Нет. Альварес выступал перед комиссией Тренделя и прошел тесты. Скрыть он ничего не мог. Однако Уокера не проверяли — не было причин.

— Но не могли же они протащить семь человек на корабль Альвареса без его ведома?

— Похоже на то.

— Этого просто не может быть. — Я глубоко вздохнула, глядя, как дождевые капли разбиваются об иллюминаторы. — Без ведома капитана такого не сделаешь. Да и вообще такого не сделаешь. Мы это уже обсуждали. На «Пероновском» не могли поместиться девять человек.

Алекс тоже вздохнул, но промолчал.

— Есть другой вариант, — сказала я.

— Выкладывай.

— Мы предполагали, что заговорщики составляли большинство. Чуть ли не все, кроме Даннингера.

— Да.

— Мы также предполагали, что имело место похищение. Но я предлагаю более убедительную версию.

— Слушаю тебя.

— Один или два человека захватывают корабль. У них есть шесть дней до прибытия «Пероновского». Они отправляются в другую точку системы.

— Продолжай.

— Это не похищение, Алекс. Они убивают всех и избавляются от трупов, а потом летят туда, где их находит «Пероновский». С помощью Уокера они проникают на борт без ведома Альвареса. Альварес находит пустой корабль.

— Неплохо, — согласился Алекс. — Похоже, это все объясняет.

Я сразу почувствовала себя лучше.

— Спасибо, — ответила я.

Алекс тоже улыбнулся.

— Но почему? — спросил он.

— Ты хочешь знать мотив?

— Да.

— Мы уже говорили об этом. Надо было помешать Даннингеру завершить его работу.

— Думаешь, кто-то из этих людей был способен на убийство?

— Не знаю.

— Мне нравится твой вариант, — сказал Алекс, — но я попросту не верю, что все случилось именно так. Слишком кроваво. К тому же я не могу представить, чтобы Боланд, Уайт или кто-то еще из них мог замысливать убийство. По любой причине.

— Как насчет Мэдди? Она отличалась довольно крутым нравом.

— У Мэдди не было мотива.

— Ее могли подкупить.

— Чтобы она убила шестерых, а потом исчезла? Не думаю. — Он вздохнул. — Но ты согласна с тем, что на борту «Пероновского» могли оказаться один-два лишних пассажира, о которых не знал капитан?

Да, они могли воспользоваться каютами на нижней палубе. Уокеру пришлось бы взять побольше еды и воды, но это он вполне мог устроить. Зачем капитану заглядывать в складские помещения?

Алекс закрыл глаза и, похоже, заснул. Гроза осталась позади. Снова выглянуло солнце. Два часа спустя мы пролетели над горами Корали и начали приближаться к Сабатини. В небе парило целое облако машин.

Штаб-квартира «Эвергрина» находилась на южном берегу Залива, среди холмов. Я позвонила заранее и выяснила, что там действительно есть зал с экспонатами и артефактами, иллюстрирующими двухвековую историю компании, в том числе челнок с «Поляриса» и несколько других предметов, найденных на корабле. И они были готовы устроить нам экскурсию.

В качестве гида мы получили Кори Чалабу, женщину средних лет со стальным взглядом. Ее очень заботили судьба рифов в Минойском море, перенаселенность полудюжины миров Кон-

федерации и безрассудство — как она выражалась, — с которым люди внедряют вторичные биосистемы на живых планетах. Минут двадцать мы пили кофе и жевали пончики в ее офисе, беседуя о роли «Эвергрина» в «человеческой авантюре» (ее слова).

— Видите ли, так оно и есть. Нет плана, нет заранее поставленных целей, нет мыслей о будущем. Всех интересуют только прибыль и власть. Вот что понимают под прогрессом.

— Как насчет разведки? — спросила я. — Вполне подходящий партнер для «Эвергрина». По крайней мере, вы были бы не одиноки в своей борьбе.

— Разведка хуже всех! — горячо сказала она. — Они выясняют, как развивается некая конкретная биосистема, как она пришла в нынешнее состояние, а потом фиксируют все ее характеристики. Что с ней случится дальше, их совершенно не волнует.

Я легко могла представить ее в рядах протестующих возле лаборатории Даннингера в Приюте Эпштейна.

Выставка оказалась примерно такой, как я и ожидала: одежда, которую носили сторонники «Эвергрина» во время исторических событий, инструменты, которые они использовали, фотографии, виртуальные записи. Были камни с Гримальдо, где погибла небольшая группа сотрудников «Эвергрина», пытаясь защитить гигантских ящеров этой планеты от охотников с высокотехнологичным оружием, которые массово стекались туда. Некоторые виды, судя по сопроводительной табличке, уже вымерли. Имелась нарукавная нашивка с кителя Шаруна Капаты, который он носил, участвуя в Минеральных войнах на Деллаконде. Вдоль стен стояли макеты кораблей вместе с пояснениями: «Перевозил команду Анны Корнишовой на Гейблз, 1325 год», «Протаранен и сбит браконьерами в небе Пелея, 1407 год».

Отдельную нишу занимал челнок с «Поляриса», выглядевший вполне исправным. Публику внутрь не пускали, но мы смогли подойти достаточно близко, чтобы все рассмотреть. Челнок вмещал четырех человек. Привязные ремни отличались от тех, которые устанавливались на современных аппаратах, — более толстые, сильнее врезавшиеся в тело. Кабина выглядела старомодно, но этого следовало ожидать. Стандартная панель приборов. Стандартная система управления. Базовый комплект двигателей, точно такой же, как и на челноке «Белль». Два ящика для запчастей за сиденьями и грузовой отсек сзади, в который попа-

дали через отдельный люк. На челноке сохранились эмблемы «Поляриса» и разведки.

Остальная часть экспозиции, менее интересная, размещалась в двух стеклянных витринах. В одной из них лежала рубашка.

— Это рубашка Уркварта, — сообщила Чалаба, сверившись с блокнотом. — Ее нашли в складной кровати.

— Похоже, разведка упустила ее из виду, — сказал Алекс.

— Видимо, так.

В другой витрине мы увидели ручку, пульт с кнопками, книгу и косметический набор.

— Косметический набор, конечно же, принадлежал одной из женщин, но кому именно, в точности неизвестно. Ручку нашли в держателе на мостике.

— Вы поступили как подобает археологам, — заметил Алекс. — Зафиксировали места всех находок.

— Можно подумать, это имеет значение. Но наши люди действительно немало потрудились. — Она снова заглянула в свои записи. — Пульт — это, по-видимому, некий электронный ключ. Его нашли в грузовом отсеке посадочной капсулы. Кому он принадлежал, мы тоже не знаем.

— Электронный ключ?

Алекс пригляделся к пультам внимательнее: прибор величиной с шоколадный батончик, с пятью кнопками — одна красная, четыре синих — и дисплеем. На каждой кнопке имелся символ:

— Чем он управляет? — спросил Алекс.

Чалаба вновь сверилась с блокнотом:

— Неизвестно. Сомневаюсь, что кто-то знает.

Трудно было представить, зачем кому-то на «Полярисе» мог понадобиться пульт. На борту корабля все управляется посредством искина, или простыми голосовыми командами, или нажатием кнопки.

— Что думаешь? — спросил меня Алекс. — Может, это для челнока?

— Не представляю, зачем он нужен, — ответила я. — Вряд ли.

Пульт управления. Большая часть устройств давно приводилась в действие голосом, и пульта применялись редко. Дети использовали их для игр. С их помощью управляли летающими

моделями, открывали двери номеров в отелях, регулировали температуру воды в бассейнах.

Что еще?

Алекс покачал головой:

— Есть идеи насчет этих символов?

— Самый нижний похож на знак запрета, — сказала Чалаба. — Может, кто-то взял его из дому и забыл.

Пульт был очень похож на стандартный гостиничный ключ. Пять кнопок: «вверх» и «вниз» для лифтов, «открыть» и «закрыть» для двери номера и кнопка транзакции — красная, с прямоугольной пиктограммой.

Книга оказалась «Звездной пустыней» Эмануэля Пласидо. Этот труд пользовался большим успехом у экологов прошлого века.

— Книга принадлежала Уайт, — сказала Чалаба. — Если хотите взглянуть, у нас есть виртуальная копия.

Алекс поймал мой взгляд. «Может, Уайт что-то в ней записала. Может, это именно то, что они искали».

— Кори, — сказал он, — поскольку мы здесь, то я предполагаю, что экспозиция открыта для всех желающих.

— Да, — кивнула она. — Но мы ее не рекламируем. Думаю, о ней знают немногие.

Алекс показал ей фотографию Барбер.

— Нет. Никогда ее не видела.

Он отдал ей фотографию вместе со своим кодом.

— Это координаты нашего офиса, — сказал он. — Мы будем очень благодарны, если вы проявите бдительность и свяжетесь с нами в случае ее появления.

Чалаба подозрительно взглянула на нас.

— Ладно, — тут же отступил Алекс, — если не хотите звонить нам, сообщите в полицию Андиквара. Обратитесь к инспектору Рэдфилду.

— Хорошо, но, может быть, вы объясните, в чем дело?

— И еще кое-что, — продолжил он, проигнорировав вопрос. — Мне бы очень хотелось купить копию пульта.

— Прошу прощения, господин Кимболл, но вряд ли это возможно.

— Это очень важно, — сказал Алекс. — Я вас отблагодарю. — Достав коммуникатор, он набрал несколько цифр и показал ей. — Столько устроит?

Брови Чалабы поползли на лоб.

— Д-да, — заикаясь, проговорила она. — Если для вас это настолько важно... думаю, мы сможем все устроить.

— Спасибо, — ответил Алекс. — И пожалуйста, проследите, чтобы дубликат был рабочим.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Думаю, это именно то, что искали Барбер и Кирнан.

— В самом деле? Почему?

— Это единственный предмет, который оказался на «Полярисе» неизвестно зачем.

— Не понимаю...

— А ты задайся вопросом: что он делал в грузовом отсеке челнока? — Алекс огляделся, удостовераясь, что мы одни. — Чейз, я знаю, как все произошло.

Мы шли по белому каменному мосту, отделявшему территорию фонда от посадочной площадки. Остановившись, Алекс схватился за белые перила и склонился над ручьем, словно его всерьез интересовало, есть ли там рыба. Порой он доводил меня до белого каления. Я ждала объяснений, но он молчал.

— И как же? — наконец спросила я.

— Ты предполагала, что корабль отправился в другую точку системы.

— Да.

— Почему не за пределы системы? У них было шесть дней до прибытия «Пероновского».

— Вполне возможно.

— Все считали, что сразу же после отправки последнего сообщения корабль сбился с курса. Но все произошло иначе: он совершил прыжок за пределы системы и доставил пассажиров в некое место, где их всех высадили. Где бы оно ни находилось, там были жилые помещения. Вот откуда взялся пульт.

— В окрестностях Дельты К таких мест нет.

— Уверена? Это три дня полета в одну сторону. Что мы имеем для тысяча триста шестьдесят пятого?

— Шестьдесят световых лет.

— Немалое расстояние, даже для тех краев. — Он бросил в воду камешек. — На самом деле пульт — это гостиничный ключ. Тот, кому он принадлежал, высадил своих пассажиров, переночевал, а утром отправился на «Полярисе» обратно к Дельте К.

- Где корабль обнаружил «Пероновский».
- Да.
- С помощью Уокера наш герой сумел туда проскользнуть и прятался внизу, пока они не вернулись в порт.
- Отлично, Чейз.
- Ты действительно считаешь, что все так и было?
- За исключением одного.
- Чего именно?
- Не «герой», а «героиня».
- Мэдди?
- Несомненно. Именно она идеально подходила для выполнения данной задачи, если предполагалась помощь со стороны пассажиров. И потом, она была пилотом. Заговорщики заранее подготовили для нее другой корабль на Индиго. Вернувшись, она забрала его и полетела за ними.
- Чтоб мне провалиться!
- Все предметы, которые искали наши грабители, принадлежали Мэдди. И никому другому.
- Но Альварес должен был увидеть ее, когда обыскивал «Полярис».
- Она спряталась в грузовом отсеке челнока. И как раз тогда потеряла ключ.
- У них не было никаких поводов для того, чтобы открывать грузовой отсек.
- Совершенно верно. А когда поиски завершились, Альварес и Уокер вернулись на «Пероновский». Альварес пошел спать...
- А Уокер провел Мэдди на борт.
- И спрятал ее в одной из кают на нижней палубе. Вуаля — чужой дух всех унес.
- Невероятно, — сказала я. — Так просто...
- Алекс скромно пожал плечами.
- И они проделали это, чтобы помешать исследованиям Даннингера?
- Для них речь шла о жизни и смерти миллионов людей. И все они были идеалистами.
- Фанатиками.
- Что для одного идеализм, для другого безумие.
- Но почему это до сих пор беспокоит кого-то? Кто-то из деятелей тех времен еще обладает властью?

Во взгляде Алекса промелькнуло беспокойство.

— Нет. Я проверял. Все, кто мог иметь к этому отношение, — и сотрудники разведки, и политики — уже умерли или ушли в отставку.

— Кто же стоит за покушениями на нас?

— У меня есть мысль, но давай пока не будем об этом.

— Ладно. И куда же доставил их «Полярис»?

— Именно это нам предстоит выяснить.

Мы переночевали в Сабатини и на следующий день вернулись в Лимож поездом. Алекс любил поезда, к тому же он считал разумным поменять планы — просто на всякий случай.

Когда такси доставило нас к вокзалу, «Трагония-флаер» как раз подходил к перрону. Мы заняли места в купе. Алекс полностью ушел в себя. Сделав вторую остановку в Сабатини, поезд начал долгий путь через горы Корали.

Мы все еще ехали среди гор, когда робот-проводник принес обед и вино. Алекс угрюмо разглядывал пейзажи, проносившиеся за окном. За едой я думала о Мэдди. Мне она нравилась, я даже отождествляла себя с ней. Не хотелось думать, что она участвовала в заговоре, призванном вывести Даннингера из игры.

— Первым делом, — сказала я Алексу, — нам стоило бы вернуться и снова взглянуть на графики полетов. Мы предполагали, что любому «черному кораблю» пришлось бы проделать весь путь до Дельты К. Но сейчас ситуация изменилась. Нужно проверить, не находился ли кто-нибудь достаточно близко, чтобы встретить заговорщиков.

— Я уже проверил, — ответил он. — Практически сразу же.

— Ты хочешь сказать, что никто не мог этого сделать?

— Совершенно верно. Поблизости не было никого, кроме «Пероновского». И в последующие несколько недель тоже. Значит, Мэдди не сразу вернулась, чтобы их забрать. Но это лишь часть хитроумного плана.

Он покончил с едой и отодвинул поднос.

— Знаешь, — сказала я, — пожалуй, я бы предпочла инопланетян.

— Угу. Я тоже.

— У меня вопрос.

— Давай.

— Из-за чего Тальяферро отказался лететь в последний момент?

— Чейз, не думаю, что Тальяферро вообще собирался лететь. Вероятно, все находившиеся на борту участвовали в заговоре против Даннингера. Тальяферро набрал добровольцев, готовых пожертвовать своей прежней жизнью ради того, чтобы предотвратить величайшую, по их мнению, катастрофу. Но он побоялся обратиться сразу ко многим людям, и добровольцев оказалось недостаточно. Сам Тальяферро полететь не мог: им требовался человек, способный решать различные вопросы через разведку. Среди прочего, им были нужны деньги и, вероятно, база. Поэтому Тальяферро и основал Мортон-колледж. Но желающих лететь на «Полярисе» оказалось более чем достаточно, и пришлось сделать вид, что мест на корабле больше нет.

Мы проехали через небольшой городок, залитый множеством огней. Улицы были пусты, если не считать единственной прогулочной машины.

ГЛАВА 22

Не следует недооценивать женщину. Стоит ее спровоцировать, разозлить, привести в бешенство — и любой предмет в ее руках, любой нож, любой горшок, любой камешек может стать смертельным.

Джереми Риггз. Уходящий последним

Путешествие на поезде заняло четырнадцать с лишним часов. Большую часть пути мы проспали и прибыли в Лимож за час или два до полуночи. Сойдя с поезда, мы поспешно прошли через вокзал, словно пара беглецов, наблюдая за каждым и опасаясь, не бросит ли кто-нибудь бомбу. Тем не менее до дому мы добрались без происшествий.

Ложиться никто пока не собирався. Алекс налил два бокала вина урожая семнадцатого года, приготовил сэндвичи и уселся в кресло с таким видом, будто ожидал некоего великого события.

Имени искина из нового дома я не помнила, но Алекс велел ему вывести на экран картинку с Дельтой Карпис в центре.

— Нарисуй вокруг нее сферу радиусом в шестьдесят световых лет. — То было максимальное расстояние, которое мог преодолеть «Полярис» за три дня, имевшиеся в его распоряжении. — Сколько там пригодных для жизни планет?

— Одну минуту, пожалуйста.

Алекс пребывал в превосходном расположении духа. Взглянув на меня, он улыбнулся.

— Они у нас в руках, — сказал он, затем, не глядя, взял сэндвич, откусил кусок, прожевал и запил вином.

Ну а мне было невесело. Алекс любит повторять, что я слишком много переживаю.

— Не хочется об этом говорить, — начала я, — но, по-моему, мы сделали достаточно. Может, стоит успокоиться, отдать все Фенну, и пусть он занимается этим сам — пока не случились новые неприятности?

Алекс покачал головой. Трудно жить среди глупцов.

— Чейз, думаешь, мне все это нравится? Они продолжают нас преследовать. А мы не можем остановиться, пока не остановим их. Вряд ли Фенн полетит к Дельте К, чтобы произвести осмотр на месте. — Голос его стал мягче. — И разве тебе не хочется присутствовать при нашей решающей встрече с этими людьми?

— Пожалуй, нет, — призналась я.

— Три, — произнес искин. — Есть три пригодные для жизни планеты.

— Три? И все?

— Это безжизненная область. Большинство звезд в данном регионе слишком молоды.

— Дельта Карпис не была молода.

— Дельта Карпис являлась исключением. И еще там есть базовая станция.

— Где?

— Меривезер. Но она выходит за пределы, заданные вами. Шестьдесят семь световых лет.

— Где она? Покажи.

Посреди комнаты возник водоворот из звезд. Одна из них, ярко-желтая, начала моргать.

— Дельта К, — сообщил искин. Над боковым столиком появилась стрелка, указывавшая в сторону заднего крыльца. — Вон там — Индиго. — Появилась еще одна мерцающая точка, на этот раз красная, над креслом. — Базовая станция Меривезер.

Алекс удовлетворенно кивнул. Всего четыре варианта.

— Чейз, кажется, нам повезло. — Затем он обратился к искину: — Расскажи о них.

— Сперва о планетах. На Терранове есть небольшое поселение. — Посреди комнаты возникла картинка. — Там живут манглисты.

— Кто такие манглисты? — поинтересовалась я.

— Группа людей, которые пропагандируют возврат к природе и предпочитают не контактировать с другими. В той или иной степени они разделяют теории Рикарда Мангла, считавшего, что люди должны пачкать себе руки, самостоятельно строя дома и выращивая еду. По Манглу, без этого невозможно понять, что

значит по-настоящему быть человеком. Как-то так. Не считая случайных отшельников, они были единственными обитателями Террановы в течение двух веков. По их словам, эта колония самый отдаленный форпост человечества.

— В самом деле? — спросила я.

— Зависит от того, что считать центром Конфедерации, мэм.

— И колония до сих пор функционирует? — поинтересовался Алекс.

— Да, она все еще существует. Но манглисты почти не поддерживают контактов с внешним миром — лишь ведут небольшую торговлю. Время от времени кто-нибудь оттуда сбегает.

— Это что, шутка? — спросила я.

— Вовсе нет. Далеко не все их дети хотят там оставаться. Некоторые уходят, когда появляется возможность.

— Те, кто поумнее.

— Я не могу высказывать подобные суждения.

Алекс криво усмехнулся:

— А эти манглисты смогли бы принять к себе группу посторонних?

— Зная об их истории, а также обычаях, я бы ответил отрицательно. Конечно, если только новоприбывшие не примут их философию.

Что ж, подумала я, это не столь уж существенно. Планета большая, а на «Полярисе» имелся челнок. Манглисты, похоже, не располагали продвинутой техникой, и челнок вполне мог спуститься на планету незамеченным.

— Сколько там манглистов?

— Меньше шестидесяти тысяч, Чейз. Терранова — единственная планета Конфедерации, где численность населения постоянно снижается.

— Ладно, — сказал Алекс. — Расскажи про остальные две.

— Маркоп-три и Серендипити. Обе необитаемы. Сила тяжести на Маркопе составляет примерно одну целую четыре десятых, что нельзя назвать достаточно благоприятным показателем. Атмосфера Серендипити разрежена, а на ее поверхности невыносимо жарко. Любые человеческие поселения могут размещаться только возле полюсов.

— Но воздух пригоден для дыхания.

— Да. Это не место для любителей комфорта. Но группа людей вполне могла бы выжить там при наличии еды и крова.

— Как насчет базовой станции Меривезер?

— Она обслуживает лишь несколько экспедиций в год. Вероятно, это самая старая из действующих станций. Полностью автоматизированная.

— Ею можно воспользоваться, не оставив следов?

— Не знаю. Данная информация недоступна.

Это была уже моя работа.

— Алекс, я отвечаю: нет, нельзя. Искин на станции регистрирует все события. Любая попытка подделать запись считается уголовным преступлением. О таких происшествиях сразу же сообщается.

— Совсем никак не подделать?

— Скорее всего, так. При первой же попытке проникнуть в реестр искин пошлет сигнал тревоги.

— Ладно. Думаю, стоит все же на нее взглянуть.

— Нельзя подождать до завтра?

— Полагаю, можно, — рассмеялся Алекс.

Надо понимать, это была шутка.

— Хочешь сказать, что мы отправляемся прямо завтра?

Я-то рассчитывала на два-три дня отдыха.

— Да, — подтвердил он. — Думаю, разумно будет покончить со всем этим как можно скорее, иначе мы продолжим оставаться мишенями. Хочешь еще вина? — Я отказалась, и он наполнил свой бокал. — Теперь-то мы можем доверять новому искину «Белль»?

— Можем, — ответила я. — Система безопасности предупредит нас даже в том случае, если кто-нибудь бросит лишний взгляд на корабль.

И все же я отправилась с первым же транспортом на Скайдек и провозилась все утро, проверяя каждую систему «Белль» на всякий случай. Сюрпризами я была сыта по горло.

Платформа Меривезер вращается вокруг Меривезер А, самой большой компоненты тройной звезды. Другие два солнца так тусклы и находятся на таком большом расстоянии, что их не отличить от далеких звезд. Сама станция, естественно, представляет собой выдолбленный астероид. При нашем приближении вспыхнули огни и радостный голос приветствовал нас по радио.

С изобретением квантового двигателя необходимость в базовых станциях, по сути, отпала. Некоторые поддерживались в ра-

бочем состоянии для обслуживания сверхдальних экспедиций, но их было немного, и все — с ограниченными ресурсами.

— Белль говорит, что Меривезер принимает не более шести экспедиций в год, — сказала я Алексу.

— Вряд ли содержание станции окупается, — ответил он. — Полагаю, через несколько лет ее закроют.

Я вывела картинку на экран:

— Станция существует с давних пор.

— Сколько ей лет?

— Тысяча семьсот. Основана во времена Содружества. — По монитору побежали данные. — Оказывается, первоначально здесь была база флота.

В ранний период истории Содружества между Окраиной и ее ближайшими соседями, Иникондой и Чао-Ти, периодически вспыхивали конфликты. Но война всех против всех никогда не вспыхивала: обычно две стороны заключали союз против третьей.

Станция продолжала вещать:

— ...видеть вас в наших окрестностях. Пожалуйста, назовите свои требования.

Голос был мужской. Тщательная дикция, чувство собственного превосходства. Было в нем нечто аристократическое.

Я перечислила необходимые нам припасы. Топливо. Вода. Еды у нас хватало.

— Очень хорошо, — ответила станция. — Следуйте за огнями. Причалите к доку номер четыре.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Рады помочь. Что-нибудь еще?

По контуру астероида вспыхнули направляющие огни. Начал открываться портал. Затем огней стало больше.

Я предложила Алексу ответить. Он кивнул.

— Да, — сказал он. — Нельзя ли узнать что-нибудь об истории станции?

— Конечно. В нашем полностью автоматизированном магазине сувениров есть несколько книг и виртуальных записей на данную тему.

— Отлично, — ответил Алекс. — Кстати, это Чейз Колпат, а меня зовут Алекс Бенедикт.

— Рад познакомиться.

— А как зовут вас?

— Джордж.

Мы причалили. Портал закрылся, давление в шлюзе поднялось, включился свет, люк отошел в сторону, и роботы начали подсоединять к кораблю трубы для подачи топлива и воды. Мы выбрались наружу. Я увидела еще несколько причальных отсеков — все пустые. Похоже, кроме нас, на станции никого не было. Впереди зажглась цепочка огней, указывавших путь к выходному пандусу.

Мы оказались в ярко освещенной и устланной коврами кают-компании, где нас ждал аватар. Вид у него был властный и официальный.

— Здравствуйте, господин Бенедикт, — весело проговорил он. — И вы, госпожа Колпат. Рад вас видеть. Я капитан Пеншо.

Это был высокий и стройный мужчина, со светлыми волосами и приятной улыбкой на угловатом лице. Белую форму украшали нарукавная нашивка, эполеты, медали и орденские ленты. На нашивке были факел и девиз из незнакомых нам символов. Вежливо улыбнувшись, капитан показал на три кресла, расставленные вокруг стола из мореного дерева. Он подождал, пока мы не усядемся, после чего сел сам.

— В последнее время здесь мало кто бывает, — поведал он.

Его ноги почти не касались палубы. Искин станции явно нуждался в регулировке.

В столе открылись панели. Мы увидели два бокала красного вина и миску с разнообразными сырами и свежими фруктами.

— Угощайтесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Я взяла ломтик дыни. Она выглядела так, словно ее только что сняли с грядки, и была столь же хороша на вкус. Интересно, подумала я, как им это удастся?

— Ваш корабль будет готов через один час и десять минут, — сказал капитан. — Чтобы попасть в магазин сувениров, выйдите в дверь, сверните направо и идите по коридору минуты три. Вам нужна еще какая-нибудь помощь?

— Нет, спасибо, капитан, — ответила я, пробуя вино.

— Жаль, что не могу к вам присоединиться. — Аватар любезно дал понять, что я обзавелась новым поклонником.

Алекс закинул ногу на ногу.

— Скажите, сколько вам лет, капитан?

Пеншо сидел прямо, как штык.

— Станция существует одну тысячу шестьсот сорок один стандартный год.

— Нет, я имею в виду вас, капитан. Как давно вы здесь работаете?

Аватар постучал пальцем по губам, словно впал в глубокую задумчивость.

— Меня установили в тысяча триста двадцать первом году по вашему календарю. — (Чуть больше ста лет назад.) — В качестве обновления.

— Вам известно о случившемся с «Полярисом»? О пропаже этого корабля?

— Вы имеете в виду пропажу тех, кто на нем путешествовал?

— Да. Вижу, что вы в курсе.

— Мне известны подробности.

— Капитан, мы пробуем выяснить, что там могло произойти.

— Отлично. Надеюсь, вам это удастся. Действительно, загадочная история. — Он огляделся. — Вскоре после того случая здесь останавливался один из поисковых кораблей. Не знаю, что именно они ожидали найти.

Похоже, кто-то еще рассуждал так же, как Алекс.

— Вы знаете, кем были семеро жертв? — спросил Алекс. — Семеро исчезнувших?

— Я знаю их имена. А одного человека знал лично.

— В самом деле? — удивилась я. — Кого же?

— Нэнси Уайт.

— Вы хотите сказать, что она бывала здесь?

— Да. Дважды.

— Физически?

— Да. Она занимала то место, где сейчас сидит молодая леди.

— Понятно, — сказал Алекс. — А вы, случайно, не видели ее после случившегося?

— После случившегося? Нет, конечно.

— Здесь бывал кто-либо... ну, скажем, в течение трех недель до и после события?

— За указанное время у нас побывал один корабль. Детали требуются?

— Да. Пожалуйста.

Капитан Пеншо начал излагать подробности. Мы внимательно слушали. Корабль возвращался из Дамы-под-Вуалью и причалил к станции за семнадцать дней до инцидента с «Полярисом».

— Он летел на Токсикон.

Алекс задумчиво прищурился:

— Когда здесь была Нэнси Уайт?

— В тысяча триста сорок четвертом. А потом в тысяча триста шестьдесят втором.

— Дважды?

— Да. В первый раз она пообещала мне обязательно вернуться, чтобы снова увидеться со мной.

— Наверняка она была еще очень молода. При первой вашей встрече.

— Ей было около девятнадцати лет. Почти ребенок.

В голосе его прозвучала грусть.

— Расскажите, как это было, — попросил Алекс.

— Она летела вместе с отцом на борту «Милана», который возвращался из разведывательной экспедиции. Ее отец был астрофизиком.

Алекс кивнул:

— Он изучал формирование нейтронных звезд. Впрочем, та экспедиция была совершенно рядовой.

— Просто взглянуть, что там делается?

— Да. На борту было шестеро, не считая капитана, — как и на «Полярисе». Они провели в космосе пять месяцев и полностью исчерпали свои запасы.

— И остановились здесь, прежде чем лететь на Индиго? — поинтересовалась я.

— Индиго была закрыта на обслуживание, госпожа Колпат. Наша станция осталась единственной.

— О чем вы говорили? — спросила я. — Вы с Нэнси?

— Ни о чем существенном. Она была в полном восторге. Ей никогда прежде не приходилось бывать за пределами Окраины, а тут сразу же дальний полет.

— И она вернулась, чтобы увидеться с вами, много лет спустя. Как вы думаете, почему?

— Ну, мы поддерживали контакт все эти годы, вплоть до того момента, когда она поднялась на борт «Поляриса».

— В самом деле? Она посылала вам сообщения с Окраины?

— Да, хоть и нечасто. Мы не теряли связи друг с другом.

Аватар перевел взгляд с Алекса на меня, и мне вдруг показалось, что ему очень одиноко.

— Могу я спросить, о чем вы беседовали?

— О том, чему она посвящает свое время, в каких проектах участвовала. Для нее в этом была и практическая польза: когда она только начала заниматься популяризацией науки, я служил символом в некоторых ее презентациях.

— Символом?

— Да. Иногда она использовала меня в роли высокоразвитой формы жизни. Иногда я был соперником. Иногда — бесценным другом. Я неплохо справлялся. Не хотите взглянуть на одну из программ?

— Конечно, — кивнула я. — Не могли бы вы сделать для нас копию?

— Они есть в магазине сувениров, — сказал он. — По вполне разумной цене.

Я вдруг вспомнила, что одна из книг Нэнси, «Квантовое время», посвящена Меривезеру Пеншо.

— Это ведь вы?

— Да, — с нескрываемой гордостью ответил он.

— Капитан, — сказал Алекс, — во время своего последнего полета «Полярис» прошел недалеко от вашей станции. Нэнси наверняка думала о вас.

Аватар кивнул:

— Да. Собственно, я получил от нее два сообщения.

— И вряд ли хоть одно из них способно пролить свет на случившееся?

— Увы, ни одно. Последняя весточка пришла вскоре после события, которое они собирались наблюдать. После того, как нейтронная звезда врезалась в Дельту К. Нэнси подробно описала все это, употребив слово «интригующе». Именно так — интригующе. Мне казалось, что люди должны реагировать сильнее, когда у них на глазах гибнет целое солнце. Но Нэнси не была склонна к гиперболам. — Во взгляде его промелькнула тоска. — Это случилось за много часов до того, как она отправила Мадлен Инглиш свое последнее сообщение.

— Что еще говорила Нэнси?

— Ничего особенного. По пути туда она рассказывала, что ей не терпится стать свидетелем столкновения, увидеть, как нейтронная звезда уничтожает Дельту Карпис. И еще она выражала сожаление, что я не могу быть вместе с ней.

Алекс посмотрел на меня, давая понять, что у него вопросов больше нет.

— Спасибо, капитан, — сказала я.

— Всегда рад. Нечасто доводится беседовать с гостями. Люди бывают здесь редко, и у них нет времени поговорить. Заполнили цистерны, подзарядили генераторы, спасибо, до свидания.

— Что ж, капитан, — сказала я, — знайте: мне очень приятно было познакомиться и провести время с вами.

— Спасибо, госпожа Колпат.

Он расплылся в улыбке. Даже его форма, казалось, заблестела сильнее.

Желая хоть немного побыть вне замкнутого пространства «Белль-Мари», мы решили провести ночь на станции. В той ее части, которую искин называл галереей, имелось несколько жилых комнат. Он проводил нас туда, не прекращая своей болтовни:

— Могу предложить большой выбор развлечений. Драма, спортивные соревнования, безумные вечеринки — что только пожелаете. А можно просто посидеть и поговорить.

— Спасибо, капитан, — сказала я.

— Вечеринки? Звучит интригующе, — заметил Алекс.

— Можете придумать каких угодно гостей. А если вдруг захотите принять участие в познавательной беседе, у нас имеется набор исторических персонажей. Можно устроить, например, чаепитие с Юлием Цезарем. Ключи от ваших комнат — у дверей. Не забудьте вернуть их, когда соберетесь улетать.

Ключи оказались пультами. Алекс достал из кармана тот, что мы нашли в «Эвергрине», и сравнил их. Сходства было немного.

Взяв свой ключ, я направила его на дверь и нажала кнопку «открыть». Дверь отодвинулась в сторону; вход в комнату был свободен. Алекс показал аватару дубликат ключа.

— Капитан, — спросил он, — не было ли на станции таких ключей шестьдесят лет назад?

Капитан взглянул на ключ и покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Конструкция и внешний вид совсем другие.

Я заглянула в комнату. Роскошные занавески, отполированная мебель, шоколадка на кофейном столике, большая кровать с множеством подушек. Неплохо.

— Если решите остаться на пять дней или больше, — сказал аватар, — пятая ночь бесплатно.

— Соблазнительно, — заметил Алекс, хотя подобных планов у него, естественно, не было.

Повсюду на станции ощущался груз столетий и заметный упадок. Более того, на станции Меривезер свое одиночество в про-

странстве ты ощущал кожей. На «Белль» мы не замечали, что на двести световых лет вокруг нет ни единой живой души. На станции же ты точно знал, где находишься: каждый километр, что отделял тебя от ближайшего человека, был реальностью. Алекс заметил, что я улыбаюсь.

— Что такое? — спросил он.

— Мне бы не помешала хорошая вечеринка.

Маркоп III вряд ли заслуживал визита, но мы все-таки полетели туда: Алекс настоял на том, чтобы осмотреть все.

Планета выглядела весьма привлекательно — голубые водные просторы, кудрявые белые облака, стада больших лохматых созданий, которые могли бы стать отличной мишенью для охотника. Погода в зоне умеренного климата была почти райской.

Но сколь бы заманчивым ни казался этот мир, он нес в себе смерть. В отличие от подавляющего большинства пригодных для жизни планет местные вирусы и болезнетворные бактерии просто обожали вид «гомо сапиенс». Высадив на поверхность группу людей, не стоило ожидать, что они вернутся живыми, без множества мер предосторожности. Само собой, это исключало возможность появления туристских зон и отелей.

На этот раз рядом с нами не было разговорчивого искина, и никто не мог рассказать о случившихся здесь необычных событиях. По площади суши Маркоп III превосходил Украину — сто восемьдесят миллионов квадратных километров, по большей части покрытых лесами и джунглями.

Когда-то тут было человеческое поселение — можно сказать, в древности, четыре тысячи лет назад. О тех временах остались лишь отрывочные сведения, но известно, что империя Бенди основала на планете колонию, просуществовавшую около ста лет. Потом врачи перестали справляться с эпидемиями, и им пришлось сдаться.

У нас не было оборудования для подробного обследования планеты, но мы все же осмотрели ее с низкой орбиты. Виднелись руины давно погибших городов, погребенные глубоко в джунглях, — их невозможно было увидеть невооруженным глазом. В отдаленных районах, видимо, некогда существовали фермы: сохранились остатки стен и фундаментов.

Мы провели на орбите три дня, но не нашли ничего, что напоминало бы надежное убежище.

ГЛАВА 23

Окраина будет существовать всегда.

Из обращения Хайнца Больтмана к членам Ассоциации отставных офицеров в первые годы существования Конфедерации, когда выживание казалось проблематичным

Терранова, Новая Земля, получила свое название вполне заслуженно. Она вращалась по орбите вокруг самой обычной оранжевой звезды: наклонение орбиты — двадцать один градус, а сила тяжести на долю процента ниже стандартной. У планеты был огромный, лишенный атмосферы спутник, а два ее континента с орбиты выглядели как Африка и обе Америки.

Самая примечательная особенность планеты заключалась в том, что земные формы жизни легко интегрировались в ее биосистему. Прекрасно росли томаты, кошки охотились на местную разновидность белок, а в умеренных зонах могли жить люди.

Но самым важным для нас было то, что у манглистов имела система спутников, действовавшая больше века. Никто не мог посетить или покинуть планету без их ведома, и мы быстро выяснили, что в интересующий нас период времени никакой активности не наблюдалось. «Полярис» сюда не прилетал.

Во время нашего визита на Терранову случилось только одно событие, достойное упоминания: совсем рядом с нами пролетел обломок камня, и система предотвращения угроз уничтожила его. Система представляет собой установленный на корпусе корабля черный ящик: он обнаруживает и опознает приближающиеся объекты, а затем координирует действия одного или нескольких излучателей. Всего излучателей четыре.

Для террановского камня хватило одного луча. Я использовала устройство всего лишь во второй раз за всю мою пилотскую карьеру.

Серендипити, четвертая планета в системе Гаспара, была нашим последним кандидатом. Большую часть ее поверхности занимала пустыня, лишь возле полюсов наблюдались клочки джунглей. Еще там было несколько небольших морей, изолированных друг от друга. В экваториальном поясе царила адская жара и сушь и росли одни пурпурные кустарники. Даже местная живность избегала этих краев.

Гаспар был желто-белой звездой класса F. Судя по сведениям из баз данных, три внутренние планеты выгорели почти дотла. Звезда пребывала в стадии расширения, нагреваясь все больше с каждым годом, и вскоре должна была превратить в пепел любую жизнь, кое-как прозябавшую на Гаспаре IV, Серендипити. В масштабах космоса «вскоре» означало, конечно, несколько сотен тысячелетий.

Живые существа на планете оказались крупными, примитивными и голодными. Не совсем динозавры, не совсем ящеры — гигантские теплокровные медлительные чудовища. Внушительные размеры были следствием низкой гравитации — примерно три четверти от стандартной.

Планету называли Серендипити — «Приятная неожиданность» — из-за того, что у исследовательской экспедиции все пошло не так, как хотелось бы. Корабль под названием «Кисмет» принадлежал группе искателей приключений. Они отправились в полет за несколько десятилетий до того, как Конфедерация установила общие для всех правила исследований — в частности, обязательное наличие лицензии для внедрения посторонних форм жизни в биосистему.

Одного из членов команды убило чудовище, по самой пространственной версии, — попросту наступив на него. Другой провалился в яму и сломал ногу. Еще двое поссорились, да так серьезно, что впоследствии развелись, а капитан умер от сердечного приступа на следующий день после прибытия на планету. Вдобавок на «Кисмете» вышли из строя двигатели Армстронга, и оставшихся в живых пришлось спасать.

Под нами простиралась поверхность планеты — бурая, морщинистая, иссохшая и потрескавшаяся. Во многих местах под-

нимался пар. У Серендипити имелся обычный большой спутник — похоже, необходимое условие существования больших сухопутных животных. Почти безоблачное небо. Атмосфера, пригодная для дыхания, лишенная опасных для человека микроорганизмов. Прекрасное место для того, чтобы спрятаться на несколько недель или месяцев. Вот только откуда этот гостиничный ключ?

— Я надеялся, что нам повезет, — сказал Алекс.

— Не похоже. Слишком уж примитивная планета. Здесь вообще хоть кто-нибудь живет?

— А ты стала бы здесь жить? — усмехнулся он.

— Вряд ли.

— Раз уж мы здесь, можно и поискать. Скопление модулей, временное убежище, что-нибудь в этом роде. Любой искусственный объект.

Он был явно обескуражен. Я велела Белль просканировать всю поверхность планеты.

Мы пролетели над крошечным морем, затем снова над пустыней. Планета выглядела настолько заброшенной и покинутой, что это сообщало ей некую зловещую красоту. Пересекши границу света и тени, мы погрузились во тьму, которую лишь изредка разрывали вспыхивавшие внизу бесплотные огни.

Но больше там не было ничего. И уж точно не было отеля, где могли бы разместиться гости.

Два дня спустя Белль доложила о завершении сканирования.

— Результат отрицательный, — сообщила она. — Искусственных объектов на поверхности не обнаружено.

— Неудивительно, — проворчал Алекс, закрыв глаза.

— Пора возвращаться домой, — сказала я.

Алекс достал из кармана ключ и уставился на него. Вверх. Вниз. Открыть. Закрыть. Перевести деньги.

— Барбер была готова убить любого, лишь бы сохранить в тайне его существование, — изрек он.

Почему?

Глядя на поверхность планеты, я думала, что жизнь на ней будет идти своим чередом. Гигантские твари продолжают охоту друг на друга, климат будет становиться все жарче. К тому времени, когда не смогут выжить даже эти закаленные создания, че-

ловечество, скорее всего, перестанет существовать, эволюционировав во что-нибудь еще. Я думала о времени, о том, как оно убыстряется по мере твоего взросления и старения, как меняется его течение в гравитационных полях или под ускорением. Я размышляла о нашей убежденности в том, будто наш мир — нечто неизменное, конечная точка истории. Окраина будет существовать всегда.

— Знаешь, — сказала я, — насчет ключа есть одно предположение.

Алекс поднял брови:

— Какое же?

— Он относится примерно к тысяча триста шестьдесят пятому году.

— Конечно, он ведь лежал внутри челнока.

— Но это вовсе не значит, что он был изготовлен в ту эпоху. — Я взяла у Алекса ключ и стала его рассматривать. — Люди путешествуют в Даме-под-Вуалью уже несколько тысяч лет.

— Планеты и базовую станцию мы отбросили, — сказал Алекс. — Встречу с другим кораблем тоже. Что остается?

Мало что.

— Другая базовая станция? — предположила я.

Алекс задумался:

— Не исключено. Может, нам следует искать некий артефакт. Нечто такое, о чем не упоминается ни в одном источнике.

— Может быть, — согласилась я. — Но тогда она не должна быть слишком старой. Чтобы люди могли укрыться на станции, пусть даже на несколько дней, она должна поддерживаться в рабочем состоянии.

— Иметь запас энергии.

— Да. В числе прочего.

— Насколько старой она может быть? — спросил Алекс.

Когда я успела стать специалистом по базовым станциям?

— Я не инженер, Алекс. Но, думаю, ей не больше двух тысяч лет. А скорее, меньше. Намного меньше.

Мы снова входили в область дневного света. Над краем планеты поднималось солнце.

— Две тысячи лет, — сказал он. — Похоже на кангов.

— Да, очень похоже.

Канги проявляли активность в этом регионе на протяжении примерно тысячи двухсот лет, начиная с девятого тысячелетия. Потом они впали в спячку и вновь начали подавать признаки жизни лишь в прошлом веке.

— Белль, — сказала я, — занимался ли исследованиями окрестностей Дельты Карпис кто-нибудь, кроме нас и Республики Канг? В радиусе, скажем, семидесяти световых лет?

— Немалую активность проявляли альтериане, а также ионийцы.

— Я говорю о недавних временах. О последних трех тысячелетиях.

Тут я осознала сказанное мной и невольно улыбнулась.

— Неплохо, — заметил Алекс. — Масштабно мыслим.

— Похоже, в этом регионе никто больше не появлялся, — сказала Белль. — Кроме Содружества, конечно.

Содружество было предшественником Конфедерации.

Алекс ткнул пальцем в искина.

— Белль, — сказал он, — какой символ использовали канги для обозначения своей валюты? В период их господства?

— Символов было много. Какой именно валюты, в какую эпоху?

— Покажи нам все.

Экран заполнился символами — буквами различных алфавитов, иероглифами, геометрическими фигурами. Алекс взглянул на них, покачал головой и спросил, есть ли еще. Белль выдала еще.

Нужный знак нашелся во второй партии — пятый символ с ключа. Прямоугольник. Пиктограмма.

— Похоже, тот самый, — сказал Алекс.

Полной уверенности не было, но сходство и вправду прослеживалось. Наконец-то, подумала я.

— Белль, укажи положение всех оставшихся базовых станций эпохи Канг внутри заданной области.

— Сканирую, Чейз.

Алекс закрыл глаза.

— Недостаточно данных, — сказала Белль. — Координаты базовых станций Республики Канг утрачены во время Пандемических революций. Сами станции к тому времени были давно заброшены, и, видимо, никто не заботился о сохранении всех деталей. Известно местонахождение лишь шести, ни одна

из которых не находится в интересующей вас области. Но станций было намного больше.

— При этом мы не знаем, где они располагались.

— Совершенно верно.

Серендипити отстояла всего на двенадцать световых лет от того места, где карлик врезался в Дельту К. Будь Дельта К до сих пор живой звездой, она располагалась бы почти перпендикулярно к плоскости местной солнечной системы, выглядя яркой желтой точкой в северном небе Серендипити.

— Ну вот, можно возвращаться домой, — пробормотал Алекс.

На мостике появилась Белль — прекрасная блондинка в спортивной одежде, с надписью «Андикварский университет» на футболке. Этот экземпляр, чья программа практически полностью совпадала с оригиналом, обожал появляться на публике. Белль покачала головой, словно говоря: «Увы, ничем не могу помочь».

Где-то там находилась забытая всеми станция, на которой нашли убежище пассажиры «Поляриса». Но где именно? Сфера диаметром сто двадцать световых лет — обширная область для поиска.

— Не будем спешить, — возразила я. — Откуда Мэдди знала про станцию? Если станция действительно существовала, как им стало о ней известно?

— Понятия не имею, — ответил Алекс.

Я вдруг вспомнила про Нэнси Уайт на станции, про которую все давно забыли.

— Она говорила: «Пройдет время, и так будет со всеми нами».

— Прошу прощения?

— Нэнси Уайт. Она очень интересовалась всем заброшенным и оставленным — планетами, городами, философскими учениями. И базовыми станциями.

— Она знала, что здесь есть такая станция?

— Неизвестно. Но она ведет шоу, участники которого совершают экскурсию на одну из них. Чай-Пинг, или Чай-Понг, что-то вроде этого. — Я посмотрела на Белль.

— Проверяю, — сказала Белль. Она прислонилась к переборке и уткнулась взглядом в палубу.

Алекс подошел к иллюминатору и уставился в темноту:

— Не понимаю, как нам вообще пришло в голову, что они могли сюда прилететь?

— Надо взглянуть, Алекс. Другого способа нет.

Белль подняла взгляд:

— Я просмотрела указанное шоу. По словам Уайт, Чай-Понг находится в тысяче ста световых лет от Дельты Карпис.

Далеко за пределами.

Алекс проворчал что-то неразборчивое. Воздух казался затхлым и тяжелым.

— Может, она нашла не только ее.

— Возможно, — согласилась я.

— Если так, нужные нам сведения могут оказаться в ее рабочих материалах — комментариях, очерках, записках. Или даже проскользнуть в другом шоу.

— Начинаю подробный просмотр, — объявила Белль. — Это займет несколько минут.

— А пока нет никакого смысла тут торчать, — заметил Алекс.

— Давай подождем, — возразила я, — пока не выясним, куда двигаться дальше.

Белль просияла и торжествуя подняла кулак:

— Есть! В дневнике, куда она заносила идеи для очерков и программ.

— И что там говорится? — осведомился Алекс.

— Роман Хопкин. Знакомо вам это имя?

— Нет.

— Давний друг Уайт. Историк. Судя по всему, большую часть времени он тратил на исследования для нее. Так или иначе, это он обнаружил Чай-Понг. В тысяча триста пятьдесят седьмом.

На экране появился дневник:

11.03.1364

Хопкин нашел еще одну. Сколько еще в космосе заброшенных кангских станций? По его словам, она находится возле Баку-Кона, в пыльных объятиях, как он выразился, одного из газовых гигантов системы. Впрочем, он любит преувеличивать. Он говорит, что скоро станция упадет в атмосферу, и думает, что это случится в течение ближайших нескольких столетий. По-видимому, ее забросили две тысячи лет назад. Хопкин утверждает, что ее, похоже, покидали в спешке, бросая все. Настоящий микрокосм кангской культуры того периода. Через месяц он возвращается. Обещал, что я полечу с ним.

Я перечитала запись несколько раз.

— Нэнси Уайт, — продолжала Белль, — была единственной, кто часто покидал пределы планеты, если говорить о пассажирах «Поляриса». Как известно, она видела мир в космической перспективе и прославилась главным образом тем...

— Это можно пропустить, Белль. Станция кангов — выдающееся открытие. Почему мы не слышали о ней раньше?

— Хопкин погиб три месяца спустя.

— Еще одно убийство? — спросила я.

— Вряд ли. Он погиб, спасая женщину, которая пыталась покончить с собой, прыгнув с эстакады. Женщина перелезла через ограждение, и Хопкин хотел ее остановить. Похоже, она сцепилась со своим спасителем и утащила его с собой.

— А Нэнси Уайт никому не сообщила об открытии второй станции кангов, — добавила я.

— Белль, — спросил Алекс, — где находится Баку-Кон?

На одном из экранов вспыхнула карта звездного неба. Мы увидели Дельту Карпис, а дальше, на расстоянии в сорок пять световых лет, — мерцающий яркий огонек.

— Все просто, — сказал Алекс.

Белль посмотрела на него.

— Алекс, — сказала она, — у меня есть для тебя сообщение. От Джейкоба.

— От Джейкоба? Давай посмотрим.

Она вывела текст на экран:

Алекс, я получил послание от некой Кори Чалабы из фонда «Эвергрин». Как я понимаю, ты ее знаешь. По ее словам, женщина с фотографии пришла взглянуть на экспозицию. Больше она не сказала ничего, лишь попросила меня передать сообщение и связаться с ней. Полагаю, тебе известно, в чем дело.

— Тери Барбер.

Алекс кивнул:

— Ей хочется знать, не попытается ли Барбер украсть артефакт.

— Что ты собираешься ей ответить? — спросила я.

— Думаю, тут ничего страшного. Артефакт лежит в той витрине уже шестьдесят лет. Барбер наверняка поймет, что кража лишь привлечет к нему внимание. Нет, опасность не в этом.

- Ты про Баку-Кон?
- Именно. Она решит, что мы все знаем. Что мы все выяснили.
- И будет поджидать нас, когда мы туда доберемся?
- Он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди:
- А разве ты не поступила бы так же?

Баку-Кон. Бело-голубая звезда класса В, температура на поверхности — двадцать восемь тысяч градусов Кельвина. Судя по каталогу, звезда была относительно молодой, возникнув всего двести миллионов лет назад. Как и у Солнца, у нее было девять планет. Казалось, здесь имел место точный математический расчет: газовыми гигантами были первая и последняя планеты, а также третья, четвертая и пятая.

Ближайший к звезде гигант вращался по вытянутой эллиптической орбите, в буквальном смысле слова проходя через атмосферу Баку-Кона. Вряд ли канги основали бы там станцию.

Обычно базовую станцию размещают поближе к солнцу, чтобы по максимуму использовать его даровую энергию. С другой стороны, никому не хочется напяливать на себя защитную оболочку весом в тонну, чтобы защититься от радиации.

— Третья, — сказала я Алексу.

Найти базовую станцию после того, как она законсервирована, — непростая задача. Если станция не освещена и не подает сигналов, ее нелегко отличить от тысяч прочих камней, вращающихся вокруг любой крупной планеты. Пришлось действовать по методу исключения. Приближаемся к очередному кандидату, ищем антенны, тарелки, солнечные батареи и все такое прочее, вычеркиваем его из списка и перемещаемся к следующему. На это может уйти много времени. Так и вышло — дни и ночи начали сливаться воедино.

Жизнь на борту превратилась в рутину. Алекс погрузился в труды Уайт: Белль могла что-нибудь пропустить, и он надеялся это найти.

— Она излагает разные истории, — поведал он. — Например, такую: в детстве она жила на Окраине вместе с отцом, и однажды во время полного солнечного затмения обе луны выстроились в ряд. Это случается крайне редко, иногда раз в несколько тысячелетий. Но тогда стоял тысяча триста тридцать восьмой год, и событие должно было повториться всего четырнадцать

лет спустя. Они беседовали о том, где будет в тот момент каждый из них. Нэнси сказала, что хочет снова оказаться вместе с отцом, даже взяла с него обещание. Но отец умер за два года до события. И вот она рассказывает, как наблюдала затмение одна — во всяком случае, без него.

Кивнув, он отхлебнул кофе из чашки.

— Трудно поверить, — сказала я, — что такая женщина могла участвовать в заговоре.

— Именно такая женщина и требовалась.

Мы медленно двигались среди летящих по орбите камней самых разных размеров — от мелкой гальки до астероидов, вдвое крупнее нашей большой луны. Планеты сформировались недавно и продолжали выбрасывать в окрестный космос газ, а также всевозможный мусор. Роман Хопкин не преувеличивал, говоря о «пыльных объятиях». Осмотром, естественно, занималась Белль — мы лишь глядели в иллюминаторы. У нее это получалось куда лучше, чем у нас, ведь она могла обследовать целые скопления небесных тел одновременно. Если бы этим пришлось заниматься мне с Алексом, мы торчали бы там до сих пор.

Нам понадобилось чуть больше недели.

Белль разбудила меня среди ночи, сообщив, что поиск завершился успешно.

— Вероятность — девяносто девять процентов, — добавила она.

Это был большой бесформенный астероид, испещренный трещинами и кратерами. На его поверхности торчали антенны, датчики и солнечные батареи. Астероид снабдили не менее чем шестью позиционными двигателями: видно было даже, где от него отрезали часть, чтобы облегчить доступ к причальным отсекам.

— Никаких следов другого корабля? — спросила я.

— Ответ отрицательный, Чейз.

Прибавлять, что здесь очень легко спрятаться, она не стала — все и так было ясно.

— Ладно, Белль. Расположи корабль в одном километре от базовой станции. Направление и скорость — те же, что у нее.

— Слушаюсь.

На базовых станциях причальные люки всегда широко открыты навстречу прибывающим кораблям. Проскальзываешь внутрь,

швартуешься, выходишь через туннель — и ты на станции. Больше ничего не нужно. Как на Меривезере.

Но сейчас перед нами был лишь висящий на орбите астероид. Никакие люки не открылись при нашем приближении, никто не сообщил нам о достоинствах ресторана «Вон-Ти», не зажегся ни один огонь.

Похоже, станция всегда была повернута к планете одной и той же стороной. Я видела люки, разбросанные по ее изрытой кратерами поверхности. Большинство их предназначалось для доступа к датчикам, антеннам, телескопам и солнечным батареям. Сервисные люки: следовало ожидать. Возле причалов я нашла нечто вроде главного входа, который вел прямо в вестибюль.

Нам требовались запасные кислородные баллоны. И лазер, на тот случай, если шлюзы не работают.

Если Барбер пробралась туда, она наверняка уже знала о нас: не было никаких шансов пробраться мимо нее незамеченными в четыре часа утра. Я решила дать Алексу поспать, но к себе в каюту возвращаться не стала. Если что-то случится, лучше быть на мостике.

Несколько часов спустя появился Алекс и первым делом спросил, не обнаружила ли я следов Барбер. Нет, ответила я, все спокойно.

— Хорошо, — кивнул он. — Может, все обойдется.

Я показала ему один люк, — казалось, им можно было воспользоваться.

— Нет, — нахмурился он.

— Почему? Идеальный вариант.

Алекс указал на сервисный люк, спрятавшийся среди трещин возле дальних антенн:

— Вот этот.

— Алекс, он слишком далеко от причала. Нам придется пробираться через служебные помещения.

— Совершенно верно.

— Но почему?

— Если Барбер здесь, она думает так же, как и ты. И ожидает, что мы воспользуемся люком у причала.

В чем-то он был прав.

— Ладно, — согласилась я. — Но тут довольно пересеченная местность. Не очень-то хочется подводить корабль слишком близко к этим скалам.

— Нам ведь придется прыгать?

— Да, придется.

Высота составляла метров двадцать. По какой-то необъяснимой причине идея ему понравилась.

— Воспользуемся челноком, — сказал он. — По крайней мере, я воспользуюсь.

— В смысле? Мы ведь оба туда собираемся?

На его лице загорелась знакомая озорная улыбка.

ГЛАВА 24

Власть иллюзий основана прежде всего на следующем: люди склонны видеть то, что они ожидают увидеть. Если явление не поддается однозначной интерпретации, будьте уверены: аудитория извлечет готовые выводы из своего коллективного кармана. Это простая истина, лежащая в основе фокусов, а также политики, религии и обычных человеческих взаимоотношений.

Великий Маннгейм

Из переговоров:

«Белль-Мари» — Челнок

День миссии 32

Время 07.17

Челнок: Я в пути, Чейз.

«Белль»: Время полета составит четыре с половиной минуты, Алекс.

Челнок: Соответствует бортовым данным.

«Белль»: Будь осторожен при выходе. Шагай прямо в шлюз. У тебя ведь есть генератор?

Челнок: Да, Чейз, у меня есть генератор. И лазер.

«Белль»: Когда ты окажешься внутри, мы потеряем связь.

Челнок: Знаю.

«Белль»: Значит, нужно вести себя крайне осторожно.

Челнок: Чейз, мы об этом уже говорили. Я буду осторожен.

«Белль»: Не забудь, что ты должен вернуться на челнок через полтора часа после прибытия. Если за это время я не увижу тебя, приду сама.

Челнок: Не бойся, дорогая. Я выйду и помашу тебе.

«Белль»: Не нравится мне все это, Алекс.

Челнок: Спокойнее. Все отлично. Ты дала указания искину?

«Белль»: Да. На борт никто не проникнет. А если все же попытается, мы ускоримся, и его просто отшвырнет.

Челнок: Очень хорошо. Вряд ли стоит волноваться, но все-таки...

«Белль»: Лучше перебдеть, чем недобдеть. *(Пауза.)* Нужный люк — по правому борту.

Челнок: Жаль, что нельзя открыть причал. Мы бы просто завели «Белль» туда.

«Белль»: Здесь уже много столетий нет энергии, Алекс.

Челнок: Ладно. Приближаюсь.

«Белль»: Не забудь привязаться.

Челнок: Это не так важно. Мне надо только высунуться из шлюза — и люк рядом.

«Белль»: Будь любезен, сделай так, как мы договаривались.

Челнок: Когда-нибудь ты станешь доброй тетушкой.

«Белль»: Я уже чья-то тетушка.

Челнок: Не удивлен.

«Белль»: Алекс, когда ты окажешься на поверхности, Белль слегка отведет челнок назад.

Челнок: Ладно. Я на месте.

«Белль»: Контакт?

Челнок: Именно так, Чейз. Начинаю разгерметизацию.

«Белль»: Поняла тебя. Имей в виду: искусственной гравитации на астероиде нет.

Челнок: Знаю.

«Белль»: И обслуживания тоже долго не было. Смотри, за что хватаешься.

Челнок: Я всегда смотрю, за что хватаюсь.

«Белль»: Будь серьезнее, Алекс. На этой штуке есть солнечные батареи, с некоторой долей вероятности может быть и электричество. Порой случаются и более странные вещи.

Челнок: Понял тебя.

«Белль»: Любой металл может быть опасен.

Челнок: Хватит волноваться, красавица. Ты говоришь так, будто я никогда ничем подобным не занимался.

«Белль»: Унылое место.

Челнок: Люк открыт. Я привязался и иду.

«Белль»: Ты все взял?

Челнок: Может, хватит?

«Белль»: Ты расплачиваешься за то, что бросил меня тут.

Челнок: Вышел из челнока. Нужно перепрыгнуть сантиметров пятьдесят.

«Белль»: Хорошо.

Челнок: Думаю, у меня получится.

«Белль»: Надеюсь.

Челнок: Я на поверхности. Отвязываюсь.

«Белль»: Втягиваю фал назад.

Челнок: Приближаюсь к люку.

«Белль»: Я тебя вижу.

Челнок (*Пауза*): Чейз, он открывается вручную.

«Белль»: Аккуратнее... Вряд ли сработает после стольких лет...

Челнок: Подожди... Нет, все нормально... Открыто. Вхожу.

«Белль»: Очень хорошо, Алекс.

Челнок: Я внутри шлюза. Пытаюсь открыть внутренний люк.

«Белль»: С той стороны может оставаться воздух.

Челнок: Похоже, нет. Открывается.

«Белль»: Не забывай, что воздуха у тебя на два часа. И я хочу видеть тебя у шлюза через девяносто минут. Хорошо?

Челнок: Вошел. Я в туннеле, Чейз.

«Белль»: Подтверди мою последнюю просьбу.

Челнок: Что?

«Белль»: Ты должен вернуться через полтора часа.

Челнок: Без проблем.

«Белль»: Повторяй за мной: «Я вернусь через полтора часа».

Челнок: Я вернусь через полтора часа.

«Белль»: Что ты видишь?

Челнок: Ничего, кроме камня.

«Белль»: Все правильно. Это сервисный люк. Обычно все входят и выходят через причальную зону.

Челнок: Туннель уходит вперед метров на двадцать, а потом изгибается. Дальше ничего не видно.

«Белль»: Перемешаю челнок.

Челнок: Ладно, увидимся через полтора часа.

«Белль»: Алекс, ты начинаешь пропадать.

ГЛАВА 25

О Одиночество! Где то очарование,
Что в образе твоём узрели мудрецы?

Уильям Купер

Из дневников Алекса Бенедикта

Само собой, я пребывал в невесомости, обутий в магнитные башмаки, но все равно мне казалось, будто я наполовину плыву. Я так и не научился в них ходить. Как утверждают знатоки, новичок испытывает непреодолимое желание полетать. Ко мне это точно не относится. Я старался вести себя как можно осторожнее. Не люблю невесомость — мне сразу становится плохо, я теряю ориентацию, не понимаю, где верх, а где низ.

Я прошел через шлюз, не в силах избавиться от мысли, что меня поджидает Тери Барбер с бомбой. Сознывая, что это лишь плод моего воображения, я все же с облегчением вздохнул, когда открылся внутренний люк: он вел в длинный пустой коридор.

У меня был генератор, так что без электричества я не остался бы. Еще я взял с собой черный маркер, чтобы не заблудиться, и скремблер. Мне никогда не приходилось им пользоваться, но я знал, что при появлении Барбер выстрелю не раздумывая.

Коридор был прорублен в толще камня. Включив наручный фонарик, я поставил его на минимальную яркость, подумав, что так у меня меньше шансов стать мишенью. После этого я двинулся вперед. Метров двадцать коридор шел прямо, затем изгибался. Я завернул за угол, убежденный, что где-то неподалеку меня подстерегает вооруженный безумец. Сейчас мне кажется,

что в тот миг я совершил самый отважный поступок в своей жизни.

Серые стены туннеля тускло поблескивали. Вдоль пола и потолка тянулись полосы, когда-то дававшие свет.

Туннель постоянно поворачивал, поднимался и опускался, так что прямая видимость редко составляла больше двадцатитридцати метров. Идеальное место для засады. Не спрашивайте меня, почему поворотов было так много, — мне казалось, что логичнее прорубать прямой проход в камне. Но что я, собственно, об этом знаю?

Было бы неплохо, если бы я мог не только видеть, но и слышать. Но в этом вакууме передо мной могла свалиться целая тонна кирпича, и я бы даже не узнал об этом. Я шагал, касаясь ладонью стены, в надежде ощутить вибрацию от малейшего движения. Но я прекрасно понимал, что лишь выдаю желаемое за действительное.

Мне попались три или четыре двери, выглядевшие не слишком многообещающе: я не стал пытаться их открывать. Было несколько перекрестков, но поперечные туннели выглядели ничуть не интереснее моего. И еще на пути мне встретились два люка — к счастью, открытых.

Наконец туннель разветвился. Я оставил метку и пошел направо.

Я уже слегка расслабился, когда, свернув в очередной раз, увидел свет. Я едва не выпрыгнул из скафандра. Но это было лишь отражение от металлического листа, который, в свою очередь, оказался открытой дверцей какого-то шкафа.

Путь мне преградил еще один люк, закрытый и никак не реагирующий на все попытки его открыть. Обычно это означает, что с другой стороны люк подпирается воздухом, но этот, похоже, попросту заклинило от времени. Я повозился с минуту, а потом проложил себе дорогу с помощью лазера.

Коридор продолжался и по другую сторону. Я миновал ряд складских помещений, заполненных шкафами, коробками и ящиками с запчастями, постельными принадлежностями, кабелями, инструментами, электронным оборудованием. Судя по всему, покидавшие станцию канги не потрудились ее очистить. Понимали ли последние из них, что сюда никто больше не вернется?

Часть вещей плавала в невесомости — скамейки, стулья, крепежные детали, затвердевшая ткань. Их окружало облако мелких частиц, которые могли быть чем угодно — остатками полотенец, одежды, фильтров или еды. Все это парило возле одной стены, — видимо, она находилась на внешней стороне орбиты станции.

Так продолжалось где-то три четверти часа. Но вот наконец я прошел через последний люк. Каменные стены сменились обшивкой, дерево которой превратилось в твердую, сухую, бесцветную массу. Пол был покрыт ковром, но магнитные башмаки все равно оставляли на нем дыры. Я подошел к нескольким двустворчатым дверям, одна из которых была открыта. Войдя в нее, я с радостью увидел, что нахожусь на самой станции. Вместо люков по обеим сторонам коридора начали появляться двери. Открыть их было нелегко, но через некоторые все же удалось пробиться. В одном из помещений был оборудован тренажерный зал с беговой дорожкой, брусьями и еще несколькими снарядами. В другом я обнаружил пустой бассейн с сохранившимся трамплином.

Еще два были заполнены шкафчиками и скамейками. В каждом имелся душ.

Оказавшись возле лестницы, я всплыл на следующий уровень, выходивший в вестибюль. По одну его сторону тянулась длинная изогнутая стойка, а по другую — ряд магазинчиков с пустыми полками и столами. У стены плавали гаечный ключ и молоток. Они забыли инструменты, но забрали личные вещи. Мне уже доводилось видеть подобное прежде, — казалось, будто люди откровенно хотели отомстить потомкам. Любой из владельцев этих лавок мог обрести бессмертие, всего лишь указав свое имя и оставив товар.

Отсюда расходилось несколько коридоров. Снова магазины, снова двери. Я вошел в один из жилых номеров. К палубе был привинчен стол, у стены плавали два стула и подушка. Все давно высохло и потрескалось.

Кроме них, посреди комнаты парили осколки стекла и какое-то электронное устройство, похожее на музыкальный инструмент.

За соседней дверью все было иначе: мебель, привинченная к полу, старая, но не древняя ткань. Не отель «Голамбер», но жить можно. И кто-то здесь жил — совсем недавно. В углу стоял

относительно современный комод. В невесомости плавали только кофейная чашка, ручка и салфетка.

Я подошел к письменному столу. Все четыре ящика оказались пусты. Освободив стол от болтов крепления, я взглянул на заднюю стенку и увидел табличку с надписью, сделанной стандартным шрифтом: «Изготовитель: „Кросби Ворлдвайд“».

Я вышел на связь с Чейз.

— Вряд ли ты меня сейчас слышишь, дорогая, — сказал я, — но, кажется, мы нашли то, что искали. Именно тут они жили.

Наконец-то, с нескрываемым удовлетворением подумал я.

Чейз, конечно же, не ответила.

Оставалось сделать лишь одно — подключить генератор, подать в цепь питание и проверить, откроет ли мой ключ один из замков.

— Ни шагу дальше, Бенедикт, — послышался голос в моем шлеме. Я заметил какое-то движение в дверях слева. — Честно говоря, я надеялась, что ты не зайдешь так далеко.

Вспыхнул еще один фонарь, ослепив меня, но я все же различил женский силуэт. Она держала в руке пистолет военного образца — из тех, что могут проделать в стене большую дыру. Я настолько увлекся поисками, что сунул скремблер в карман. Впрочем, он был бессилен против ее пушки.

— Выключи фонарь, — спокойно велела она. — Хорошо. Теперь медленно повернись кругом, не делая резких движений. Ты меня понял?

Она стояла в дверях, в белом скафандре с нашивкой Конфедерации на рукаве. Лица не было видно из-за шлема и яркого света. Оружие она держала в левой руке.

— Да, — ответил я. — Понял.

— Выпрями руки перед собой, чтобы я могла их видеть.

Я подчинился.

— Как долго ты ждала, Тери?

— Достаточно долго.

Мне никак не удавалось как следует ее разглядеть.

— Или лучше называть тебя Агнес?

В радиоканале слышалось ее дыхание.

— Ты уже все выяснил?

— Нет. Я не понимаю, как Мэдди Инглиш могла пойти на убийство. Это ведь ты убила Тальяферро?

Она не ответила.

— Он собирался поговорить с Чейз. Предупредить ее насчет тебя. Я прав?

— Да.

— А Тальяферро собирался рассказать ей, кто он такой на самом деле? И раскрыть всю операцию?

— Он пообещал, что не станет этого делать. Но я не могла ему доверять.

— Слишком велик был риск.

— Да. Мы могли потерять все. — Она шагнула в комнату. — Но тебе все равно не понять, о чем я говорю.

— А ты проверь.

— Знаешь, Алекс, мне кажется, что я очень хорошо тебя узнала.

— Ты для меня загадка, Мэдди.

— Неудивительно, — грустно улыбнулась она. — Послушай, я не хотела никого убивать.

— Знаю. Поэтому, заложив бомбы, ты предупредила разведку, когда...

— Да, верно. Я пыталась сделать как лучше. И никогда никого не убила бы, если бы могла этого избежать. Особенно Джесса. Но на карту было поставлено слишком многое.

— Что именно, Мэдди?

— Ты знаешь, кем я стала.

— Да. Всегда двадцатипятилетняя. Пожалуй, не так уж и плохо.

— От этого взгляд на многие вещи меняется. — Она долго молчала, затем продолжила: — Пойми меня правильно, Алекс. Я бы не стала колебаться...

— Конечно не стала бы. И все же ты испытала душевную боль, столкнув Тома Даннингера с обрыва на Уоллаба-Пойнте.

— Это был не Том Даннингер. Это был Эд. А может, и нет. Я теперь сама не уверена.

— Что там случилось?

— Я не сталкивала его с обрыва.

— Что случилось, Мэдди?

— Я любила Эда и никогда не причинила бы ему вреда. Никогда.

— Ты его любила? Ты его предала.

— . . .

— , , , .

— ?

— : — ,

— «

— », .

— ?

— .

— ?

— ? — ,

— . —

— ,

— « », ,

— ?

— , .

— , ?

— , , ,

— . , ,

— ?

— , — ,

— : ,

— ?

— , .

— , .

— , ...

— , —

— ,

— .

брать его в Мортон-колледж, поселить вместе с другими неста-реющими и дать ему постоянную личность. Но Даннингер так или иначе давал о себе знать, все чаще и чаще. Боланд отказался. Постоянная личность, по его словам, рано или поздно вос-становила бы Даннингера.

— Итак, приемлемого решения не было, — сказала я.

— Не было.

— И ты решила столкнуть его с обрыва на Уоллаба-Пойнте.

— Нет. Я уже говорила, что не делала этого. И никогда бы не сделала. Я его любила. Мы часто поднимались туда летними ве-черами. Там было здорово, все вокруг казалось каким-то не-реальным. Эд был хорошим, веселым парнем, хотя порой грус-тил, — казалось, он и сам не знал почему. Но он любил меня. Его собирались отправить на новое место, сменив личность. В Вальпургисе он уже стал привлекать внимание. После каждой процедуры нам приходилось начинать все сначала — он не по-мнил, кто я такая. Меня это тоже убивало. В тот вечер я решила, что все расскажу, уговорю его присоединиться к нам, выложу всю правду. Господи, как я могла оказаться такой дурой? Как раз в этот момент, на обрыве, в нем проснулся Даннингер. Гла-зами Эда на меня смотрел Даннингер, знавший все обо мне — и о себе. Он меня ненавидел. Боже, как он меня ненавидел! Но, похоже, он забыл, где мы. Он зарычал, толкнул меня и повер-нулся, чтобы уйти, но тут споткнулся о камень, или о корень, или обо что-то еще. — Голос стал надрывным. — Он потерял равновесие. — Мэдди замолчала и долго стояла не шевелясь. — Я видела, как он падает с обрыва, но не двинулась с места, что-бы ему помочь.

— Мне очень жаль, Мэдди.

— Угу. Мне тоже. Нам всем очень жаль.

Интересно, подумал я, текут ли сейчас по ее щекам слезы? Похоже на то. Слезы в скафандре — серьезная проблема.

— Однажды, — сказала она, — он встретил другую женщи-ну. В Хантингтоне. И женился на ней.

Ствол ее пистолета опустился на несколько градусов. У меня промелькнула мысль, что все закончилось, что Мэдди поняла, кем она стала. Но когда я шагнул к ней, ствол снова поднялся. Я подумал, не броситься ли на нее, пока она предается воспо-минаниям; но ствол даже не дрогнул.

Я спросил, что случилось с той, другой женой.

— Жасмин. Кому, черт побери, пришло в голову назвать свою дочь Жасмин? — Она тяжело дышала. — Она не нравилась ему, и брак распался.

— Что произошло?

— Однажды ночью мы с Чеком попросту его похитили. Жасмин так и не узнала, что случилось на самом деле. Сегодня муж еще с ней, а на другой день исчезает.

Дуло казалось очень большим.

«Не давай ей замолчать», — сказал я сам себе.

— Почему у него возникали проблески воспоминаний? Я думал, смена личности — это навсегда.

— Предполагалось, что их не будет. Но, как говорит Боланд, такое случается у людей, охваченных стрессом.

— Расскажи про Шона Уокера.

— Тот еще сукин сын.

— Что он сделал? Угрожал выложить все, что знает?

— Он не уяснил толком, что происходит. Не понимал, что все это делается ради него и ради всех остальных. Для него это был лишь шанс хорошо заработать. Он знал, что мы будем платить ему за молчание, и постоянно нас шантажировал. Пока нам не надоело.

— Тальяферро вам помог?

— Нет. — (Я видел лишь скафандр и шлем: лицо полностью скрывала тень.) — Ему не хватило бы духу. Джесс хотел его смерти, как и я, но вовсе не стремился устранять Шона Уокера своими руками.

— Значит, обо всем позаботилась ты.

— Послушай, я не нуждаюсь в твоём морализаторстве. Ты торгуешь прошлым и делаешь на этом деньги. Тебя не волнует, куда попадает товар: в частную коллекцию или к тому, кто его выгодно перепродает. Тебя волнует лишь прибыль. Я сделала то, что должна была сделать. Честно говоря, я предпочла бы, чтобы ты держался подальше от всего этого. Но ты не сумел вовремя остановиться.

Я чувствовал тяжесть скремблера на бедре, но он лежал в кармане. С тем же успехом можно было оставить его на «Белль-Мари».

— Как только «Страж» и «Ренсиер» отправились в обратный путь, — сказал я, — ты отослала свое последнее сообщение.

— Да.

— А потом привела «Полярис» сюда.

— Конечно. Мы стартовали в середине дня по корабельному времени и оказались здесь рано утром. Я даже провела пару ночей, прежде чем отправиться назад.

— Зачем ты это сделала, Мэдди?

— Что именно?

— Устроила трюк с «Полярисом». Ты отказалась от всего, что имела, и теперь вынуждена все время скрываться. Это из-за того, что тебе пообещали вернуть молодость?

Она направила луч фонаря мне в глаза:

— Думаю, пора заканчивать. Прошло почти полтора часа с тех пор, как ты пришел сюда. Твоя подружка начнет беспокоиться. Я хочу стоять возле шлюза, когда она появится. Хочу поздороваться с ней.

— Ты подслушивала...

— Конечно.

— Значит, тебе придется убить еще двоих.

— Ей нужно только высунуть голову в люк. Я сделаю это быстро. И с ней, и с тобой. Она даже не узнает, что я здесь. — Палец, лежавший на спусковом крючке, напрягся. — Прощай, Алекс. Ничего личного.

ГЛАВА 26

Протяни руку, Герман. Дотронься до звезд, но не разумом: это может каждый. Дотронься до них рукой.

Реплика Сайласа Чома,
обращенная к Герману Армстронгу, в пьесе «Большой город»,
прославляющей изобретение двигателя Армстронга

— Чейз, где ты?

— Алекс, здесь она тебя не услышит.

Вероятно, ему пришлось поволноваться, но я уже держала ее на прицеле и могла вывести ее из строя в любой момент. Она стояла в дверях, и Алекс поглощал все ее внимание. Заранее продуманный разговор полностью ее одурачил. План, естественно, заключался в том, чтобы позволить ей говорить вволю: только бы она ни в кого не выстрелила.

Я подозревала, что так просто она не сдастся, к тому же в руке у нее был пистолет. Даже если бы я приказала ей бросить оружие, она могла бы и дальше держать Алекса на мушке: положение безвыходное. Так что я выбрала безопасный способ: сперва стрелять, потом говорить.

Прицелившись, я нажала на спуск. Скремблеры, понятное дело, никого не убивают — как говорят некоторые, этим они и плохи. Мэдди судорожно вздохнула и лишилась чувств. Ее пистолет отплыл в сторону, а сама она беспомощно повисла, удерживаемая на месте магнитными башмаками.

Алекс облегченно выдохнул.

— Чейз, — спросил он, — где ты была?

— Здесь, рядом, — ответила я. — С самого начала.

Я протиснулась мимо Мэдди в комнату. Та безвольно покачалась.

— Я боялся, что ты заблудилась.

Взяв пистолет Мэдди, я сунула его за пояс, затем убрала скремблер в карман.

— Я все время шла за тобой, умник.

— Рад слышать.

Я осветила фонариком ее шлем:

— Это действительно Мэдди? Как такое может быть?

Передо мной была Тери Барбер.

— Угу, это она.

— Невероятно. Надеюсь, в сто лет я буду выглядеть так же.

— Она не настолько стара.

Мы молча стояли, пытаюсь осознать происходящее.

— Как ты узнал?

— Полной уверенности не было. Но я не видел другого сценария с участием таких разных женщин — Барбер, Шенли и Мэдди. К тому же Кирнан внешне не отличался от Тальяферро, а Эдди Крисп — от молодого Даннингера. Даже между родителями и детьми не бывает такого сходства.

— Это могли быть клоны.

— Только не эта компания. Мэдди — возможно. А остальные? Нигде нет сведений о каких-либо клонах. К тому же все они выступали за ограничение рождаемости и против клонирования, за исключением особых случаев. — Он покачал головой. — Я не усматривал ничего, что могло бы толкнуть их на подобные действия.

— Значит, ты решил, что Даннингер уже добился своего...

— И выяснил, как можно продлить жизнь. Но не только. Он нашел способ остановить процесс старения. Именно так.

— Значит, все они живы? Кроме Даннингера.

— И Тальяферро. Да, скорее всего.

— И все собрались в Мортон-колледже, — добавила я.

— Очень хорошо, Чейз. Не знаю, действительно ли они подолгу бывают там. Но это, несомненно, их база.

— А Марголис? Он тоже из их числа? Ни на кого не похож.

— Не думаю. Скорее всего, просто наемный помощник.

Я обвела комнату лучом фонаря, впервые как следует разглядев предмет наших поисков.

— А Тальяферро? — спросила я. — Что с ним случилось? Я имею в виду, почему он исчез?

— Он воспользовался открытием Даннингера, как и остальные, только на несколько лет позже. Вероятно, этим занимался Мендоса.

— Почему не сразу?

— Видимо, они хотели, чтобы Тальяферро оставался во главе разведки. Если бы он уподобился им, процесс старения в его организме пошел бы в обратную сторону. Он молодел бы с каждым днем.

Я с трудом сглотнула слюну:

— Алекс, я всегда считала, что повернуть старение вспять невозможно.

— Так говорят специалисты. Но Даннингер и, возможно, Мендоса явно нашли способ сделать это.

Я подключила генератор к одной из цепей и отрегулировала напряжение. Алекс щелкнул выключателем. Зажегся свет. Достав из кармана ключ, Алекс протянул его мне:

— Прощу.

Мы вышли в коридор, выбрали наугад дверь, нацелили на нее пульт и нажали кнопку «открыть». Ничего не произошло. Мы перешли к следующей двери.

— Где-то здесь, — сказал Алекс.

Нужная дверь оказалась в дальнем конце коридора. Никогда не забуду, как вспыхнула лампочка и дверь стала открываться. Тут ее заело, и Алекс с размаху ударил по ней ногой. Дверь распахнулась, включилась настольная лампа. Жилище Мэдди.

— Поздравляю, — сказала я.

— Угу. — Алекс широко улыбнулся. — Кажется, получилось.

— А остальные жили в других блоках.

В моих наушниках слышалось дыхание Мэдди.

— И что дальше? — спросила я.

— Заберем Мэдди с собой и выясним, что с ней делать. А потом побеседуем с Эверсоном.

— Думаешь, он согласится?

— О да, — кивнул Алекс. — Вообще-то, я буду удивлен, если он не свяжется с нами, как только узнает о нашем возвращении.

— Нам здесь еще что-нибудь нужно?

— Нет. Пожалуй, пора уходить.

Я посмотрела на коридор. При свете ламп он уже не производил такого романтического впечатления и казался запущенным. Интересно, как выглядела станция во времена ее расцвета, действующая, населенная кангами? Сколько мог стоять исправный искин той эпохи? Мне вспомнилась идея Алекса насчет отслеживания древних радиосигналов.

Ладно. Нужно думать о насущном.

Дыхания Мэдди больше не было слышно — она отключила связь. Ничего не сказав Алексу, я двинулась по коридору к той комнате, где мы ее оставили.

Мэдди исчезла.

Известив об этом Алекса, я заглянула в вестибюль, но Мэдди не оказалось и там.

— Ее пистолет у тебя? — спросил Алекс.

— Да.

— Тогда не страшно.

Скремблер должен был вывести ее из строя примерно на полчаса. Мы отсутствовали меньше десяти минут.

— Возможно, ее тело выносливее, чем у обычного человека, — заметил Алекс.

Черт! Мне следовало сообразить.

— Все из-за скафандра. Он ее защитил.

Алекс издал раздраженное ворчание:

— Ладно. Мы нашли то, что искали. Уходим отсюда.

— И побыстрее, — добавила я.

Почувствовав тревогу в моем голосе, он не стал задавать вопросы. Поспешно покинув вестибюль, мы двинулись назад по коридору. До шлюза было около трех километров — не слишком приятное обстоятельство. Корабля Мэдди мы не видели: я предположила, что ей удалось привести в рабочее состояние стыковочный модуль, где она и оставила корабль. Стыковочные модули всегда примыкают к жилым помещениям, и она могла добраться до своего корабля намного быстрее, чем мы — до нашего. Что еще хуже, Алекс был далеко не самым проворным из двуногих созданий.

— Я пойду вперед, — заявила я. — Нужно обезопасить «Белль».

Я помчалась по туннелю, жалея, что нахожусь не в лучшей форме.

На гражданских кораблях нет оружия как такового, но есть система предотвращения угроз, в которую входят излучатели. Система срабатывает автоматически, когда к кораблю по опасной траектории приближается камень: так было возле Террановы. Однако предустановленные параметры системы не позволяют стрелять в подлетающий корабль. Тем не менее ничто не мешало Мэдди изменить параметры. Да, ей пришлось бы вводить их вручную — функция, позволяющая избежать непреднамеренного выстрела по ошибочной цели, — но это заняло бы несколько минут. А потом Мэдди уничтожает «Белль», оставляя нас на произвол судьбы.

Бежать в скафандре тяжело, а в невесомости и внутри туннеля — тем более. Каждый раз, когда туннель изгибался, я надеялась увидеть впереди себя Мэдди, хотя и понимала, что это маловероятно. И конечно же, туннель оставался темным и пустым. Наконец я вывалилась из шлюза, тяжело дыша, и увидела челнок — метрах в пятидесяти от поверхности, над полем солнечных батарей. Я вышла на связь с Белль.

— Привет, Чейз.

— Белль, с тобой все в порядке?

— Все отлично, спасибо. А у тебя как дела?

— Неважно. Ты видишь другой корабль?

— Да. Он приближается с левого борта.

Вглядевшись, я увидела над горизонтом скопление огней, сверкавших все ярче. Я ошиблась: Мэдди не причалила к станции, но сумела спрятать корабль среди орбитального мусора. Теперь он шел к станции, чтобы забрать Мэдди.

Искина на челноке звали Гейб, в честь дяди Алекса.

— Гейб, — сказала я, — мне нужен челнок. Подведи его поближе.

Люк станции располагался в узкой впадине, но главную опасность для челнока представляли окружавшие его антенны. Гейб стал осторожно опускать челнок между ними.

— Можно чуть побыстрее?

— Место, где ты находишься...

— Знаю, Гейб. Но сейчас не время думать о безопасности.

Искин издал неодобрительный звук, но быстро посадил челнок. Я забралась в него, и мы устремились к подлетающему кораблю.

Газовый гигант парил на противоположной стороне небосвода — грязно-коричневый, без всяких отличительных особенностей. Только в северном полушарии наблюдались некие завихрения — вероятно, бури. Виднелось несколько полумесяцев: то были внутренние спутники.

Планета вместе со спутниками отбрасывала зловещее сияние на изрытую поверхность астероида. Я увидела Мэдди: та стояла на каменном гребне и наблюдала за приближающимся кораблем. Очертания его становились все более отчетливыми — реактивные двигатели системы Боллингера, квадратный мостик. «Чесапик». Вероятно, 190-й модели. По сути — яхта с двойным корпусом, облегченный прогулочный корабль для путешествия между портами. Ни на что больше он не был рассчитан. Именно поэтому Мэдди пришлось подвести его как можно ближе к станции, ведь на корабле не было челнока. Она стояла ко мне спиной — прекрасная мишень. Не важно, кем она была шестьдесят лет назад: с тех пор она сделалась убийцей. Люк челнока я оставила открытым и теперь всерьез раздумывала о том, не прикончить ли Мэдди из ее собственного пистолета. Большое расстояние делало скремблер бесполезным, а при попытке подойти ближе она бы меня заметила. И, честно говоря, я не знала, нет ли у нее другого оружия. Мне не хотелось рисковать. А может, мне просто хотелось убить ее и покончить со всем этим. Не знаю.

Так или иначе, я высунулась из люка и прицелилась, но на большее меня не хватило. Я вспомнила, как читала лекцию Алексу много лет назад, когда случилась история с Симом. Он поймал в прицел беспомощный корабль «немых» и уже готов был выстрелить.

И я не стала ничего делать, не стала стрелять. Вместо этого я развернулась и пролетела над «чесапиком». Мэдди ждала корабль вдалеке от солнечных батарей. Этот участок, относительно ровный, вполне годился для посадки «чесапика».

Сработали двигатели. Корабль подплыл ближе к Мэдди, выровнялся и стал почти неподвижным. В его борту начал открываться люк.

Тут она меня увидела. Но теперь Мэдди меня не интересовала. Я искала систему предотвращения угроз, точнее, контроллер, черный ящик, без которого излучатели не работали. Я заметила его, когда корабль опустился рядом с Мэдди. Красно-белая коробочка на корпусе, перед мостиком.

В системе связи раздался голос Алекса:

— Чейз, где ты?

— Через минуту вернусь, — ответила я. — Учти, она все слышит.

Он снова заговорил, но уже не со мной:

— Мэдди, сдавайся. Полетим с нами. Тебе нужна помощь.

«Чесапик» поравнялся с Мэдди, и она забралась внутрь. Меня это вполне устраивало: промахнуться я не могла. Высунувшись из люка, я прицелилась в ящик и нажала на спуск.

— Пиф-паф, — проговорила я.

Я почувствовала отдачу. Вспышка — и черный ящик исчез в клубах дыма.

«Чесапик» поднялся в ночное небо.

Размышляя над тем, насколько серьезны его повреждения, я повернула назад, чтобы забрать Алекса.

— Я все видел, — сообщил он и обратился к «чесапику»: — Мэдди, с тобой все в порядке? Помощь нужна?

До чего заботливо. А ведь она пыталась устроить нам засаду. Мэдди не ответила.

— Может, она просто хочет убраться отсюда, — сказала я.

Затем Гейб и Алекс закричали в один голос, призывая меня побережся.

«Чесапик» пикировал на меня, пытаясь протаранить. Сомнений насчет душевного состояния Мэдди не оставалось. Я резко свернула вправо.

Челнок движется куда медленнее корабля, но зато он маневреннее его — даже такого маленького, как «чесапик». Мэдди попыталась атаковать еще раз, прежде чем я вернулась к шлюзу, где ждал Алекс. Но ей так и не удалось точно прицелиться. Я посадила челнок среди антенн, и она отступила.

Алекс, сильно встревоженный, забрался в челнок.

— Что будем делать? — спросил он.

— Она не даст челноку улететь к «Белль», — ответила я.

— Ладно. В таком случае подведем корабль сюда, как можно ближе к нам.

Я стала связываться с Белль, но услышала лишь шум помех. Выключив связь, я попробовала еще раз.

— Она глушит нас, — сказала я.

— Разве она может?

— Она это делает.

Мы видели ее корабль — пять огней, — ждавший у самого края газового гиганта.

— Если она будет таранить нас, то сама получит серьезные повреждения.

— Если сделает все как следует, не получит. Прodelать дыру в челноке не так уж трудно.

Я обвела взглядом кабину — та показалась вдруг крайне уязвимой — и выключила двигатель. Алекс уже снял шлем, но теперь потянулся за ним — видимо, подумывал, не надеть ли его снова.

— Есть идея, — сказал он. — Иллюминаторы изготовлены из поляризованного стекла. Она не может заглянуть в кабину и узнать, что тут делается. В нашем распоряжении — целая станция. Что, если соорудить бомбу и заложить в челнок? И пусть она его таранит.

— Хорошая мысль. Просто отличная.

— Ты знаешь, как сделать бомбу, Чейз?

— Понятия не имею. А ты?

— В общем-то, нет.

Он снова вышел на связь, надеясь поговорить с Мэдди. Полагаю, он рассчитывал достичь какого-то согласия. Но все каналы были заблокированы.

— Придется рискнуть, — заявил Алекс. — Один раз она уже не сумела тебя сбить. Может, с нами ничего не случится.

— Я находилась у самой поверхности, попасть в меня было нелегко. Если подниматься к «Белль», все будет совсем по-другому. Это чистое безумие.

Меня так и подмывало послать все к черту и сделать неожиданный ход, но тогда мы бы погибли. «Белль», как и «чесапик», выглядела скоплением огней — шесть источников света прямо над нами.

— «Белль» действительно получила инструкцию улетать, если Мэдди попытается на нее проникнуть?

— Именно так. Я предпочла не рисковать.

— Хорошо. — Он долго молчал, затем перевел взгляд на баллоны с воздухом. Воздуха в челноке и баллонах хватило бы еще на несколько часов. — К черту. Давай попробуем. Может, застигнем ее врасплох в туалете.

— Нет, не выйдет.

- Есть идея получше?
- Да, — ответила я. — Думаю, да. Мне нравится твоя мысль насчет бомбы.
- Но мы не знаем, как ее сделать. На станции может вообще не найтись подходящих материалов.
- Есть другой вариант.
- Какой?
- Первым делом нужно вытащить запасные баллоны. Они нам понадобятся.
- А потом?..
- Устроим так, чтобы Мэдди врезалась в кирпичную стенку.

Мы снова надели шлемы, выбрались из челнока и спустились в шлюз станции, выключив радио, чтобы нас не могли подслушать. Алекс прижался своим шлемом к моему, так что я его слышала.

- Она может нас увидеть, — сказал он.
- Не важно. Она знает, что мы рано или поздно попытаемся добраться до корабля.

Алекс взял с собой ручной лазер для домашнего применения. Я бы предпочла иметь под рукой промышленный. Но лазер работал и вполне годился для наших целей, несмотря на скромную мощность.

Люки и переборки шлюза выглядели стальными, — вероятно, их изготовили из железа, добытого на самом астероиде. Нам они подошли бы идеально, но металл сопротивлялся лазеру. Мы могли бы разрезать петли и освободить два люка, но те оказались слишком велики для челнока. Пришлось удовольствоваться обычными камнями.

- Давай так: ты отрезаешь, я оттаскиваю, — сказал Алекс.

Я отрицательно покачала головой. Надо было присматривать за Мэдди, чтобы она не спустилась на станцию и не увела челнок, пока мы будем заняты. Я предложила другой вариант: сначала я работаю, а он караулит, потом наоборот.

Все оказалось легко: отрезаешь большую каменную глыбу и затаскиваешь в шлюз, что в условиях невесомости не составляло проблемы. Где-то через полчаса мы поменялись местами.

Я расположила челнок прямо над шлюзом, чтобы Мэдди не могла наблюдать за нашей возней, и измерила люк. Он был меньше, чем мне показалось изначально, — примерно три четверти

моего роста. Ширина его равнялась расстоянию от плеча до запястья.

Оторвав обшивку от одного из сидений, я опустила спинки — так было проще загрузить кабину. Иллюминаторы защищали от внешнего света, и Мэдди не могла видеть, кто или что находится в кабине.

Взяв одну из каменных глыб, сложенных мной по другую сторону шлюза, я на всякий случай накрыла ее обшивкой сиденья, перенесла к челноку и погрузила в кабину. Алекс принес еще камней, но я видела, что он сомневается в успехе предприятия, — все эти камни ничего не весили. Вес действительно отсутствовал, но масса никуда не девалась, не позволяя столкнуть челнок с взятого им курса.

Система жизнеобеспечения моего скафандра начала подавать предупреждающие сигналы — пора было переключиться на свежие баллоны с воздухом. У нас оставалось по два четырехчасовых комплекта на человека. Внезапно я поняла, что через четыре часа нужно все закончить и оказаться на «Белль», ведь челнока у нас уже не будет — по крайней мере, если все пойдет по плану.

Мы погрузили камень. На лазере замигала предупреждающая лампочка, но мы продолжали работать вплоть до его отката. Последняя глыба, самая большая, не поместилась в кабину, и мы уложили ее в грузовой отсек. Челнок разогнался довольно неспешно, но у Мэдди было не так много времени, чтобы думать об этом.

Мы приготовились к старту. Алекс разыграл представление, открыв люк и забравшись внутрь. Однако шлюз челнока был повернут в сторону от телескопов Мэдди, и она не могла знать, что делается у нас. Вероятно, ей казалось, будто мы идем на крайний шаг.

Алекс выскользнул из челнока, пригибаясь как можно ниже, и вернулся в туннель. Настала моя очередь. Я встала у люка челнока, выставив голову, чтобы Мэдди меня увидела, а затем, как обычно, наклонилась и забралась в челнок. Дальше все было сложнее. Я закрыла люк, подняла давление в кабине и сняла шлем. После этого я велела Гейбу запустить двигатель, как только я выйду, и идти навстречу «Белль».

— Лучшее время для старта — через шесть минут, — сообщил он.

— Хорошо, действуй.

Мне пришло в голову, что стоит немного подстраховаться. Я дала Гейбу последнюю инструкцию, снова надела шлем и начала разгерметизировать кабину. Еще я выключила огни челнока, делая вид, будто хочу ускользнуть от бдительного взгляда Мэдди.

Голос совести, который я обычно заглушаю, напомнил, что я бросаю Гейбу на произвол судьбы. Я знаю, что искины неразумны, но порой в это трудно поверить. Прощептав слова прощания — Гейб не мог их слышать, — я открыла люк и выскользнула наружу. Закрыв за собой люк, я ушла в туннель к Алексу.

Через минуту-другую челнок взлетел.

Алекс коснулся своим шлемом моего.

— Удачи, — сказал он, понизив голос, словно даже здесь, в толще камня и при выключенной связи, Мэдди могла нас услышать.

Помехи прекратились. Мэдди заметила челнок и решила, что мы у нее в руках. Я ожидала, что она скажет хоть пару слов, выразит свое сожаление или просто поиздевается. И напрасно: до меня не донеслось ни звука.

С нашими белыми скафандрами не стоило думать о маскировке. И все же следовало знать, что происходит. Я подобралась к люку шлюза и взглянула в небо. Нагруженный камнями челнок медленно поднимался, пытаюсь набрать скорость. Я надеялась, что Мэдди слишком возбуждена и не заметит, как он неповоротлив. Так или иначе, он удалялся от станции, летя к «Белль-Мари», хоть встреча и не была гарантирована.

Я не сразу нашла «чесапик», но потом увидела его на фоне одного из спутников — несколько огней, движущихся во тьме, на фоне бесплодного лунного пейзажа.

Он приближался.

Алекс дернул меня за ногу. Что происходит? Говорить мы не могли, особенно в такой момент. Я сделала несколько жестов, пытаюсь объяснить, что она клюнула на приманку.

«Чесапик» приблизился — настолько, что я отчетливо различала его оранжевый силуэт в призрачном свете. Сдвоенный корпус напоминал две ракеты, медленно плывущие среди звезд. Позиционные двигатели сработали несколько раз, выравнивая положение корабля, и он начал ускоряться.

Сейчас, подумала я.

Но нет — корабль снова стал тормозить.

Шлем Алекса коснулся моего.

— Она раздумывает, — сказал он.

Если Мэдди будет тянуть слишком долго и челнок долетит до «Белль», мы погибли.

Алекс оскалился:

— Ты только посмотри!

«Чесапик» все еще преследовал челнок, продолжая приближаться. Скорость его, однако, падала.

— А вдруг она все поняла?

— Размышляет над тем, сумеет ли она протаранить челнок без серьезного вреда для себя.

Я вышла на связь с челноком и произнесла только одно слово, пытаясь выдать свой голос за чужой: «Блип».

Потом я снова отключила связь.

— Мы здесь, тупая сука! — прокричал Гейб моим голосом. — А ну, покажи, чего ты стоишь!

Несколько секунд картина не менялась. Челнок изо всех сил набирал высоту. Затем «чесапик» врубил главный двигатель и устремился вперед.

Мэдди знала, что, если она врежется в челнок слишком резко, может случиться взрыв. И все же она увеличивала скорость. Преодолев около шестисот метров в мгновение ока, корабль врезался в челнок, отшвырнув его в сторону. Но и сам «чесапик» отбросило назад. Двигатели челнока взорвались, превратив его в огненный шар.

«Чесапик», беспорядочно крутясь, ушел на восток.

Мы выбрались на поверхность. Алекс мертвой хваткой вцепился в мою руку.

— Что скажешь? — спросил он.

— Не знаю.

Корабль постепенно скрылся во тьме.

Мы ждали.

На месте корабля появилась звезда. Вспыхнув, она ярко сияла около минуты, а потом померкла и исчезла.

ГЛАВА 27

Все мы здесь ненадолго. Каждый из нас — всего лишь гость, заглянувший ради чашечки кофе и короткой беседы. А потом — за дверь, да так, чтобы не впустить сырость с улицы.

Марго Чен. Хроники Токсикона

Совершив прыжок в родную систему, мы оказались довольно далеко от цели, и нам пришлось лететь еще около трех дней. Не знаю, как Таб Эверсон узнал о нас, но Белль доложила о приеме его сообщения, когда до Окраины оставалось четырнадцать часов лета.

На этот раз я присмотрелась к нему внимательнее: черная борода, черные глаза. По наружности и манерам — одаренный молодой ученый. Расстояние пока не позволяло вести нормального разговора, и мы прослушали запись.

— Алекс, — сказал он, — рад, что вы вернулись целыми и невредимыми. Нам нужно поговорить. Буду ждать на станции Скайдек. Пожалуйста, ничего не предпринимайте, пока не появится возможность все обсудить. Прошу вас.

Язык, не слишком характерный для молодого человека.

— Он знает, что тайное стало явным, — сказал Алекс.

— Хочешь, чтобы я связалась с Фенном и он обеспечил нам сопровождение?

Алекс читал какой-то роман. Я давно не заставляла его за чтением чего-то постороннего, не имеющего отношения к «Поляису».

— Нет, — ответил он. — Вряд ли нам стоит беспокоиться о своей безопасности.

— Почему ты так считаешь?

— Ну, например, он не знает, о чем мы уже сообщили Фенну.

Я пыталась понять, кто такой Эверсон. Мэдди выглядела на двадцать пять лет, и я предположила, что Эверсон тоже летел на «Полярисе». Но кем он был тогда? Я представила, каким станет Эверсон лет через тридцать-сорок, если постареет положенным образом. Однако никто из пассажиров даже отдаленно не напоминал Таба Эверсона. Боланд был симпатичнее, Уркварт — представительнее, Мендоса — энергичнее и ниже ростом.

Оставался только...

— Совершенно верно. Это он и есть, — сказал Алекс. Занеся в блокнот несколько фраз, он перечитал написанное, что-то вычеркнул и наконец удовлетворенно кивнул. — Белль, ответ для Эверсона.

— Я готова.

— Господин Эверсон, мы устали и не способны что-то обсуждать сразу после прибытия. Буду рад с вами поговорить, но не на Скайдеке. Приглашаю вас и всех остальных завтра ко мне в офис, ровно к девяти часам. Излишне говорить о том, что, если реакции с вашей стороны не последует, мне придется поступить по своему разумению.

Несмотря на мои опасения, мы отказались от наших поддельных имен и дома в Лиможе, отправившись прямо в Андиквар. Алекс уверял меня, что бояться нечего, но мне казалось, что мы неоправданно рискуем. Тогда он предложил мне переночевать в его доме. Я согласилась и заняла одну из комнат для гостей.

Утром мы не спеша позавтракали. К восьми часам Алекс скрылся где-то в задней части дома, а я сидела в офисе, не в силах на чем-либо сосредоточиться. В девять часов появился скиммер, завис на несколько мгновений и опустился на посадочную площадку.

Из скиммера вышли четверо — Эверсон, еще двое мужчин и женщина.

Обычно я встречала гостей перед домом, но эти вполне могли выстрелить в первого, кого увидят. Поэтому я лишь сообщила Алексу об их прибытии.

Когда я наконец появилась в дверях, он уже разговаривал с гостями. Каждый выглядел лет на двадцать с небольшим. Эверсон рассказывал о «неизбежных трудностях», с которыми они

столкнулись, и сожалел о том, что все вышло именно так. Холодно улыбнувшись, Алекс повернулся ко мне.

— Чейз, — сказал он, — позволь представить тебе профессора Мартина Класснера.

Конечно, я понимала, к чему идет дело, но все равно испытала шок. В 1365 году этот человек был умирающим стариком, чей мозг был поражен синдромом Бентвуда: многие сомневались, что он вернется назад живым. Теперь же он стоял передо мной, словно молодой лев, и с любопытством меня разглядывал. Он был выше ростом, чем Класснер на записях с «Поляриса».

Последние несколько недель я тихо ненавидела тех, кто пытался нас убить. Последние несколько дней, после встречи с Мэдди, я привыкала к тому, что вечная молодость — это не сказка. И вот теперь они стояли передо мной — легендарные пассажиры «Поляриса», пропавшие неизвестно куда.

Нэнси Уайт, высокая и грациозная, ничем не напоминала женщину, что очаровывала зрителей своими научными беседами. Из шатенки она превратилась в блондинку и делала большие усилия, чтобы держаться уверенно и непринужденно.

А вот советник Уркварт — некогда один из семи могущественнейших людей планеты. Теперь он стал рыжеволосым и выглядел совсем молодо: трудно было представить, что за обликом стройного юноши скрывается великий человек. Мне не верилось, что этот парень лет двадцати — действительно он. Но дружелюбное выражение на лице юноша унаследовал от человека намного старше себя, от Защитника Страждущих. Правда, перестав быть политиком, он утратил большую часть своих манер. Трудно выглядеть мудрым и авторитетным, имея внешность вчерашнего школьника.

Чек Боланд: он мог бы играть первые роли. Волосы Боланда из черных стали светлыми, но его выдавали классические черты лица и темные глаза.

Мендоса отсутствовал.

Я снова посмотрела на Класснера.

— Доброе утро, профессор, — сказала я, не протягивая руки. Он глубоко вздохнул:

— Думаю, мне понятны ваши чувства. Простите.

Да, это были они, вне всякого сомнения, — в расцвете лет, молодые и сильные, еще не обретшие степенность взрослого человека.

Алекс повел их в гостиную, где было просторнее. Я специально оставила дверь в офис открытой. Мы заранее передвинули стеклянную витрину так, чтобы китель Мэдди неминуемо попался на глаза нашим гостям. Увидев его, Класснер кивнул с таким видом, словно ему только что открылась великая истина. Он сел у окна, бросив взгляд на свое запястье, — с явным намерением убедиться, что в помещении нет записывающей системы. Несмотря на всю необычность встречи, мы соблюдали всегдашние правила приличия. Не хочет ли кто-нибудь выпить? Не сложно ли было нас найти? Вам, похоже, не очень удобно, — может, дать подушку? Последний вопрос был обращен к Класснеру. Усмехнувшись, тот признался, что ему не слишком уютно, хотя мебель тут ни при чем.

Мы принесли закуски. Все расселись поудобнее. Кто-то откашлялся. Кто-то похвалил наш дом.

— Я ожидал увидеть еще одного, — заметил Алекс.

— Прежде чем мы перейдем к этому, — ответил Класснер, — я хотел бы узнать, что с Мэдди.

Взгляды их встретились.

— Она погибла, — сказал Алекс.

— Она атаковала вас на Акиле?

— На базовой станции кангов? Да.

— Мне очень жаль. — Класснер сглотнул слюну. — Нам очень жаль, что она так поступила. Мы помешали бы ей, если бы могли.

— Почему же вы этого не сделали?

— Я говорил с Мэдди, когда она приходила ко мне. Она сказала, что вы нашли ключ. Я думал, что в любом случае нам ничего не грозит, что вы не сумеете сложить все воедино. — Он улынулся устало и с сожалением. — Я вас недооценил.

Трудно было привыкнуть к тому, что перед тобой не просто взрослый в облике мальчишки, но и человек, достигший в жизни очень многого.

— Почему вы ее не остановили?

— Как, по-вашему, я мог сделать это? Мэдди была свободным человеком.

— И вы не помешали ей убить Тальяферро.

На нас устремились виноватые взгляды.

— Мы не ожидали от нее такого, — сказал Уркварт. — Не думали, что она окажется настолько безрассудной.

— Вы также знали, что она пыталась убить нас. Трижды. А вы и пальцем не пошевелили.

— Нет. — Класснер помрачнел, остальные покачали головой. — Мы не знали. Она ничего не рассказывала. Мы полагали, что они с Джессом просто ищут пропавший ключ. Джесс тогда был нашим связным. Он считал, что ничего страшного не случилось, — скорее всего, Мэдди оставила ключ на станции. Даже если его найдут, никто не поймет, что это такое, ведь прошло много лет. Но Мэдди беспокоилась, и он старался ей помочь.

Признаться, мне было несколько не по себе в обществе бывшего советника. Но я не собиралась просто торчать в комнате, словно груда ненужного тряпья.

— Ну да, — вмешалась я, — и Шона Уокера она тоже убила. Стоит ли удивляться?

— Да, — ответила Уайт. — Мы об этом узнали уже после несчастия. Иначе мы бы не допустили этого.

— Прекрасно. Рада слышать, что вы считаете это некоторым перегибом. Но, полагаю, вы не слишком расстроились.

— Это не слишком честно. — Уайт посмотрела на меня умными большими глазами. — Вы многого не понимаете, Чейз.

— Речь не о том, что честно, а что нет, — отрезала я. — Речь о том, что случилось на самом деле.

Алекс подмигнул мне, и я поняла намек: «сам разберусь».

— Что вы сделали, узнав о том, как она поступила с Уокером? — спросил он.

— Я стал ее лечить, — сказал Боланд.

— Но не стиранием памяти?

— Нет. Я полагал, что в этом нет нужды.

— Лечение не помогло, — заметила я.

— У Мэдди был сильный стресс, — продолжал Боланд. — Но я полагал, что с ней все будет хорошо.

— И вы не могли передать ее в руки властей?

Глаза Класснера сузились.

— Нет. Мы бы предпочли так поступить, но это было невозможно.

— В конце концов, она убила Тальяферро.

— Это стало трагедией для нас, — проговорил Боланд. — Мы не думали, что она настолько опасна. Даже после гибели Джесса мы так не считали. Вернее, я не считал: буду говорить за себя. Даже после этого. Я не верил, что она его убила. У нее не было никаких причин.

— Он собирался нас предупредить, — сказал Алекс.

— Да. Но не сообщил нам, что у Мэдди снова нелады с психикой. Поэтому мы ничего не могли узнать. Она утверждала, что Джесс свалился с крыши Архива — спешил и отвлекся.

— У людей есть странная привычка: падать с большой высоты, если Мэдди рядом, — заметила я.

Глаза Уайт вспыхнули.

— Не верю, что она убила Тома. Это действительно был несчастный случай. Она любила его. Ради Тома она была готова на все.

— Мы не знали, — сказал Класснер, — что она решила устроить на вас охоту на базовой станции. Мы были убеждены, что она тяжело переживает смерть Джесса. А когда отправились ее искать и не нашли, забеспокоились. Потом оказалось, что «Матильда» исчезла.

— Кто такая Матильда? — спросил Алекс.

— Наш корабль. Полагаю, вы его видели. «Чесапик».

— Его больше нет, — сказала я, вложив в свои слова больше удовлетворения, чем приличествовало.

Взгляд Уркварта был устремлен на лес за окном.

— Я же тебе говорил, — сказал он Класснеру, — не стоило сюда приезжать. — Он посмотрел на меня. — Мы никогда не одобряли действий Мэдди. Мы пытались ее остановить. Мы делали все, что могли. Неужели это так сложно понять?

— Да, — ответила я, — вы не одобряли. Но вы знали. Вы знали и тайно радовались возможности убрать Уокера, не марая в крови собственных рук. Скорее всего, вы знали, что Тальяферро грозит опасность. А если вы не знали, что она собирается нас убить, то я скажу так: вам следовало это знать. Я вас презираю. Всех.

У Уркварта задрожала челюсть. Класснер кивнул: «Признаю свою вину». Уайт смотрела на меня, качая головой: «Все было совсем не так».

— Профессор, — спросил Алекс, — где Мендоса?

Класснер сидел на диване рядом с Уайт.

— Мертв, — ответил он. — Уже давно.

— Как он умер?

— Не так, как вы думаете, — с упреком сказал Класснер. — Сердечный приступ. Около девяти лет назад.

— Сердечный приступ? Процедура не сработала?

— Он не захотел ее проходить. Отказался. — Класснер глубоко вздохнул.

— Почему?

— Он считал, что предал Тома, и не хотел благ для себя такой ценой. Не хотел жить и при этом ясно осознавать, что он совершил.

— Однако некоторые из вас, похоже, неплохо приспособились.

Казалось, терпение Уркварта вот-вот лопнет.

— Мы вовсе не заявляем, что мы святые.

— Есть еще кто-нибудь, — спросил Алекс, — кроме вас? Те, кто знает об этом? Другие бессмертные?

Последние слова повисли в воздухе.

— Нет, — ответил Класснер. — Никто больше не знает, как все было.

— И никто больше не подвергался процедуре?

— Нет. Уоррен — единственный, кто умел ее проводить. Он поклялся, что после нас никто этому не подвергнется.

— Сам процесс где-нибудь описан? Вы знаете, как это делается?

— Нет. Он все уничтожил.

Какое-то крылатое создание ударилось об окно и упорхнуло прочь. Все долго молчали.

— Полагаю, вас можно поздравить, — наконец вымолвил Алекс.

Молчание затягивалось.

— С чем? — спросила я.

— Они похоронили труд Даннингера. Не дали им воспользоваться.

— Они присвоили его себе.

— Нет, — угрюмо и бесстрастно проговорил Боланд. — Это никогда не входило в наши намерения.

— И все же вышло именно так.

Уайт выставила перед собой руку с растопыренными пальцами, словно защищала себя.

— Слишком большое искушение, — сказала она. — Снова стать молодой. Навсегда. Кто устоит перед этим?

— Похоже, все дело в этом, — вздохнул Алекс. — Никто не смог сказать «нет». Кроме, пожалуй, Мендосы.

Разговор начинал меня раздражать.

— Ты говоришь так, будто они совершили нечто достойное восхищения.

Алекс ответил не сразу:

— Возможно, так оно и есть.

— Да брось, Алекс. Они похитили Даннингера. Они виновны, по крайней мере косвенно, в двух убийствах. — Я повернулась и посмотрела на них. Класснер не сводил с меня взгляда. Боланд смотрел в окно, явно желая оказаться где-нибудь в другом месте. Уайт полностью ушла в себя. Уркварт вызывающе сверкал глазами. — Вы присвоили открытие себе, отказав другим в праве на него. Вряд ли это можно назвать благородным поступком.

— Если бы мы не вмешались, — возразил Боланд, — население Окраины за последние шестьдесят лет удвоилось бы. На Земле сейчас жили бы двадцать с лишним миллиардов человек.

— Вовсе не обязательно, — заметила Уайт. — На Земле и близко не хватит ресурсов, чтобы обеспечивать столько народу. Миллионы людей попросту умерли бы — от голода и болезней, в войнах за природные ресурсы. Власть рухнула бы повсюду. Большинство выживших людей пребывали бы в нищете.

— Это неизвестно, — возразила я.

— Нет, известно. — Уайт была непреклонна. — Достаточно взглянуть на цифры. Производство продовольствия, чистая вода, даже жизненное пространство. Энергия. Медицинская помощь. Всего этого просто не хватит для двадцати с лишним миллиардов. То же случилось бы и с нами при удвоении населения. Чейз, вам надо что-нибудь почитать на эту тему.

— Черт побери, — бросила я, — кто дал вам право вершить судьбы миллионов?

— Никому другому это не было подвластно, — ответил Класснер. — Либо мы берем дело в свои руки, либо все идет так, как предполагал Даннингер.

— Вам не удалось его разубедить? — спросил Алекс.

Класснер закрыл глаза:

— Нет. Он лишь повторял, словно мантру: «Нужно преподнести им этот дар, и они сами решат, как жить дальше».

— Есть другие планеты, — сказала я. — Там могли бы помочь, стоило лишь попросить.

Уркварт фыркнул.

— Везде было бы то же самое, — бархатным баритоном проговорил он. — Приливная волна захлестнула бы все порты. Че-

ловечество обрекло бы себя на невиданные страдания и катастрофы.

Наверху, словно присоединяясь к разговору о всеобщей гибели, пробили часы. Девять тридцать. Снаружи слышались крики играющих детей.

— Где вы брали деньги? — спросил Алекс. — Чтобы проверить такое, требовались немалые средства.

— У Совета имелся резервный фонд. В случае серьезной необходимости можно было получить к нему доступ.

— Значит, отдельные члены Совета все знали?

— Вовсе не обязательно. Но вообще-то Совету об этом было известно. Не всем его членам, конечно.

— Они считали, что вы поступаете правильно?

— Господин Бенедикт, их повергала в ужас перспектива раскрытия тайны.

— И они не просили ею поделиться?

— Они не знали, что Даннингер уже получил результат. И им не было известно в точности, что частью проекта является процесс омоложения. А мы не говорили об этом, вот и все.

— Как долго вы рассчитываете прожить? — спросила я. — Неопределенно долго?

— Нет, — ответил Боланд. — Наноботы не всесильны и не могут полностью восстанавливать стволовые и нервные клетки.

— Если отменить возможность несчастного случая, — сказал Класснер, — мы проживем около девятист лет. Так считал Уоррен.

— Наша жизнь, — добавила Уайт, — выглядит иначе, чем может показаться вам. Нам пришлось бросить все самое дорогое, в том числе наши семьи. Сегодня мы не можем вступать в долговременные отношения, заключать брак, иметь детей. Понимаете, о чем я?

Класснер сложил перед собой ладони и коснулся их губами, словно в молитве.

— Послушайте, — заявил он, — сейчас все это не имеет значения. Рассказав обо всем властям, вы добьетесь того, что нас накажут. Но эта история станет эпохальной. Каждый ученый захочет взять кровь на анализ у кого-нибудь из нас, и в итоге наш секрет раскроют. Сейчас вопрос заключается в том, что предполагаете делать вы и ваша помощница.

И в самом деле — что?

На улице начинало темнеть. Собирались тучи. Зажглись четыре лампы — по одной у каждого конца дивана, одна в углу комнаты и одна на столике рядом с Урквартом.

Класснер откашлялся. Не важно, как выглядел этот человек, молодо или нет: он привык, что к нему прислушиваются.

— Мы благодарны вам за то, что вы не выдали нас сразу же. Как видно, вы осознаете последствия поспешных решений.

— Вашей репутации это вряд ли бы повредило, профессор.

— Моя репутация здесь ни при чем. Мы рисковали всем ради нашего общего дела.

Глядя на китель Мэдди, я думала о том, как прекрасна жизнь, как хороши молодые мужчины, пончики с повидлом, закаты над океаном, ночная музыка и вечеринки на всю ночь. Что случится с нашим образом жизни, если тайное станет явным?

В течение всего разговора я пыталась найти компромисс: обрести вечную молодость и одновременно убедить людей отказаться от деторождения.

Но такого не могло случиться.

— Не беспокойтесь, — изрек Алекс. — Мы сохраним вашу тайну.

Было слышно, как все облегченно вздохнули. Должна признаться, что в тот момент я не имела понятия, как обернется дело. Я просто злилась — на Алекса, на Класснера, на всех. Собравшиеся начали вставать, на лицах засветились улыбки.

— Одну секунду, — сказала я, а когда все повернулись ко мне, продолжила: — Алекс говорит сам за себя. Я в этом не участвую.

ГЛАВА 28

Как волны вечно к берегу несутся,
Спешат минуты наши к их концу.

Уильям Шекспир. Сонет 60.
(Перевод М. Чайковского)

Я сидела, размышляя о том, как изменил этих людей дар Данингера — их взгляд на будущее, способность к сопереживанию, чувство меры. Каково это — не задумываться о старости, воспринимать всех остальных как бабочек-однодневок?

С неба начали падать большие мокрые снежные хлопья. Ветра не было, и они опускались по вертикали. Мне же хотелось настоящей метели, которая похоронила бы возникшую проблему.

Все взгляды были устремлены на меня. Класснер спокойно и рассудительно извинился за то, что обо мне забыли.

— Чейз, вы наверняка понимаете, что благоразумнее всего не распространяться об этом.

Я с трудом верила, что разговариваю с Мартином Класснером, гением космологии прошлого века, который выздоровел, каким-то образом вернулся к жизни и теперь сидел у нас в гостиной. И не только потому, что это выглядело невероятным с точки зрения биологии. Мне не верилось, что такой человек мог знать о Мэдди и не сумеет ее вылечить или, по крайней мере, обезвредить.

— Не уверена, — ответила я. — Вам, Мартин, лучше всех известно, что значит быть стариком. Бессильно наблюдать, как уходят годы. Ощущать первые боли в суставах и связках. Видеть, как тускнеет окружающий мир. В вашей власти было вмешаться, сделать так, чтобы людей не предавали их собственные

тела. Но вы ничего не сделали. За шестьдесят лет вы и пальцем не пошевелили.

Он хотел что-то сказать, но я его оборвала:

— Мне известны ваши доводы. Я знаю, что такое перенаселение. Если я и не понимала этого раньше, то вполне осознала за последние несколько недель. Перед нами — этическая дилемма. Вы утаили от всех дар Тома Даннингера. Нет, ничего не говорите. У вас и ваших друзей было бы куда больше прав рассуждать об этике, если бы вы не воспользовались представившейся возможностью.

— Какой смысл ставить под сомнение все, чего мы добились, — громогласно заявил Уркварт, — только потому, что мы не устояли перед искушением? Наше поражение лишь подтверждает правильность наших действий.

— Вы правы. Все очень серьезно. Алекс пообещал сохранить вашу тайну. Но я не стану этого делать. Не вижу никаких убедительных причин для того, чтобы вас защищать.

— В таком случае, — сказал Класснер, — вы обречете всех на гибель.

— У вас есть склонность преувеличивать, Мартин. В вашей власти остановить процесс старения — или не делать этого. Вы считаете, что люди будут умирать в любом случае. И в большом количестве. Но если средство станет общедоступным, возможно, мы научимся с этим жить. Мы пережили ледниковые периоды, черную смерть, бог знает сколько войн, тысячелетия политических глупостей. Мы даже ввязались в войну с единственной разумной расой, найденной нами. Вот сколько всего мы пережили. Переживем и это.

— Вы не понимаете, — сказала Уайт. — Тут все по-другому.

— Каждый раз оказывается, что все по-другому. Знаете, что не так с вами четверыми? Вы слишком легко сдаетесь. Вы рассуждаете: есть некая проблема, и надо устроить так, чтобы не решать ее. — Я посмотрела на бесстрастно сидевшего рядом Алекса. — А я говорю: давайте выложим формулу Даннингера на стол, чтобы любой человек смог с ней ознакомиться. Ну а потом побеседуем на эту тему. Как взрослые люди.

— Нет, — сказала Уайт. Взгляд ее приобрел загнанное выражение. — Вы и в самом деле ничего не понимаете.

— Да, не понимаю. Я не понимаю, почему вы сдаетесь без борьбы. Я не хочу прожить остаток жизни, глядя, как умирают люди, и зная, что у меня есть возможность их спасти.

Возле глаз и в углах рта Боланда пролегли морщины, взгляд стал страдальческим.

— Сделаем так: в ближайшие дни мы с вами свяжемся, и один из вас предоставит образец своей крови. Мы отдадим его на анализ, и пусть будет что будет. Я не стану говорить, где взяла его, не стану рассказывать про вас или про «Полярис». Ваша репутация несколько не пострадает, вы счастливо проживете тысячу лет или около того. Скажу, однако, вот что: если вы действительно так благородны, как считаете сами и как хотелось бы считать мне, вы расскажете о себе. Вы признаетесь в своих поступках и вынесете вопрос на всеобщее обсуждение.

Они ожидали совсем не этого. Алекс хмуро пожал плечами — «надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

Мои слова, как говорится, положили конец дискуссии. Все начали подниматься. Класснер выразил надежду, что, поразмыслив, я передумаю. Уайт сжала мою руку, закусив губу. На глазах ее выступили слезы.

Уркварт попросил меня не делать до утра ничего непоправимого.

— Когда все начнется, — сказал Боланд, — когда правительства станут вводить жесткие меры по ограничению рождаемости, когда нам станет негде жить, когда обозначатся первые признаки голода, во всем этом будете виновны вы.

Один за другим они вышли, глядя на Алекса, молчаливо умоляя его использовать все свое влияние, чтобы образумить меня. Я смотрела, как они идут под все более сильным снегом к посадочной площадке и забираются в скиммер. Никто не оглянулся. Дверца захлопнулась, машина поднялась в небо и быстро скрылась среди туч.

Алекс спросил, хорошо ли я себя чувствую.

Чувствовала я себя неважно. Только что я приняла, возможно, главное решение в истории человечества. Мне было в высшей степени не по себе.

— И все-таки, — сказал он, — ты поступила правильно. Нам ни к чему тайные заговоры.

— Но ты же был на их стороне.

Мы стояли на террасе, глядя, как снег залепляет окна. Алекс приложил ладонь к стеклу, чтобы ощутить холод.

— Знаю, — ответил он. — Это был самый простой выход. И самый безболезненный. Но ты права. Об этом должны знать

все. — Он поцеловал меня. — Подозреваю, однако, что дар одновременно окажется проклятием.

— Да. Людей станет слишком много.

— И это тоже. — Он опустил в кресло и задрал ноги. — Может оказаться, что неопределенно долгая жизнь станет не слишком... — он искал подходящее слово, — не слишком счастливой. И не слишком ценной.

Я сочла это полной чушью, о чем и сообщила.

Алекс рассмеялся:

— Ты прекрасная женщина, Чейз.

— Угу, я знаю.

— Как насчет того, чтобы поужинать где-нибудь?

Буря усилилась настолько, что деревьев на краю участка стало не видно.

— Ты серьезно? — спросила я. — В такую погоду?

— Почему бы и нет?

— Нет. Давай поужинаем здесь. Так безопаснее.

Мы уже заканчивали ужинать, когда нас прервал Джейкоб.

— Поступила новость, которая может вас заинтересовать, — сказал он. — Несколько минут назад над океаном что-то взорвалось. Что именно, пока неизвестно.

Господи. Я сразу же все поняла. И Алекс тоже.

— Как далеко, Джейкоб? — спросил он.

— Пятьдесят километров от берега. Над расщелиной.

Самое глубокое место океана.

— Судя по описанию, взрыв был достаточно мощным.

Черт.

— Говорят, что никто не выжил.

ЭПИЛОГ

Они были верны своему делу до конца.

Неизвестно, что они использовали в качестве взрывчатки, но властям удалось найти лишь обугленный фрагмент одной из антигравитационных гондол.

Интерес к «Полярису», вызванный годовщиной события и терактом в здании разведки, постепенно угас. Все вернулось на круги своя.

Мы сообщили нескольким микробиологам, что Даннингер, возможно, был на верном пути: есть серьезные основания так полагать. Нас заверили, что этим вопросом займутся.

Мортон-колледж до сих пор существует. Теперь он принадлежит фонду Локхарта, который специализируется на выращивании гениев.

Когда я вспоминаю то утро, мне всегда кажется, будто я присутствовала при двух разных разговорах — между Алексом и мужчинами и между Нэнси Уайт и мной.

Несмотря на ее молодость и энергию, мне отчего-то казалось, что она отчасти перестала быть человеком. Может быть, сознание того, что ты не постареешь — по крайней мере, не будешь стареть очень долго, — позволяет лучше осмыслить свое «я», отделить себя от обычных людей и вообще от природы. Возможно, в какой-то момент ты становишься почти что посторонним наблюдателем: он сочувствует человечеству так, как сочувствуют брошенному котенку, но полностью осознает, что он — иной.

Если люди, которых ты встречаешь каждый день, становятся для тебя чем-то временным, преходящим, их роль в твоей жиз-

ни неизбежно уменьшается. Допустим, ты слегка повредил скиммер Шона Уокера — так, чтобы тот вышел на орбиту. Что потеряет Шон? Всего несколько десятилетий. В ближайшем будущем он все равно бы умер. Разве не так?

Я часто думала об этом, сидя на крыльце в конце дня, перед тем как отправиться домой. В то утро Нэнси Уайт говорила, что ей пришлось отказаться от всех, кого она знала, от всего, что было ей знакомо, — и начать жизнь заново. Но она пыталась сказать мне и еще кое-что. Думаю, то же самое, что позже сказал Алекс: подарок может одновременно оказаться проклятием. И сама она стала кем-то другим — метачеловеком, человеком нового вида, еще кем-нибудь. Возможно, со мной пыталась выйти на связь изначальная Нэнси Уайт, запертая где-то внутри.

Я уже рассказывала о кладбище на краю леса. Его как следует не разглядеть, если только не подняться на четвертый этаж. Но с тех пор, как Класснер и компания нанесли нам визит, не было ни дня, чтобы я о нем не думала. Когда я прилетаю сюда каждое утро, опускаясь между деревьями, мой взгляд привлекают белые надгробия и каменные фигуры. Последняя остановка. Пункт назначения. Теперь я понимаю это чуть лучше, чем раньше.

Кладбище каждый день напоминает мне о словах Класснера, сказанных в ответ на мое заявление, что я не собираюсь молчать ради них. «В таком случае вы обречете всех на гибель». Всерьез так никогда не утверждают, и я решила, что он преувеличивает, что он имеет в виду не только собравшихся в той комнате, но и все человечество. Но похоже, Класснер говорил о другом. Мы были в офисе, а он намекал на взрывчатку, заложенную в скиммер на тот случай, если встреча пойдет не по плану.

И она действительно пошла не по плану.

— Думаю, мы все же получили ответ на один вопрос, — сказал Алекс.

— На какой?

— Мэдди в самом деле отклонилась от нормы. Если тебе продлили жизнь, это вовсе не означает, что ты пересташь быть человеком.

— Куда разумнее было бы взорвать нас...

— Совершенно верно. А они нашли изящное решение.

— Изящное? Ты называешь самоубийство изящным решением?

Алекс улыбался от уха до уха:

— Ты уверена, что они погибли?

— Алекс, — сказала я, — это наверняка был их скиммер. Они так и не вернулись в Мортон. И никто больше не пропал без вести.

Он кивнул в сторону кителя Мэди:

— Чейз, не забывай: это те люди, которые исчезли с «Поляриса».

Макдевит Дж.

М 15 Полярис : роман / Джек Макдевит ; пер. с англ. К. Плешкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 384 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-07092-9

История о «Летучем голландце» далекого будущего...

«Полярис», роскошная космическая яхта с богатыми знаменитостями на борту, отправляется в дальний космос, чтобы наблюдать за редким событием — столкновением двух звезд. Возвращаясь на родную планету, корабль исчезает, а когда его обнаруживают, на нем нет ни экипажа, ни пассажиров. И вот, через шестьдесят лет, Алекс Бенедикт, торговец антиквариатом, желая приобрести на аукционе некоторые предметы с «Поляриса», неожиданно выясняет, что кто-то пытается уничтожить все артефакты, связанные со злополучным кораблем, а заодно и всех тех, кто имел с ними дело или даже случайно оказался поблизости.

На русском языке роман публикуется впервые.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК МАКДЕВИТ
ПОЛЯРИС

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Нина Тюрина

Подписано в печать 05.05.2014. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ № 0501/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, наб. Робеспьера, д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

HKNF1508701R

Макдевит — лучший из авторов,
пишущих в наше время о дальнем космосе.

The Denver Post

Что, если бы Дэшил Хэммет решил вдруг
писать научную фантастику? Джек Макдевит дает на это
убедительный ответ своим романом «Полярис».

Publishers Weekly

Еще одна умная и захватывающая сага о далеком будущем
от ведущего автора современной фантастики.

Booklist

Макдевит сделал все для того, чтобы мы, читая его,
сидели как на иголках.

The Florida Times-Union

Соединение приземленного и космического —
вот что сделало Макдевита одним из самых интересных
современных писателей.

Locus

Макдевит отдает дань уважения своим великим
предшественникам тем, что пишет на их уровне.

Пол гу Филиппо

За последнее десятилетие Джек Макдевит — один
из лучших создателей вымышленных миров.

Midwest Book Review

Джек
Макдевит

полярис

Макдевит — лучший из авторов,
пишущих в наше время о дальнем космосе.

The Denver Post

Что, если бы Дэшил Хэммет решил вдруг
писать научную фантастику? Джек Макдевит дает на это
убедительный ответ своим романом «Полярис».

Publishers Weekly

Еще одна умная и захватывающая сага о далеком будущем
от ведущего автора современной фантастики.

Booklist

Макдевит сделал все для того, чтобы мы, читая его,
сидели как на иголках.

The Florida Times-Union

Соединение приземленного и космического —
вот что сделало Макдевита одним из самых интересных
современных писателей.

Locus

Макдевит отдает дань уважения своим великим
предшественникам тем, что пишет на их уровне.

Paul Gil Filippino

За последнее десятилетие Джек Макдевит — один
из лучших создателей вымышленных миров.

Midwest Book Review

Джек
Макдевит

полярис

